

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

The Artist in Russia as a Prophet

Women's Destiny in the Russian Empire

The Mysteriousness of Mikhail Prishvin

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 12 | 2024 | № 2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Зарегистрирован как научное пе-
риодическое издание Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (свидетельство
о регистрации ПИ № ФС77-56174
от 15.11.2013)

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media (Journal
Registration Certificate (PI № FS77-
56174 as of 15.11.2013)

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. 620075, Россия,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 335
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 335, 51 Lenin Ave.,
620075, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU / UK, Oxford, Bodleian Library)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Prof. **Türkan Olcay** (Turkey, Istanbul University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Wang Jiaxing** (China, Nanjing University); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ / Великобритания, Оксфорд, Бодлианская библиотека)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **Ван Цзясин** (Китай, Нанкинский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-Ж. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); проф. **Т. Олджай** (Турция, Стамбульский университет); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<i>Larisa Soboleva. Creative Personality as an Historical Imperative</i>	389	<i>Larisa Soboleva. Creative Personality as an Historical Imperative</i>	389
--	-----	--	-----

Problema voluminis

Художник XX века: рефлексия современности и прозрение будущего		20 th -Century Artists: Reflecting on the Contemporary and Insight into the Future	
<i>Matthew Klopfenstein. "Tashkent Has Gained Sad Glory": The Death of Vera Komissarzhevskaya and the Limits of Russian Culture in Late Imperial Turkestan</i>	403	<i>Matthew Klopfenstein. "Tashkent Has Gained Sad Glory": The Death of Vera Komissarzhevskaya and the Limits of Russian Culture in Late Imperial Turkestan</i>	403
<i>Тигран Симян. Сергей Параджанов в поисках идентичности: между самопохоронами и рефлексией о смерти</i>	422	<i>Tigran Simyan. Sergei Parajanov in Search of Identity: Between Self-Burial and Reflection on Death</i>	422
<i>Татьяна Снигирева, Анна Меньщикова. «Вспышка сознания в беспамятстве дней»: пророческий дар Анны Ахматовой.</i>	436	<i>Tatyana Snigireva, Anna Menshchikova. "A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days": Anna Akhmatova's Prophetic Gift.</i>	436
<i>Корнелия Ичин. Мыслить свет: творчество Эрика Булатова</i>	449	<i>Kornelija Ičin. Thoughts of Light: Erik Bulatov's Creative Work.</i>	449
<i>Anna Suvorova. Outsider Art and Psychiatry in the Late Soviet Period</i>	461	<i>Anna Suvorova. Outsider Art and Psychiatry in the Late Soviet Period</i>	461
Михаил Пришвин: персонализм – эго-документ – экосознание		Mikhail Prishvin: Personalism – Ego-document – Eco-consciousness	
<i>Елена Созина. «Трагедия правды» в географии Чащи Михаила Пришвина</i>	473	<i>Elena Sozina. "The Tragedy of Truth" in the Geography of Mikhail Prishvin's Grove</i>	473
<i>Татьяна Викторова. Мистериальная традиция в повести Михаила Пришвина «Мирская чаша»</i>	492	<i>Tatiana Victoroff. Mystery Tradition in Mikhail Prishvin's Novel The Worldly Cup</i>	492
<i>Александр Медведев. «Природа вся персональна»: Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина</i>	506	<i>Aleksandr Medvedev. "Nature is All Personal": St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin</i>	506
Женщина: любовь, семья и политика		Women: Love, Family, and Politics	
<i>Ангелина Вачева. Женская индивидуальность и общественные конвенции эпохи Просвещения в переписке Валентина Жамре-Дювала и Анастасии Соколовой</i>	523	<i>Angelina Vacheva. Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova</i>	523
<i>Ксения Созинова. Социокультурные и дидактические аспекты личной переписки М. М. Сперанского с дочерью и британскими родственниками супруги</i>	539	<i>Kseniya Sozinova. Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's Personal Correspondence with his Daughter and British Relatives of his Wife.</i>	539

СОДЕРЖАНИЕ

Арина Новикова. Церемониал приема супруг дипломатов при российском императорском дворе восемнадцатого века557

Олег Русаковский. Женщины и дети в иноземных наемных полках в годы Смоленской войны571

Анастасия Видничук. Стратегии женского поведения в суде восемнадцатого века (по материалам Сыского приказа).....587

Ксения Сак. Женская повседневность в оккупации: сексуальное насилие в документах и советской пропаганде601

Origines

Елена Пирогова. Брак без любви, любовь вне брака: женщина в дворянской семье восемнадцатого века619

CONTENTS

Arina Novikova. The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century557

Oleg Rusakovskiy. Women and Children in Foreign Mercenary Regiments During the Smolensk War571

Anastasiya Vidnichuk. Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery)587

Ksenia Sak. Women's Daily Life in the Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda601

Elena Pirogova. Marriage without Love, Love outside Marriage: A Woman in the Eighteenth-century Noble Family619

Disputatio

Даниил Манин. Формирование социальных связей в посольстве П. И. Потемкина во Францию (1680–1682)..... 643

Наталья Гурьянова. Творческое наследие Максима Грека и процесс формирования духовно значимых для старообрядчества текстов660

Вера Соловьева. Мобилизация литературы: конструирование идеологии в советских «оборонных» журналах674

Константин Бугров. «Жемчужина Урала»: символический капитал, социальная инфраструктура и перспективы развития Миасса . .689

Daniil Manin. Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy to France (1680–1682)643

Natalya Gurianova. The Creative Heritage of Maksim Grek and the Formation of Spiritually Significant Texts for the Old Believers660

Vera Solovyeva. Mobilisation of Literature: The Construction of Ideology in Soviet 'Defence' Magazines674

Konstantin Bugrov. "The Pearl of the Urals": The Symbolic Capital, Social Infrastructure, and Development Prospects of Miass689

Hereditas: nomina et scholae

Владимир Бабенко. Всеволод Мейерхольд: жизнь в ритме эпох709

Vladimir Babenko. Vsevolod Meyerhold: Life in the Rhythm of Epochs709

Controversiae et recensione

Ольга Метель. Устная история «храма науки»: сборник интервью и воспоминаний сотрудников Института российской истории РАН.....729

Об авторах741

Сокращения.....747

Olga Metel. Oral History of the "Temple of Science": A Collection of Interviews and Reminiscences of the Staff of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences . 729

On the authors741

Abbreviations747

Creative Personality as an Historical Imperative

Wenn die Welt sich in zwei Teile spaltet,
geht der Riss durch das Dichterherz.

G. Heine¹

Quaestio Rossica № 2 (2024) explores the significance of creativity and the role of the creative individual in culture and history. The well-known statement by Heine, quoted in the epigraph, concerns not only the dramatic fate of artists and creators. These words encompass the belief that the fracture in history can be seen and verbalised primarily by them. This does not bring joy to those around the artist, but the poet's verbalised pain might save others from falling into the bottomless abyss of hatred and lies. Poetic metaphors, thus, can be translated into arguments based on documents and the revelation of historical-biographical and poetic-artistic contexts of the said metaphors.

The first theme of the issue, opening the *Problema voluminis* section, is *20th-Century Artists: Reflecting on the Contemporary and Insight into the Future*. Within its framework, the authors examine the lives, vicissitudes, and creative reflection of outstanding artists and creators at the turn of the twentieth century. The complexities of their life paths and experiences, the acceptance or rejection of their talent by those around them, and the manifestations of public outcry or indifference after their death are of the main interest to the researchers.

Matthew Klopfenstein (Columbia, USA), based on the journalism of that time, studies the reaction to the passing of the absolute idol of the early 1900s, actress Vera Komissarzhevskaya in Tashkent. The seeming absurdity of her death from smallpox, away from the capital, and her funeral shook the notion of the civilizational advantage of the Russian Empire, which was reflected in the speeches and descriptions of the funeral events in local publications. In *Tigran Simyan's* (Yerevan, Armenia) article about Sergei Parajanov, the carnivalization of death in the director's performances plays out at an unexpected angle. Parajanov seems to have been overcoming his fear of death through the humorous depiction of funerals (of his loved ones and himself) as an act of self-expression by a person persecuted and underestimated during the Soviet period.

¹ 'When the world splits in two, the rift goes through the poet's heart' (G. Heine).

Anna Akhmatova's work, filled with troubling premonitions and prophecies about time and fate, is examined in an article by *Anna Menshchikova* and *Tatyana Snigireva* (Yekaterinburg, Russia). The research is based on the study of the semantics of one poem, *From Sketches*, and the process of its creation, which is recorded in various ego-documents. The authors draw a conclusion about the significance of Akhmatova's philosophical insight; her long work on the text had been connected with thoughts about the apocalyptic nature of the time.

Two articles are devoted to creativity in the field of visual arts. The first, by *Kornelija Ičin* (Belgrade, Serbia), discusses the contemporary artist Erik Bulatov. His paintings sharpen the concept of artistic space, which simultaneously attracts and repels the viewer. He uniquely uses the written word, disappearing and emerging on the surface of paintings, encompassing multiple meanings. The researcher examines the transmission of the theme of light in paintings, the depiction of which becomes a reflection of the artist's anxiety, conveyed to the viewer. *Anna Suvorova's* (St Petersburg, Russia) article, dedicated to the art of late Soviet surrealism, continues to reflect on the paths of art in Soviet times [Суворова]. The authority's right to define the mental boundaries in art by relegating the artist with their unconventional vision of the world to the realm of psychiatry gradually in the late Soviet period converges with the art-historical approach to otherness and the recognition of a person's right to an individual interpretation of the axiology and structure of the world.

Among the creators who tragically reimagined the new era, first sensing the demands of the culture of the future and a new type of theatrical performance, is Vsevolod Meyerhold. His complicated biography, brilliant insights, personal and creative relationships with his surroundings, and unsuccessful attempts to overcome the Stalinist machine of repression through his artistic genius are recalled in *Vladimir Babenko's* (Yekaterinburg, Russia) article in the *Hereditas: nomina et scholae* section.

Vera Solovyeva's (St Petersburg, Russia) article describes the unsuccessful attempts to transform the space of art under the patronage of state ideology to cultivate a person loyal exclusively to the party and the state. The author notes the formation of new motifs of an ideological and educational nature in the defence journals of the 1930s, all of which would later constitute the conflict-thematic basis of socialist realism literature and prepare more extensive plots for the pre-war mass culture with its propaganda focus on intensifying class confrontation.

An unconventional perspective on the work of a writer is revealed through a series of articles dedicated to the features of Mikhail Prishvin's creative consciousness, a discussion that began in our journal in 2019 [see: Дворцова]. These articles address the philosophical side of the writer's work, expressed in several of his works and diaries. Prishvin perceived existence as a combination of opposing systems: the humanised philosophical

nature and the inhuman attitude toward its resources by an indifferent surrounding. His poignant descriptions of nature are intertwined in his works with the anthroposophy of life's processes. *Elena Sozina* (Yekaterinburg, Russia) examines the possibility of understanding the path of history by comprehending truth as the main goal of life (essays from the book *Berendey's Grove* and the tale *Shiptimber Grove*).

Tatiana Victoroff's (Strasbourg, France) article is dedicated to revealing not only the philosophical but also the metaphysical essence of Prishvin's work, using the example of the story *The Worldly Cup*. The author sees in the story the embodiment of the European mystery tradition, associated with the mythological symbol of the eucharistic chalice and the plot of the search for the Grail, and outlines the verbal-cultural context of the mystery idea in the works of Silver Age writers.

The final chord belongs to *Aleksandr Medvedev* (Tyumen, Russia), whose article reveals the reflection of ideas about the Sophia of all natural phenomena, characteristic of the views of St Francis of Assisi and the Franciscans, in the works of Mikhail Prishvin. The author supports the idea of the deep and special philosophical nature of the writer's works. The ontological essence of his views, according to the researcher, lies in understanding the purpose of creating the world for the sake of man.

Continuing the research line of previous publications are several articles related to gender topics (*Women: Love, Family, and Politics* section). Attention to this theme is due to the desire to understand the role of women in various historical and cultural contexts based on newly discovered documentary evidence. The use of historical documents, personal letters, and diaries allows us to clarify the ways women overcame limitations on their life circumstances. The female world unfolds in front of the researchers with new twists in intellectual reflections of a personal and socio-cultural nature, as well as extraordinary actions. *Angelina Vacheva's* (Sofia, Bulgaria) article shows the history of correspondence in the eighteenth century between the French philosopher Valentin Jamerai-Duval and the Russian aristocrat Anastasia Sokolova. The article is a logical continuation of the material previously published [Вачева]. The author presents various facets of the spiritual searches of the characters, represented in their unique correspondence, published by a research group in France (Paris, 2019). Despite their differences in age, social status, and lifestyle, these historical figures found important points of contact in their reflections, often revealing those sides of the inner world that were unexpected even for the correspondents themselves.

Private letters formed the basis of *Kseniya Sozinova's* (Yekaterinburg, Russia) research, studying the correspondence of M. M. Speransky, a politician and official of the Russian Empire, with his daughter and the British relatives of his late wife, Elizabeth Jane Stevens. Despite his wife's untimely death, Speransky was genuinely concerned with preserving family

ties with Britain to cultivate European culture for his daughter, especially since both his wife's father and brother were at the centre of London's artistic world and connected with diplomatic circles.

The fate of the eighteenth-century noblewoman Natalya Koltovskaya, daughter of Ural industrialist A. F. Turchaninov, and her struggle for an opportunity to make her own choices in love and relationships is presented in *Elena Pirogova's* (Yekaterinburg, Russia) article. In addition to interesting facts about the heroine's complex biography, the article is accompanied by the publication of letters reflecting various facets of love and family conflict from her life. Their content reveals the clash between the individual and family traditions, the strength of the female character, charm, and the ability to use high-ranking friends (G. Derzhavin, Paul I) to achieve her goals. The article and the relevant ego-documents are published in the *Origines* section.

Women's involvement in the social sphere acquired complex ritualised forms in the context of diplomatic service. Diplomat wives, as shown in *Arina Novikova's* (Moscow, Russia) article, were inducted into imperial court ceremonies alongside their diplomat husbands in complex ways. The rules for reception, developed at the court of Anna Ioannovna, reveal how much the recognition of the empress as head of state did not ease the establishment of a dignified status for diplomats' wives.

The reverse side of women's fate, connected with trials experienced within foreign mercenary regiments in the 1630s, caught the attention of historian *Oleg Rusakovskiy* (Yerevan, Armenia). Based on business and private documents, the author describes the situation of the wives, mistresses, and children of foreign soldiers and officers. The article examines the specifics of their arrival in Russia, along with their legal and property status, and the attitude of Russian authorities, including abuses related to the illegal service of minors.

The legally unsuccessful attempts of women in the eighteenth century to ease their plight in the courts are presented in *Anastasiya Vidnichuk's* (Moscow, Russia) work. The defence tactics of the defendants were limited to false testimonies about their elevated social status or suffering from physical violence, with the most effective argument being pregnancy, as the state was concerned not only with increasing the population but also with the fear of destroying an innocent child's soul. Although the courts showed no leniency, women did not abandon hope for sympathy, often using strategies of deception and false accusations.

The exploitation of female attractiveness for survival and women's simultaneous exposure to sexual violence, with no form of protection in conditions of military occupation, led to a sense of impunity and a surge in crime among male combatants during the Second World War. The study of this issue through archival documents and journalism from the war is presented in *Ksenia Sak's* (Moscow, Russia) article. Even

if moments of sensuality or voluntary consent to intimate relations appeared in the interactions of opposing sides, society not only condemned these relations but also cruelly persecuted them. The victims were often reluctant to publicise what had happened. As a result of such public pressure, the authorities did not strive to uncover all sexual crimes or cases of forced prostitution. Patriotic demands of ideological service nullified not only intimate experiences but also real facts.

The *Disputatio* section opens with an article by *Daniil Manin* (Yekaterinburg, Russia), who looks at the second embassy of Peter Ivanovich Potemkin to France at the end of the seventeenth century. Russia pursued a policy of integrating into the “family” of European countries, and diplomats seemed to use various methods to that end, including formal diplomatic channels and personal contacts.

The creative use of the legacy of the sixteenth-century writer and theologian Maksim Grek, aimed at proving to the Old Believers the correctness and antiquity of the tradition of a two-fingered sign of the cross, became the focus of *Natalya Gurianova’s* (Novosibirsk, Russia) attention. Reference to the polemical collections of the eighteenth century shows the potential capabilities of the Old Believers in seeking arguments, using rhetoric, and the hermeneutic culture acquired in the process of opposing the official church. The image of the saint who faced persecution supported the authority of his writings for the Old Believers.

A creative approach to nature and urban landscapes can become not only a crucial criterion for preserving historical memory but also a factor in the potential development of a territory. In *Konstantin Bugrov’s* article (Yekaterinburg, Russia), dedicated to the southern Ural city of Miass, located near the “Pearl of the Urals” – Lake Turgoyak, the history of the city as a tourist, scientific, and industrial centre is accompanied by reflections on further developing an attractive living space in the region. According to the researcher, only the support of all three components – the “symbolic capital” of the city – can produce an effect on the population’s readiness for a new turn in the vital history of urban planning.

The journal concludes with a review by *Olga Metel* (Omsk, Russia) of a collection of memoirs by employees of the academic Institute of Russian History (*Controversiae et recensiones* section). The author acknowledges important characteristics of the scholars and studies, individual facts from their biographies, and the emergence of knowledge in the humanities under Soviet political ideology as documented by these memoirs. Examples of external submission and internal disagreement are vividly reflected in the uncensored oral narratives presented in the interviews.

Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Когда мир раскалывается надвое,
трещина проходит через сердце поэта.

Г. Гейне

В этом номере особое внимание обращено на значение творчества и роль творческой личности в культуре и истории. Всем известно высказывание Гейне, приведенное в эпиграфе, касается не только драматической судьбы творцов. В этих словах скрывается убеждение, что разлом видится и вербализируется прежде всего ими. Это не приносит радости окружающим, но боль поэта способна спасти от падения в бездонную пропасть ненависти и лжи. Поэтические метафоры переводятся авторами статей в аргументы на основе документов и раскрытия контекстов историко-биографического и поэтико-художественного плана.

Первая тема, открывающая рубрику *Problema voluminis*, – *Художник XX века: рефлексия современности и прозрение будущего*. В ее рамках рассматриваются проблемы жизненных перипетий и творческой рефлексии выдающихся творцов культуры и искусства на переломе эпох, сложности их жизненного пути и переживаний, принятие или отторжение их таланта окружающими, проявления общественного стресса или равнодушия после их смерти.

О реакции на уход кумира своего времени актрисы Веры Комиссаржевской, волей случая случившийся в Ташкенте, на основании публицистики того времени рассказывается в статье *Мэтью Клоппенштейна* (Колумбия, США). Нелепость смерти от оспы и похороны Комиссаржевской поколебали представление о цивилизационном преимуществе Российской империи, что отразилось в выступлениях и описании событий похорон актрисы в местных изданиях. В статье *Тиграна Симяна* (Ереван, Армения) о творческой судьбе Сергея Параджанова в неожиданном ракурсе обыгрывается тема карнавализации смерти в перформансах режиссера. Преодоление им страха смерти происходило через смеховое изображение похорон (своих близких и себя самого) как акт самовыражения личности, преследовавшейся и недооцененной в советское время.

Тревожными предчувствиями и пророчествами о времени и судьбе было наполнено творчество Анны Ахматовой, рассмотрению которого посвящена статья *Анны Меньшиковой и Татьяны Снигиревой* (Екатеринбург, Россия). На основании изучения семантики стихотворения «Из набросков», процесс создания которого уточнен по разным эго-документам, сделан вывод о значимости философского прозрения Ахматовой. Ее долгая работа над текстом была связана с мыслями об апокалиптической сути времени.

Личное переживание бега времени, несущего новые войны и вымирание «людского племени», передается читателю в совершенных поэтических образах, что, собственно, и являет собой «спасательный круг» для цивилизации.

Две статьи посвящены творческим поискам в сфере изобразительного искусства. Первая – авторства *Корнелии Ичин* (Белград, Сербия) о современном художнике Эрике Булатове. В его живописи заостряется понятие художественного пространства, которое одновременно и втягивает, и отталкивает зрителя. Он уникально использует письменное слово, исчезающее и всплывающее на поверхности картин и вмещающее в себя множество смыслов. Слово в его графической реальности, открытое в живописи Средневековья, стало у автора-концептуалиста отражением материальности сознания. Исследователь рассматривает передачу в картинах темы света, изображение которого становится отражением тревоги мастера, передающейся зрителю. Продолжением размышлений о путях искусства в советское время стала статья *Анны Суворовой* (Санкт-Петербург, Россия), посвященная искусству позднего советского сюрреализма, проявившегося в работах художников-аутсайдеров, к творчеству которых автор уже обращалась на страницах нашего журнала [Суворова]. Право власти определять рамки ментального в искусстве через отнесение художника с его непривычным видением мира в область психиатрии постепенно в позднем советском периоде смыкается с искусствоведческим подходом к инаковости и признанием права человека на индивидуальную трактовку аксиологии и структуры мира.

К творцам, трагически переосмысливающим новую эпоху, первыми почувствовавшим запросы культуры будущего и нового типа театрального действия, относится Всеволод Мейерхольд. О его непростой биографии, гениальных прозрениях, личных и творческих отношениях с окружением, безуспешных попытках гениальностью преодолеть сталинскую машину репрессий напоминает статья *Владимира Бабенко* (Екатеринбург, Россия) в рубрике *Hereditas: nomina et scholae*.

Предпринятые на рубеже 1920–1930-х гг. усилия по трансформации пространства искусства под патронирование государственной идеологии с целью воспитания преданного исключительно партии и государству военного человека представлены в статье *Веры Соловьевой* (Санкт-Петербург, Россия). Автор фиксирует формирование в оборонных журналах 1930-х гг. новых мотивов идейно-воспитательного свойства (отречение от «отсталых» родителей-кулаков, предательство «отщепенцев» и появление идеальных образов преданных революции бойцов и т. п.) – всего того, что будет составлять конфликтно-тематическую основу литературы соцреализма и подготовит более развернутые сюжеты для массовой довоенной культуры с ее пропагандистской направленностью на обострение классового противостояния.

Нетривиальный ракурс творчества писателя открывает серия статей, посвященных особенностям творческого сознания Михаила Пришвина, разговор о котором был начат в нашем журнале в 2019 г. [см.: Дворцова]. Они касаются философской стороны его мировоззрения, выраженной в ряде его произведений и дневнике (рубрика *Михаил Пришвин: персонализм – эго-документ – экосознание*). Пришвину было свойственно восприятие бытия как сочетания противостоящих систем: очеловеченной философичной природы и нечеловеческого отношения к ее ресурсам со стороны равнодушного окружения. Проникновенное описание природы сопряжено в его произведениях с антропософийностью жизненных процессов. В статье *Елены Созиной* (Екатеринбург, Россия) рассматривается проблема понимания человеком исторического пути в осмыслении правды как главного целеполагания жизни (очерки из книги «Берендева чаща» и повесть-сказка «Корабельная чаща»). Образ чащи, загубленной человеком, становится символом уничтожения целостности мироздания. Писатель рассматривает превращение духовно наполненной природы в бездуховную древесину как удовлетворение утилитарных потребностей за счет утраты души природы.

Раскрытию в творчестве Пришвина не только философских, но и метафизических сущностей на примере повести «Мирская чаша» посвящена статья *Татьяны Викторовой* (Страсбург, Франция). Автор справедливо видит в повести воплощение европейской мистериальной традиции, связанной с мифологическим символом евхаристической чаши и сюжетом поиска чаши Грааля, и очерчивает словесно-культурный контекст мистериальной идеи в творчестве писателей Серебряного века, их преобразующую веру в сострадание, приближающее человека к Сыну Божию. В статье сформулирована цель творчества писателя, отраженная в данном сюжете, – воссоединение человека и Бога, воссоздание гуманистических отношений между людьми и проявление гармонии в природе. Завершающий аккорд принадлежит статье *Александра Медведева* (Тюмень, Россия), раскрывающего преломление идей о софийности всех природных явлений, свойственных воззрениям св. Франциска Ассизского и францисканцев, в творчестве Михаила Пришвина. Автор поддерживает идею об особой глубокой философичности произведений писателя. Онтологическая суть его воззрений, по мнению исследователя, состоит в понимании цели созидания мира во имя человека. Персонализм природы воплощает гармонию жизни. Христианское начало дорого Пришвину как важное проявление этического в мироздании, сопрягаемого с оптимистическим модусом бытия.

Продолжением исследовательской линии стали статьи, связанные с гендерной тематикой (рубрика *Женщина: любовь, семья и политика*). Внимание к теме обусловлено желанием понять роль женщины в разнообразных историко-культурных контекстах на основании новооб-

ретенных документальных свидетельств. Обращение к историческим документам, личным письмам и дневникам позволяет уточнить пути преодоления женщинами ограничений ментального и физического порядка. Женский мир привлекателен новыми поворотами интеллектуальных размышлений личного и социокультурного свойства, а также неординарными поступками. В статье *Ангелины Вачевой* (София, Болгария) показана история переписки в XVIII в. французского философа Валентина Жамре-Дюваля и русской аристократки Анастасии Соколовой. Статья является логическим продолжением материала, опубликованного ранее [Вачева]. Автор приводит разнообразные грани духовных поисков героев, представленные в их уникальной корреспонденции, изданной исследовательской группой во Франции (Париж, 2019). Будучи столь разными по возрасту, общественному положению, типу жизни, герои находили важные точки соприкосновения в своих размышлениях, зачастую раскрывая те стороны своего внутреннего мира, которые были в определенном смысле неожиданны для них самих. Сочетание легкого флирта с событиями каждодневного бытия и душевными переживаниями представляет к тому же важные страницы истории эмоций. Переписка показывает желание найти взаимопонимание как в житейски-бытовом аспекте, так и в исторически различных по генезису воззрениях на события и акторов происходящего.

Частные письма легли в основу исследования *Ксении Созиновой* (Екатеринбург, Россия), посвященного переписке политика и чиновника Российской империи М. М. Сперанского с дочерью и британскими родственниками его супруги Элизабет Джейн Стивенс. Несмотря на ее раннюю смерть, Сперанский был искренне озабочен сохранением семейных связей в целях воспитания европейской культуры у дочери, тем более что и отец, и брат жены находились в центре художественной культуры Лондона и были связаны с дипломатическими кругами. Приобщение к европейскому опыту частной и общественной жизни оказалось востребовано в российской культуре XVIII – первой половины XIX в., что хорошо чувствовал видный реформатор Сперанский.

Женская судьба дворянки XVIII в. Натальи Колтовской, дочери уральского промышленника А. Ф. Турчанинова, и ее борьба за возможность собственного выбора любовных отношений представлены в статье *Елены Пироговой* (Екатеринбург, Россия). Помимо описания интересных фактов непростой биографии героини, статья сопровождается публикацией писем, отражающих различные грани любовного и семейно-родового конфликта. Их содержание раскрывает столкновение личности и традиций рода, силу женского характера, обаяние и умение использовать высокопоставленных друзей (Г. Державина, Павла Первого) для достижения своих целей. Статья и эго-документы опубликованы в рубрике *Origines*.

Вхождение женщин в социальную сферу деятельности обрело сложные ритуализированные формы в дипломатической службе. Жены дипломатов, как показано в статье *Арины Новиковой* (Москва, Россия), сложными путями приобщались к церемониалу императорского двора наряду со своими мужьями-дипломатами. Предписания правил приема, разработанные при дворе Анны Иоанновны, раскрывают тот факт, что признание императрицы в качестве главы государства нисколько не облегчало установление достойного статуса для жен дипломатов, а подчас усложняло ситуацию из-за боязни уронить честь императрицы перед европейскими дипломатами при несомненном интересе государыни к общению с дамами из европейских дипломатических кругов.

Оборотная сторона женской судьбы, связанная с испытаниями при нахождении в иноземных наемных полках 30-х гг. XVII в., обратила на себя внимание историка *Олега Русаковского* (Ереван, Армения). На основании деловых и частных документов автор описывает положение жен, любовниц и детей иноземных солдат и офицеров. Рассматриваются особенности их приезда в Россию, исследуются правовой статус и имущественное положение, а также отношение к ним русских властей, включая злоупотребления, связанные с незаконной службой несовершеннолетних.

Безуспешные попытки женщин в XVIII в. облегчить свою участь в судах представлены в статье *Анастасии Видничук* (Москва, Россия). Подсудимые в основном ограничивались ложными показаниями о своем завышенном социальном статусе или о понесенном от физического насилия страдании, самым действенным аргументом было указание на беременность, поскольку государство было озабочено не только увеличением численности населения, но и опасением погубить невинную детскую душу. И хотя никакого снисхождения суды не проявляли, женщины не оставляли надежды на сочувствие, используя для этого стратегии обмана и оговора.

Эксплуатация женской привлекательности для выживания и одновременно сексуальное насилие при отсутствии даже малой формы защиты в условиях военной оккупации порождали эффект безнаказанности и разгул преступности. Изучение этой проблемы по архивным документам и публицистике Второй мировой войны представлено в статье *Ксении Сак* (Москва, Россия). Даже если в отношениях представителей враждующих сторон появлялись моменты чувственности или добровольного согласия на интимные отношения, общество это не только осуждало, но и жестоко преследовало. Жертвы также не горели желанием к обнародованию случившегося. Вследствие подобных общественных настроений власти не стремились раскрывать все сексуальные преступления или случаи вынужденной проституции. Патриотические требования идеологической службы нивелировали не только интимные переживания, но и реальные факты.

Рубрика *Disputatio* открывается статьей *Даниила Манина* (Екатеринбург, Россия), посвященной второму посольству Петра Ивановича Потемкина во Францию в конце XVII в. Россия проводила политику вхождения в семью европейских стран, и дипломаты использовали для этого различные приемы, включавшие формальные дипломатические каналы и личные контакты. Особую роль играло стремление к адаптации через механизмы культуры, дипломатические контакты выходили за рамки конкретных целей переговоров с французской стороной по ряду вопросов и становились каналом распространения европейских культурных кодов.

Творческое использование наследия писателя и богослова XVI в. Максима Грека, направленное на доказательство староверами правильности и древности традиции знаменования двоеперстием, стало предметом внимания *Натальи Гурьяновой* (Новосибирск, Россия). Обращение к полемическим сборникам XVIII в. показывает потенциальные возможности старообрядчества в поиске аргументации, использовании риторики, а также герменевтическую культуру, обретенную в процессе противостояния официальной церкви. А образ святителя, подвергавшегося преследованиям, поддерживал авторитет его сочинений для староверия.

Творческое начало в отношении к природе и городскому ландшафту может стать не только важнейшим критерием сохранения исторической памяти, но и фактором потенциального развития территории. В статье *Константина Бугрова* (Екатеринбург, Россия), посвященной южноуральскому городу Миассу, расположенному вблизи «жемчужины Урала» – озера Тургойак, рассказ об истории города как туристического, научного и промышленного центра сопровождается размышлениями о дальнейшем формировании в нем привлекательного пространства для жизни. По мысли исследователя, в этой перспективе только поддержка всех трех составляющих – символического капитала города – может дать эффект готовности населения к новому повороту витальной истории градостроительства.

Завершает журнал рецензия *Ольги Метель* (Омск, Россия) на сборник воспоминаний сотрудников академического Института российской истории (рубрика *Controversiae et recensione*). Ее автор находит важными не только характеристики ученых и отдельные факты из их воспоминаний, но и феномен возникновения концепции гуманитарного знания в условиях советских политических идеологем. Примеры внешнего подчинения и внутреннего несогласия ярко отражаются в цензурируемых рассказах устного свойства, приводимых в интервью.

Лариса Соболева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Библиографические ссылки

Vacheva A. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 4. С. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Дворцова Н. Михаил Пришвин о счастливых ослах и лестнице счастья для всех и каждого // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 3. С. 721–735. DOI 10.15826/qr.2019.3.403.

Суворова А. Александр Лобанов: рецепция политического в советском аутсайдерском искусстве // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 5. С. 1581–1596. DOI 10.15826/qr.2020.5.546.

References

Dvortsova, N. (2019). Mikhail Prishvin o schastlivykh oslakh i lestnitse schast'ya dlya vseh i kazhdogo [Mikhail Prishvin on Happy Donkeys and the Ladder of Happiness for Each and for All]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 3, pp. 721–735. DOI 10.15826/qr.2019.3.403.

Suvorova, A. (2020). Aleksandr Lobanov: retseptsiya politicheskogo v sovetskom autsajderskom iskusstve [Alexander Lobanov: The Reception of the Political in Soviet Outsider Art]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 5, pp. 1581–1596. DOI 10.15826/qr.2020.5.546.

Vacheva, A. (2018). Russkie i Rossiya v perepiske Valentina Zhamre-Dyuvalya i Anastasii Sokolovoi (1762–1774) [The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 4, pp. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Problema voluminis

20TH-CENTURY ARTISTS: REFLECTING ON THE CONTEMPORARY AND INSIGHT
INTO THE FUTURE

MIKHAIL PRISHVIN: PERSONALISM – EGO-DOCUMENT – ECO-CONSCIOUSNESS

WOMEN: LOVE, FAMILY, AND POLITICS

В. Ф. Комиссаржевская в роли Ларисы из пьесы
А. Н. Островского «Бесприданница». 1895.
Фотография с сайта «Wikimedia Commons».
<https://commons.wikimedia.org/>

V. F. Komissarzhevskaya in the role of Larisa from
A. N. Ostrovsky's play *Without a Dowry*. 1895

Problema voluminis

ХУДОЖНИК XX ВЕКА: РЕФЛЕКСИЯ СОВРЕМЕННОСТИ И ПРОЗРЕНИЕ БУДУЩЕГО
МИХАИЛ ПРИШВИН: ПЕРСОНАЛИЗМ – ЭГО-ДОКУМЕНТ – ЭКОСОЗНАНИЕ
ЖЕНЩИНА: ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ И ПОЛИТИКА

20TH-CENTURY ARTISTS: REFLECTING ON THE CONTEMPORARY AND INSIGHT INTO THE FUTURE

DOI 10.15826/qr.2024.2.885

УДК 070.1(09) + 94(575.1)"18" + 94(470)"19" + 616-036.68 + 327.2 + 316.454.7

“Tashkent Has Gained Sad Glory”: The Death of Vera Komissarzhevskaya and the Limits of Russian Culture in Late Imperial Turkestan*

Matthew Klopfenstein

University of South Carolina,
Columbia, South Carolina, USA

The unexpected death of the famous actress Vera Fedorovna Komissarzhevskaya while on tour in Tashkent was both a major event for Russian speakers in Turkestan and an empire-wide media sensation. This article examines coverage of the death of Kommissarzhevskaya from smallpox in 1910 in the Russian-language periodical press in both Turkestan and leading urban centers in the Russian Empire. The actions of mourners in Tashkent and coverage of these events locally and in the capital press reveal that Kommissarzhevskaya's death was an imperial event that magnified the tensions within Russian claims to represent a civilizing force in Central Asia. For educated Russian speakers in Turkestan Kommissarzhevskaya's death was an opportunity to self-consciously assert their status as bearers of Russian culture in a press environment in which local acts of commemoration swiftly attracted an empire-wide audience. In the face of racialized and Orientalist depictions of Turkestan in the capital press, local journalists and members of educated society sought to demonstrate their belonging in, and dedication to, Russian culture in ways that blurred the boundaries between the imperial center and its peripheries, revealing Kommissarzhevskaya's death to be at the center of an ambiguous empire-wide discourse of death, disease, and the limits of Russian modernity. While educated Russian society in Tashkent sought to demonstrate their membership in a greater imperial civilization, the circumstances of Kommissarzhevskaya's death and the discourse of smallpox called into question Russian claims of civilizational superiority and laid bare key anxieties at the heart of Russia's colonial presence in Central Asia.

* *Citation:* Klopfenstein, M. (2024). “Tashkent Has Gained Sad Glory”: The Death of Vera Komissarzhevskaya and the Limits of Russian Culture in Late Imperial Turkestan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 403–421. DOI 10.15826/qr.2024.2.885.

Цитирование: Klopfenstein M. “Tashkent Has Gained Sad Glory”: The Death of Vera Komissarzhevskaya and the Limits of Russian Culture in Late Imperial Turkestan // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 403–421. DOI 10.15826/qr.2024.2.885.

Keywords: Vera Komissarzhevskaya, death, mass media, gender, imperialism, Turkestan, late imperial Russia

Неожиданная смерть известной актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской во время гастролей в Ташкенте стала и для русскоязычного населения Туркестана, и для всей империи крупным событием, вызвавшим сенсацию в средствах массовой информации. В статье исследуется освещение смерти Комиссаржевской от оспы в 1910 г. в русскоязычной периодической печати как в Туркестане, так и в ведущих городских центрах Российской империи. Действия скорбящих в Ташкенте и освещение этих событий на местном и столичном уровнях показывают, что смерть Комиссаржевской стала имперским событием, усилившим напряжение в контексте русских претензий на роль цивилизационной силы в Центральной Азии. Для образованных русскоязычных жителей Туркестана смерть актрисы стала возможностью подтвердить свой статус носителей русской культуры в печатной среде, которая привлекла внимание всей империи. В условиях расовых и ориентализующих представлений о Туркестане в столичной печати местные журналисты и представители образованного общества стремились продемонстрировать свою принадлежность и преданность русской культуре. Это размывало границы между имперским центром и его периферией, помещая указанное событие в центр неоднозначного имперского дискурса о смерти, болезни и пределах российской модерности. В то время как представители образованной части русского общества в Ташкенте стремились продемонстрировать свое членство в широкой имперской цивилизации, обстоятельства смерти Комиссаржевской и дискурс об оспе подвергли сомнению русские претензии на цивилизационное превосходство и выявили ключевые тревожные ожидания, лежавшие в основе колониального присутствия России в Центральной Азии.

Ключевые слова: Вера Комиссаржевская, смерть, СМИ, гендер, империализм, Туркестан, поздняя Российская империя

The death of the actress Vera Komissarzhevskaya (1864–1910) from smallpox on February 10, 1910 while on tour in Tashkent was one of the great media sensations of late imperial Russia. Komissarzhevskaya was a major celebrity of the late imperial period and had won fame for her distinct, emotional style of acting in the works of Chekhov, Ibsen, Gorky and others. She also gained a reputation for a fierce commitment to her own artistic vision after dramatically leaving the imperial stage to start her own theater in 1905. In the fall of 1909 she unexpectedly announced her retirement from the stage following a final tour of the empire to raise money for her new endeavor, a school for the arts.¹ Her sudden illness

¹ Komissarzhevskaya's life has been the subject of numerous Russian-language biographies, most recently [Сереева-Клятиц]. For an English language treatment see: [Schuler].

Похоронная процессия следует за гробом В. Ф. Комиссаржевской у Николаевского вокзала. Санкт-Петербург, 20 февраля 1910 г. Фотография К. Буллы с сайта «Wikimedia Commons». <https://commons.wikimedia.org/>
The funeral procession follows the coffin of V. F. Komissarzhevskaya at the Nikolaevsky station. St Petersburg, February 20, 1910. Photograph by K. Bulla

and unexpected death in Tashkent on this tour was a great shock. Written about in great detail in newspapers spanning the empire and accompanied by requiems and evenings of memory in dozens of cities as well as what was likely the largest public funeral in the history of St Petersburg to that point, Komissarzhevskaya's death and funeral proved to be an event of tremendous social resonance in which the actress emerged as a symbol of emotional authenticity who spoke to the challenges of late imperial Russia's modernity [Klopfenstein]. Tributes in the press and the testimonies of mourners revealed that the actress stood at the center of pressing public debates about gender, culture, and the fate of Russian society.

In Tashkent itself Komissarzhevskaya's death placed into stark relief key anxieties in local Russian society about its place in the larger empire and the state of Russia's colonial experiment in Turkestan. A growing city of nearly 200,000 people, of which Russians numbered around 50,000 [Цыряпкина, с. 25], Tashkent served as the main outpost of the Russian Empire's expansion into Central Asia. In the wake of Komissarzhevskaya's death, Tashkent was subject to intense scrutiny in leading publications throughout the empire, and the actress was simultaneously the cause of intense public mourning and fraught reflection in the local press. To members of

Tashkent's educated Russian society Komissarzhevskaya's death and their response was an opportunity to demonstrate their place in Russian culture and civilization in the face of outside coverage that depicted Tashkent and Turkestan in racialized and Orientalist tropes of backwardness, dirt, and disease. At the same time, debates over Komissarzhevskaya's death from smallpox in both the local and capital press collapsed the distance between the imperial center and the periphery, revealing the extent to which fears in Tashkent of Russia's cultural inferiority as a modern state and imperial power were shared by commentators in the capitals.

Tashkent and the Anxieties of Empire

By 1910 Tashkent stood as an ambiguous marker of imperial Russian modernity and the local intelligentsia's place within it. Tashkent's leadership and educated society stood at the forefront of the Russian Empire's colonial project in Turkestan, and "concern over their place in imperial society and a modern European world permeated intellectual discourse among educated Russians" in the city [Sahadeo, p. 77]. Local officials and educated society embraced the idea of a civilizing mission in Central Asia and self-consciously saw themselves as bearers of European progress to a region viewed as backward. This vision of progress largely equated civilization with Russian culture [Hofmeister, p. 411–412, 440], implicitly tying discussions of culture in Turkestan with larger discourses of Russian imperialism. The Russian portion of Tashkent, constructed in the wake of the city's conquest in 1868, was consciously modeled on St Petersburg and was meant to project an image of order and rationality [Sahadeo, p. 36]. At the same time, local officials and educated society remained anxious about their peripheral status on the empire's edge and remained highly attuned to any negative depictions of the region in both the Russian capital press and in the press of the European imperial powers (chiefly British and French) that they self-consciously identified with [Ibid., p. 43, 69–70]. The region's growing Russian population and expanding role in the imperial economy by the early twentieth century only amplified the anxieties of Tashkent's educated society. The completion of a railroad from Orenburg in 1906 better connected the city to the imperial center while also opening the region to large numbers of poor Slavic migrants who, in the view of local Russian elites, threatened to undermine claims to Russian cultural and civilizational superiority [Ibid., p. 146–162].

These larger anxieties about the status of Russian culture and civilization in Turkestan formed a backdrop to Vera Komissarzhevskaya's arrival in Tashkent in February of 1910. Her status as a female celebrity idolized by the intelligentsia and particularly students gave significance to her visit to the city's educated Russian residents who sought to shape the social and cultural development of the region. The presence of Russian women in Tashkent and Turkestan more broadly carried particular weight to leaders of Russian colonial society, symbolizing culture, civilization, and permanence [Sahadeo, p. 50, 65, 160; Hokanson, p. 16–17]. Her untimely death from

smallpox, a disease strongly associated with backwardness, immediately became a test case of Russian Tashkent's own level of cultural sophistication and civilization.

Civilization and the Discourse of Disease

Local efforts to mourn Komissarzhevskaya took place against a sensationalized, and often lurid, fascination with the details in the capital press of the actress's death from smallpox, which threatened to reduce Tashkent to little more than an exotic, uncivilized backdrop full of danger and disease. Gendered fascination with the actress's physical appearance, and the effect of disease upon it, focused attention on larger questions about the health of society in ways that both singled out Tashkent and blurred the sense of difference between conditions in the imperial center and periphery.

Russian newspapers were quick to report on the physical ravages of Komissarzhevskaya's battle with smallpox when word of her death was first received from Tashkent. These accounts would in turn provide material for further reflections on the fight against ugliness and *poshlost'* in Russian life, refracted through the lens of the actress's body. The initial coverage drew detailed, voyeuristic attention to Komissarzhevskaya's physical condition, revealing the female body as a locus around which larger discussions about the social and cultural implications of disease unfolded. While early word that the actress had fallen ill in Central Asia had made its way into a few papers in European Russia, Komissarzhevskaya's illness was largely reported on in conjunction with her death.² Newspapers frequently published graphic physical descriptions in their initial coverage. St Petersburg's *Rech'* reported on a telegram that described the ravages of smallpox in her last moments, reporting that there was "such a quantity of pus that, coming from her body, it tore through [the blistered skin]." It detailed the "torturous condition" of Komissarzhevskaya, the onset of nephritis, "gangrenous skin," a rising temperature, and finally a loss of consciousness that preceded her death [Кончина В. Ф. Комиссаржевской («Речь»)]. Similar graphic details, such as the statement that Komissarzhevskaya experienced "terrible suffering as a result of the pressure of pus unable to find an outlet," appeared in other Russian-language newspapers.³ Newspapers throughout the empire were quick to report on Komissarzhevskaya's "final days" and "final minutes," offering similarly detailed descriptions of her body temperature, sleep patterns, and the opinions of attending doctors.⁴ These medical descriptions, both intimate and graphic, were a significant part of the coverage of

² For example, the first brief notice of her illness that appeared in *Russkoye slovo* was only published on the day she died: [Болезнь В. Ф. Комиссаржевской].

³ See for example: [В. Ф. Комиссаржевская («Киевская мысль»)]; К кончине В. Ф. Комиссаржевской («Рижская мысль»); Последние дни В. Ф. Комиссаржевской].

⁴ See for instance: [Последние минуты В. Ф. Комиссаржевской («Туркестанский курьер»)]; Последние минуты В. Ф. Комиссаржевской («Закаспийское обозрение»); Последние часы В. Ф. Комиссаржевской].

Komissarzhevskaya's death and stood alongside the many obituaries and tributes that filled columns of space in the press.

Drawing on gendered tropes that marked women as symbols of nature and nation [Ortner; Rutten, p. 12–19] commentators obsessed over the effects of disease on the actress's physical beauty. Observers in the press both aestheticized and sensationalized Komissarzhevskaya's dying body in ways that marked it as a cipher for the larger conditions of society. In these accounts, smallpox emerged as a threat to culture through its disfiguring effects on the body. In one of the first pieces in the capital press to report on Komissarzhevskaya's developing illness, an article by the theater critic for *Peterburgskaya Gazeta* made clear what it saw as the real danger: "As is well known, smallpox nearly always leaves terrible marks on the face." "Fear," the critic observed, leads to "one thought, that the inspiring face of Komissarzhevskaya might be disfigured by smallpox, the face which so excited the public" [Театрал В. Ф. Комиссаржевская заболела оспой, с. 4]. Another writer, K. Khryapin, used Komissarzhevskaya's death to reflect on the terrible effects of smallpox to call attention to the need for greater public health efforts. Even in an article largely focusing on issues of medicine and science, Komissarzhevskaya's body was present, with the author personifying the disease as a "vindictive, fairy-tale witch" and a "demon" who had "sworn an oath to destroy, mercilessly destroy physical beauty." Using language that was clearly meant to call to mind images of the actress, he declared "In a few days it transforms the most enchanting face into something hideous, repulsive, and terrifying" [Хряпин, с. 3].

For this author, attention to the effects of disease and Komissarzhevskaya's beauty pointed to a larger conclusion about the reality of modern life. Describing smallpox as a disease that used to ravage the whole world but had been overcome in places more advanced than Russia, Khryapin declared that all people lived beneath the pressure of two things: "the battle for existence and the battle with disease." In her struggle for the former, Khryapin, declared, Komissarzhevskaya had succumbed to the latter. He claimed that she had even been warned that there was a smallpox "epidemic" in Tashkent, but the demands of material necessity in the battle for existence caused her to turn a blind eye to the risk. On this count, the inability to satisfy material necessities in the center had driven the actress to the supposedly disease-infested peripheries of the empire [Там же]. To Khryapin, the destruction of Komissarzhevskaya's physical beauty, then, was a compelling means of discussing the interrelated nature of larger economic and public health concerns.

To commentators in the Russian language press outside of Turkestan, it was clear that the smallpox that killed Komissarzhevskaya was an ominous threat to Russian society, and many took pains to portray the disease as a geographic and racial Other. Many observers rushed to position the disease as something foreign to Russian life, a theme clearly underscored through the widespread use of derogatory, Orientalizing descriptions of Tashkent and Central Asia in coverage of the actress's death.

The foreignness and supposed civilizational inferiority of Tashkent and the larger Turkestan region was repeatedly stressed through descriptors like “dirty,” “half-barbarous,” “half-Asiatic,” “a foreign land (*chuzhbina*),” and “at the edge of our fatherland” [Азов, с. 199; К кончине В. Ф. Комиссаржевской («Речь»); К кончине В. Ф. Комиссаржевской («Новое время»); Солодов, с. 2; Л. В., с. 3]. Newspapers throughout the empire reported that Komissarzhevskaya had most likely contracted the disease from an infected carpet at a market in Samarkand, unfailingly described as a “Sart bazaar.”⁵ Indeed, smallpox was frequently described as a disease distinct to the region and personified as part of it. The journalist Vlad Azov described smallpox as the fruits of “the trickster-death (*vtirusha-smert*)” who came “in the form of a Sart, bringing carpets for sale” [Азов]. Another commentator asserted that a “poisonous Asiatic disease” had befallen the actress “among Asians, where tarantulas crawl,” describing the disease as “Asiatically cunning (*Aziatichna kovarna*)” [Мимоза, с. 7].

These racialized, deeply disparaging descriptions of Central Asia as a disease-infested backwater fit a larger pattern in which highly communicable diseases were viewed as scourges from the East, with cholera in particular frequently described as the “Asiatic guest” [Davis, p. 43]. To many commentators a Central Asian death was wholly unbecoming an actress who was repeatedly described as a native Russian cultural treasure. A writer in *Damskii mir* described Turkestan as a “half-savage country,” ruminated darkly on the “hardened, Asiatic faces of the Sarts” and “bazaars, drowning in filth,” and lamented her death in “far-off, Asiatic, provincial Tashkent” [Ergo, с. 32]. The St Petersburg feuilletonist Skitalets declared that it would be highly inappropriate for the actress to be buried in “that foreign, Asiatic city,” declaring “What senseless irony! Komissarzhevskaya and Tashkent! Komissarzhevskaya was a true daughter of the North, who belonged to it from head to foot, reflecting it with every facet of her many-stringed spirit” [Ски-талец, с. 3]. These characterizations went alongside others that portrayed Komissarzhevskaya as a bearer of Russian culture to the benighted provinces, further emphasizing Tashkent’s cultural as well as physical distance from the center of supposedly civilized Russian life [Ардов, с. 2; Бадецкий, с. 6].

The negative implications of these descriptions were not lost on the Russian residents of Tashkent. Descriptions of Central Asia as a place of dirt and disease in the capital press recapitulated key tropes of the discourse of Russian colonial society in Tashkent toward the native population. Jeff Sahadeo has shown that “dirt and disease” were “primary tropes in Russian discourse” in Tashkent and that these terms “racialized the colonial relationship” [Sahadeo, p. 85]. Furthermore, the notion that the climate and conditions of Central Asia were uniquely hostile to ethnic Russians was widely held among Russian writers and scientists in Tashkent and reinforced a sense of essentialized difference between Russian colonists and

⁵ See for instance: [О болезни В. Ф. Комиссаржевской; Эфрос, с. 4; Последние дни Комиссаржевской].

the local Central Asian population [Ibid., p. 70]. Responding to the death of Komissarzhevskaya consequently provided Tashkent's Russian society an opportunity to reinscribe the lines of colonial difference, separating themselves from derogatory, racialized depictions of Central Asia by reaffirming their membership in the larger Russian educated society that was now profusely mourning the actress.

Tashkent Responds: Imperial Civil Society

The response of Russian society in Tashkent to Komissarzhevskaya's death must be understood in an imperial light. Many residents in Tashkent treated the death as a major cultural event demanding an appropriate response that would demonstrate the sophistication of the local population and its place in supposedly bringing culture and civilization to Central Asia. Almost immediately, the local press situated the city's response to Komissarzhevskaya's death in a nationwide context, providing a clear framework for mourners to understand the significance of their actions [Местная хроника, 12 февр., с. 3]. Indeed, detailed accounts of public mourning in Tashkent were carried in newspapers in Moscow, St Petersburg, Kiev, Kharkov, Riga, Yalta, Saratov, and elsewhere [Памяти В. Ф. Комиссаржевской («Утро России»); Тело В. Ф. Комиссаржевской отправлено в Петербург только вчера; К кончине В. Ф. Комиссаржевской («Киевская мысль»); Похороны В. Ф. Комиссаржевской; К кончине В. Ф. Комиссаржевской («Рижская мысль»); Памяти В. Ф. Комиссаржевской («Волгарь»); В. Ф. Комиссаржевская («Ялтинский вестник»); Кончина В. Ф. Комиссаржевской («Кавказ»)]. Tashkent papers in turn closely monitored this outside coverage, at times indignantly responding to perceived slights [С-кий, с. 3]. Consequently, from the very beginning it was clear that local responses to this death played out against an empire-wide backdrop. For Tashkent, commemorating the actress provided a means of demonstrating sophistication to the leading urban centers, which often took a dim view of cultural life in peripheral and provincial locales [Ардов, с. 2]. Additionally, for Russian populations in cities in the peripheries of the multi-ethnic empire, publicly mourning a famous actress celebrated as a symbol of native Russian genius provided a way to signal membership in larger Russian culture. It was in this spirit that a commentator in *Turkestanskii golos*, writing before permission had been granted to return the actress's body to St. Petersburg, declared, "Tashkent has gained sad glory: it has become Komissarzhevskaya's tomb and her remains will be held in its depths" [Енкель, с. 3].

Mourning for Komissarzhevskaya in Tashkent had a distinctly civic quality and was marked by the same emotionally demonstrative grieving that had come to represent authentic identification with the actress as a symbol of truth, beauty, and transcendence [Klopfenstein]. A procession to the local cemetery church and a funeral service were conducted before the body was shipped by train back to St. Petersburg. The procession featured delegations of local civil society, with *Turkestanskii kur'er* carefully

noting 28 different wreaths from municipal authorities, local newspapers, various schools, particularly female *gimnazii* and women's courses, local theater and drama groups, student organizations, and private individuals [Юлин, 12 февр., с. 3]. The list read as a compendium of the key figures and institutions of the city's educated society. Local voices sought to portray the response of Tashkent society as serious and worthy of an event of such magnitude. The newspaper *Na rubezhe* declared, "all of Tashkent society, every institution was deeply struck by the death of Komissarzhevskaya. The mass of wreaths testify to the woe that has befallen not only the artistic world but all of Russia, and our poor Tashkent" [Печальный кортеж, с. 2]. Back in St Petersburg *Novoe vremia* agreed, publishing a lengthy telegram on events in Tashkent since Komissarzhevskaya's illness and declaring, "the city has shown that it valued this irreplaceable loss" [Телеграммы наших корреспондентов, с. 4]. By experiencing a shared sense of loss, Tashkent stood alongside the rest of Russia.

Effusive displays of feeling likewise became touchstones to demonstrate the authenticity of local society's grief. Commentators fixated on the emotional displays of local women to demonstrate the depth of local feeling for Komissarzhevskaya. A journalist for *Turkestanskii kur'er* visited the room where Komissarzhevskaya died and found two women "crying intensely" [Юлин, 14 февр., с. 3]. Additional reports drew special attention to "weeping" during the procession of the body from the cemetery church to the train station on February 13 and to "hysterical weeping" during the final service at the church, suggesting an emotional intensity to the event that went beyond typical observations about the presence of tears that often accompanied descriptions of major funerals [Проводы тела В. Ф. Комиссаржевской; У гроба В. Ф. Комиссаржевской, с. 3]. Indeed, it was reported that from February 11 to 13 the cemetery church where the casket was being held had been constantly inundated by people flocking to the body, including large numbers of students gathering there after their lessons each day [Перевезение тела В. Ф. Комиссаржевской в Петербург, с. 3]. The crowd was so large for the final service that only a quarter of those gathered were able to fit inside the church, with the rest surrounding the building outside. "The best ecclesiastical choir in Tashkent" sang at the service and made a "strong impression" on the crowd, and "weeping periodically rang out" from those near the casket during the service. "An enormous crowd" made up of representatives of "all estates" was present [Местная и краевая хроника, с. 3].

Echoing a trend seen throughout Russia, students and young women took a leading role in these efforts. Young people made up a noticeably large proportion of those present and played an active role in events that revealed an eagerness to be connected to Komissarzhevskaya's well-known association with students. *Turkestanskii kur'er* published a letter from "a student" that extolled the actress as an ideal human who inspired tens of thousands of Russian young people, conspicuously invoking a connection with youth who idolized her as an independent spirit who fought to chart

her own path, a theme constantly emphasized in coverage of her death [Вера Федоровна Комиссаржевская, с. 3]. Despite the refusal of school authorities to allow students to participate, two young men ran out of a local *gimnaziya* when the funeral procession passed by and placed wreaths on the hearse, a gesture praised by the local press [Местная хроника, 12 февр., с. 3]. Students petitioned the authorities for the right to be excused from their lessons to take part in the final procession of the body to the train station and organized their own orchestra for the occasion [У гроба В. Ф. Комиссаржевской, с. 3]. They ultimately participated in the final procession and formed the majority of an initially small group that eventually swelled to a crowd in the thousands as it made its way through the streets. Students from one women's *gimnaziya* alone brought six wreaths to accompany the casket. These young people led the procession, and according to one observer exhibited such a level of care and respect that it appeared as if it were the funeral of their own mother or a "dear sister." The procession swelled to one of the largest seen in the city and encompassed "all nationalities... starting with the Russians and ending with the Sarts." The civilizational hierarchy implicit in the description suggested that the crowd embodied the proper ordering of imperial society, with educated young people in the vanguard. The writer took pains to show that those who were present constituted a composed, mature public. Despite its large size and spontaneous quality, there was "surprising order" and "not one incident" that required the intervention of the police. "The public itself maintained order" and the "many-thousand-strong crowd moved as one person" [Юлин, 14 февр.]⁶.

Komissarzhevskaya's death inspired a burst of civic activism as young people and members of educated society swiftly organized efforts to honor the actress. Initiatives ranged from fundraising for wreaths coordinated by local newspapers, to special performances to support the local performing arts, to demands for a street in the city to be renamed in the actress's honor, which one writer referred to as "Tashkent's debt" to the actress [В. П.; Фонд имени В. Ф. Комиссаржевской; Улица Комиссаржевской]. *Turkestanские ведомости* reported an influx of letters from readers calling for some sort of public commemoration, with the paper publicizing efforts to raise money for a scholarship in the actress's name at the local women's *gimnaziya* [Памятник В. Ф. Комиссаржевской, с. 3]. Indeed, "among the Tashkent intelligentsia" there was talk of establishing a special committee to commemorate Komissarzhevskaya to evaluate the many suggestions put forward [Местная хроника, 24 февр.].

From the beginning, women, and especially young female students, were identified as key participants in commemorative events, and their public displays of emotion attracted particular attention. Young female students began to collect materials for a memorial publication dedicated to

⁶ Despite this reference to Sarts, the Russian term for the local Central Asian population, there is no evidence from other accounts that suggests that anyone besides members of the city's Russian population took significant interest in the funeral.

Komissarzhevskaya that they intended to send to St Petersburg. This effort was coordinated with an official of the local private women's *gimnaziya* and several Tashkent newspapers and attracted the attention of the capital press [Памяти Веры Федоровны Комиссаржевской, с. 3; В провинции, с. 5]. A requiem was held at the women's *gimnaziya* on February 14 at the students' request. Reports described an emotionally intense event with many attendees sobbing and a few even fainting. These events were noted in other parts of Turkestan. A writer in the nearby city of Ashkhabad used this incident to reproach the residents of his city for failing to turn out in sufficiently large numbers for its own local requiem [Панихиды по В. Ф. Комиссаржевской, с. 2]. The sense of obligation to publicly commemorate Komissarzhevskaya could become fraught and heated. K. K. Bogdanov-Osmel'skii, reporting that March on plans for a performance to raise funds for a scholarship in the actress's name in Samarkand, began by observing that "Every city in Russia, every backwater (*medvezhei ugol*)," felt the "obligation" to respond to Komissarzhevskaya's death. He went on to describe a vigorous debate in Samarkand, marked by angry gesticulations over how best to divide the proceeds from the performance. The author lamented that such indecorous behavior spoiled the memory of a great actress, but his comments reveal the intense feelings and weight of obligation that many in Turkestan felt in the wake of Komissarzhevskaya's death [Богданов-Осмельский].

Disease and the Limits of Civilization

Russian residents in Tashkent were quick to differentiate themselves and their presence in Central Asia from the derogatory tropes of the region pervasive in outside coverage of the actress's death. Komissarzhevskaya's attending doctors in Tashkent were the first to announce that she must have contracted smallpox in Samarkand, owing to the absence of an outbreak in Tashkent, a fact telegraphed by members of the actress's troupe to the Russian Theater Society in Petersburg and swiftly published in the papers [РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 926. Л. 2; О болезни В. Ф. Комиссаржевской, с. 5]. Smallpox was consequently projected on an even less Russified city, allowing Tashkent itself to appear as a victim of external contagion. Medical professionals in Tashkent were swift to defend their own expertise and the quality of care for Komissarzhevskaya. Many capital papers, drawing on reports sent from correspondents in Tashkent, stressed that Komissarzhevskaya had been treated by "all the best doctors in Tashkent," with her lead physician, M. I. Slonim, singled out for praise [Кончина В. Ф. Комиссаржевской («Петербургский листок»); К кончине В. Ф. Комиссаржевской («Современное слово»); Телеграммы наших корреспондентов («Новое время»)]. Local officials were sensitive to any criticism, with A. Frei, a member of the Governor General's Council in Tashkent, writing to the capital press to refute charges of medical negligence. Frei offered a detailed description of Komissarzhevskaya's illness and treatment, declaring that "everything that was humanly possible was done to save

poor V[era] F[edorovna]” and insisting that her attending physicians were worthy of nothing but respect and admiration for their efforts [РГАЛИ. Ф. 778. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–4].

While such outward-facing efforts strove to positively portray the quality of medical care in Tashkent, local commentators debated in the Turkestan press about the appropriateness of the care for *Komissarzhevskaya* [Диноэль, с. 2]. This quickly expanded into broader reflections on public health in the region. A Tashkent public health doctor wrote to *Turkestanskii kur'er* to refute claims that doctors had been negligent in their efforts to vaccinate the local population, asserting that despite the availability of free vaccines for some time there had been little local demand and that recent reports of shortages were due to a sudden surge in demands for vaccines among the city's residents after the news of *Komissarzhevskaya's* death [Рейнгардт, с. 3]. This information was confirmed by other accounts of a major upsurge in people in the city seeking vaccinations, and it was also reported that orders for an official investigation of sanitary conditions in Tashkent had been handed down from authorities in St. Petersburg [Местная и краевая хроника, с. 3].

The news of *Komissarzhevskaya's* death prompted reflections on the prevalence of smallpox not just in Tashkent but in the Russian center, complicating attempts to portray the disease as foreign to European Russia. *Turkestanskii vedomosti* reported on a practitioner of homeopathic medicine in Moscow who gave a report at an assembly of doctors of the Moscow City Sanitary Commission in which he declared that *Komissarzhevskaya* had died as a result of her doctor's decision to vaccinate her against smallpox after the first signs of the disease. The article expressed concern that publicizing these statements “at a time when Petersburg is experiencing a smallpox epidemic undermines trust in the main method of combating this disease – vaccination.” The article noted that after discussion participants at the conference formally decided to censure the report as “lacking any scientific basis” [О причине смерти Комиссаржевской, с. 2–3]. The article simultaneously revealed that the news of *Komissarzhevskaya's* death was influencing discussions of public health within the medical profession in places like Moscow while also providing a Tashkent paper the opportunity to advocate for scientifically based medicine and point out the continuing prevalence of smallpox in St Petersburg.

Voices in the center also were quick to seize on *Komissarzhevskaya's* death to discuss smallpox as a larger Russian problem. The popular press in St Petersburg was particularly critical, echoing longstanding narratives that portrayed the imperial capital as a place of death and disease [Buckler, p. 220–223; Steinberg, p. 128–129]. An article in *Peterburgskaya gazeta* pointed to ongoing efforts to combat the disease in Russia on the part of municipal authorities and the Society for the Protection of Public Health, including vaccination drives, the production of informational literature, and public educational events to raise awareness. It quoted a doctor associated with these efforts, who pointed out that Russia had nearly a half million cases of the disease each year, resulting in close to 50,000 deaths.

The article was accompanied by two pictures of the effects of the disease on a man and small child, meant to illustrate “the form of smallpox that V. F. Komissarzhevskaya had” [В Перебъре она, с. 2].

Zakharii Frenkel', a doctor, public health advocate, and member of the First Duma from the Kadet party, used Komissarzhevskaya's death from smallpox as an indictment of Russian civilizational backwardness in an article in *Sovremennoe slovo*. He lamented the tragic death of “one of the best flowers of our culture, the adornment of the modern Russian dramatic theater” from a disease for which treatments had been available for over a century. Repeatedly writing of “cultural backwardness” and describing Russia as “less cultured” than its European neighbors, Frenkel' sought to systematically refute efforts to portray smallpox as an outside threat from the empire's supposedly uncivilized Central Asian borderlands. Komissarzhevskaya's death “in the heart of Asia” was no comfort, he argued, as smallpox was still prevalent in places like St Petersburg, with outbreaks occurring in greater frequency than in Samarkand or Tashkent. Frenkel' unfavorably contrasted the Russian center with cities in Russia's “cultured neighbors,” where diseases like smallpox were an “anachronism.” Statistics, specifically taken from “European Russia” were cited to show smallpox levels that greatly exceeded those in Germany and Sweden. Even in a city like Hamburg with its “transient population,” Frenkel' claimed, there had not been a single smallpox death in a recent year. Incidents of smallpox in Petersburg, consequently, could not be blamed on migrants from other parts of the empire but reflected fundamental shortcomings in public health infrastructure. Frenkel', like other doctors, went on to call for a more systematic approach to public health aimed at intentional improvements to public hygiene rather than a reactive approach that only responded to epidemics. What Russia needed was the “social habits... which characterize cultured society and cultured people” [Френкель, с. 2]. For doctors like Frenkel', smallpox was a blight afflicting all of Russia and a sign of the empire's lagging development rather than an incursion from the periphery, and the death of Komissarzhevskaya provided an implicit analogy between disease among the exemplars of Russian culture and the larger health of society.

Conclusion: An Imperial Death

The response of Russian society in Tashkent to Komissarzhevskaya's death provides a different vantage point for understanding the complex dimensions of the public displays of grief for the actress. The overwhelming tone of the press coverage of Komissarzhevskaya's death from the Russian-language press throughout the empire was that public mourning for the actress was a progressive phenomenon, signifying the awakening of Russia's intelligentsia after the disappointing years of reaction that had followed the revolutionary events of 1905. By identifying publicly with Komissarzhevskaya, mourners signaled their desire to transcend limitations and live in a state of freedom and authenticity [Klopfenstein]. Efforts to commemorate Komissarzhevskaya in Tashkent show that this larger mourning was connected with local Russian

society's embrace of the narratives of Russian imperialism. Local society's concern with properly mourning the actress was a means of strengthening a sense of shared cultural and social connection with the imperial center that by implication was meant to further separate Russians in Tashkent from the Central Asian population. By properly mourning the actress, local Russians could demonstrate the kind of cultural sophistication and civic development that would mark them as the civilizing influence they strove to be.

The combination of Russian Tashkent's distinct imperial anxieties and Komissarzhevskaya's symbolic status as an actress who embodied the tensions of Russia's modernity only made these issues more fraught. *Turkestanskii golos* published an account of Komissarzhevskaya's funeral in St Petersburg that described the actress's power in a way that betrayed the imperial qualities that many invested Russian culture with: "I understand that for a great talent, there is no 'some Tashkent' and the capitals, 'Asian corners' and centers of enlightenment, that a mighty luminary... illuminates the space in endless views, that lofty exemplars of art level the distance between space, area (*chasti*), and time" [Эдельман]. The article, which took pains to state that Komissarzhevskaya belonged to "all of Russia" and that public mourning for her death revealed "signs of social consciousness," positioned Russian culture as embodied by the actress as a force capable of collapsing distances and bringing together far-off places. Appearing in the pages of a Tashkent paper, such words suggested a belief in the power of art to bring together the disparate spaces of the Russian Empire into a unified (and implicitly Russified) whole. Behind the vision of a mature society coming into its own lurked an imperialist logic that implicitly sought to unify the empire's territories, fulfilling the dreams of the civilizing mission that animated Russian Tashkent.

Against this backdrop, the reflections on disease and the limits of Russia's modernity inspired by the death of Komissarzhevskaya pointed to a darker irony for Russian colonial society in Tashkent. While local intelligentsia long feared cultural isolation and clung to a self-image as bearers of civilization that helped maintain a sense of connection with the imperial center, commentary across the empire on Komissarzhevskaya's death positioned Tashkent as representative of Russian life but in a decidedly negative key. Nikolai Shebuev in a 1914 *Obozrenie teatrov* article reflecting on the actress's death four years earlier, described smallpox as a disease which "Europe long ago learned to battle" but which was "far-flung in Russia." "Russian, a daughter of her era, she died from Russian, Asiatic-Russian absurdity (*russskoi, aziatsko-russskoi neleposti*). Our life is the same Tashkent smallpox that befell Komissarzhevskaya" [Шебueв, с. 10]. While Russian Tashkent sought to portray itself as a disciplined public worthy of the task of honoring the passing of a cultural icon, the circumstances of Komissarzhevskaya's death consistently inspired reflections on failures of public health that many observers treated as indicative of larger shortcomings of late imperial Russian society in ways that undermined attempts to construct essentialist and racialized distinctions between Russian culture and the peoples of

Central Asia. Actions in Tashkent and their coverage in the press revealed that Komissarzhevskaya's death was an imperial event, not only in its reach as a major media sensation, but for the ways in which it crystalized and magnified the tensions and anxieties that characterized the Russian colonial experience in Central Asia and the contradictions that lay at the center of discourses of imperialism and civilization.

Библиографические ссылки

- Азов В.* Кончина В. Ф. Комиссаржевской // Речь. 1910. 11 февр.
Ардов Т. Смерть // Рус. слово. 1910. 13 февр.
Бадецкий Е. М. Комиссаржевская в Харькове // Южный край. 1910. 18 февр.
Богданов-Осмельский К. К. Скромные почитатели памяти Комиссаржевской // Туркестанский курьер. 1910. 14 марта.
Болезнь В. Ф. Комиссаржевской // Рус. слово. 1910. 10 февр.
В. П. Что должен сделать Ташкент // На рубеже. 1910. 14 февр.
 В Петербурге оспа // Петербургская газ. 1910. 17 февр.
 В провинции // Рус. слово. 1910. 19 февр.
В. Ф. Комиссаржевская // Киевская мысль. 1910. 11 февр.
В. Ф. Комиссаржевская // Ялтинский вестн. 1910. 17 февр.
Вера Федоровна Комиссаржевская // Туркестанский курьер. 1910. 12 февр.
Диноэль. Цветы жизни // Туркестанский курьер. 1910. 16 февр.
Енкель Ф. Вера Федоровна Комиссаржевская // Туркестанский голос. 1910. 11 февр.
К кончине В. Ф. Комиссаржевской // Киевская мысль. 1910. 13 февр.
К кончине В. Ф. Комиссаржевской // Новое время. 1910. 12 февр.
К кончине В. Ф. Комиссаржевской // Рижская мысль. 1910. 12 февр.; 13 февр.
К кончине В. Ф. Комиссаржевской // Современное слово. 1910. 13 февр.
Кончина В. Ф. Комиссаржевской // Кавказ. 1910. 18 февр.
Кончина В. Ф. Комиссаржевской // Петербургский листок. 1910. 11 февр.
Кончина В. Ф. Комиссаржевской // Речь. 1910. 11 февр.
Л. В. Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Одесский листок. 1910. 13 февр.
 Местная и краевая хроника // Закаспийское обозрение. 1910. 17 февр.
 Местная хроника // Туркестанский курьер. 1910. 12 февр.
 Местная хроника // Туркестанский курьер. 1910. 24 февр.
Милоза. Мой кинемо // Театр. 1910. № 596. С. 7.
 О болезни В. Ф. Комиссаржевской // Утро России. 1910. 5 февр.
 О причине смерти Комиссаржевской // Туркестанские ведом. 1910. 3 марта.
 Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Волгарь. 1910. 15 февр.
 Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Утро России. 1910. 13 февр.
 Памяти Веры Федоровны Комиссаржевской // Закаспийское обозрение. 1910. 17 февр.
 Памятник В. Ф. Комиссаржевской // Туркестанские ведом. 1910. 24 февр.
 Панихиды по В. Ф. Комиссаржевской // Закаспийское обозрение. 1910. 19 февр.
 Перевезение тела В. Ф. Комиссаржевской в Петербург // Туркестанские ведом. 1910. 13 февр.
 Печальный corteж // На рубеже. 1910. 12 февр.
 Последние дни В. Ф. Комиссаржевской // Саратовский вестн. 1910. 13 февр.
 Последние минуты В. Ф. Комиссаржевской // Закаспийское обозрение. 1910. 16 февр.
 Последние минуты В. Ф. Комиссаржевской // Туркестанский курьер. 1910. 12 февр.
 Последние дни Комиссаржевской // Южный край. 1910. 14 февр.
 Последние часы В. Ф. Комиссаржевской // Кавказ. 1910. 17 февр.
 Похороны В. Ф. Комиссаржевской // Южный край. 1910. 19 февр.
 Проводы тела В. Ф. Комиссаржевской // Туркестанские ведом. 1910. 14 февр.
 РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 926; Ф. 778. Оп. 1. Д. 23.
Рейнгардт. Письмо в редакцию // Туркестанский курьер. 1910. 17 февр.

- С-кий К.* Могильщики // На рубеже. 1910. 24 февр.
Сергеева-Клятис А. Ю. Комиссаржевская. М. : Молодая гвардия, 2018. 345 с.
Скиталец. Чайка // Газета копейка. 1910. 11 февр.
Солодов В. Е. Памяти Веры Федоровны Комиссаржевской // Оренбургский край. 1910. 16 февр.
 Театрал В. Ф. Комиссаржевская заболела оспой // Петербургская газ. 1910. 30 янв.
 Телеграммы наших корреспондентов // Новое время. 1910. 13 февр.
 Тело В. Ф. Комиссаржевской отправлено в Петербург только вчера // Петербургская газ. 1910. 14 февр.
 У гроба В. Ф. Комиссаржевской // Туркестанский курьер. 1910. 13 февр.
 Улица Комиссаржевской // Туркестанский курьер. 1910. 14 февр.
 Фонд имени В. Ф. Комиссаржевской // Туркестанский голос. 1910. 26 февр.
Френкель З. Оспа в Петербурге // Современное слово. 1910. 16 февр.
Хряпин К. В поисках счастья // Саратовский вестн. 1910. 12 февр.
Цыряпкина Ю. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX в. // Диаспоры. 2012. № 1. С. 6–29.
Шебуев Н. Впечатления // Обозрение театров. 1914. № 2350. С. 10.
Эдельман И. Прах В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге // Туркестанский голос. 1910. 27 февр.
Эфрос Н. Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Рус. ведом. 1910. 11 февр.
Юлин Г. Похороны Веры Федоровны Комиссаржевской // Туркестанский курьер. 1910. 12 февр.
Юлин Г. Последние прости // Туркестанский курьер. 1910. 14 февр.
Ergo. Вера Федоровна Комиссаржевская // Дамский мир. 1910. № 3. С. 32.
Buckler J. Mapping St Petersburg : Imperial Text and Cityshape. Princeton : Princeton Univ. Press, 2005. XIV, 364 p.
Davis J. Russia in the Time of Cholera : Disease under Romanovs and Soviets. L. : I. B. Tauris, 2018. 314 p.
Hofmeister U. Civilization and Russification in Tsarist Central Asia, 1860–1917 // J. of World History. 2016. № 3. P. 411–442. DOI 10.1353/jwh.2016.0115.
Hokanson K. A Woman's Empire : Russian Women and Imperial Expansion in Asia. Toronto : Toronto Univ. Press, 2023. 344 p.
Klopfenstein M. The Death of the Seagull : Vera Kommissarzhevskaja and the Search for Transcendence in Late Imperial Russia // The Russian Rev. 2021. № 2. P. 270–293. DOI 10.1111/russ.12309.
Ortner S. Is Female to Male as Nature Is to Culture? // Feminist Studies. 1972. № 2. P. 5–31.
Ruten E. Unattainable Bride Russia : Gendering Nation, State, and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture. Evanston : Northwestern Univ. Press, 2010. 328 p.
Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent : 1865–1923. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2007. 316 p.
Schuler C. Women in Russian Theatre: The Actress in the Silver Age. L. : Routledge, 1996. 260 p.
Steinberg M. Petersburg Fin de Siècle. N. Haven : Yale Univ. Press, 2011. 399 p.

References

- Ardov, T. (1910). Smert' [Death]. In *Russkoe slovo*. Febr. 13.
 Azov, V. (1910). Konchina V. F. Kommissarzhevskoi [The Death of V. F. Kommissarzhevskaya]. In *Rech'*. Febr. 11.
 Badetskii, E. M. (1910). Komissarzhevskaya v Khar'kove [Kommissarzhevskaya in Kharkov]. In *Yuzhnyi kraj*. Febr. 18.
 Bogdanov-Osmel'skii, K. K. (1910). Skromnye pochitateli pamyati Kommissarzhevskoi [The Modest Venerators of Komissarzhevskaya's Memory]. In *Turkestanskii kur'er*. March 14.

- Bolezni' V. F. Komissarzhevskoi [V. F. Komissarzhevskaya's Illness]. (1910). In *Russkoe slovo*. Febr. 10.
- Buckler, J. (2005). *Mapping St Petersburg: Imperial Text and Cityshape*. Princeton, Princeton Univ. Press. XIV, 364 p.
- Davis, J. (2018). *Russia in the Time of Cholera: Disease under Romanovs and Soviets*. L., I. B. Tauris. 314 p.
- Dinoel'. (1910). Tsvety zhizni [The Flowers of Life]. In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 16.
- Edel'man, I. (1910). Prakh V. F. Komissarzhevskoi v Peterburge [V. F. Komissarzhevskaya's Remains in Petersburg]. In *Turkestanskii golos*. Febr. 27.
- Efros, N. (1910). Pamyati V. F. Komissarzhevskoi [In Memory of V. F. Komissarzhevskaya]. In *Russkie vedomosti*. Febr. 11.
- Enkel', F. (1910). Vera Fedorovna Komissarzhevskaya [Vera Fedorovna Komissarzhevskaya]. In *Turkestanskii golos*. Febr. 11.
- Ergo. (1910). Vera Fedorovna Komissarzhevskaya [Vera Fedorovna Komissarzhevskaya]. In *Damskii mir*. No. 3, p. 32.
- Fond imeni V. F. Komissarzhevskoi [Fund Named for V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Turkestanskii golos*. Febr. 26.
- Frenkel', Z. (1910). Ospa v Peterburge [Smallpox in Petersburg]. In *Sovremennoe slovo*. Febr. 16.
- Hofmeister, U. (2016). Civilization and Russification in Tsarist Central Asia, 1860–1917. In *J. of World History*. No. 3, p. 411–442. DOI 10.1353/jwh.2016.0115.
- Hokanson, K. (2023). *A Woman's Empire: Russian Women and Imperial Expansion in Asia*. Toronto, Toronto Univ. Press. 344 p.
- K konchine V. F. Komissarzhevskoi [To the Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Kievskaya mysl'*. Febr. 13.
- K konchine V. F. Komissarzhevskoi [To the Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Novoe vremya*. Febr. 12.
- K konchine V. F. Komissarzhevskoi [To the Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Rizhskaya mysl'*. Febr. 12; Febr. 13.
- K konchine V. F. Komissarzhevskoi [To the Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Sovremennoe slovo*. Febr. 13.
- Khryapin, K. (1910). V poiskakh schast'ya [In Search of Happiness]. In *Saratovskii vestnik*. Febr. 12.
- Klopfenstein, M. (2021). The Death of the Seagull: Vera Komissarzhevskaya and the Search for Transcendence in Late Imperial Russia. In *The Russian Rev.* No. 2, pp. 270–293. DOI 10.1111/russ.12309.
- Konchina V. F. Komissarzhevskoi [The Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Kavkaz*. Febr. 18.
- Konchina V. F. Komissarzhevskoi [The Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Peterburgskii listok*. Febr. 11.
- Konchina V. F. Komissarzhevskoi [The Death of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Rech'*. Febr. 11.
- L. V. (1910). Pamyati V. F. Komissarzhevskoi [In Memory of V. F. Komissarzhevskaya]. In *Odesskii listok*. Febr. 13.
- Mestnaya i kraevaya khronika [Local and Regional News]. (1910). In *Zakapskoe obozrenie*. Febr. 17.
- Mestnaya khronika [Local News]. (1910). In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 12.
- Mestnaya khronika [Local News]. (1910). In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 24.
- Mimoza. (1910). Moi kinemo [My Cinema]. In *Teatr*. No. 596, p. 7.
- O bolezni V. F. Komissarzhevskoi [About the Illness of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Utro Rossii*. Febr. 5.
- O prichine smerti Komissarzhevskoi [About the Cause of Komissarzhevskaya's Death]. (1910). In *Turkestanskii golos*. March 3.
- Ortner, S. (1972). Is Female to Male as Nature Is to Culture? In *Feminist Studies*. No. 2, pp. 5–31.

- Pamyati V. F. Kommissarzhevskoi [In Memory of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Volgar'*. Febr. 15.
- Pamyati V. F. Kommissarzhevskoi [In Memory of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Utro Rossii*. Febr. 13.
- Pamyati Very Fedorovny Kommissarzhevskoi [In Memory of Vera Fedorovna Komissarzhevskaya]. (1910). In *Zakaspiiskoe obozrenie*. Febr. 17.
- Pamyatnik V. F. Kommissarzhevskoi [Statue of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Turkestanskii vedomosti*. Febr. 24.
- Panikhidy po V. F. Kommissarzhevskoi [Requiems for V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Zakaspiiskoe obozrenie*. Febr. 19.
- Pechal'nyi kortezh [A Sad Procession]. (1910). In *Na rubezhe*. Febr. 12.
- Perevezenie tela V. F. Kommissarzhevskoi v Peterburg [Transportation of V. F. Komissarzhevskaya's Body to Petersburg]. (1910). In *Turkestanskii vedomosti*. Febr. 13.
- Pokhorony V. F. Kommissarzhevskoi [V. F. Komissarzhevskaya's Funeral]. (1910). In *Yuzhnyi krai*. Febr. 19.
- Poslednie chasy V. F. Kommissarzhevskoi [V. F. Komissarzhevskaya's Last Hours]. (1910). In *Kavkaz*. Febr. 17.
- Poslednie dni Kommissarzhevskoi [Komissarzhevskaya's Last Days]. (1910). In *Yuzhnyi krai*. Febr. 14.
- Poslednie dni V. F. Kommissarzhevskoi [Komissarzhevskaya's Last Days]. (1910). In *Saratovskii vestnik*. Febr. 13.
- Poslednie minuty V. F. Kommissarzhevskoi [V. F. Komissarzhevskaya's Last Minutes]. (1910). In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 12.
- Poslednie minuty V. F. Kommissarzhevskoi [V. F. Komissarzhevskaya's Last Minutes]. (1910). In *Zakaspiiskoe obozrenie*. Febr. 16.
- Provody tela V. F. Kommissarzhevskoi [Farewell to the Body of V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Turkestanskii vedomosti*. Febr. 14.
- Reingardt. (1910). Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the Editor]. In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 17.
- RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. Stock 641. List 1. Dos. 926; Stock 778. List 1. Dos. 23.
- Rutten, E. (2010). *Unattainable Bride Russia: Gendering Nation, State, and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture*. Evanston, Northwestern Univ. Press. 328 p.
- Sahadeo, J. (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent: 1865–1923*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 316 p.
- Schuler, C. (1996). *Women in Russian Theatre: The Actress in the Silver Age*. L., Routledge. 260 p.
- Sergeeva-Klyatis, A. Yu. (2018). Komissarzhevskaya. Moscow, Molodaya gvardiya. 345 p.
- Shebuev, N. (1914). Vpechatleniya [Impressions]. In *Obozrenie teatrov*. No. 2350, p. 10.
- S-kii, K. (1910). Mogil'shchiki [Undertakers]. In *Na rubezhe*. Febr. 24.
- Skitalets. (1910). Chaika [Gull]. In *Gazeta kopeika*. Febr. 11.
- Solodov, V. E. (1910). Pamyati Very Fedorovny Kommissarzhevskoi [In Memory of Vera Fedorovna Komissarzhevskaya]. In *Orenburgskii krai*. Febr. 16.
- Steinberg, M. (2011). *Petersburg Fin de Siècle*. N. Haven, Yale Univ. Press. 399 p.
- Teatral V. F. Komissarzhevskaya zaboleta ospoi [V. F. Komissarzhevskaya Is Sick with Smallpox]. (1910). In *Peterburgskaya gazeta*. Jan. 30.
- Telegrammy nashikh korrespondentov [Telegrams from Our Correspondents]. (1910). In *Novoe vremya*. Febr. 13.
- Telo V. F. Kommissarzhevskoi otpravleno v Peterburg tol'ko vchera [Just Yesterday V. F. Komissarzhevskaya's Body was Sent to Petersburg]. (1910). In *Peterburgskaya gazeta*. Febr. 14.
- Tsyryapkina, Yu. (2012). Osobennosti russkogo pereselencheskogo obshchestva Syrdar'inskoi oblasti v kontse XIX – nachale XX vv. [The Specifics of Russian Settler Communities in Syr-Darya Region (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Diaspory*. No. 1, pp. 6–29.

U groba V. F. Komissarzhevskoi [At V. F. Komissarzhevskaya's Casket]. (1910). In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 13.

Ulitsa Komissarzhevskoi [Komissarzhevskaya Street]. (1910). In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 14.

V Peterburge oспа [Smallpox in Petersburg]. (1910). In *Peterburgskaya gazeta*. Febr. 17.

V provintsii [In the Provinces]. (1910). In *Russkoe slovo*. Febr. 19.

V. F. Komissarzhevskaya [V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Kievskaya mysl'*. Febr. 11.

V. F. Komissarzhevskaya [V. F. Komissarzhevskaya]. (1910). In *Yaltinskii vestnik*. Febr. 17.

V. P. (1910). Chto dolzhen sdelat' Tashkent [What Must Tashkent Do]. In *Na rubezhe*. Febr. 14.

Vera Fedorovna Komissarzhevskaya [Vera Fedorovna Komissarzhevskaya]. (1910). In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 12.

Yulin, G. (1910). Pokhorony Very Fedorovny Komissarzhevskoi [Funeral for Vera Fedorovna Komissarzhevskaya]. In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 12.

Yulin, G. (1910). Poslednie prosti [Final Farewell]. In *Turkestanskii kur'er*. Febr. 14.

The article was submitted on 12.01.2023

**Сергей Параджанов в поисках идентичности:
между самопохоронами и рефлексией о смерти***

Тигран Сиян

Ереванский государственный университет,
Ереван, Армения

**Sergei Parajanov in Search of Identity:
Between Self-Burial and Reflection on Death****

Tigran Simyan

Yerevan State University,
Yerevan, Armenia

This article continues the discourse on humanitarian thanatology and the question of mortality in art. The author describes the initial impulses of the manifestation of the motifs of self-mourning and self-burial with reference to the habitus of Parajanov and his work and other intertextual connections. As the empirical material shows, the motifs in question manifested themselves in different years through different channels of communication (memories of friends, letters, scripts, collages, photographs, photographs of performative acts, etc.). These motifs were an important leitmotif of his creative nature. Parajanov's encounters with death in various formats show that he, as a survivor of prison, was confronted with the problem of death. Through performative acts, he repeatedly replayed his experiences of death through self-mourning and self-burial games. The analysis shows that almost all performative acts manifest the code of carnivality. The problem of a funeral and self-mourning is presented indirectly. The great Parajanov is also mourned through cultural and religious images (Gioconda, Catholicos of all Armenians). Sergei Parajanov also acts as a director, aestheticising the wake and funeral of his relatives and close friends (son-in-law, sister). His detachment from the death of his loved ones and the aestheticisation of the funerals show that in his mind, the code of mourning is

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 21AG-6C041.

** *Citation*: Simyan, T. (2024). Sergei Parajanov in Search of Identity: Between Self-Burial and Reflection on Death. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 422–435. DOI 10.15826/qr.2024.2.886.

Цитирование: *Simyan T. Sergei Parajanov in Search of Identity: Between Self-Burial and Reflection on Death // Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 422–435. DOI 10.15826/qr.2024.2.886 / *Сиян Т. Сергей Параджанов в поисках идентичности: между самопохоронами и рефлексией о смерти // Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 422–435. DOI 10.15826/qr.2024.2.886.

replaced by carnality. The funeral procession is aestheticised, what happens is perceived from a distance, but with an emphasis on beauty.

Keywords: S. Parajanov, semiotic translation, semiosis, funeral, aestheticisation of death, mortality, game of death

Статья продолжает дискурс о гуманитарной танатологии и проблеме смертности в искусстве. Автор описывает первоначальные импульсы проявления мотивов самооплакивания, самопохорон на примере габитуса Параджанова, и его творчества и других интертекстуальных связей. Как показал эмпирический материал, вышеупомянутые мотивы проявились в разные годы по различным коммуникационным каналам (воспоминания друзей, письма, сценарии, коллажи, фотографии, фотографии перформативных актов). Упомянутые мотивы были важным лейтмотивом его творческой натуры. Параджановские игры во «встречу со смертью» в разных форматах указывают, что выживший в тюрьме Параджанов столкнулся с проблемой смерти. Благодаря перформативным актам не раз переигрывал он свои переживания смерти через самооплакивание и игры в самопохороны. Анализ показал, как почти во всех перформативных актах проявляется код карнавальности. Проблемы «веселых похорон» и самооплакивания представляются опосредованно. Великого Параджанова оплакивают также персонажи мировой культуры (Джоконда, католикос всех армян). Сергей Параджанов выступает в роли режиссера, эстетизирующего поминки и похороны своих родных и близких (зятя, сестры). Дистанцированное отношение к смерти близких и эстетизация похорон говорят, что в его сознании код траура заменяется на карнавальное празднество. Эстетизируется похоронная процессия, происходящее воспринимается отчужденно, дистанцированно, но с акцентом на красоту.

Ключевые слова: С. Параджанов, семиотический перевод, семиозис, похороны, эстетизация смерти, смертность, игра в смерть

Существенный в современных исследованиях дискурс гуманитарной танатологии включает темы смертности в литературе и искусстве [см.: Красильников]¹. Перформативные акты самооплакивания и самопохорон выявляются в творчестве и в габитусе Сергея Параджанова², что и стало целью исследования.

Вполне вероятно, первоначальным импульсом для самооплакивания и похорон Параджанова послужила концовка фильма «Не горюй!» (1969, реж. Г. Данелия), снятого по мотивам романа «Мой дядя Бенжамен» французского писателя Клода Тилье (1801–1844). Этот эпизод писатель представляет, используя монолог главного героя. Господин Менкси собрал всех своих гостей и обратился к ним со следующими словами:

¹ Подробнее об этом см. также: [Харт Ниббриг].

² См. об этом подробно: [Сиян, 2019; Сиян, 2023].

– Господа... знаете ли вы, что я пригласил вас на свои похороны? Вы все переночуете у меня, чтобы завтра проводить меня до могилы. Не оплакивайте меня и вместо траурного крепа вденьте лучше розы в ваши петлицы: это исцеление больного, освобождение узника празднуете вы сегодня. А кто из вас произнесет надгробную речь? [Тилье].

Со слов больного Менкси очевидно, что он собрал гостей на свои праздничные похороны. Само действие дает возможность перераста из траурного события в праздник-карнавал, а для самого организатора – стать «исцелением, освобождением узника», то есть Менкси организовал это действие как самотерапию. Именно в этом ключе видится и логика самотерапии Сергея Параджанова. Тем самым великий режиссер преодолевал через перформативные акты страх смерти, карнавализируя пространство своим присутствием. Но «игра в смерть» в его сознании активируется через визуальный текст («Не горюй!»). Это не игра на пустом месте. Через нее он преодолевает свои внутренние страхи (агонию), черпает новые импульсы, энергию для жизни. По сути, он симулирует смерть. В этом смысле интересна идея Ж. Бодрийера о симуляции властей: «Все органы власти, все институты говорят о себе через отрицание, стараясь через симуляцию смерти избежать своей реальной агонии. Власть может инсценировать свое собственное убийство, чтобы восстановить хотя бы проблеск существования и легитимности. <...> Искать свежие силы в своей собственной смерти, возобновлять цикл через зеркало кризиса, отрицание и антивласть» [Бодрийер, с. 30–31].

В 1969 г. одновременно выходят в прокат французская и грузинская интерпретации произведения Тилье. Если сравнить два варианта эпизода самопохорон, то можно увидеть существенную разницу. Во французском варианте фильма «Мой дядя Бенжамен» (реж. Э. Молинару) перед уходом в другой мир Менкси организовал «последний ужин» и «не захотел уходить в тоске и в печали». Он предложил гостям веселиться, как обычно. Во время похорон вместо черной ленты он предлагает опустить желтую розу в бокал шампанского и ее лепестки рассыпать на могиле (1:22:48–1:24:00 мин.). Очевидно, что карнавализация здесь отсутствует. Концовка фильма «Не горюй!» также посвящена «последнему пиру» Левана (=Менкси), в котором он захотел увидеть полные бокалы вина и веселые лица (1:14:53–1:15:02 мин.). После репетиции надгробных речей Леван предлагает друзьям спеть, затем песни плавно перетекают в танцы. Леван, нервничая, не выдерживает карнавального действия пьяных друзей и в гневе останавливает танцы словами, что нужно прекратить этот базар (1:18:44–1:23:04 мин.). Но на этом траурный праздник не заканчивается. Бенжамен, увидев слезы Левана, начинает запевать, к первому голосу подключаются гости, и вся комната наполняется многоголосой грузинской

песней (1:24:00–1:26:10 мин.). Песня Левану нравится, он наслаждается пением со слезами на глазах.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что во французском варианте не акцентирован карнавальный код, в отличие от фильма Г. Данелия. Армянский этнографический материал также показывает, что корни «веселых похорон» исходят от фольклорного театра с комическими инсценировками, а на типологическом уровне – от карнавала [Петросян, с. 140–158]. Отличие от этнографического материала заключается в том, что «веселые похороны» великого режиссера были связаны с пародийным обрядом самооплакивания, но без элемента воскресения³. Параджанов и тут проявлял свою креативность, модифицировав только часть комического «отпевания». Феномен оплакивания, самооплакивания, церемониймейстерства похорон Параджанова становится проявлением карнавального сознания режиссера, «психотерапевтической» игрой, методом преодоления собственной боязни смерти.

Игры в смерть

Тема эта появилась во время второго тюремного срока Параджанова. Примерами служат коллажи Параджанова «Оплакивание кинорежиссера» (1974–1977), «Плачущая Джоконда» (1977) [Параджанов, 1974–1977; Параджанов, 1977]. Мы видим, насколько их автор чувствовал близость смерти, находясь среди заключенных. По его мысли, в случае смерти его будут оплакивать персонажи мировой культуры и священнослужители (Джоконда, католикос всех армян). В контексте самооплакивания интересен перформанс Параджанова, организованный им во время банкета в московском ресторане «Баку» после генеральной репетиции спектакля «Высоцкий». Из рассказа кинорежиссера Александра Атанесяна мы узнаем, что Параджанов поставил у входа швейцара, который дарил каждому заходящему хризантему и спрашивал: «Вы на похороны Параджанова?» Народ поначалу нервничал, но понимая очередную шутку Сережи, стал отвечать: «Да, мы идем на поминки Параджанова» [Карапетян]. На самом деле так он смеялся над своей смертью. Высмеивание идеи смерти и смех других по этому поводу являются психологическими приемами преодоления страха смерти.

Самооплакивание и подобные перформативные акты наблюдаются на визуальном уровне. На фотографии Завена Саргсяна «Параджанов имитирует собственные похороны» [Сергий Параджанов, с. 6] или «Меня хоронят» («Игры в смерть», Ереван, 1980) [Коллаж на фоне, с. 12] мы видим амбивалентное состояние (ил. 1). Параджанов оплакивает самого себя над своим же портретом, но лица остальных персонажей не грустные, они не вовлечены в игру.

³ О «веселых похоронах» как армянской версии карнавала см.: [Петросян, с. 140–161].

1. С. Параджанов имитирует собственные похороны. Март 1980 г.
Фотография З. Саргсяна [Сергий Параджанов, с. 6]

S. Parajanov imitating his own funeral. March 1980. Photograph by Z. Sarkisyan

О самопохоронах Параджанова пишет в своей документальной повести о режиссере его друг Гарри Кунцев:

...Выйдя из тюрьмы, даже устроил себе грандиозные похороны. С панихидой, с речами о себе, с траурным шествием по улицам, с поминками, когда пришли все друзья и недруги, недруги и друзья, которых он не отличал друг от друга, и тех, и других одаривая одинаковыми порциями неизбыточной доброты. На катафалке был укреплен его портрет в траурной рамке. Он шел рядом, скорбно сложив руки на груди. И на вопрос встречных: «Кого хоронят?» – со спокойным достоинством отвечал: «Сергея Параджанова...» И встречные покачивали головой, поверив... [Кунцев].

Если на фотографии З. Саргсяна мы видим только один кадр самооплакивания, то текст Кунцева представляет целостную картину своего рода игры под названием «Встреча со смертью».

Можно привести еще один пример самопохорон, состоявшихся в гламурной раздевалке киностудии «Грузия-фильм», где в роли плакальщика выступал друг Параджанова режиссер Додо (Давид) Абашидзе (ил. 2). Карикатурно выглядят ноги Параджанова и приподнятая голова. Благодаря надписи на подтяжках Абашидзе («The Vodka») фотография воспринимается в контексте оппозиции «смерть – веселье».

Мотив самопохорон на этом не заканчивается. Параджанов сам захотел разыграть его в своем будущем автобиографическом

2. С. Параджанов. Карнавальная панихида в раздевалке киностудии «Грузия-фильм». Середина мая 1983 г. Фотография Ю. Мечетова [Сергей Параджанов, с. 171]
S. Parajanov. Carnival memorial service in the dressing room of "Georgia-Film". Mid-May, 1983. Photograph by Yu. Mechetov

фильме «Исповедь» (1969), сценарий которого был написан во время тяжелого состояния режиссера (двустороннее воспаление легких): «Так умер Человек – Человек, ищущий истину» [Параджанов, 2006, с. 85]. В сценарии «человеку»-Параджанову придается онтологический смысл. Но сам факт его смерти представляется в контексте освящения «брачного союза» мадам Параджановой «с грешником Езефом Сергеевичем Параджановым, с которым она фиктивно развелась в 1924 г. Развод был необходим для спасения шубы из французского вухухоля и дома на горе Святого Давида» [Там же]. Очевидно, что самопохороны Человека представляются в контексте свадьбы. Похороны сына и «освещение брачного союза» (свадьба) представляются как переход от смерти к новой жизни (браку)⁴. Но последующая аргументация нарратора по поводу развода придает сказанному карнавальность, поскольку в ней сопоставляются несопоставимые вещи: развод, чтобы спасти шубу из французского вухухоля, и дома.

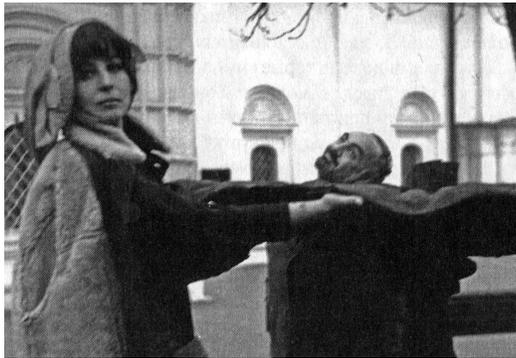
⁴ Заметим, что оппозиция «свадьба – похороны» часто встречается в фильмах Эмира Кустурицы «Черная кошка, белый кот» (1998), «Цыганенок» (одна из киноновелл, вошедших в фильм «Невидимые дети», 2005). В последнем криминальная жизнь детей представляется в рамке оппозиций «жизнь – смерть», «свадьба – похороны» и становится комическим переходом – полетом невесты на гроб умершего. И у Кустурицы, и у Параджанова эти оппозиции представлены в коде карнавального смеха, но одновременно составляют суть жизни.

В сценарии С. Параджанова «Исповедь» тифлисский священник Тер-Акоп, который должен был по просьбе мадам Параджановой после траурной службы по сыну освятить союз, совершил «только заупокойную мессу», поскольку он не в состоянии был понять карнавального кода этого действия [Параджанов, 2006, с. 85]. Мы видим, что он иронично представляет отца как грешника. Исследователь творчества Параджанова К. Калантар объясняет ироническое отношение к отцу событиями в биографии режиссера – отказом помочь необеспеченному сыну заплатить калым за первую жену Нигяр, трагически погибшую от рук своих братьев [Калантар, с. 16].

Личный метод преодоления страха смерти читаем в воспоминаниях Алины Литинской:

Он раздаривал все... <...> Незадолго до смерти Сергей попросил своего друга-скульптора вылепить его голову с чашей-выемкой на затылке. Пусть там собирается дождевая вода, и пусть ее пьют птицы [Параджанов, 2006, с. 85].

Скульптура использовалась не только в прагматическом и утилитарном ключе, но и в метафорическом, так как его голова всегда была источником мудрости для последующих поколений, чтобы они черпали «воду» (оригинальные идеи, фантазии) из его головы-источника.

3. Саломея и Иоканаан (Г. Габиния и С. Параджанов). Конец 1960-х гг. Фотография Л. Гогоберидзе [Параджанов, 2006, с. 196]
Salome and Jokanaan (G. Gabiniya and S. Parajanov). Late 1960s. Photograph by L. Gogoberidze

«Игра в смерть» автору видится на фотографии, названной С. Параджановым «Саломея и Иоканаан» (конец 1960-х, фото Л. Гогоберидзе), сюжет которой был срежиссирован им во время прогулки по Киеву с актрисами Гией Габиния и Ланой Гогоберидзе (ил. 3). Как отметила Л. Гогоберидзе в своих воспоминаниях «Настоящий тбилисец», получилось «нечто удивительное – такая

прекрасная Саломея с головой Иоканаана на фоне современного Киева» [цит. по: Там же, с. 196]. Благодаря воображению режиссера Лана представляется в роли Саломеи, а Параджанов – в роли пророка Иоканаана (Иоанна Крестителя). По всей вероятности, он по аналогии с сюжетами картин «Саломея» Лукаса Кранаха Старшего, «Саломея с головой Иоанна Крестителя» Караваджо или «Саломея с головой Иоанна Крестителя» Гвидо

Рени представляет себя в роли жертвы, тем самым продолжая тему игры в смерть.

Подобные психотерапевтические игры могли иметь функцию нападения на смерть. Австрийский писатель Элиас Канетти в своей книге «Тайное сердце часов» так размышляет о смерти:

Отчего ты восстаешь против представления о том, что смерть уже присутствует в живущих? Нет ее разве в тебе? Она есть во мне, потому что мне нужно нападать на нее. Для этого, ни для чего другого она нужна мне, для этого я обзавелся ею.

< . . . >

Но я проклинаю смерть. Я не могу иначе. И даже если бы мне пришлось ослепнуть на этом, я не могу иначе, я отталкиваю смерть [Канетти, с. 310, 355].

Мы можем отметить типологическую общность ощущения смерти у Канетти и у Параджанова. Они оба пытались изгнать смерть: Канетти – рефлексирова, Параджанов – играя.

Параджанов был способен дистанцироваться от смерти близкого человека и стать «режиссером» его похорон. Он эстетизировал даже панихиду, например, организовал театрализованные похороны Лили Брик. Как отмечает К. Церетели в предисловии к книге мастера, он «облачил ее в старинное, украшенное многоцветной вышивкой гуцульское платье и декорировал комнату под цветочную клумбу» [Параджанов, 2006, с. 12]. Об этом эпизоде читаем также в воспоминаниях Ирины Уваровой:

Рукою великого маэстро он правил траурный бал. Это он навел чудесный грим на каменеющие крупные ее веки. Это он обрядил ее в гуцульскую рубаху со скорбной вышивкой у горловины. Он принес соловьиные розы и привел катафалк. Все это он перечислил у ее гроба, отчитываясь перед нею в деяниях, которыми почтена была ее женственность и ее красота, властно и капризно требующая служения [Уварова, с. 4].

В режиссерской оптике Параджанова и люди, и покойники были художественным материалом. Даже трагическое, прискорбное событие он превращал в эстетический перформанс, мертвое тело – в эстетический знак.

Когда умер муж его сестры парикмахер Жора, Параджанову не нравилась его худоба:

«Жора очень худой. Нельзя. Неприлично. Завтра будет панихида, а Жора так плохо выглядит». Он нашел ветхий диван на свалке, выпотрошил его, набрал поролона и запихал под костюм Жоры, затем загримировал его, закрутил усы, а на панихиде всем говорил: «Посмотрите, Жора похож на императора Фердинанда» [Коллаж на фоне, с. 176].

Режиссер был полностью вовлечен в игру, в постановку, а реальность воспринимал как игровое пространство. Само сравнение парикмахера Жоры с императором Священной Римской империи Фердинандом (1558–1564) уже вызывает смех и отсылает к карнавальному видению мира⁵, но и на этом Параджанов не останавливается. Свою сестру, жену Жоры, он «заставил на панихиде сесть на подушку из персидского ковра, надел на нее шубу, на голову положил маленькую черную подушечку, а сверху – гранат» [Коллаж на фоне, с. 76].

«Постановка» панихиды и статичная фигура сестры смоделированы как часть перформанса. Вещная синтагма, соединение несоединимого в контексте панихиды (подушка из персидского ковра, шуба, черная подушка на голове, гранат) и цветовые комбинации (разноцветный ковер, темная шуба, черные и красные цвета) придают ей театральность⁶. Весь этот визуальный праздник для неподготовленного реципиента становится непонятным действием. Именно поэтому, как отмечал сын Жоры Георгий Параджанов, гости были загипнотизированы, «не прикоснулись к еде от ужаса и суеверного страха» [Там же], поскольку в их фрейм не входила подобная организация панихиды, которую К. Церетели назвала «траурным балом», представив Жору как испанского гранда [цит. по: Параджанов, 2006, с. 12]. Сравнение описаний панихиды, данных К. Церетели и Г. Параджановым, показывает, что Жора действительно мог походить на испанского гранда, поскольку его усы были закручены соответствующим образом. Однако в контексте сказанного формулировка К. Церетели, что панихида-перформанс Жоры походила на «траурный бал», не совсем точна, поскольку на ней никто не танцевал.

Но представление «Похороны парикмахера» на этом не закончилось. В процессе похорон Параджанов куда-то пропал и вернулся с тяжелой сумкой. Раздал соседям ножницы, и они по его указанию начали щелкать ими в ритм шествия траурной процессии [Калейдоскоп Параджанова, 2014, с. 48].

С. Параджанов срежиссировал похороны не только зятя, но и собственной сестры. Его друг Карен Калантар был очевидцем этого перформативного акта в 1989 г.:

В день похорон меня поразило убранство гроба. Оно было необыкновенно красиво, такого совершенства траурного оформления мне еще не приходилось видеть: виртуозно выполненные рисунок и композиция, состоявшие из сочетания шелковисто-зеленого и черного с узорами розовых, красных, белых, фиолетовых цветов словно дышали, в них чувствовалось какое-то скрытое движение, легкое и изящное, сообщавшее значительность и торжественность тому маленькому некрасивому

⁵ Ср. работу С. Параджанова «Мой зять парикмахер Жора» (1969) [Параджанов, 1969] с портретом работы Ганса Боксбергера Старшего.

⁶ См. фотографии Юрия Мечетова: [Сергей Параджанов. Хроника диалога, с. 120–121].

островку абсолютного покоя, который благодаря этому притягивал взоры и завораживал. Сам же Параджанов больше походил не на скорбящего родственника, а на деловитого и внимательного распорядителя, зорко следящего за тем, чтобы приносимые людьми цветы не нарушили этой гармонии, не испортили этой красоты. Он давал краткие указания, что унести и принести, как положить, и казалось, его главной заботой и обязанностью было именно это... [Калантар, с. 15].

Вышеприведенные примеры эстетизации тела, похорон, поминок и всего, что с ними связано, подводят к мысли о том, что через самооплакивание режиссер преодолевал боязнь смерти, через эстетизацию траурного пространства выражал свое уважение и почтение к умершим. Но как у него получалось дистанцироваться от ситуации, чтобы быть в состоянии заниматься постановкой, следить за гармонией цвета, внешним видом умерших и их одеянием?

Вероятно, объяснение заключается в том, что скорбную ситуацию он превращал в запоминающийся знак. По сути, его «колдовство» с мертвыми и похоронами на прагматическом уровне могло восприниматься как нечто, выпадающее из фрейма «трагическое», и преобразовывалось в праздник со знаком «минус» – траурный праздник, приобщая человека к вечности. Иными словами, Параджанов превращал похороны в театрализованное представление.

Рефлексия о смерти

С. Параджанов с горечью вспоминал о решении советских чиновников превратить территорию тбилисского городского кладбища, где были похоронены и его родственники, в парк культуры. В одном из своих выступлений он говорил по поводу своего фильма «Исповедь»⁷:

В нем речь идет о моем детстве. Когда Тбилиси разросся, старые кладбища стали частью города. И тогда наше светлое, ясное, солнечное правительство решило убрать кладбища и сделать из них парки культуры. То есть деревья, аллеи оставить, а могилы, надгробия убрать. Приезжают бульдозеры и уничтожают кладбище. Тогда ко мне в дом приходят духи,

⁷ Для Сергея Параджанова мотив исповедания, рассказа о своей жизни был не только результатом душевного устремления, но и жанровым модусом. Будучи в тяжелом состоянии в больнице, он как-то сказал В. Катаняну: «Я так виноват перед вами» [Катанян, с. 163]. Этот мотив должен был реализоваться в автобиографическом фильме «Исповедь». На замысел режиссера повлияли фильмы Ф. Феллини («Амаркорд», 1963) и А. Тарковского («Иваново детство», 1962). В эссе «Исповедь» Параджанов отмечает, что материал он брал из своего детства, как и Феллини: «Думаю, что и Феллини целиком и полностью вышел из своего детства. Если бы он забыл свои детские воспоминания, свое отношение к женщинам, к пище, к месту, где рос, тогда Феллини был бы весьма средним режиссером. Он все черпает из своего детства» [Параджанов, 2020b, с. 34]. По признанию самого Параджанова, «Исповедь» он считал «личной Библией» и самым любимым сценарием [Коллаж на фоне, с. 108]. К сожалению, закончить картину он не успел.

мои предки, потому что они стали бездомными. Дед и бабушка, женщина, которая сшила мне первую рубашку, мужчина, который первый искупал меня в турецкой бане... В конце я умираю у них на руках, и мои предки меня хоронят [цит. по: Карапетян].

Параджанов с горькой иронией описывает трансформацию городского пространства. С минимальными затратами кладбище превращается в парк. С точки зрения городских властей, возможно, это решение было обоснованным, но для родственников умерших оно стало трагедией, означало угрозу потери индивидуальной памяти. К сожалению, этот эпизод не был переведен на язык кино. Он мог стать визуализацией не только личной потери, но и утраты поколенческой социальной памяти, поскольку затронул многих людей. Что же касается сюжета прихода «бездомных» предков, то он был не просто приемом превода эпизода на язык кино. По воспоминаниям К. Церетели, Параджанов был суеверным человеком:

Как истинный житель Тифлиса, города, сохранившего множество языческих обрядов и традиций, Параджанов был суеверен, соблюдал ритуалы, безоговорочно верил в материальную силу слова, в заклęcia, порчу, предсказания. Его связь с близкими людьми не прекращалась с их уходом в мир иной, а как бы переходила в другое измерение [цит. по: Параджанов, 2006, с. 11].

Обращаясь к жене Светлане в 1975 г., он пишет: «Скоро год смерти матери. Она снится! Послал волосы свои – надо их похоронить, тогда она не будет являться» [Параджанов, 2020а, с. 113]. В описанном обряде «похорон» срабатывает механизм передачи чего-то своего (волос) умершей матери. Ее образ всплывал в его сознании, поскольку Параджанов испытывал чувство вины, так как не имел возможности посетить ее могилу. Именно факт его обязательного присутствия на годовщине смерти матери как соблюдения незыблемого обычая стал поводом для его снов.

В письме Параджанова его другу, оператору и режиссеру Михаилу Вартанову выявляется совершенно другая семантика волос. Узнав, что за год до окончания срока ему хотят «пришить» еще одно новое дело, Параджанов отправил прядь волос в целлофановом пакете Михаилу, написав следующее:

Я в плену у Уголовного кодекса. Меня никогда не выпустят отсюда. Если я не доеду до Армении, похорони их в нашей земле. Целую тебя и нашу землю. Сыну покажи Севан и Арарат... Осталось 400 дней... Все естественно, и моя гибель, и моя жизнь [цит. по: Калантар, с. 19].

Здесь волосы уже функционируют как часть целого – тела. На символическом уровне Параджанов заранее «отправил» свое тело для

погребения на случай невозвращения на родину. Последний пример показывает крайнюю степень страха и отчаяния, которые он испытывал, а последующие слова («покажи сыну Севан и Арарат») звучат как завещание. Игра в жизнь и смерть завершилась в 1990 г. в Ереване. Параджанов был похоронен в Пантеоне имени Комитаса.

* * *

Мотивы оплакивания, самооплакивания и самозахоронения у С. Параджанова имеют интертекстуальные связи с творчеством Клода Тилье, Эдуарда Молинарро и Георгия Данелия. Но основной творческий импульс режиссер получил от грузинского режиссера Г. Данелия («Не горюй!»). Вышеупомянутые мотивы в творчестве Параджанова проявлялись в разные годы его жизни в письмах, сценариях, коллажах, фотографиях, перформативных актах, были описаны в воспоминаниях друзей и т. д. Они были важными лейтмотивами его творческой натуры. Параджанов не раз сталкивался с проблемой смерти, испытал ее страх, переживал ее через самооплакивание и игру в самопохороны. Эта проблема преодолевалась им не только на уровне карнавальных самопохорон и самооплакивания, но и через создание других культурных образов. Параджанов был не только активным участником своих самопохорон, но и их режиссером-постановщиком. Эстетизируя поминки и похороны своих родных и близких (зятя, сестры), он трансформировал семейную драму в искусство. Дистанцированное отношение к смерти близких и эстетизация похорон говорят о том, что режиссер стремился показать своеобразную красоту смерти, превращая похороны в эстетические перформативные акты.

Библиографические ссылки

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Постум, 2015. 240 с.

Калантар К. Очерки о Параджанове. Ереван : Гитутюн НАН РА, 1998. 182 с.

Калейдоскоп Параджанова : Рисунок, коллаж, ассамбляж. Ереван : Музей Сергея Параджанова, 2014. 156 с.

Канетти Э. Из книги «Тайное сердце часов. Заметки 1973–1985» / пер. С. Власова // Человек нашего столетия / сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. М. : Прогресс, 1990. С. 310–358.

Каранетян Г. Сергей Параджанов // Крещатик : [сайт]. 2006. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2006/4/sergej-paradzhanov.html> (дата обращения: 03.06.2024).

Катаян В. В. Параджанов. Цена вечного праздника. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2001. 248 с.

Коллаж на фоне автопортрета. Жизнь – игра / авт. идеи, предисл., коммент., сост. и подбор ил. К. Церетели. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2008. 288 с.

Красильников Р. Л. Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии // Мортальность в литературе и культуре. М. : Новое лит. обозрение, 2015. С. 7–17.

Кунцев К. Жил-был Параджанов : док. повесть // Дружба народов : [сайт]. 2011. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/9/zhil-by-l-paradzhanov.html> (дата обращения: 03.06.2024).

- Параджанов С. Мой зять парикмахер Жора. 1969 // Музей Сергея Параджанова : [сайт]. URL: <https://parajanovmuseum.am/ru/> (дата обращения: 03.06.2024).
- Параджанов С. Оплакивание кинорежиссера. 1974–1977 // Музей Сергея Параджанова : [сайт]. URL: <https://parajanovmuseum.am/ru/> (дата обращения: 03.06.2024).
- Параджанов С. Плачущая Джоконда. 1977 // Музей Сергея Параджанова : [сайт]. URL: <https://parajanovmuseum.am/ru/> (дата обращения: 03.06.2024).
- Параджанов С. Дремлющий дворец. М. : Азбука-классика, 2006. 224 с.
- Параджанов С. Письма из зоны / авт. проекта, сост. и гл. ред. Г. Закоян. Ереван : Антарес, 2020а. 356 с.
- Параджанов С. Гранат любви. М. : Зебра Е : Галактика, 2020б. 288 с.
- Сергей Параджанов. Хроника диалога / сост. Ю. Мечитов. М. : Зебра Е : Галактика, 2024. 498 с.
- Сергій Параджанов. Коллажі, графіка, твори декоративного мистецтва : альбом / концепція О. й А. Габріелян ; упорядник З. Саркісян ; ступне слово Р. Ширмана ; ред. С. Захаркін. Київ : Дух і літера, 2008. 57 с.
- Петросян Э. «Веселые похороны» – армянская версия карнавала // Ист.-филол. журн. 2020. № 3. С. 140–161.
- Симян Т. С. Сергей Параджанов как текст: человек, габитус, интерьер (на материале визуальных текстов) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 197–215. DOI 10.23951/2312–7899–2019–3–197–215.
- Симян Т. С. Проблема семиотического перевода: мистификатор и «переводчик» (на примере Сергея Параджанова) // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 453–468. DOI 10.25205/2307–1753–2023–1–453–468.
- Тилье К. Мой дядя Бенжамен. М. : Худож. лит., 1937. 270 с.
- Уварова И. П. Зарисовки в виде персидской миниатюры // Киносценарии. 1993. № 6. С. 3–6.
- Харт Ниббриг К. Л. Эстетика смерти / пер. с нем. А. Белобратова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 424 с.

References

- Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation] / transl. by A. Kachalov. Moscow, Postum. 240 p.
- Canetti, E. (1990). Iz knigi “Tainoe serdtse chasov. Zametki 1973–1985” [From the Book *The Secret Heart of the Clock. Notes, Aphorisms, Fragments 1973–1985*] / transl. by S. Vlasov. In Pavlova, N. S. (Ed.). *Chelovek nashego stoletiya* / comment. by R. G. Karalashvili. Moscow, Progress, pp. 310–358.
- Habrielyan, O., Habrielyan, A., Sarkisyan, S. (Eds.). (2008). *Sergii Paradjanov. Kollazhi, grafika, tvori dekorativnogo mistetstva. Al'bom* [Sergei Parajanov. Collages. Graphics. Works of Decorative Art. Album]. Kyiv, Duh i litera. 57 p.
- Hart Nibbrig, C. L. (2005). *Estetika smerti* [Aesthetics of Death] / transl. by A. Belobratov. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 424 p.
- Kalantar, K. (1998). *Ocherki o Paradjhanove* [Essays on Parajanov]. Yerevan, Gitutyun Natsional'noi akademii nauk Respubliki Armeniya. 182 p.
- Kaleidoskop Paradjhanova. Risunok, kollazh, assamblyazh* [Kaleidoscope of Parajanov. Drawing, Collage, Assemblage]. (2014). Yerevan, Muzei Sergeya Paradjhanova. 156 p.
- Karapetyan, G. (2006). Sergey Paradjhanov [Sergei Parajanov]. In *Khreshchatik* [website]. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/kreshchatik/2006/4/sergej-paradjhanov.html> (accessed: 03.06.2024).
- Katanyan, V. V. (2001). *Paradjhanov. Tsena vechnogo prazdnika* [Parajanov. The Price of an Eternal Holiday]. Nizhny Novgorod, DECOM. 248 p.
- Krasil'nikov, R. L. (2015). Epistemologicheskie problemy gumanitarnoi tanatologii [Epistemological Problems of Humanitarian Thanatology]. In *Mortal'nost' v literature i kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–17.

Kuntsev, K. (2011). Zhil-byt Paradzhanov. Dokumental'naya povest' [Once upon a Time, There Was Parajanov. Documentary Story]. In *Druzhba narodov* [website]. No. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/9/zhil-byt-paradzhanov.html> (accessed: 03.06.2024).

Mechitov, Yu. (Ed.). (2024). *Sergei Paradzhanov. Khronika dialoga* [Sergei Parajanov. Chronicle of the Dialog]. Moscow, Zebra E, Galktika. 498 p.

Parajanov, S. (1969). Moi zyat' parikmakher Zhora [My Son-in-Law, Hairdresser Zhora]. In *Muzei Sergeya Paradzhanova* [website]. URL: <https://parajanovmuseum.am/ru/> (accessed: 03.06.2024).

Parajanov, S. (1974–1977). Oplakivanie kinorezhissera [Mourning of a Film Director]. In *Muzei Sergeya Paradzhanova* [website]. URL: <https://parajanovmuseum.am/ru/> (accessed: 03.06.2024).

Parajanov, S. (1977). Plachushchaya Dzhokonda [The Crying Gioconda]. In *Muzei Sergeya Paradzhanova* [website]. URL: <https://parajanovmuseum.am/ru/> (accessed: 03.06.2024).

Parajanov, S. (2006). *Dremlyushchii dvorets* [The Dormant Palace]. Moscow, Azbuka-klassika. 224 p.

Parajanov, S. (2020a). *Pis'ma iz zony* [Letters from the Penitentiary] / ed. by G. Zakoyan. Yerevan, Antares. 356 p.

Parajanov, S. (2020b). *Granat lyubvi* [Pomegranate of Love]. Yerevan, Zebra E, Galaktika. 288 p.

Petrosyan, E. (2020). “Veselye pokhorony” – armyanskaya versiya karnavala [“Merry Funeral” – The Armenian Version of the Carnival]. In *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 140–161.

Simyan, T. S. (2019). Sergei Paradzhanov kak tekst: chelovek, gabitus, inter'er (na materiale vizual'nykh tekstov) [Sergei Parajanov as a Text: Man, Habitus, and Interior (Based on the Material of Visual Texts)]. In *ИПАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noi semiotiki*. No. 3, pp. 197–215. DOI 10.23951/2312–7899–2019–3–197–215.

Simyan, T. S. (2023). Problema semioticheskogo perevoda: mistifikator i “pervodchik” (na primere Sergeya Paradzhanova) [The Problem of Semiotic Translation: Sergei Parajanov as a Mystifier and “Translator” (with Reference to Sergei Parajanov)]. In *Kritika i semiotika*. No. 1, pp. 453–468. DOI 10.25205/2307–1753–2023–1–453–468.

Tillier, C. (1937). *Moi dyadya Benzhamen* [My Uncle Benjamin]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 270 p.

Tsereteli, K. (Ed.). (2008). *Kollazh na fone avtoportreta. Zhizn' – igra* [Collage on the Background of a Self-Portrait. Life Is a Game]. Nizhny Novgorod, DECOM. 288 p.

Uvarova, I. P. (1993). Zarisovki v vide persidskoi miniatyury [Sketches in the Form of a Persian Miniature]. In *Kinostsenarii*. No. 6, pp. 3–6.

The article was submitted on 28.08.2023

**«Вспышка сознания в беспмятстве дней»:
пророческий дар Анны Ахматовой***

Татьяна Снигирева

¹Уральский федеральный университет;

²Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Анна Меньщикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days”:
Anna Akhmatova’s Prophetic Gift****

Tatyana Snigireva

¹Ural Federal University;

²Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Anna Menshchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This study focuses on *From Sketches* (1959), a little-known poem of Anna Akhmatova’s later work that has received no literary commentary. The fragment fits into some of the poet’s known poetic and prose predictions and is also

* Исследование А. Меньшиковой выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с Программой стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

** *Citation*: Snigireva, T., Menshchikova, A. (2024). “A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days”: Anna Akhmatova’s Prophetic Gift. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 436–448. DOI 10.15826/qr.2024.2.887.

Цитирование: Snigireva T., Menshchikova A. “A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days”: Anna Akhmatova’s Prophetic Gift // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 436–448. DOI 10.15826/qr.2024.2.887 / Снигирева Т., Меньщикова А. «Вспышка сознания в беспмятстве дней»: пророческий дар Анны Ахматовой // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 436–448. DOI 10.15826/qr.2024.2.887.

correlated with the image of Cassandra that accompanied Akhmatova throughout her creative life. Referring to some of the poet's memoirs and autobiographical prose, as well as to materials from the author's notebooks, it is possible to discover some overlaps that indicate, on the one hand, the writer's consistent strategy (from prediction to the terrible ability to draw upon misfortune), and, on the other hand, the integrity of the image of time / the end of time that is formed in Akhmatova's notes: both in the work on variants of poetic lines, and in the secret writing of notebooks. At present, there are several versions of the poem, written at different times, some of which have a title and some of which do not, and are characterised by major and minor discrepancies. A comparative textual analysis of the poetic variations testifies to the poet's search for increasingly powerful and precise means of describing the approach of an apocalyptic catastrophe. Despite the intonational similarity of *The Running of Time*, the 'sketch' in question appears never to have been incorporated by the poet as a separate stanza into a cycle or larger text. The study shows that the poem, highlighted by a poetic and prosaic context, reveals one of the key features of the poetics of the unfinished, typical of A. Akhmatova's later artistic thinking. The dialogical nature and 'semantic valence' of Akhmatova's poetry, and the emergence of new meanings, are stimulated by the 'passage of time' and are actualised when disasters and difficulties occur, each time helping to uncover the hidden visionary layers of Akhmatova's poetry.

Keywords: Anna Akhmatova, later work, Cassandra, prophecy, poetics of a fragment, unfinished art piece

В центре исследования – малоизвестное стихотворение Анны Ахматовой позднего периода творчества «Из набросков» (1959), до настоящего момента не получившее литературоведческого комментария. В ходе исследования фрагмент вписывается в ряд достаточно известных поэтических и прозаических предсказаний поэта, а также соотнесен с образом Кассандры, сопровождавшим Ахматову на протяжении всей ее творческой судьбы. Обращение к массиву мемуаров, связанных с образом поэта, а также к автобиографической прозе и материалам записных книжек автора позволяет обнаружить пересечения, указывающие, с одной стороны, на последовательную стратегию пишущего (от предсказания как такового до страшной способности накликаания несчастий), с другой – на целостность образа времени / конца времен, который складывается в записях Ахматовой и в работе над вариантами стихотворных строк, и в тайнописи записных книжек. На сегодняшний день доступно несколько вариантов стихотворения с разными датировками, поставленным или отсутствующим названием, существенными или небольшими разночтениями. Текстологический сопоставительный анализ поэтических вариаций свидетельствует о поисках поэтом все более сильных и точных средств изображения приближающейся апокалиптической катастрофы. Несмотря на интонационную близость «Бегу времени», рассматриваемый набросок, по всей видимости, так и не был включен поэтом в цикл или более крупный текст в качестве отдельных строк. Исследование показало, что стихотворение, подсвеченное поэтическим и прозаическим контекстом, являет одну из ключевых черт

поэтики незавершенного, столь свойственных художественному мышлению поздней Ахматовой. Диалогичность, «смысловая валентность» поэзии Ахматовой, возникновение новых смыслов стимулируются «бегом времени», актуализируются при свершении катастроф и бед, что каждый раз позволяет обнаруживать ее скрытые провидческие пласты.

Ключевые слова: Анна Ахматова, позднее творчество, Кассандра, пророчество, поэтика фрагмента, незавершенное

Образ Кассандры сопровождал Анну Ахматову на протяжении всей жизни наряду с другими зеркальными образами (девы Луны, русалки, колдуньи, Федры, скорбной музы, чингизидки, царицы, жены, матери), возникающими, чередующимися, спорящими друг с другом по мере разворачивания судьбы поэта. Система alter ego лирического «я» закрепляется в творчестве как самой Ахматовой, так и ее друзей-современников в поэзии, затем в мемуарах, позже – в литературоведческом осмыслении.

Ахматова внимательно следила, какой образ складывается вокруг ее имени (а порой сознательно моделировала его). Образ Кассандры, связанный с тайным трагическим знанием, поддерживала и культивировала, «подкладывая» (выражение Ахматовой) современникам все новые факты своего дара предугадывания и предвосхищения событий. В мемуарах о поэте действительно нередко встречаются упоминания о ее способности предвидеть: «Могу сообщить одну, и довольно существенную черту в ее творчестве: предчувствие своей судьбы» [Срезневская, с. 6]; «Она вдруг сосредоточенно посмотрит на меня и вдруг скажет что-нибудь, и я раскрою от удивления глаза: она поймала мою мысль и ответила на нее» [Мандельштам Н. Я., с. 325]; «В Ахматовой ум, способность к острой критической оценке и иронический юмор сосуществовали с представлением о мире, которое было не только драматичным, но иногда – провидческим и пророческим» [Берлин, с. 449].

Ярким примером мимолетного предсказания чужой судьбы, поддержанным многими исследованиями, стал сюжет воспоминаний о предсказанной смерти едва знакомой девушки: «Однажды в ее присутствии дома шел разговор о какой-то девочке, о ее одаренности. Ахматова, совсем еще юная, лежала с книжкой на диване, не участвуя в разговоре. А когда кто-то сказал, что девочке предстоит большое будущее, Ахматова неожиданно для самой себя произнесла: “Да, если в шестнадцать лет она не умрет в Ницце о чахотки”. Все были поражены, когда предсказание в точности сбылось» [Роскина].

Еще чаще можно обнаружить воспроизведенные диалоги с поэтом, в которых мысль о пророческом даре предлагается собеседнику от первого лица. Так, Г. В. Глёткин в дневниковую запись от 24 февраля 1960 г. включает слова Ахматовой «Вообще меня надо жечь как колдунью», а ниже дает комментарий: «Она рассказала,

как предсказала Ирине (Пуниной. – Т. С., А. М.) деканство в Архит. ин-те» [Глѣкин, с. 111]. Показательно, что здесь же автор воспоминаний обращается к прозаическим опытам Ахматовой: «Она прочла страничку своих дневниковых записей... там есть фраза о том, что она чувствует, что что-то с ней происходит – “как дыханье раскаленной печи”» [Там же], а в комментариях приводит более обширный прозаический фрагмент:

Последние дни я все время дополнительно чувствую, что где-то что-то со мной случается. По какой линии, это еще неясно. То ли в Москве, то ли еще где-нибудь что-то втягивает меня, как горячий воздух огромной печи или винт парохода [Ахматова, 1986, т. 2, с. 257].

А. А. Ахматова. Ленинград, зима 1958–1959 гг. Фотография Б. Н. Стрельникова с сайта аукционного дома «Империя». <http://www.auction-imperia.ru/>

A. A. Akhmatova. Leningrad, winter of 1958–1959. Photograph by B. N. Strel'nikov

В данном случае очевидно участие поэта в создании заметок и воспоминаний о себе, поскольку текст ее прозы вводится в форме прямой цитаты и служит усилением провидческой темы.

К наиболее известным, закрепленным в прозе поэта сюжетам о собственном даре провидения относятся рассказы о словах по поводу мемориальной доски на даче Саракини, сказанных в 15-летнем возрасте («У входа в избушку я сказала: “Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска”. Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка» [Ахматова, 1999–2001, т. 5, с. 164]). Широко известны воспоминания об «увиденной» задолго до постройки «будке» («эти зеленые домики с застекленными террасами... непрерывно стояли перед моими (закрытыми) глазами в 1951 г. в Пятой Советской больнице (Москва), когда я лежала после инфаркта и, вероятно, находилась под действием пантопона. Дома эти тогда еще не существовали – их построили в 1955 г.» [Ахматова, 1986, т. 2, с. 254]); о «круглоголовом человеке без лица», являвшимся поэту во время тяжелейшего тифа в 1942 г. и рассказывавшем все, что случится после возвращения из Ташкента (запись об этом видении была сожжена) [Ахматова, 1999–2001, т. 5, с. 163].

Способность предугадать, предречь, обозначить трагическое событие Ахматова всегда связывала с поэтическим даром, с «царственным словом»:

Но в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта
(1959) [Ахматова, 1990, т. 2, с. 106];

Поэт не человек, а только дух –
Будь слеп он, как Гомер,
Иль, как Бетховен, глух, –
Все видит, слышит, всем владеет...
(1962) [Там же, с. 83].

В это же время – в конце 1950-х – 1960-е гг., работая над материалами о Пушкине, Ахматова делает запись, которая может быть прочитана как пророчество о судьбе гения:

И, что самое для них (гонителей и мучителей Пушкина. – Т. С., А. М.)
страшное, – они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклинять
[Ахматова, 1990, т. 2, с. 110].

Убедительный анализ образа Ахматовой-провидицы, предвестницы бедствий, предложен Т. В. Цивьян в статье «Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – зеркала Ахматовой». Подробно рассмотрев каждое из отражений, исследователь приводит более десяти известных поэтических высказываний 1910–1960-х гг., в числе которых и ранние строки «Памяти 19 июля 1914», и «Молитва», а также поздний «Трилистник московский», отрывки из «Реквиема» и «Поэмы без героя», связанных с трагическими предсказаниями, осуществленными поэтическим словом Ахматовой. Проследившая становление и закрепление образа Кассандры – предвестницы трагических событий, начатое О. Мандельштамом («Я не искал в цветущие мгновенья / Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз...» [Мандельштам О. Э., с. 118]), Т. Цивьян отмечает неожиданно раннее появление мотива предсказания, «когда, казалось бы, нельзя было провидеть бед и катастроф» [Цивьян, с. 29], предвидения поэтом трагических событий, в том числе в собственной судьбе, вплоть до знания обстоятельств собственной смерти:

Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину...
[Ахматова, 1990, т. 1, с. 293].

При этом мотив трагического предвидения, по точному замечанию исследовательницы, оборачивается в поэтическом слове темой накликаемой беды, столь же отчетливо явленной в творчестве Ахматовой, что с безусловностью подтверждается известными строками:

Я гибель наклкала милым...
О горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим
[Ахматова, 1990, т. 1, с. 168].

Один из самых известных примеров предсказанного и/или накликаемого – ахматовская «Молитва», на примере которой, а также стихотворения «Памяти 19 июля 1914» Л. Г. Кихней, неоднократно обращаясь к анализу мифопоэтической основы творчества Ахматовой, разворачивает «анатомию» эсхатологического пророчества поэта, становящегося вневременным. Л. Г. Кихней говорит о проекции образов реальности на мифологическую метаситуацию, на «матричное событие» эпохи, Первую мировую войну – наказание, испытание. Конкретные коллизии получают преломление в зеркале фольклорной и библейской традиции, переставая соотноситься исключительно с событиями, имеющими точные даты [Кихней].

Возможность соположения конкретного момента и архетипических ситуаций, их преломления в зеркале мифов, значимых для Ахматовой, определяется диалогичностью ее текстов. Л. Г. Кихней и Т. С. Круглова приходят к выводу об отсутствии «твердого» смысла в большинстве поздних произведений поэта: «Семантика текста представляется неким “силовым потоком”, который меняет свой вектор в зависимости от читательского восприятия. При этом та или иная трактовка... задается самим текстом, вернее, скрытыми, как бы спящими в нем “смысловыми валентностями”. И способность образовывать новые “химические соединения” смысла обуславливается... интертекстуальным включением того или иного произведения в макродиалог биографии – истории – культуры» [Кихней, Круглова, с. 132].

Примерами неожиданного считывания другого, лично-индивидуального смысла могут служить многочисленные упоминания Ахматовой о восприятии «Поэмы без героя». Приведем одно из них:

Я начинаю замечать еще одно странное свойство Поэмы: ее все (подчеркивание Ахматовой. – Т. С., А. М.) принимают на свой счет, узнают себя в ней. В этом есть что-то от «Фауста» [Записные книжки, с. 154].

Показательны рассуждения Аллы Демидовой о свойстве поэзии Ахматовой перекликаться с сегодняшним днем. Вспоминая о своем выступлении в разрушенном от землетрясения Спитаке, она пишет: «Я стала читать там “Реквием”, и оказалось, что это не про 37-й год, а про то, что произошло в Армении. Все плакали. Это было абсолютно про них» [Демидова, с. 149].

Диалогичность, «смысловая валентность», возникновение новых «химических соединений смысла» стимулируются «бегом времени», актуализируются при свершении катастроф и бед, что каждый раз позволяет обнаруживать скрытые провидческие пласты ахматовской поэзии. Так, практически не замеченным для исследователей в ряду более известных поэтических пророчеств стало стихотворение «Даль рухнула, и пошатнулось время...»:

Из набросков

Даль рухнула, и пошатнулось время,
 Бес скорости стал пяткою на темя
 Великих гор и повернул поток,
 Отравленным в земле лежало семя,
 Отравленным бежал по стеблям сок,
 Людское мощно вымирало племя,
 И знали мы, что очень близок срок
 [Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 35].

Едва ли не единственным развернутым высказыванием об «отрывке» стали размышления В. Д. Берестова, предположившего, что стихотворение могло относиться к ненаписанному «Фаусту». Одновременно автор расширяет возможность трактовки: «Страшное видение неких грядущих Чернобылей, поворотов рек, усыхания Арала и пока неведомых нам экологических катастроф: ведь теперь “бес скорости” может мигом осуществить на деле самые фантастические замыслы» [Берестов, с. 2].

На нынешний день доступно несколько вариантов стихотворения с различающимися датировками, имеющимся или отсутствующим названием, существенными или небольшими разночтениями. В процитированном выше шеститомнике оно дается с названием и датировкой – 1959¹. Стихотворение опубликовано вне раздела в соответствии с хронологическим принципом издания стихов. В комментариях к этому изданию представлено еще три черновых автографа (БП, РГАЛИ, РНБ), разошедшихся по разным изданиям А. Ахматовой. В записных книжках указаны авторская датировка (1950-е гг.) и название – «Из набросков», что дает основания полагать: название имело значение и связано с указанием на фрагментарность – одну из ключевых черт поэтики незавершенного, столь свойственную художественному мышлению поздней А. Ахматовой. В некоторых вариантах стихотворения встречаются пропущенные или незаконченные строки – многоточия и отточия, что позволяет говорить о том, что набросок мог мыслиться поэтом и как часть более глобального художественного единства, так и оставшегося невоплощенным.

¹ Дано указание, что первая публикация осуществлена в издании БП по автографу РГАЛИ. Заметим, что этот вариант графически и лексически почти совпадает с записными книжками, в последней строке убран лишь противительный союз «и», поставленный Ахматовой в скобках, «все» заменено на «мы».

Текст вариативен лексически, графически, в нем меняются границы предложений, число строк, рисунок рифмы.

Вариант 1

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости [невидимо] вдруг наступил на темя
Могучих гор и повернул поток,
В земле [дремучей не прозябло], отравлено, лежало семя,
[По стеблю не пошел зеленый сок].

И все, что снилось нам в начале века,
.....

Индуса бредни, и мечтанья грека,
И Страшного суда великий час, –
Все у порога...

[Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 341].

Вариант 2

Пространство выгнулось, и пошатнулось время,
Дух скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.
Отравленным в земле прозябло семя,
И знали все, что наступает срок
[Там же].

Вариант 3

Даль рухнула и пошатнулось время
.....
Бес скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
.....племя,
Но знали все, что очень близок срок
(1959) [Там же].

Вариант 4

Из набросков

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
Людское мощно вымирало племя,
[Но] И знали все, что очень близок срок
(1959) [Записные книжки, с. 570].

Сопоставительный анализ поэтических вариаций свидетельствует о поисках поэтом все более сильных и точных средств изображения приближения апокалиптической катастрофы. Ямбическая пятистопная основа стиха с нередкими спондеями на первой стопе, найденная изначально, ритмически оптимально передает чувство неумолимой неизбежности гибели пространства, земли, человечества, всего миропорядка. Ахматова быстро отказывается от отсылки к Серебряному веку («И все, что снилось нам в начале века...») как излишней апелляции к личной судьбе и ненужной привязки к конкретной эпохе. Глаголы совершенного вида прошедшего времени – *рухнула, стал, повернул* – нередко могут, а в данном случае являются маркером будущего времени, глаголы несовершенного вида – *лежало, бежал, вымирало, знали* – несут значение длящегося непрекращающегося действия. Прошедшее время призвано будущее представить как уже пришедшее, как знак неминуемости и неотвратимости: *так будет*. Более всего подверглись изменениям финальные строки: *И Страшного суда великий час, – / Все у порога... → Отравленным в земле прозябло семя, / И знали все, что наступает срок. → племя / Но знали все, что очень близок срок. → Людское мощно вымирало племя, [Но] И знали все, что очень близок срок. → Людское мощно вымирало племя, / И знали мы, что очень близок срок*. Замена *все* на *мы* носит сущностный характер. Местоимение третьего лица в поэзии Ахматовой возникает там и тогда, где и когда поэт соединяет свою судьбу первоначально со своим поколением [Меньщикова, Снигирева], далее – с народом, на исходе жизни – с человечеством [Снигирева].

Эсхатология поздней Ахматовой сопряжена с ее трагически обостренным чувством времени, максимально точно зафиксированным в стихотворении 1961 г. «Бег времени»:

Что войны, что чума! – конец их виден скорый,
Им приговор почти произнесен...
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?
[Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 108].

Примечательно, что в издании сочинений А. Ахматовой под редакцией Н. Н. Скатова один из вариантов «Из набросков» (совпадает с вариантом 2) соседствует с близким по времени написания стихотворением «Скорость» (1959):

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Все исказила, и всем овладела,
И ничего не взяла
[Ахматова, 1990, т. 2, с. 66].

Несмотря на отсутствие прямых указаний Ахматовой на связь двух стихотворений, их общая природа не вызывает сомнений: и в том, и в другом случае субъектом оказывается не знающая сопротивления дьявольская сила (бес времени, катастрофа, апокалипсис).

Возможность включения «Из набросков» в макродиалог с разными уровнями смысла подтверждает разножанровый материал, связанный с темой апокалипсиса: это поэтические отрывки, стихи, сны, зафиксированные поэтом в записных книжках или рассказанные своим собеседником. Так, в записной книжке № 17 (1963–1965) параллельно с текстами, относящимися к «Энума Элиш. (Прологу или сну во сне)», Ахматова упоминает об отъезде в Будку в компании с Ан. Найманом и о предшествовавшем дороге ночном кошмаре:

30-е августа, день отъезда в Будку. <...> Едем небывалой дорогой (парками) через очень странное, очень красивое наводнение. Вода (без ветра) совсем, как жидкое серебро или ртуть. Она тяжело и медленно выливается из берегов, образуя неожиданные островки и грозя бедой. <...> Эсхатологические небеса, почти с грозной надписью. Мой сон накануне превосходил все, что в этом роде было со мной в жизни. Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время (какое?) после ее окончательного уничтожения. Кажется, все бы отдала, чтобы забыть этот сон! [Записные книжки, с. 485–486].

Описание поэтом пути наяву и краткое упоминание о страшном сне сходны с сюжетом апокалиптического сна Ахматовой, записанным Ан. Найманом:

После мировой катастрофы я, одна-одинешенька, стою на земле, на слякоти, скольжу, не могу удержаться на ногах, почву размывает. И откуда-то сверху, расширяясь по мере приближенья и поэтому все более мне угрожая, низвергается поток, в который соединились все великие реки мира: Нил, Ганг, Волга, Миссисипи... Только этого не хватало [Найман, с. 16].

Характерна последняя реплика, которой поэт завершает пересказ сна, вновь напоминая о способности не только предсказать, но и накликать, сделать катастрофу реальностью. Н. Г. Гончарова, изучая установки и приемы, применяемые Ахматовой при ведении дневниковых записей, обращается к процитированному фрагменту: «"Жидкое серебро или ртуть", символ смерти, в одном контексте с "эсхатологическими небесами" возводит запись от трагедии личной жизни к Апокалипсису... Ахматовой создается как бы второй план реальности... и там речь идет уже не о наводнении или оттенках серого цвета неба и моря, но о близости смерти, о предстоянии ей...» [Гончарова, с. 335–336].

Важно, что запись, сделанная Ахматовой несколькими днями позже, вновь возвращает к сюжету апокалиптического сна, продолжает

мотив предвидения, а также, судя по всему, содержит отсылку к образу «беса скорости» и столь близкому стихотворению «Скорость»:

Поехала кататься с друзьями Толи. Дорога. Озера. Скорость (подчеркивание Ахматовой. – Т. С., А. М.). Вернувшись, предсказала приход Peter'a Norman'a, который не замедлил появиться. Ночь в полукошмарах, но по крайней мере не эсхатологических, как 30-го, и то хорошо. Ехала непременно мимо Валиной могилы. О, Боже! 120 км в час. <...> Тот, кто вел машину, свалился в инфаркте... [Записные книжки, с. 487–488].

Фактографическая, казалось бы, деталь маршрута – мимо места захоронения Валерии Срезневской, дружба поэта с которой длилась всю жизнь, – актуализирует «второй план реальности», обозначенную Н. Г. Гончаровой тему смерти: хрестоматийное стихотворение «Памяти В. С. Срезневской» (1964) завершается строками:

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую
[Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 213].

Не включенный в более крупный текст в качестве отдельных строф, незавершенный набросок, подсвеченный поэтическим и прозаическим контекстом, отражает поэтику позднего творчества Ахматовой: обращение автора к форме фрагмента позволяет наиболее точно передать природу пророчества как внезапной «вспышки сознания» [Ахматова, 1999–2001, т. 5, с. 23]. В этом смысле точно замечание о природе ахматовских предсказаний: «Как и подобает, телепатом была стихийным, на волнах, идущих из бессознательного, где она прежде преимущественно пребывала... Точно таким же она была пророком, предсказательницей...» [Барзас].

Реплика комментаторов стихотворения в шеститомнике – «Смысл этого не вполне ясного отрывка...» [Ахматова, 1999–2001, т. 2, кн. 2, с. 342] – парадоксально позволяет считать множественность смыслов и ассоциаций поэтического пророчества «Из набросков» – от предощущения своего скорого ухода до вымирания племени людей в мире, в котором «Даль рухнула, и пошатнулось время». Если в «Молитве» молодая Ахматова предсказывает свою личную судьбу, то в «Из набросков» на склоне лет – возможно, судьбу человечества.

Библиографические ссылки

Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 511 с. Т. 2. Проза. 463 с.

Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. 448 с. Т. 2. 432 с.

Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Эллис Лак, 1999–2001. Т. 2, кн. 2. Стихотворения 1959–1966. 528 с. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. 800 с.

Барзас В. Многоэтажная Ахматова // Нева : [сайт]. 1999. № 7. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/barzas-mnogoetazhnaya-ahmatova.htm> (дата обращения: 16.01.2024).

Берестов В. П. «Мне иногда не верилось в свое счастье: захочу и приду к Ахматовой!» : [Воспоминания] // Вечерний клуб. 1996. № 25. 5 марта. С. 35–45.

Берлин И. Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями» // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М. : Сов. писатель, 1991. С. 436–459.

Глэкин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. М. : Азбуковник, 2015. 304 с.

Гончарова Н. Г. О так называемых «дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопр. лит. 2011. № 3. С. 327–357.

Демидова А. С. Бегущая строка памяти : автобиогр. проза. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 512 с.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост., подг. текста К. Н. Суворова. М. ; Torino : Рос. гос. архив лит-ры и иск-ва на рус. яз. : Giulio Einaudi ed. s. p. a., 1996. 850 с.

Кихней Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. 1997 // Анна Ахматова : [сайт]. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-tajny-remesla/index.htm> (дата обращения: 16.01.2024).

Кихней Л. Г., Круглова Т. С. К проблеме диалога в лирике Анны Ахматовой // Крымский ахматовский научный сборник / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 7. Симферополь : Крым. архив, 2009. С. 113–133.

Мандельштам Н. Я. Из воспоминаний // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М. : Сов. писатель, 1991. С. 299–325.

Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 1. Стихотворения. 638 с.

Меньщикова А. М., Снигирева Т. А. Поэтическое поколение в осмыслении Анны Ахматовой // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4. С. 115–126.

Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М. : АСТ, 2008. 237 с.

Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // Звезда : [сайт]. 1989. № 6. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/roskina-kak-budto-proschayus-snova.htm> (дата обращения: 16.01.2024).

Снигирева Т. А. «Я» и «мы» в поздней лирике Анны Ахматовой // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2004. С. 109–117.

Срезневская В. С. Дафнис и Хлоя // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М. : Сов. писатель, 1991. С. 5–19.

Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – зеркала Ахматовой // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 29–33.

References

Akhmatova, A. A. (1986). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. Stikhotvoreniya i poemu. 511 p. Vol. 2. Proza. 463 p.

Akhmatova, A. A. (1990). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 1. 448 p. Vol. 2. 432 p.

Akhmatova, A. A. (1999). *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Selected Works. 6 Vols.]. Moscow, Ellis Lak. Vol. 2. Book 2. Stikhotvoreniya 1959–1966. 528 p. Vol. 5. Biograficheskaya proza. Pro domo sua. Retsenzii. Interv'yu. 800 p.

Barzas, V. (1999). *Mnogoetazhnaya Akhmatova* [Multi-story Akhmatova]. In *Neva* [website]. No. 7. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/barzas-mnogoetazhnaya-ahmatova.htm> (accessed: 16.01.2024).

Berestov, V. P. (1996). “Mne inogda ne verilos’ v svoe schast’e: zakhochu i pridu k Akhmatovoi!” Vospominaniya [“Sometimes I couldn’t believe my happiness: if I want to, I’ll go and see Akhmatova!”]. Memoirs]. In *Vechnii klub*, No. 25. March 5, pp. 35–45.

Berlin, I. (1991). Iz vospominanii “Vstrechi s russkimi pisatelyami” [From the *Encounters with Russian Writers Memoirs*]. In Vilenkin, V. Ya., Chernykh, V. A. (Eds.). *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 436–459.

Demidova, A. S. (2000). *Begushchaya stroka pamyati. Avtobiograficheskaya proza* [The Tickertape of Memory. Autobiographical Prose]. Moscow, Eksmo-Press. 512 p.

Glekin, G. V. (2015). *Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi* [What Was Given to Me... About Anna Akhmatova]. Moscow, Azbukovnik. 304 p.

Goncharova, N. G. (2011). O tak nazyvaemykh “dnevnikovyykh zapisyakh” Anny Akhmatovoi [About the So-called “Diary Entries” of Anna Akhmatova]. In *Voprosy literatury*, No. 3, pp. 327–357.

Kikhnei, L. G. (1997). Poeziya Anny Akhmatovoi. Tainy remesla [Poetry of Anna Akhmatova. Secrets of the Craft]. In *Anna Akhmatova* [website]. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnei-tajny-remesla/index.htm> (accessed: 16.01.2024).

Kikhnei, L. G., Kruglova, T. S. (2009). K probleme dialoga v lirike Anny Akhmatovoi [On Dialogue in the Lyrical Poetry of Anna Akhmatova]. In Temnenko, G. M. (Ed.). *Krymskii akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Iss. 7. Simferopol, Krymskii arkhiv, pp. 113–133.

Mandelstam, N. Ya. (1991). Iz vospominanii [From Memoirs]. In Vilenkin, V. Ya., Chernykh, V. A. (Eds.). *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 299–325.

Mandelstam, O. E. (1990). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 638 p.

Men’shchikova, A. M., Snigireva, T. A. (2016). Poeticheskoe pokolenie v osmyslenii Anny Akhmatovoi [Poetic Generation as Viewed by Anna Akhmatova]. In *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 18. No. 4, pp. 115–126.

Naiman, A. (2008). *Rasskazy o Anne Akhmatovoi* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, AST. 237 p.

Roskina, N. (1989). “Kak budto proshchayus’ snova...” [“It’s like I’m saying goodbye again...”]. In *Zvezda* [website]. No. 6. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/roskina-kak-budto-proschayus-snova.htm> (accessed: 16.01.2024).

Snigireva, T. A. (2004). “Ja” i “my” v pozdnei lirike Anny Akhmatovoi [“I” and “We” in the Late Lyrical Poetry of Anna Akhmatova]. In *Problemy yazykovoi kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel’nosti*. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 109–117.

Sreznenskaya, V. S. (1991). Dafnis i Khloya [Daphnis and Chloe]. In Vilenkin, V. Ya., Chernykh, V. A. (Eds.). *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 5–19.

Suvorova, K. N. (Ed.). (1996). *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [Notebooks of Anna Akhmatova]. Moscow, Torino, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva na russkom yazyke, Giulio Einaudi ed. s. p. a. 850 p.

Tsiv’yan, T. V. (1989). Cassandra, Didona, Fedra. Antichnye geroini – zerkala Akhmatovoi [Cassandra, Dido, Phaedra. Ancient Heroines – Mirrors of Akhmatova]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 5, pp. 29–33.

The article was submitted on 13.01.2024

МЫСЛИТЬ СВЕТ: ТВОРЧЕСТВО ЭРИКА БУЛАТОВА*

Корнелия Ичин

Белградский университет,
Белград, Сербия

Thoughts of Light: Erik Bulatov's Creative Work

Kornelija Ičin

University of Belgrade,
Belgrade, Serbia

This article discusses the question of white, light, and the limit of a painting in the creative work of the contemporary artist Erik Bulatov. The author shows how, based on theoretical and practical knowledge of Malevich's and Favorsky's painting, Bulatov creates in his canvases a unique space of painting that extends in both directions from its surface, i. e. towards the viewer, and into the depths. To achieve this, Bulatov used words addressed to the viewer that were simultaneously placed between the viewer and the painting ('Glory to the CPSU', 'Danger', 'Do not lean'), thus freeing up the space of the painting itself. This leads to a break with the boundaries of social space, which is achieved with the help of the poet Vsevolod Nekrasov's words "I walk", "I live and see", "Freedom exists". In his work on the structuring of pictorial space, Bulatov draws on P. Florensky's textbook provisions on linear and inverted perspective (in *Iconostasis*) and the narrowness of the Universe and the openness of the Empyrean (in *Imaginarie in Geometry*), as well as Malevich's supremacist manifestos, which called for the painting to be freed from the frame and, at the same time, from the materiality of the consumerist attitude towards painting. In this regard, Bulatov developed a theory of two types of light in his paintings: the light of the surface of the painting (illumination of this surface by the light of the space surrounding the painting, i. e. lamps, windows, etc.) and the light from within the painting, i. e. the light of space, which is actually white light, i. e. the light of absolute infinity.

Keywords: 20th–21st-century fine art, Erik Bulatov, space of a painting, light, Favorsky, Florensky, Malevich

* *Citation:* Ičin, K. (2024). Thoughts of Light: Erik Bulatov's Creative Work. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 449–460. DOI 10.15826/qr.2024.2.888.

Цитирование: Ičin K. Thoughts of Light: Erik Bulatov's Creative Work // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 449–460. DOI 10.15826/qr.2024.2.888 / Ичин К. Мыслить свет: творчество Эрика Булатова // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 449–460. DOI 10.15826/qr.2024.2.888.

Статья посвящена вопросу белого, света и предела картины в творчестве современного художника Эрика Булатова. Автор стремится показать, как Булатов исходя из теоретических и практических знаний о картине Малевича и Фаворского создает на своих холстах пространство картины, развивающееся в обе стороны от ее поверхности: и к зрителю, и в глубину. Для этого он использует слово, адресованное зрителю и условно находящееся между зрителем и картиной («Слава КПСС», «Опасно», «Не прислоняться»), за счет чего освобождается пространство самой картины. В нем совершается прорыв за пределы социального пространства, который осуществляется с помощью слов поэта Всеволода Некрасова: «Иду», «Живу, вижу», «Свобода есть». Работая над структурированием пространства картины, Булатов также опирается на хрестоматийные положения П. Флоренского о линейной и обратной перспективе («Иконостас»), о замкнутости Вселенной и открытости эмпирии («Мнимости в геометрии»), а также на супрематические манифесты Малевича, требовавшие освободить картину от рамы, то есть от вещности, зависящей от потребительского отношения к живописи. В связи с этим Булатов разрабатывает теорию двух видов света: света поверхности картины (освещенности этой поверхности светом окружающего картину пространства – лампы, окна и т. д.) и света из глубины картины – света пространства, который и есть белый свет, то есть свет абсолютной бесконечности.

Ключевые слова: изобразительное искусство XX–XXI в., Эрик Булатов, пространство картины, свет, В. Фаворский, П. Флоренский, К. Малевич

Эрик Булатов (род. 1933, Свердловск), неоднократно называвший своим учителем Владимира Фаворского, также много раз упоминал имена Казимира Малевича, на супрематизм которого был ориентирован весь московский концептуализм, и Всеволода Некрасова, стихи которого находили свое пространственное воплощение в картинах художника. Все они пытались разрешить вопрос предела картины (а заодно и картины мира), ее плоскости и пространства, устремленности за горизонт, к бесконечности и свету. Об этих задачах говорит Булатов в статье «Поверхность – пространство – свет», называя поверхность картины миром в профиль, а пространство картины – миром анфас, который есть «стремление за его пределы, направление пути» [Булатов, 2013с, с. 39].

Данная проблематика, осознанная в юношеские годы благодаря разговорам с В. Фаворским, когда картина представлялась ему не только как плоскость, но и как пространство со всеми присущими ему элементами («она имеет центр, периферию, край, располагающие разной по характеру и по количеству энергией, у нее есть свой горизонт и две диагонали»), оказалась существенной для творчества Булатова [Булатов, 2013d, с. 240]. В статье «О картине и о себе» художник писал, что Фаворский «сумел теоретически артикулировать, классифицировать опыт мирового искусства в построении пространства на плоскости» и что на основании этих представлений Фаворского он пытался создать

пространство картины, которое «развивалось бы в обе стороны от поверхности: и к зрителю, и в глубину картины» [Булатов, 2013е, с. 65].

Это двойственное направление пространства картины Булатов разрешал с помощью слова, адресованного зрителю и находившегося «между картиной и зрителем», что давало ему «естественную возможность владеть пространством», как, например, в картине «Слава КПСС»; Булатов определял данную картину как полноту пространственных возможностей: буквы – это «картина-рельеф» (образ социального пространства), небо – это «картина-окно» (пространство по ту сторону социальной границы), поверхность – это «граница между ними» (граница социального пространства) [Булатов, 2013е, с. 65, 67] (ил. 1 на цв. вклейке).

Свои взгляды Фаворский сформулировал в тексте «Об изобразительной плоскости как основе изображения», определив два вида изображения, плоскостное и пространственное, как борьбу, в которой изображение своей пространственностью и глубиной преодолевает «массивность изобразительной поверхности» в ее центре, тогда как массивность поверхности побеждает на краях, где изображение становится более плоскостным и «глубина как бы совсем гаснет» [Фаворский, 1986b, с. 86]. Пластически смысл своих слов Фаворский объясняет ролью рамы:

Рама, ограничивая изображение, усугубляет внутрь пространственную глубину и создает как бы замкнутый мир, а наружу делает изображение вещью, предметом другого пространства, в станковой картине – предметом интерьера, можно сказать, мебелью, живущей наряду со стульями, столами и тому подобное [Фаворский, 1986b, с. 86].

Борьба против использования рамы лежала в основе требования «беспредметников» освободить картину от вещности, отражавшей потребительское отношение к живописи. В данном контексте вспоминаются работы К. Малевича на выставке «0,10» (1915), когда развешенные на стенах супрематические холсты призывали зрителя отрешиться от привычного восприятия картины и проникнуть в бесконечный мир космических эйдосов, поддерживаемых отсутствием рамы и логики земного притяжения, с четким определением верха и низа. Воспроизведением состояния невесомости в своих холстах Малевич рассчитывал на безоговорочное, моментальное погружение зрителя в пространство картины и за ее пределы – в пространство Вселенной.

Размышляя о пространственном изображении, Фаворский, видимо, опирался на известные работы Павла Флоренского «Иконостас» (1918) и «Мнимости в геометрии» (1922). Напомним, что Флоренский по приглашению Фаворского преподавал теорию искусства в ВХУТЕМАСе в 1921–1924 гг.; к тому же художник в 1922 г. оформил книгу философа «Мнимости в геометрии», а Флоренский, в свою очередь, написал в виде приложения к книге статью «Пояснение к обложке». Идеи Флоренского об иконостасе как границе между двумя мирами (видимым и невидимым)

мым), о линейной и обратной перспективе¹, об иконописи как «наглядном явлении метафизической сути ею изображаемого» [Флоренский, 1996а, с. 484], несомненно, повлияли на мировоззрение Фаворского, воспринимавшего себя как метафизика² и утверждавшего философское обоснование картины³. С другой стороны, «Мнимости в геометрии» Флоренского предлагали с помощью точных наук раскрыть философскую необходимость мироздания в ключе тех же положительной и отрицательной сторон картины мира. Так, Флоренский рассматривал любую плоскость как имеющую положительную и отрицательную стороны, причем отрицательная относилась к области мнимых величин; переводя эти идеи на картину мироздания, Флоренский утверждал, что теория относительности возвращала к птолемеевой картине мира, где центральное место отводилось человеку, и что можно было бы построить модель замкнутой ограниченной Вселенной, у которой мнимым пространством выступали бы идеальные сущности Платона, то есть за пределами конечной Вселенной находился бы Эмпирей. В качестве примера он приводил движение Данте и Вергилия в «Божественной комедии» Данте, в котором поэт предвосхитил неевклидову геометрию⁴.

Булатов усвоил урок Фаворского, а вместе с ним и Флоренского. В своих работах он экспериментировал с пространством картины и изображением, вводя в качестве изображения слово. Слово, включенное в пространство картины, является главным героем, оно делает зрителя, как говорит Булатов в заметке «Точка» в рамках своего эссе «Вот», «не посторонним наблюдателем, а непосредственным участником происходящего в картине», ибо произносимое слово – это и есть автор или зритель [Булатов, 2013а, с. 123]. Этим Булатов создавал, выражаясь словами Малевича, своеобразную «икону своего времени»⁵,

¹ П. Флоренский открыл в пространственной перспективе средневекового образа смысл обратной перспективы, подразумевающей синтез разных точек зрения (во времени и пространстве), исходящий из вездесущности Бога, о чем он писал в «Иконостасе» («икона всегда сознается как некоторый факт Божественной действительности»; «в основе ее непременно лежит *подлинное* восприятие потустороннего, *подлинный* духовный опыт» [Флоренский, 1996а, с. 450], и отдельно – в «Обратной перспективе» [Флоренский, 2000, с. 46–101]. О генеалогии понятия «обратная перспектива», восходящего к Д. Айналову, который первым использовал его в своей диссертации «Эллинистические основы византийского искусства» (СПб., 1900), см.: [Тарасов, с. 26–57].

² В тексте «О В. А. Фаворском» Э. Булатов воспроизводит со слов Ангелы Фальк разговор между Фаворским и Фальком о тональностях, о черной и белой основе гармонии, в котором Фаворский определяет себя как метафизика, а Фальк себя – как диалектика [Булатов, 2013d, с. 245].

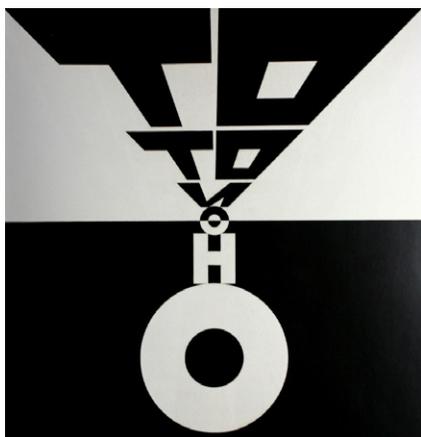
³ Булатов писал о Фаворском как о настоящем философе, занимавшемся философией искусства (на философском факультете в Гейдельберге он посещал лекции по этому предмету), где философия и искусство рассматривали себя в зеркале друг друга; его высказывания, что «картина существует еще до того, как на ней что-либо изображено», и что ее природа двойная – плоскостная и пространственная [цит. по: Булатов, 2013d, с. 239, 240], стали для Булатова главной опорой в его творческих поисках.

⁴ См. об этом: [Флоренский, 1922, с. 44–53].

⁵ Защищая идеи супрематизма, Малевич в письме А. Бенуа в 1916 г. пишет: «У меня – одна голая, без рамы (как карман) икона моего времени, и трудно бороться. Но счастье быть не похожим на вас дает силы идти все дальше и дальше в пустыню. Ибо там только преображение» [Письмо К. Малевича к А. Бенуа, с. 85].

по-своему осмыслял предложенное Флоренским в «Иконостасе» понимание иконы и слова как одного философского целого («иконопись есть метафизика, как и метафизика – своего рода иконопись слова»), так как и метафизика, и иконопись, согласно Флоренскому, знают, что «все есть воплощенный смысл и осмысленная наглядность», вследствие чего «христианский метафизик никогда не утратит конкретности, и, следовательно, всегда ему будет преподноситься иконопись, а иконописец, опираясь на то же явление, не даст голой техники, лишенной метафизического смысла» [Флоренский, 1996а, с. 515, 516]. Таким образом, работа над изображением слов в картинах Булатова, особенно в его черно-белых работах («То-то и оно», «Черный вечер, белый снег», «Вот», «Хотелось засветло, ну, не успелось», «Откуда я знаю, куда», «Ночь – день»), основывалась как на философских положениях Флоренского, так и на размышлениях Фаворского о цвете (белом) и букве (черном силуэте) (ил. 1–3).

Для Фаворского, занимавшегося книжной графикой, шрифт приобретал особое значение, поскольку «моделировка черного» ставила «букву в определенное отношение к белому», тогда как буква моделировала

1. Э. В. Булатов. То-то и оно. 2001.
Собрание Е. и В. Семенихиных
E. V. Bulatov. That's the thing. 2001.
Collection of E. and V. Semnikhin

2. Э. В. Булатов. Хотелось засветло, ну, не успелось. 2002 г. Коллекция Н. Годзиной
E. V. Bulatov. I wanted to manage before dark, but I didn't have time. 2002. Collection of N. Godzina

3. Э. В. Булатов. Откуда я знаю, куда. 2009 г. Коллекция Н. Годзиной
E. V. Bulatov. How do I know where. 2009. Collection of N. Godzina

«и белое, и черное», как бы вращая «в белое», о чем он пишет в статье «О шрифте» [Фаворский, 1986а, с. 133]. Более живописную формулировку находим в его словах «буква тонет в белом и возникает из белого (буква как бы похожа на муху в молоке)» [Там же, с. 133], ставших особенно дорогими для Ильи Кабакова, пытавшегося объяснить происхождение белого цвета в своих картинах (как правило, относящихся к теме смерти), а заодно и соотношения белого цвета и букв: «Сами буквы тонут на белой странице, как муха в молоке» [Кабаков, Гройс, с. 101].

Булатову слово оказалось необходимым в осмыслении как поверхности картины, так и ее пространственности. Если слова и выражения «Не прислоняться», «Вход – входа нет», «Опасно», «Слава КПСС», «Добро пожаловать» были образом социального пространства, надвигавшегося на зрителя, картиной-рельефом, то образ слова «Иду» был пространством картины-окна, открывавшей возможность сквозь нее покинуть социальное пространство, выйти по ту сторону картины (ил. 2–3 на цв. вклейке). Особенно интересным предстает образ выражения «Свобода есть» из стихотворения Всеволода Некрасова, где данное сочетание, семикратно повторявшееся у поэта наподобие мантры или заклинания, у художника приобретает вид черной решетки-запрета, то есть социального пространства, выход из которого обеспечивает белый образ слова «Свобода», прорывающийся в глубину неба, в пространство картины (ил. 4–5 на цв. вклейке).

Особое место в творчестве Булатова занимают черно-белые картины, состоящие, за исключением начальных слов из «Двенадцати» Александра Блока, из поэтических слов Всеволода Некрасова, которые Булатову виделись «произнесенными», как следует из эссе «Всеволод Некрасов и живопись»: слово Некрасова художник «не только слышал, а видел, как оно живет и движется в пространстве», оно для него было неразрывно связано с живописью [Булатов, 2013b, с. 233]. Работа художника с поэтическим словом во многом напоминала сотрудничество авангардных художников с футуристами, в особенности в период конструктивизма. Поэтому и сам Булатов говорит в тексте «Вот», что эти картины «очень похожи на конструктивистские: графичность, плакатность, положение слова, резко повернутого по отношению к плоскости картины, характер букв» [Булатов, 2013а, с. 115].

Пытаясь отмежеваться от русских авангардистов, Эрик Булатов выдвинул два своих главных отличия: горизонт и направление движения слова. В тексте «Вот» он пишет о раскрывающемся в картине потенциале горизонта: если «горизонт изображения с горизонтом картины совпадают, возможность пространственных движений в глубину картины и обратно на зрителя максимально возрастает»; к тому же Булатов сообщает, что, в отличие от конструктивистов, которые словом обращались к зрителю, его «слово всегда адресуется картине», «картина его принимает и раскрывает» [Там же, с. 115, 116], то есть именно слово делает прорыв в глубину картины и ставит под вопрос понятие измерения.

Возвращая идеологизированный советским пространством горизонт в картину (например, красная лента ордена Ленина в «Горизонте»), торжественно отмененный философией и искусством⁶, Булатов восстанавливает классическую перспективу и иллюзию третьего измерения, пространственности, благодаря которой становится возможен разрыв с советской повседневностью и сквозь которую можно, будучи словом, выскочить за пределы, о чем и говорят все его картины⁷ (ил. 6 на цв. вклейке).

Эта проблематика непосредственно связана с вопросом о двух видах света в его картинах – свете поверхности картины (освещенности этой поверхности светом окружающего картину пространства – лампы, окна и т. д.) и свете из глубины картины – свете пространства. Свет пространства на белых картинах Булатова, «исходящий из зоны центра», Илья Кабаков вслед за художником называет светом, идущим «из абсолютной бесконечности» [Кабаков, с. 72]⁸. Здесь рассуждения Кабакова о белом пространстве картин Булатова уводят к Малевичу. Повторяя высказывания Фаворского о пространственной организации белой четырехугольной плоскости, в тексте «Вот» Булатов приходит к выводу, что восприятие картины как пространства меняет характер белого, которое начинает светиться, то есть белое – это «собственный свет картины», ее внутренний свет [Булатов, 2013а, с. 82]. В статье «Супрематизм. 34 рисунка» Малевич уточняет периоды развития супрематизма с 1913 по 1918 г. в соответствии с квадратами (черным, красным, белым), отдельно останавливаясь на «белом» супрематизме, когда были «написаны формы белые в белом»; сам белый квадрат он определил и как «чисто экономическое движение формы всего нового белого миростроения», и как толчок к «обоснованию миростроения как “чистого действия”, как самопознания себя в чисто утилитарном совершенстве “всечеловека”» [Малевич, 1995а, с. 185, 188].

⁶ Б. Гройс напоминает о теме горизонта как одной из важнейших для искусства и философского дискурса эпохи модернизма: «Ницше связал исчезновение горизонта со смертью Бога, а Малевич – с отказом от мимесиса в пользу истинного творчества. “Разрыв горизонта” означает в этом контексте уничтожение прежнего порядка вещей, достижение полной автономии и одновременно открытие космической черноты и хаоса позади иллюзорных образов природного мира. Символом всего этого стал “Черный квадрат” – знак абсолютной художественной свободы» [Гройс, с. 291]. Возвращение горизонта у Булатова Гройс связывал с осознанием художником того, что «все пространство современного визуального опыта оккупировано господствующими идеологиями, и художник больше не имеет непосредственного доступа к “реальности”» [Там же, с. 292].

⁷ Ср. в его статье «За горизонт»: «Собственно, все мои картины – на эту тему: возможность или невозможность выскочить за пределы» [Булатов, 2010, с. 50].

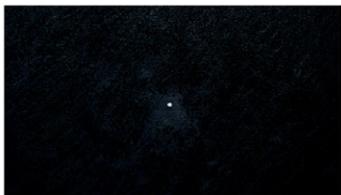
⁸ Открытие Булатова о свете, исходящем из зоны центра картины как идущем из бесконечности, Кабаков подкрепляет замечанием: «Этот идущий из абсолютной глубины, из бесконечной пространственности свет и составляет основу всякого света, любой освещенности. Настроившись на него, вскрыв этот свет для себя, и не в “жизненной практике”, а прежде всего на картине, внутри картины, Эрик уже навсегда придал своему искусству ту основу и те глубинные абсолютные характеристики, среди которых на равных существует переживание и воздействие этого света как “благого”, “прекрасного”» [Кабаков, с. 72].

Рассуждая о природе холста, он раскрывает его пространственность и внутренний свет:

Разбирая холст, мы прежде всего видим в нем окно, через которое обнаруживаем жизнь. Супрематический холст изображает белое пространство, но не синее. <...> Супрематическое бесконечное белое дает лучу зрения идти, не встречая себе предела [Малевич, 1995а, с. 186–187].

Далее Малевич подытоживает: «Самое главное в супрематизме – два основания – энергии черного и белого, служащие раскрытию формы действия», и это касается только момента «построения на холсте объектов объемного супрематизма», тогда как в реальном «действии осязательном роли не играют, ибо выявление формы предоставляется свету» [Там же, с. 187].

В манифесте «Установление А в искусстве» Малевич в духе анархизма пойдет еще дальше с требованием «признать свет как цвет металлического происхождения, изображения лучей как соответствие экономического развития города» [Малевич, 1995b, с. 183]. В диалоге с Малевичем Булатов создает свою картину «Точка» – черный квадрат, в центре которого находится маленькая белая точка. Повторяя черным квадратом супрематистское начало отмены предметного мира, воплощая энергетический сгусток черного на холсте – «абсолютное пространство», как его называет художник в тексте «Вот» [Булатов, 2013а, с. 123],

4. Э. Булатов. Точка. 2003–2005 гг.
Коллекция Н. Годзиной
E. V. Bulatov. Point. 2003–2005.
Collection of N. Godzina

или «пространство бесконечных возможностей» в тексте «О русском искусстве» [Булатов, 2013f, с. 139], маленькой белой точкой на холсте он вселяет надежду на возможность преодоления хаоса гармонией, зарождение света из тьмы (ил. 4).

В поисках внутреннего света картины Булатов, видимо, обращался к аллегории пещеры у Платона, которая послужила философу для объяснения его учения о вечных идеях как единственной подлинной реальности. Для Булатова выход из социального пространства – пещеры с мнимыми изображениями – сквозь картину представлялся единственно возможным на пути познания подлинных идей, открывавшихся за горизонтом картины⁹. Это запредельное

⁹ Булатов предупреждает, что социальное пространство не есть вся реальность, и, по справедливому замечанию В. Тупицына, «настаивает, как это делал Платон, на существовании светоносного “агентства”, находящегося по ту сторону социокультурной “пещеры”», приводя в качестве лучшего примера картину Булатова «Слава КПСС» [Агамов-Тупицын, с. 188].

пространство виделось художнику как свет в ключе поисков основ бытия у Малевича периода «белого на белом»¹⁰, вследствие чего некоторые авторы связывали свет в картинах Булатова с «фаворским светом»¹¹, в который «оделся» преображенный Христос на горе Фавор. Для Булатова эта белизна и этот свет связаны прежде всего с изначальной пустотой, с вопросами трансцендентности, с чистым философским умозрением, которое белизну воспринимало как высшую потенциальность, которую Илья Кабаков в разговоре с Борисом Гройсом сформулировал как «присутствие белого животворящего света» [Кабаков, Гройс, с. 100]. Будучи учеником Фаворского, Булатов разрабатывал идеи белого цвета и света в зените, пронизывающего все до конца и не отбрасывающего тени, того самого света, который представил Малевич в белом супрематизме – источнике концептуального понимания белизны и молчания как метафизического Ничто.

Несомненно, в размышлениях Булатова о белизне света присутствует также отголосок усвоенного Фаворским учения Павла Флоренского о свете, который он толковал как Божий свет, единый и непрерывный, свет без тени. В тексте «Небесные знамения» Флоренский пишет, что нет дальнейшего определения света, кроме того, что он «беспримесный, чистый свет, в коем “несть тьмы ни единыя”», так как «свет есть свет, не содержащий никакой тьмы, ибо в нем – все просветлено, и всякая тьма от века побеждена, преодолена и просвещена» [Флоренский, 1996b, с. 416]. То, что мы называем свет белым, Флоренский толкует лишь как определение беспримесности, чистоты света как деятельности Бога:

«Белый свет» есть только обозначение света как такового, чисто аналитическое подчеркивание его целостности. Он – свет ли, Бог ли – полнота, в нем нет никакой односторонности, ибо всякая односторонность происходит от препятствий; нет в нем никакого ущерба, никакого ограничения [Там же, с. 416].

Работа Булатова со светом «оттуда», с буквами, которые являются «следом вечного движения туда, “где кругом свет, кругом свет”», привела О. Холмогорову к выводу о сакральности его картин, заволаживающих своей пограничностью и межпространственностью [Холмогорова].

¹⁰ Правда, по мнению Булатова, высказанному в статье «Об отношении Малевича к пространству», «белое на белом» не являлось поиском бытия у Малевича, а скорее назначением «Ничто», «Белого Ничто» взамен отмененного пространства и пространственных отношений между предметами, чтобы они в состоянии невесомости могли «свободно лететь в космическую бесконечность» [Булатов, 2013g, с. 43].

¹¹ Данное толкование связано с именем Игоря Макаревича, который в беседе с Андреем Ковалевым высказал мнение о том, что Эрик Булатов писал картины, связанные с проблемой «фаворского света»; Булатов уточняет в эссе «За горизонт»: «Повидимому, “фаворский свет” спутался с фамилией художника Фаворского, действительно оказавшего на меня огромное влияние» [Булатов, 2010, с. 44–45].

Однако Эрик Булатов решал вопросы не религиозного, а художественного характера, его интересовали возможности одновременно изображения поверхностного и пространственного света картины, сочетания пространства картины как абсолютной конструкции и пространства изображенной на ней «окружающей нас действительности»¹², воздействия на восприятие нашим сознанием поверхности и пространственности картины. В любом случае единственная реальность, которой Булатов доверяет и которой верит, это Картина как Абсолют. Для Булатова только в этой бесконечной реальности пребывают вечные идеи, открывающиеся художнику-метафизику.

Библиографические ссылки

Агамов-Тупицын В. Эрик Булатов. Берегись высоких платформ // Агамов-Тупицын В. Бесполетное воздухоплавание : ст., рец. и разговоры с художниками. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 187–194.

Булатов Э. Вот // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013а. С. 80–124.

Булатов Э. Всеволод Некрасов и живопись // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013б. С. 231–233.

Булатов Э. За горизонт // Эти странные семидесятые, или Потеря невинности : эссе, интервью, воспоминания / сост. Г. Кизевальтер. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 44–57.

Булатов Э. Из статьи «Поверхность – пространство – свет» // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013с. С. 38–39.

Булатов Э. О В. А. Фаворском // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013d. С. 234–250.

Булатов Э. О картине и о себе // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013е. С. 61–68.

Булатов Э. О русском искусстве // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013f. С. 129–142.

Булатов Э. Об отношении Малевича к пространству // Булатов Э. Горизонт. Вологда : Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2013g. С. 40–49.

Гройс Б. Русский художник восьмидесятых годов, или Жизнь без Эдипова комплекса // Открытие России. Десятилетие нового интернационала : 1986–1996. М. : Гараж, 2016. С. 287–297.

Кабаков И. 60-е–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве. Wien : Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 47, 1999. 267 с.

Кабаков И., Гройс Б. Диалог седьмой. Пустота // Илья Кабаков, Борис Гройс. Диалоги (1990–1994). М. : Ad Marginem, 1999. С. 99–104.

Малевич К. Супрематизм. 34 рисунка // Малевич К. Собр. соч. : в 5 т. М. : Гилея, 1995а. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. С. 185–207.

¹² Илья Кабаков картину «окружающей действительности», которую вводит Булатов в свою конструкцию Картины, называет «иллюзорной», поскольку она занимает «неподлинное» пространство и «глубина изображенного пространства «окружающей нас действительности» весьма ничтожна и вовсе не так глубинна, хотя бы она имела и горизонт», что позволяет Кабакову сделать вывод: «Именно в этом же смысле («иллюзорности») вовсе не так ужасны и кошмарны те реалии (наша реальная советская действительность), которые ввел Эрик в свою Картину» [Кабаков, с. 72–73].

Малевич К. Установление А в искусстве // Малевич К. Собр. соч. : в 5 т. М. : Гилея, 1995б. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. С. 183–184.

Письмо К. Малевича к А. Бенуа от мая 1916 г. // Малевич о себе. Современники о Малевиче : Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авт.-сост. И. А. Вакар, Т. Н. Михиенко. М. : РА, 2004. Т. 1. С. 83–87.

Тарасов О. Флоренский и обратная перспектива. Из истории термина // Искусствознание. 2019. № 4. С. 26–57.

Фаворский В. О шрифте // Фаворский В. Об искусстве, о книге, о гравюре. М. : Книга, 1986а. С. 130–139.

Фаворский В. Об изобразительной плоскости как основе изображения // Фаворский В. Об искусстве, о книге, о гравюре. М. : Книга, 1986б. С. 82–90.

Флоренский П. Мнимости в геометрии. М. : Поморье, 1922. 74 с.

Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1996а. Т. 2. С. 419–526.

Флоренский П. Небесные знамения : (Размышление о символике цветов) // Флоренский П. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1996б. Т. 2. С. 414–418.

Флоренский П. Обратная перспектива // Флоренский П. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 2000. Т. 3, ч. 1. С. 46–101.

Холмогорова О. Эрик Булатов // Холмогорова О. Соц-арт. М. : Галарт, 1994. Б. п.

References

Agamov-Tupitsyn, V. (2018). Erik Bulatov. Beregis' vysokikh platform [Erik Bulatov. Beware of High Platforms]. In Agamov-Tupitsyn, V. *Bespoleitnoe vozdukhoplavanie. Stat'i, retsenzii i razgovory s khudozhnikami*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 187–194.

Bulatov, E. (2013a). Vot [Here]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 80–124.

Bulatov, E. (2013b). Vsevolod Nekrasov i zhivopis' [Vsevolod Nekrasov and Painting]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 231–233.

Bulatov, E. (2013c). Iz stat'i "Poverkhnost' – prostranstvo – svet" [From the Article "Surface – Space – Light"]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 38–39.

Bulatov, E. (2013d). O V. A. Favorskom [About V. A. Favorsky]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 234–250.

Bulatov, E. (2013e). O kartine i o sebe [About the Picture and about Myself]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 61–68.

Bulatov, E. (2013f). O russkom iskusstve [About Russian Art]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 129–142.

Bulatov, E. (2013g). Ob otnoshenii Malevicha k prostranstvu [On Malevich's Attitude to Space]. In Bulatov, E. *Gorizont*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, pp. 40–49.

Bulatov, E. (2010). Za gorizont [Beyond the Horizon]. In Kizeval'ter, G. (Ed.). *Eti strannye semidesyatye, ili Poterya nevinnosti. Esse, interv'y, vospominaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 44–57.

Favorsky, V. (1986a). O shrifte [About the Font]. In Favorskii, V. *Ob iskusstve, o knige, o gravyure*. Moscow, Kniga, pp. 130–139.

Favorsky, V. (1986b). Ob izobrazitel'noi ploskosti kak osnove izobrazheniya [About the Pictorial Plane as the Basis of the Image]. In Favorskii, V. *Ob iskusstve, o knige, o gravyure*. Moscow, Kniga, pp. 82–90.

Florensky, P. (1922). *Mnimosti v geometrii* [Imaginarities in Geometry]. Moscow, Pomor'ye. 74 p.

Florensky, P. (1996a). Ikonostas [Iconostasis]. In Florenskii, P. *Sochineniya v 4 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 2, pp. 419–526.

Florensky, P. (1996b). Nebesnye znameniya. (Razmyshlenie o simbolike tsvetov) [Heavenly Signs. (Reflections on the Symbolism of Flowers)]. In Florenskii, P. *Sochineniya v 4 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 2, pp. 414–418.

Florensky, P. (2000). Obratnaya perspektiva [Reverse Perspective]. In Florenskii, P. *Sochineniya v 4 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 3. Part 1, pp. 46–101.

Groys, B. (2016). Russkii khudozhnik vos'midesyatykh godov, ili Zhizn' bez Edipova kompleksa [Russian Artist of the Eighties, or Life without the Oedipus Complex]. In *Otkrytie Rossii. Desyatiletie novogo internatsionala. 1986–1996.* Moscow, Garazh, pp. 287–297.

Kabakov, I. (1999). *60-e – 70-e... Zapiski o neofitsial'noi zhizni v Moskve* [60s – 70s... Notes on Unofficial Life in Moscow.]. Wien, Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 47. 267 p.

Kabakov, I., Groys, B. (1999). Dialog sed'moi. Pustota [The Seventh Dialogue. Emptiness]. In *Il'ya Kabakov, Boris Groys. Dialogi (1990–1994).* Moscow, Ad Marginem, pp. 99–104.

Kholmogorova, O. (1994). Erik Bulatov [Erik Bulatov]. In Kholmogorova, O. *Sots-art.* Moscow, Galart. N. p.

Malevich, K. (1995a). Suprematizm. 34 risunka [Suprematism. 34 Drawings]. In Malevich, K. *Sobranie sochinenii v 5 t.* Moscow, Gileya. Vol. 1. Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty. 1913–1929, pp. 185–207.

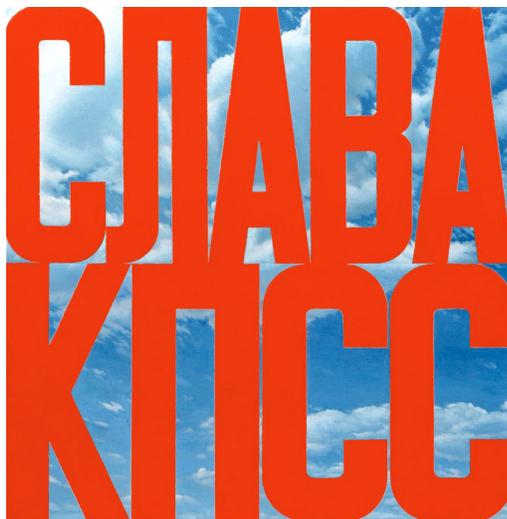
Malevich, K. (1995b). Ustanovlenie A v iskusstve [Establishment of A in Art]. In Malevich, K. *Sobranie sochinenii v 5 t.* Moscow, Gileya. Vol. 1. Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty. 1913–1929, pp. 183–184.

Pis'mo K. Malevicha k A. Benua ot maya 1916 g. [Letter from K. Malevich to A. Benois Dated May 1916]. (2004). In Vakar, I. A., Mikhienko, T. N. (Eds.). *Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya. Kritika v 2 t.* Moscow, RA. Vol. 1, pp. 83–87.

Tarasov, O. (2019). Florenskii i obratnaya perspektiva. Iz istorii termina [Florensky and Reverse Perspective. From the History of the Term]. In *Iskusstvoznanie.* No. 4, pp. 26–57.

The article was submitted on 27.12.2023

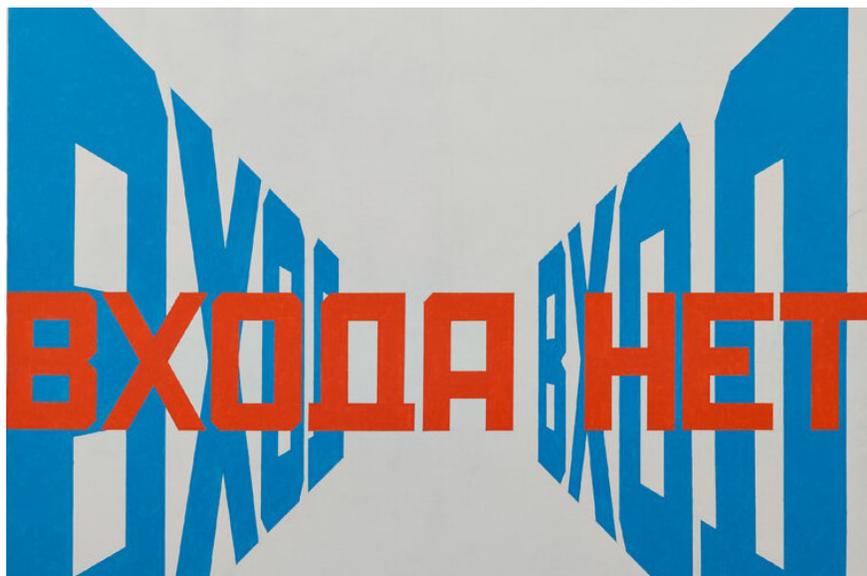
Иллюстрации к статье:
Корнелия Ичин. Мыслить свет: творчество Эрика Булатова
Illustrations for the article:
Kornelija Ičin. Thoughts of Light: Eric Bulatov's Creative Work

1. Э. В. Булатов. Слава КПСС. 1975. Центр Ж. Помпиду
E. V. Bulatov. Glory to the CPSU. 1975. Centre G. Pompidou

2. Э. В. Булатов. Не прислоняться. 1982–1987.
Музей искусства авангарда
E. V. Bulatov. Do not lean. 1982–1987.
Museum of Avant-Garde Art

3. Э. В. Булатов. Вход – Входа нет. 1974–1975. Центр Ж. Помпиду
E. V. Bulatov. Entrance – No entry. 1974–1975. Centre G. Pompidou

4. Э. В. Булатов. Иду. 1975. Частное собрание (Цюрих)
E. V. Bulatov. I'm coming. 1975. Private collection (Zurich)

5. Э. В. Булатов. Свобода есть свобода. 2000–2001. Коллекция Алерс (Германия)
E. V. Bulatov. Freedom is freedom. 2000–2001. Ahlers Collection (Germany)

6. Э. В. Булатов. Горизонт. 1971–1972. Музей искусства авангарда
E. V. Bulatov. Horizon. 1971–1972. Museum of Avant-Garde Art

Illustration for the article:
Anna Suvorova. Outsider Art and Psychiatry in the Late Soviet Period

Illustration by a psychiatric patient. N. d.
[Бабян и др., 1985а]

Outsider Art and Psychiatry in the Late Soviet Period* **

Anna Suvorova

Herzen University,
St Petersburg, Russia

This article examines the discourse surrounding the Soviet Outsider Art of the 1970s–1980s. The author analyses the characteristics of scientific and scholarly approaches to, and definitions of, Soviet Outsider Art, and the relationship of this phenomena to the contemporary political situation. The research methodology relies on the theory of discourse and discourse analysis, which makes it possible to examine texts and events from highly different fields as parts of an interconnected system. The innovative character of the study lies in the fact that, for the first time, the author considers the discourse of Soviet Outsider Art from the perspective of Soviet policy and international affairs. The lack of specialized works that study Soviet Outsider Art makes the article relevant and innovative. Researchers have not previously considered the connection between Soviet foreign policy, ideology, punitive psychiatry, and the discourse surrounding Outsider Art. In the 1970s, the creative process of the mentally ill became a topic of interest for Soviet psychiatry. The drawings of psychiatric patients were treated as vehicles of their creative impulses and utilized in psychiatric research for diagnostic purposes. Soviet psychiatrists compared the creative abilities of the mentally ill with various artistic movements, primarily surrealism; however, their vocabulary and analytic approach remained strictly psychiatric in nature. The 1980s gave rise to significant interest in this topic by a larger audience, in connection with a rethinking of artistic languages and the creative process. There was a dual attempt to dispel the reputation of “punitive psychiatry” and a growing understanding of the importance of “otherness” in art. Orienting to the discourse of key texts, this article reveals a gradual shift from the language of psychiatry to art in academic and journalistic texts devoted to Outsider Art in the 1970s–1980s.

Keywords: Outsider Art, Art Brut, art of the mentally ill, Soviet psychiatry, punitive psychiatry, Soviet culture

Исследуется дискурс советского аутсайдерского искусства 1970–1980-х гг. Анализируются характеристики существовавших в это время научных подходов и их обусловленность политической ситуацией. Методология

* The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 5VG).

** *Citation:* Suvorova, A. (2024). Outsider Art and Psychiatry in the Late Soviet Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 461–472. DOI 10.15826/qr.2024.2.889.

Цитирование: Suvorova A. Outsider Art and Psychiatry in the Late Soviet Period // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 461–472. DOI 10.15826/qr.2024.2.889.

исследования выстроена с опорой на теорию дискурса и дискурс-анализ, что позволяет рассмотреть тексты и события, принадлежащие очень разным полям как части системы. Впервые дискурс аутсайдерского искусства советского периода рассматривается с позиций влияния со стороны государственной политики и международных отношений. Актуальность статьи связана с отсутствием узконаправленных работ, детально освещающих поставленную проблему. Вопрос о связи советской внешней политики, идеологии, карательной психиатрии и дискурсе аутсайдерского искусства не поднимался. В период 1970-х гг. в советской психиатрии актуализируется тема творчества душевнобольных. В исследованиях психиатров рисунки пациентов начинают рассматривать как средство диагностики и феномен, связанный с искусством. В качестве элементов сближения советские психиатры используют сопоставление творчества душевнобольных с различными феноменами искусства, ключевым из которых является сюрреализм; но, тем не менее, лексика и подходы к анализу остаются суверенно психиатрическими. В период первой половины – середины 1980-х гг. в изучении рисунков душевнобольных в поле психиатрии начинают использоваться конструкты искусствоведческого дискурса: понятия, язык описания, «говорящие субъекты» и методы исследования. Это время обусловлено значительной актуализацией темы творчества душевнобольных, что было связано с переосмыслением механизма творчества и языков искусства, попыткой развенчания карательной психиатрии и значимостью концепции инаковости. В ходе дискурс-анализа процессов и текстов 1970–1980-х гг., связанных с полем творчества душевнобольных аутсайдерского искусства, выявлено постепенное дискурсивное смещение от психиатрии к искусству.

Ключевые слова: аутсайдерское искусство, ар-брют, искусство душевнобольных, советская психиатрия, карательная психиатрия, советская культура

The earliest studies devoted to the creative process of the mentally ill analyzed the discursive connection between psychiatry, its theory, and its practice in connection with the emerging phenomenon of Outsider Art [Prinzhorn]. The relationship between psychiatry and Outsider Art at various historical stages has already been analyzed in detail [MacGregor]. In Soviet Russia/USSR, the study of art produced by the mentally ill was first conducted in the 1920s [Карпов] and then later in the 1970s–1980s [Болдырева; Вачнадзе, 1972; Вачнадзе, 1975; Вачнадзе, 1979]. Pavel Karpov's (1926) study "Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники" ("The Creativity of the Mentally Ill and Its Impact on the Development of Science, Art, and Technology") was innovative and, notwithstanding its marked resemblance to an earlier book by Hans Prinzhorn (1972), constitutes a highly original study of the nature of creativity among the mentally ill. However, already at the turn of the 1920–1930s, Karpov was subjected to ideological pressure and, as a result, his research in the late 1920s took on a strong ideological character.

During the USSR's totalitarian period, study of the artwork of the mentally ill was not conducted with few exceptions.

In the era of Brezhnev's "stagnation" in the 1970s, several articles and books by Soviet psychiatrists appeared, in which the drawings and creativity of the mentally ill were presented as a diagnostic tool for various mental illnesses. Here one may perceive some convergence between the fields of psychiatry, outsider art, and the artwork of the mentally ill [Болдырева; Вачнадзе, 1972; Вачнадзе, 1975; Вачнадзе, 1979]. It is of particular importance to analyze the texts of Erast Vachnadze, who most clearly demonstrates the convergence of the fields of art and psychiatry. Even the titles of his articles and books — «К вопросу сходства патологического художества с современным декадентским искусством» ("On the issue of the similarity of pathological art and decadent modern art") [Вачнадзе, 1978] and «О некоторых особенностях художества душевнобольных и сюрреалистического искусств» ("On Some Characteristics of the Art of the Mentally Ill and Surrealist Art") [Вачнадзе, 1979] — bear witness to the connection between modern art and the creativity of the mentally ill.

The Drawings of Psychiatric Patients Versus Surrealism

Erast Vachnadze compared modern art to the artwork of the mentally ill. It is essential to identify the main approaches to Soviet art criticism within the discourse of modern art in the 1970s and first half of the 1980s. Some of the Soviet texts about modern art professed a radical ideology. These texts call for the "renunciation of ideals" and declare the "non-value" of Western culture [Крючкова, с. 5], referring to the destructive effect of modern art [Там же, с. 6]. Various art movements, such as cubism, were called the "fruits of decay" [Куликова, с. 167] or interpreted through appeals to the writings of Vladimir Lenin [Крючкова, с. 50] and Karl Marx [Куликова, с. 173]. Nonetheless, it is important to note that these publications seemingly aimed at criticizing and "exposing" modern art at the same time provided a functional analysis of artistic movements, including illustrations, facts, descriptions of artworks, artistic manifestos, and critical theory. For example, Valentina Kryuchkova's book, «Антиискусство: теория и практика авангардистских движений» ("Anti-Art: The Theory and Practice of Avant-Garde Movements"), contains an extensive review of the theoretical basis of surrealism and quotes from surrealist manifestos and texts by Andre Breton, Salvador Dali, and Rene Magritte, as well as by other artists and theorists. Overall, books about aesthetics and modern art in the late Soviet period were often constructed in quite a strange and clever fashion: their introduction and conclusion, and sometimes the conclusion of chapters, included ideologically "correct" thoughts condemning the logic and aesthetics of Western art, while the main text was written neutrally without any distortion of meaning.

The fundamental issue posed in the article «К вопросу сходства патологического художества с современным декадентским искусством» ("On the issue of the similarity of pathological art and decadent modern

art”) [Вачнадзе, 1978] is whether a relationship exists between “pathological artistic production” (i. e., the creativity observed in psychiatric patients) and the art of “decadent artists” (mainly, surrealists). Therefore, the study includes a general overview of surrealism. Vachnadze demonstrates good knowledge of the contemporary issues surrounding surrealism at that time; this includes reference to manifestos and other texts by Andre Breton and Salvador Dali, as well as an understanding of the phenomenon of “mental automatism”. All of this was broadly in line with the discourse of later Soviet scientific research on modern art.

In his article, Vachnadze illustrates that, despite the apparent similarity between patient drawings and surrealism, these phenomena emanate from a different foundation. As one stage in the defense of his argument, Vachnadze published the results of an experiment with 40 students from the Russian Academy of Arts, in which the researcher analyzed the process of image agglutination: the reunification of parts or whole objects into one image. Based on his observations, the author notes that the test subjects attempted to complete the task as stated, in accordance with their initial intentions, displaying active and volitional effort to do so and demonstrating an interest and willingness to create a complex reunification of images in as original and imaginative a way as possible. But at the same time, the experiment participants were able to maintain their objectivity and critically evaluate the illogical nature of the associations they made between the images they conjured up [Вачнадзе, 1978].

In the same experiment, Vachnadze described the process of drawing that he observed in psychiatric patients as being more uninterrupted, impulsive, and indiscriminate. Nevertheless, given that Vachnadze presents the main argument of his article as supporting the similarity between drawings by the mentally ill and those of surrealists, it is essential to understand the basis for this comparison. On the one hand, the very process of legitimization and institutionalization of artwork by the mentally ill, or ‘the Art Brut’, took place in the 1920s–1940s and was associated with contemporary movements in modern art, such as expressionism and surrealism. On the other hand, within the context of ideology-laden Soviet art criticism of the time regarding Western modern art, surrealism, expressionism, and abstract art were predominantly decried as “decadent”.

In his personal reflections, Vachnadze appears to write in defense of surrealism, emphasizing the importance of the inherent essence of creativity. In the case of professional artists, the artist in a state of “creative inspiration” can suspend his or her impulsive behavior and to subordinate it to his or her will and to produce “creative objectification” [Там же]. According to Vachnadze, a surrealist consciously chooses mental automatism and paranoia as the mechanism to express his or her creativity and tries to carry out the representational process “at the lowest level of mental activity” [Там же]. Therefore, in fact, a certain degree of evidence is provided for the rehabilitation of modern art, even within the context of Soviet ideology.

In the late Soviet period, comparison between the creative process in psychiatric patients and professional artists is also an essential component of the discourse on outsider art and the art of the mentally ill. This comparison was similar to that which took place during the formation and legitimization of the artwork of the mentally ill and ‘the Art Brut’ in Europe during the 1920s–1940s. Thus, this phase of discourse in late Soviet culture lagged behind European discourse.

“The Spectators Asked in Amazement, ‘Did they Leave the Door of the Psychiatric Hospital Open’?”

Vachnadze delves deeper into the connection between the art of the mentally ill and surrealism in his book «О некоторых особенностях художества душевнобольных и сюрреалистического искусства» (“On Some Characteristics of the Art of the Mentally Ill and Surrealist Art”) [Вачнадзе, 1979]. From the standpoint of discourse theory, the language utilized in his publication is of the utmost importance. The author uses much of the ideologized Soviet rhetoric about modern art: terms and phrases such as “decadent art” with regards to expressionism and surrealism, and “modern decadent stylization” (a crucial substitution for the word “art”) [Вачнадзе, 1979]. On the very first pages of the book, Vachnadze employs the typical cliché often used in ideological criticism of contemporary Western art: “More and more often a voice was heard at the exhibitions of decadent artists about the need to place them in a psychiatric clinic. The spectators asked in amazement, ‘Did they leave the door of the psychiatric hospital open?’” [Там же, с. 6].

In what specific terms does Vachnadze characterize the work of psychiatric patients? Here, as in his earlier article, Vachnadze notes the long history of juxtaposing surrealism and other movements in modern art with the artwork of the mentally ill. The author explains the unique character of these drawings in an evolutionist paradigm, drawing an analogy with the linearity and flatness of images from primitive and ancient Egyptian art. Vachnadze finds another direction of historical analogies in the artwork of Hieronymus Bosch and the Mannerists, El Greco and Luis de Morales. These comparisons emphasize the similarities between the subjective perception of artists (their deformation of reality, intense expression, and exaltation, etc.) and the subjective experiences of the mentally ill, reflected in their “deformed, mutilated, elongated, and exaggerated forms” [Там же]. Over the course of the text, a kind of cultural foundation for the phenomenon is laid out, which, due to its persistence throughout cultural history and the “approval” it received within Soviet ideology, serves to legitimize the creative work of psychiatric patients.

Vachnadze also defines certain properties of drawings created by psychiatric patients, specifically patients with schizophrenia:

1) Artwork is characterized by an impulsive, indiscriminate representational system;

- 2) Patients automatically perceive and obsessively create serial drawings;
- 3) Images are incoherent, congested, and chaotic, depriving the overall work of form and structure;
- 4) Artwork contains numbers, neologisms, and symbols;
- 5) Neomorphisms created according to the laws of agglutination (a disfigured body, a skinless face, isolated limbs, etc.) occupy a special place in these works;
- 6) Proportions are violated and displaced, there are unnatural spatial relationships, and the characters perform unnatural roles;
- 7) Symbols are used to violate the logical relationship between the objects depicted, which makes interpretation impossible from the point of view of traditional symbolism [Вачнадзе, 1979, с. 14] (see fig.).

Illustration by a psychiatric patient from the book *On Some Characteristics of the Art of the Mentally Ill and Surrealist Art*. N. d. [Вачнадзе, 1979]

Psychiatric discourse is also partially referenced in the publication. In describing the drawings of the mentally ill, psychiatric terms were used, such as: “pathological production”, “agglutination”, “neomorphism”, and “oneiroid state” [Вачнадзе, 1979]. Later in the text, Vachanadze provides several additional examples of the artwork of schizophrenic and paranoid patients in supplemental illustrations to reveal these characteristics, while he also provides extracts from the patients’ medical histories. It is important to note

that in this case, of primary importance are the medical histories of the illness and the specific manias and phobias of the patients, and the drawings are used as confirmation for the diagnoses. Thus, the psychiatric discourse is dominant; this is manifested through the vocabulary and logic of the exposition. The drawings are not analyzed like self-sufficient objects with a specific content and style, but rather in the opinion of the authors, diagnoses are developed through the logic of images and in the formal language of drawings.

The theoretical basis of this approach was expounded in the text as follows: “a pathological individual bears a close resemblance to the art that he or she produces in that it reflects the intimate experiences and attitudes of the diseased individual... an artwork bears the imprint of the artist’s pathological state, reflecting the pathological experiences of a creative personality” [Вачнадзе, 1979, с. 22]. That is, in the opinion of the author, “artistic production” is a function of disease.

The general conclusion of the book “On Some Characteristics of the Art of the Mentally Ill and Surrealist Art” is entirely predictable: “The kinship between the art of the mentally ill and surrealism seems to be evident. After all, the origin of the surrealists’ creativity is the unconscious and their creative forms are inherently characteristic of delirium. Therefore, despite the absence of pathological properties, surrealists created artworks similar to “pathological artistic production”, and inevitably the question of their relationship arises” [Там же, с. 18–19].

Punitive Psychiatry and Outsider Art Discourse’s Formation

Soviet psychiatry also participated in repressive ideological processes. For Western intellectuals, Soviet psychiatry was embodied in a speech by Nikita Khrushchev in 1959, who stated that “only the mentally ill can disagree with the bright prospects of building communism. Moreover, since such dissenters existed, and they were mentally ill, there appeared a new need for a ‘quiet’ extrajudicial reprisal against them – through psychiatry” [Карательная психиатрия, с. 40]. In the late 1970s, thanks to investigations by human rights defenders, this situation became public.

Nevertheless, the ideological processes of the era of stagnation were also oriented towards creating a favorable picture of life in the Soviet state for Western society, and, moreover, towards creating a positive image of Soviet psychiatry. This situation was further aggravated by the adoption of a resolution condemning Soviet political abuse of psychiatry at the Sixth Congress of the World Psychiatric Association, held in Honolulu in 1977. In the late 1970s, the USSR Ministry of Health developed a draft plan of necessary measures, ratified by the KGB under the USSR Council of Ministers; the USSR Council of Ministers State Committee for Publishing, Printing and Book Trade; and the USSR Ministry of Foreign Affairs. The document also comprised a clause on the preparation of publications, including ones for Western intellectuals: “The USSR State Publishing House shall prepare and publish scientific publications in Russian and foreign languages on the organization of psychiatric care for the population of the USSR and forensic

psychiatric examination for referral to national associations of psychiatrists and major scientists of foreign countries” [Карательная психиатрия, с. 107].

To implement this plan, a three-volume edition of books was published in the beginning to mid-1980s dedicated to artwork of the mentally ill. For Western intellectuals at the time, who perceived Soviet psychiatry as punitive, the publication of three books dedicated to the representational language of the mentally ill was unexpected.

The status of Soviet psychiatry before the Seventh Congress of the World Psychiatric Association (1983) was extremely low; several national psychiatric associations sought the exclusion of the Soviet All-Union Scientific Society of Neuropathologists and Psychiatrists from the World Psychiatric Association due to political abuse of psychiatry in the USSR. In the same year, the All-Union Scientific Society of Neuropathologists and Psychiatrists voluntarily left the World Psychiatric Association [Abuse of Psychiatry in the Soviet Union].

The authors of the three-volume edition [Бабиан и др., 1982 и посл.] were authoritative Soviet psychiatrists and art critics, although the latter were not included among the official authors of the books. Among the authors is Georgi Morozov, the director of the Serbsky Central Research Institute for Forensic Psychiatry from 1957 to 1990, and one of the most infamous representatives for the practice of using psychiatry for political purposes in the USSR [Abuse of Psychiatry in the Soviet Union]. Soviet books about the “representational behavior” of the mentally ill were published in Switzerland with rich illustrations and parallel text in Russian and English, intended for distribution abroad; already at the time of their publication, the books quickly became a bibliographic rarity in the USSR.

The first volume, “The Pictorial Language of Schizophrenic Patients”, was programmatic, with the preface describing the discursive limits of the phenomenon of mentally ill patients’ artwork [Бабиан и др., 1982]. First, it noted that the work of the mentally ill had not yet received an accurate terminological definition. Moreover, it indicated the range of concepts that describe this phenomenon in the Russian language literature: “artwork”, “representational behavior of the mentally ill”, “pathological stylization”. The use of the word “stylization” was reiterated from Hans Prinzhorn’s studies of the early 1920s, “Artistry of the Mentally Ill” (Bildnerie der Geisteskranken). In a text from the early 1980s, the authors use the term “representational language”, which is associated with the discourse of art, as opposed to the term “representational behavior of the mentally ill”, which was also used at that time. At the same time, the word “art” is programmatically avoided in Soviet books, in contrast to the terms “Art Brut” and “Outsider Art”, which were already used in Western studies of that time.

The authors of the book carried out a review of existing approaches to the artwork of the mentally ill, which testifies to their knowledge of the topic. They distinguish the following approaches: 1) exclusion of the mentally ill’s works from the field of art, 2) recognition of the similarities and differences of the work of the mentally ill and healthy artists,

3) the absence of a fundamental difference between the “artistic self-expression of patients” and modern art, such as in expressionism, abstract painting, and surrealism. In describing their analytic approach, the authors emphasize “regularities within the dynamics of the pathological process,” which manifest “despite the different levels of giftedness and professional training of patients, and differences in the genre and depicted images...” [Бабиан и др., 1982]. Without directly revealing their position, the authors suggested the images were manifestations of a mental illness that belong to the discourse of psychiatry.

Notwithstanding this initial indication of their approach, the text contains elements of the discourse of art criticism. Thus, the authors proposed to classify the work of the mentally ill in accordance with the nature of representational language as follows: 1) the disintegration of pictorial form, 2) natural pictorial form, and 3) conventional pictorial form [Там же].

In 1985, the same psychiatrists published a second volume, “The Pictorial Language of Schizophrenic Patients with Delusional and Overvalued Formations”, which was not previously mentioned; apparently, a series was not initially planned [Бабиан и др., 1985b]. The foreword was written by Andrey Snezhnevsky, who in this period was Chairman of the Scientific Council on Psychiatry of the USSR Academy of Medical Sciences, Director of the Institute of Psychiatry of the USSR Academy of Medical Sciences, and a psychiatrist and honorary member of the World Psychiatric Association until 1983. The introduction by Snezhnevsky was indicative of the publication’s political character. The attitude of Western psychiatrists towards Snezhnevsky was negative. While speaking as a witness in the case of Yakir and Krasin in August 1973, Snezhnevsky said that “a very unpleasant situation occurred at the Psychiatric Congress in Mexico City in 1971, when copies of the English editions of *The Chronicle of Current Events and Zhores’* and Roy Medvedev’s book *A Question of Madness?* were distributed among the delegates” [Карательная психиатрия в России, с. 83]. The international psychiatric community strongly condemned the practice of punitive psychiatry in the USSR and called for the obstruction of Snezhnevsky and his Soviet colleagues. Thus, the introduction by Snezhnevsky was an attempt to preserve the status quo within Soviet psychiatry.

In the preface to this edition, it is noted that an art critic, Doctor of Philosophy Evgeniya Zavadskaya, took part in its preparation; as indicated in a footnote, she was also a consultant for the first part of the series. Another significant innovation was the reference to works of foreign researchers — Hans Prinzhorn, Walter Morgenthaler, and others—which indicated the deeper knowledge of the authors and their desire to demonstrate an appeal to “Western science”, but also their understanding of the interdisciplinary nature of the artwork of the mentally ill and the impossibility of considering it only from the point of view of psychopathology. The preface underscores that the book presents many works by professional artists but stipulates separately that the analysis of these works as a pictorial form of expression

of psychopathological disorders is from a “strictly clinical standpoint.” This inclusion of the work of professional artists that exhibit a higher artistic quality testifies to the desire of the authors and psychiatrists to interpret the publication not only as a psychiatric but also as an aesthetic study. It is also noteworthy that the book examines the artwork of one of the iconic nonconformist artists, Vladimir Yakovlev, who was known abroad and had been under psychiatric care since the mid-1940s.

Probably the most significant passage penned by Snezhnevsky was his theory that the analysis of figurative language in the artwork of the mentally ill not only expands diagnostic capabilities but also “contributes to a deeper understanding of the entire mental structure of delusional patients, their peculiar worldview, their unconventional vision of the external world, and the new social orientation that emerges as the pathological process develops” [Бабиан и др., 1985b]. That is, along with psychiatrically discursive pathology, the context of otherness manifests through his use of philosophical and aesthetic phrases, such as “special worldview” and “unconventional vision.”

The third part of this series, “The Pictorial Language of the Patient with Paranoia”, emphasizes the rarity of mental illness, such as paranoia [Бабиан и др., 1985a]. In the foreword by Snezhnevsky, the specific character of drawings by paranoid patients is expounded, and in his description, the author uses elements of the discourse of art criticism: “Highly valuable ideas are expressed by the patient through the materials and techniques of fine art (painting, sculpture). In this regard, the analysis of the case of paranoia is not limited to a clinical analysis but is supplemented by the analysis of the patient’s pictorial language” [Там же]. The interpretation of this “visual material” was accomplished with the assistance of the art consultants Georgy Nikich-Krilichevsky and Elena Yureneva, which also testifies to a recognition of the contiguity and interdisciplinarity of the described phenomenon and the literature’s discursive shift [see colour inset].

* * *

Thus, in the 1970s, the theme of the creative work of the mentally ill became topical in Soviet psychiatry. Patients’ drawings began to be analyzed in studies not only as a part of the diagnosis of their mental illness, but also as a phenomenon associated with art in and of itself. Soviet psychiatrists also employed this comparison between the creative work of the mentally ill and various art movements, above all with surrealism. Nevertheless, the vocabulary and analytic approach remained those of the psychiatric discourse.

In the early to mid-1980s, there began the gradual process of the legitimization of the creative work of the mentally ill as art in its own right. However, this process also had a political character that was conditioned by the desire within Soviet psychiatry to restore its former prestige in the world community, which had been lost after the revelation of its practice of punitive psychiatry. The main purpose of publications of this time was

to contribute to psychiatric discourse, but there was also a noticeable inclusion of art criticism within this discourse in the reference to art experts, the use of marker concepts, and specific methods of analysis. All of this led to the emergence of a significant number of public initiatives, exhibitions, and publications devoted to Outsider Art and the work of the mentally ill in the 1990s.

Библиографические ссылки

Бабиан Э. А., Морозов Г. В., Морковкин В. М., Смудевич А. Б. Изобразительный язык больных шизофренией. Базель : Сандоз, 1982. Б. п.

Бабиан Э. А., Морозов Г. В., Морковкин В. М., Смудевич А. Б. Изобразительный язык больного паранойей : [в 3 ч.]. Базель : Сандоз, 1985а. Ч. 3. Б. п.

Бабиан Э. А., Морозов Г. В., Морковкин В. М., Смудевич А. Б. Изобразительный язык больных шизофренией с бредовыми и сверхценными образованиями : [в 3 ч.]. Базель : Сандоз, 1985б. Ч. 2. Б. п.

Болдырева С. А. Рисунки детей дошкольного возраста, больных шизофренией. М. : Медицина, 1974. 157 с.

Вачнадзе Э. А. Некоторые особенности рисунка душевнобольных. Тбилиси : Мецниереба, 1972. 62 с.

Вачнадзе Э. А. Рисунки детей, больных шизофренией и эпилепсией. Тбилиси : Мецниереба, 1975. 50 с.

Вачнадзе Э. А. К вопросу сходства патологического художества с современным декадентским искусством // Бессознательное: природа, функции, методы исследования : в 4 кн. Тбилиси : Мецниереба, 1978. Кн. 2. С. 671–679.

Вачнадзе Э. А. О некоторых особенностях художества душевнобольных и сюрреалистического искусства. Тбилиси : Мецниереба, 1979. 30 с.

Карательная психиатрия в России : доклад о нарушениях прав человека в Российской Федерации при оказании психиатрической помощи. М. : Изд-во Международ. Хельсинк. федерации по правам человека, 2004. 496 с.

Карпов П. И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л. : Гос. изд-во, 1926. 200 с.

Крючкова В. А. Антиискусство: теория и практика авангардистских движений. М. : Изобр. иск-во, 1985. 304 с.

Куликова И. С. Сюрреализм в искусстве. М. : Наука, 1970. 174 с.

Abuse of Psychiatry in the Soviet Union: Hearing before the Subcommittee on Human Rights and International Organisations of the Committee on Foreign Affairs and the Commission on Security and Cooperation in Europe, House of Representatives, Ninety-eight Congress, First Session, September 20, 1983. Washington, DC : U. S. Government Printing Office, 1984. 106 p.

MacGregor J. The Discovery of the Art of the Insane. Princeton : Princeton Univ. Press, 1989. 390 p.

Prinzhorn H. Artistry of the Mentally Ill. N. Y. : Springer, 1972. 274 p.

References

Abuse of Psychiatry in the Soviet Union: Hearing before the Subcommittee on Human Rights and International Organisations of the Committee on Foreign Affairs and the Commission on Security and Cooperation in Europe, House of Representatives, Ninety-eight Congress, First Session, September 20, 1983. (1984). Washington, DC, U. S. Government Printing Office. 106 p.

Babiyani, E. A., Morozov, G. V., Morkovkin, V. M., Smulevich, A. B. (1982). *Izobrazitel'nyi yazyk bol'nykh shizofreniei* [The Pictorial Language of Schizophrenics]. Basel, Sandoz. N. p.

Babiyani, E. A., Morozov, G. V., Morkovkin, V. M., Smulevich, A. B. (1985a). *Izobrazitel'nyi yazyk bol'nogo paranoiie v 3 ch.* [The Pictorial Language of the Paranoiac Patient. 3 Parts]. Basel, Sandoz. Part 3. N. p.

Babiyani, E. A., Morozov, G. V., Morkovkin, V. M., Smulevich, A. B. (1985b). *Izobrazitel'nyi yazyk bol'nykh shizofreniei s bredovymi i sverkhstennymi obrazovaniyami v 3 ch.* [The Pictorial Language of Schizophrenia Patients with Delusional and Overvalued Formations. 3 Parts]. Basel, Sandoz. Part 2. N. p.

Boldyreva, S. A. (1974). *Risunki detei doshkol'nogo vozrasta, bol'nykh shizofreniei* [Drawings of Preschool Children with Schizophrenia]. Moscow, Meditsina. 157 p.

Karatel'naya psikiatriya v Rossii. *Doklad o narusheniyakh prav cheloveka v Rossiiskoi Federatsii pri okazanii psikiatricheskoi pomoshchi* [Punitive Psychiatry in Russia: Report on Human Rights Violations in the Russian Federation in the Provision of Psychiatric Care]. (2004). Moscow, Izdatel'stvo Mezhdunarodnoi Khel'sinskoi federatsii po pravam cheloveka. 496 p.

Karpov, P. I. (1926). *Tvorchestvo dushevnobol'nykh i ego vliyanie na razvitie nauki, iskusstva i tekhniki* [The Creative Work of the Mentally Ill and Its Impact on the Development of Science, Art, and Technology]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 200 p.

Kryuchkova, V. A. (1985). *Antiiskusstvo: teoriya i praktika avangardistskikh dvizhenii* [Anti-Art: Theory and Practice of Avant-Garde Movements]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. 304 p.

Kulikova, I. S. (1970). *Surrealizm v iskusstve* [Surrealism in Art]. Moscow, Nauka. 174 p.

MacGregor, J. (1989). *The Discovery of the Art of the Insane*. Princeton, Princeton Univ. Press. 390 p.

Prinzhorn, H. (1972). *Artistry of the Mentally Ill*. N. Y., Springer. 274 p.

Vachnadze, E. A. (1972). *Nekotorye osobennosti risunka dushevnobol'nykh* [Some Features of Drawings of the Mentally Ill]. Tbilisi, Metsniereba. 62 p.

Vachnadze, E. A. (1975). *Risunki detei, bol'nykh shizofreniei i epilepsiei* [Drawings of Children with Schizophrenia and Epilepsy]. Tbilisi, Metsniereba. 50 p.

Vachnadze, E. A. (1978). K voprosu skhodstva patologicheskogo khudozhestva s sovremennym dekadentskim iskusstvom [On the Issue of the Similarity of Pathological Art and Modern Decadent Art]. In *Bessoznatel'noe: priroda, funktsii, metody issledovaniya v 4 kn.* Tbilisi, Metsniereba. Book 2, pp. 671–679.

Vachnadze, E. A. (1979). *O nekotorykh osobennostyakh khudozhestva dushevnobol'nykh i surrealisticheskogo iskusstva* [On Some Features of the Art of the Mentally Ill and Surrealism]. Tbilisi, Metsniereba. 30 p.

The article was submitted on 21.01.2023

MIKHAIL PRISHVIN:
PERSONALISM – EGO-DOCUMENT – ECO-CONSCIOUSNESS

DOI 10.15826/qr.2024.2.890

УДК 821.161.1–311.8Пришвин + 82–4 + 821.16.1.09

«Трагедия правды» в географии Чащи Михаила Пришвина*

Елена Созина

¹Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“The Tragedy of Truth” in the Geography
of Mikhail Prishvin’s Grove**

Elena Sozina

¹Institute of History and Archaeology,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the theme of the forest (“grove”) in the works and diaries of Mikhail Prishvin, which for him is inextricably linked not only to environmental problems, but also to the Russian people’s awareness of their historical path and destiny, to the understanding of the concept of “truth” and its semantic content in the minds of different people. The author compares Prishvin’s book of essays *Berendey’s Grove* (1935–1936), the fairytale *Shiptimber Grove* (1953) and the writer’s diaries, which reflect his impressions of his trip to Arkhangelsk region in 1935. On his journey to the north, Prishvin was not only carrying out the duties of the People’s Commissariat of the Timber Industry (supervising logging), but also trying to reach the precious and protected forest region – the “inviolable grove”, about which he heard many stories on his way. For Prishvin, the grove is an ideal place, untouched by the “axe of the Antichrist”. And this ideal mythological topos is all the more clearly contrasted with the terrible reality of deforestation that the writer saw and reflected on

* Citation: Sozina, E. (2024). “The Tragedy of Truth” in the Geography of Mikhail Prishvin’s Grove. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 473–491. DOI 10.15826/qr.2024.2.890.

Цитирование: Sozina E. “The Tragedy of Truth” in the Geography of Mikhail Prishvin’s Grove // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 473–491. DOI 10.15826/qr.2024.2.890 / Созина Е. «Трагедия правды» в географии Чащи Михаила Пришвина // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 473–491. DOI 10.15826/qr.2024.2.890.

in his essays and diary. Even the virgin grove that the travellers reach near the Komi border turns out to be doomed. In Prishvin's texts, conflicting ideas about the forest are not reconciled; he writes about poetic wood and round wood that should be felled. His last book, *Shiptimber Grove*, is dedicated to the Dream Grove, in which the author tries to save "his" fabulous grove. The article considers various options for the title of Prishvin's final work, reflecting the movement of his creative consciousness. One of them is *The Story of Truth* or *The Genuine Truth*. The theme of truth, or the 'tragedy' of truth, is perhaps the central theme in Prishvin's thought in later years, as well as in the works of a few of his contemporary writers; in the story, he entrusts the search for 'truth' to his characters. The shiptimber grove, protected by the Komi people and invaded by war, becomes a multiple image and symbol in the book, including a symbol of truth, uniting the general and the personal, the natural and the human, the past and the future.

Keywords: M. M. Prishvin, northern journeys, *Berendey's Grove*, essays, *Shiptimber Grove*, fairy tale, diary, theme of truth

Предметом рассмотрения в статье является тема леса («чащи») в произведениях и дневниках Михаила Пришвина, неотрывно связанная для него не только с проблемами экологии, но и с осознанием русским человеком своего исторического пути и предназначения, с пониманием концепта «правда» и его смысловым наполнением в умах разных людей. Сопоставляются книга очерков Пришвина «Берендеева чаща» (1935–1936), повесть-сказка «Корабельная чаща» (1953) и дневники писателя, отразившие его впечатления от путешествия в Архангельскую область в 1935 г. Отправляясь на Север, Пришвин не только выполнял задание Наркомата лесной промышленности (осуществить надзор над лесозаготовками), но и стремился достичь заветного заповедного лесного края – «неприкосновенной Чащи», о которой он слышал немало рассказов в пути. Чаща выступает для Пришвина идеальным местом, не тронутым «топором антихриста». И тем ярче этому идеальному мифологическому топосу противопоставляется ужасающая реальность лесозаготовок, увиденная и отраженная Пришвиным в его очерках и дневнике. Заповедная Чаща, которой достигают путешественники неподалеку от границы с Коми, также оказывается обречена на смерть. В текстах Пришвина остаются непримиренными контрастные представления о лесе – лесе поэтическом и лесе «круглом», то есть идущем под топор. Чаще-мечте писатель посвящает свою последнюю книгу «Корабельная чаща», где он в качестве автора предпринимает попытку спасения «своей» сказочной Чащи. Рассматриваются разные варианты заглавия финального произведения Пришвина, отразившие движение его творческого сознания. Одно из них – «Повесть о правде» (или «Правда истинная»). Тема правды, трагедия правды – едва ли не центральная в размышлениях Пришвина последних лет, как и ряда его писателей-современников; в повести он доверяет поиски «правды-истины» своим героям. Корабельная чаща, которую бережет народ коми и на которую покушается война, становится

в книге многозначным образом-символом, в том числе символом правды, объединяющим общее и личное, природное и человеческое, прошедшее и будущее.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, северные путешествия, «Берендеева чаща», очерки, «Корабельная чаща», повесть-сказка, дневник, тема правды

Известно, какое место занимала природа, в частности, природа Севера в творческом сознании и в жизни М. М. Пришвина, путешествовавшего в разные уголки России и Советского Союза, но особо отличавшего Север, куда он отправился в свои первые путешествия в 1906–1907 гг. В 1935 г. Пришвин совершил очередное путешествие на Север – в Архангельскую область, к границам Коми АССР. По итогам этой поездки была написана книга очерков «Берендеева чаща» (отдельные очерки публиковались в разных изданиях в 1935–1936 гг.), ставшая предшественницей повести-сказки «Корабельная чаща» (1953). Кроме того, заметки о путешествии на Север сохранились в дневниках Пришвина, так что есть возможность сравнивать все три текста, имея в виду, что дневник обычно выступал для Пришвина источником создания последующих произведений. Таким образом, чтобы яснее понять своеобразие заключительной повести-сказки писателя, нужно помнить о ее связи не только с «Кладовой солнца» (1945), составляющей, по замыслу писателя, первую часть дилогии сказочных повестей-книг, но и с очерковой, документальной по содержанию и форме «Берендеевой чащей».

В ней завязываются многие мотивы последующей книги и намечаются авторские размышления о жизненных путях людей, неоднократно сопоставляемых автором с жизнью деревьев. Из документального повествования-травелога, имеющего большей частью личный, порой весьма субъективный характер, Пришвин к концу жизни делает повесть-сказку, где также имеется сюжет путешествия, но уже не автора-героя, а его персонажей, детей, хотя и все остальные герои повести (кроме, может быть, учителя Ивана Ивановича Фокина) не сидят на месте, а пребывают в постоянном движении и перемещении. «Корабельная чаща» строится по жанровым законам литературного произведения (повести или романа) и одновременно сказки (см. об этом: [Овчинникова, 2009а; Овчинникова, 2009b]): путешествие детей получает сюжетную и жизненную мотивировку, устремлено к определенной очень серьезной цели – поиску отца, тогда как путешествие-поиск автора-героя и рассказчика в «Берендеевой чаще» руководствуется по видимости деловыми (задание от Наркомата лесной промышленности, о чем автор упоминает вскользь), а по сути познавательными, любительскими задачами: найти и увидеть заповедный лес, нетронутую Чащу.

Задача статьи – через сопоставление произведений о чаще понять внутреннее творческое задание автора, обращенное не только к себе

и читателю, но и к самой «чаще», задание, не остающееся неизменным, но меняющееся в ходе жизни писателя, в определенной степени отвечающее не только его собственной художественной рефлексии, но и, что неизбежно, социальному заказу эпохи.

«Берендеева чаша»

Книга очерков называется у Пришвина «Берендеева чаша», однако в ее содержании тот нетронутый северный лес, который ищут путешественники, именуется просто Чащей, а Берендеевой зовется чаша, располагавшаяся под Переславлем-Залесским, где в 1925–1926 гг. жил Пришвин и куда потом не раз приезжал поохотиться. Реальную Берендееву чашу ему удалось спасти от сплошной вырубке. В 1935 г. в газете «Известия» (№ 10) была опубликована статья Пришвина «Переславские кручи» – в ней шла речь об уничтожении леса по одному из берегов реки Вексы. Благодаря статье, привлечшей внимание не только «широкой общественности», но и высоких чинов, сосновый бор на другой стороне реки удалось спасти «как памятник природы, как защитный лес водоема, как любимейшее место отдыха трудящихся Переславля» [Пришвин, 2009, с. 633]. Весь этот край стал для писателя «Берендеевым царством», не раз описанным им в произведениях 1930–1940-х гг. В книге «Родники Берендея» все жители края и сам автор получают имя Берендеев, а его жена Ефросиния Павловна – Берендеевны¹. В «творимой легенде» о «Берендеевом царстве» А. М. Горький увидел новое мироощущение, выраженное Пришвиным, – «геооптимизм, который рано или поздно человечество должно принять» [цит. по: Пришвин, 1982–1986, т. 3, с. 513].

Образом *своей* «Берендеевой чаши» на протяжении всей книги очерков Пришвин меряет те леса, через которые лежит его путь и о которых рассказывают встречные. Так рождается образ «неприкосновенной Чащи», о которой он слушает рассказ «водяного хозяина» на реке Сухоне:

...Была станова изба его на речке Боровой, а другая – на Горовой, а третья далеко была: там, где последняя излучина реки Коды из-под лета уходит на север и все речки бегут не в Пинегу, а в Мезень, есть Чаша.

¹ Очерки «Родники Берендея» (1-я часть) впервые были опубликованы в журнале «Красная новь» (1925, № 8), а в 1926 г. изданы отдельной книгой. В собрании сочинений 1935–1939 гг. и в последующих изданиях произведений писателя очерки публиковались в цикле «Календарь природы». Подборку высказываний Пришвина о Берендеевом царстве см.: [Пришвин, 2009, с. 940–941]. Напомним, что берендеями назывались тюркские племена, жившие в восточноевропейских степях в XI–XIII вв., осевшие на территории Владимиро-Суздальского княжества и оставившие свои следы в ряде топонимов. Так, неподалеку от Переславля-Залесского находится станция Берендеево, также неоднократно упоминаемая Пришвиным. Однако скорее всего, используя выражение «Берендеево царство», писатель ориентировался на «царство добрых берендеев» из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка» (1873).

«Чаща!» – вспомнил я свою сочиненную Берендееву чащу, и так захотелось мне узнать, какой же вид имеет эта действительная чаща, не тронутая вовсе топором человека [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 625].

В той же сказовой интонации передается ответ рассказчика:

Лес там – сосна за триста лет, дерево к дереву, там стяга не вырубить! И такие ровные деревья, и такие частые! Одно дерево срубить нельзя, прислонится к другому, а не упадет. Вот такая чаща! [Там же].

Затем описание Чащи вместе с указанием дороги к ней почти в тех же словах дает некий «читатель», встреченный автором на пароходе:

...И когда последняя излучина Коды уйдет под лето, реки потекут в Мезень, тут возле речки Порбыша будет и Чаща. <...> ...Деревья прямые, как свечи, одно к одному, ровные, там стяга не вырубить и деревья не повалишь... [Там же, с. 634].

Наконец, охотник с Пинеги рассказывает путникам о Чаще – и вновь возникает образ «трехсотлетнего мачтового леса», такого ровного и частого, «что стяга не вырубить» [Там же, с. 637]. Образ Чащи становится для автора-рассказчика его мечтой, воплощением идеальной прекрасной природы: «Я обрадовался этой находке Чащи, о которой здесь все говорят... Как найденное сокровище, какой-нибудь драгоценнейший алмаз, спрятал я к себе эту Чащу и стал стеречь ее у себя» [Там же, с. 634]. Образ нетронутого ровного леса-беломошника оказывается тем более актуален, что по мере того, как экспедиция Пришвина продвигается все дальше на север по региону лесозаготовок, ее члены видят загубленные нерачными хозяевами и работниками кубометры леса, входят в адово пространство сплава («Узнав о моем желании посмотреть, как живут на сплаве рабочие, он охотно ведет меня в ад...» [Там же, с. 660]).

В дневнике негативные впечатления от путешествия выражены ярче и крупнее, чем в книге очерков, и сопровождаются обобщением, которое писатель, по-видимому, поостерегся дать в подцензурной печати:

Безобразие нарастало и на росошине Кода-Мелетина...росло до полного безобразия: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных груды и крестами деревьев, бараки, переполненные клопами. <...> Я сидел под уцелевшей лиственницей... и смутно думал о том, почему переход культуры от маленького окошка к более светлому (здесь и далее подчеркивание авторское. – Е. С.) непременно сопровождается таким злом, что у некоторых возникает вопрос: да стоило ли из-за более светлого окошка столько губить? [Пришвин, 2009, с. 690].

Однако хищническая рубка леса, свидетелем которой становятся путешественники, находит своих апологетов и защитников. Некий «канадец», как иронически называет его автор, пароходный попутчик, ссылающийся на опыт лесозаготовок в Канаде, яростно отстаивает необходимость не просто рубки, но сплошного уничтожения леса, поскольку «Мы накануне пользования безграничными запасами энергии внутриаомной, а вы тоскуете о лесе, этом аккумуляторе человеческих чувств, связанных с косностью». По его мнению, «лес консервативен, как старая баба, и чем скорей мы с этой дрянью покончим, тем свободней, лучше будет жить» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 633]. Автору-рассказчику нечего на это сказать, ибо упомянутый «канадец» – инородное существо, готовое истребить дорогие сердцу русского человека леса по всей стране, по всей планете. Но чтобы «показать... читателям, какой лес у нас был когда-то и каким мы его сделали» [Там же, с. 634], автору нужно найти и увидеть свою Чашу. Таким образом, мотив автора-путешественника сдвигается: Чаша обретает смысл идеальной цели, необходимой для демонстрации радикального отличия того, что есть, от того, что было прежде. В отличие от «перековки» людей, процесс которой Пришвин наблюдал во время своей поездки на Беломоро-Балтийский канал в 1932 г., леса в «перековке» не нуждаются, их нужно сохранять, хотя, с другой стороны, «если поспеет лес, – не сгорать же ему! – лес надо сводить, и вот получается лес круглый» [Там же, с. 638]. «Круглый лес – это конец. Чаша – это начало» [Там же, с. 638], – отмечает автор очерков, осваивая терминологию лесоповала («круглый лес» – тот, что перестал быть лесом и стал бревнами).

Сомнения автора-рассказчика нарастают, когда путешественники начинают пешком передвигаться по северному лесу, стремясь добраться до «неприкосновенной» Чаши. «Лес очень утомил, все ждешь и ждешь просвета и понимаешь славянина, понимающего лес как беса» [Пришвин, 2009, с. 666]. «Бор красив сам по себе, но к человеку равнодушен, а еловые долгомошники прямо даже и враждебны человеку» [Там же, с. 699]. Наконец, уже вернувшись в родные места и испытав радость от встречи с простым березовым лесом, не угнетающим, не давящим на человека, Пришвин записывает: «Люблю лес, но лес, особенно северный, любить невозможно: наш любимый лес и настоящий лес – это все равно что пойнтер и волк, – можно ли дикого волка любить» [Там же, с. 735]. В понятии «лес» для него «ютятся два разные существа»: «стандартный лес-бес», с которым вечно боролись земледельцы, и поэтический лес как «средство восстановления истраченных в городе сил». Но теперь появляется и третий лес – «круглый, исчисляемый на кубометры, источник нашей валюты» [Там же].

Примирить эти разные понятия Пришвин пытается на протяжении всей книги очерков «Берендеева чаша». Как художник он стремится к сохранению и воплощению если не въяве, то хотя бы на страницах книг поэтического леса, оттого так дорога ему Чаша.

Как путешественник-«славянин», в отличие от финно-угра, он видит в северном лесу, по которому с таким трудом они шли к заветной Чаще, «лес-бес». Как советский человек, разделяющий цели социалистического строительства, он вынуждает себя примириться с «круглым» лесом. Но в очерках все эти линии остались несведенными, поскольку поэтический лес был заслонен и реальностью путешествия, и нуждами социалистического строительства (из дневника: «трудно чувствовать поэзию леса, если виден конец» [Пришвин, 2009, с. 696]). Новой попыткой их примирения станет «Корабельная чаща», в которой автор будет стремиться дойти, доискаться до настоящей, «истинной» правды леса.

О том, как они пришли к заветной Чаще, Пришвин коротко пишет в книге очерков: «наконец пришли в Чашу, и вот прилетела Жар-птица и наполнила всю душу радостью» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 682]. Словно скороговоркой он проговаривает те же слова, что не раз слышал от встреченных на пути охотников: «Все оказалось точно так, как и говорили о Чаще: деревья стояли одно к одному, как громадные свечи, и уж, конечно, тут стяга не вырубись» [Там же, с. 682]. Но «когда же мы подняли глаза наверх, то увидели на каждом гигантском дереве зачистки топором, и на этом белом зачищенном кусочке было обозначено буквой, какой это сортимент» [Там же]².

Заповедная Чаща оказалась обречена на смерть. Расстаться со своей мечтой, со своей «Жар-птицей» тяжело не только детям, но и взрослым, и Пришвин радикально меняет вектор мечты: «не о той Чаще надо мечтать, какой она была без человека, а какую мы должны создать себе в будущем» [Там же, с. 683]. В итоге образ «неприкосновенной» Чащи исчезает – теперь она превращается «в необходимую государству золотую валюту» или же, перерабатываясь «на целлюлозных заводах», дает «бумагу, необходимую для Берендеевой чащи» [Там же, с. 692], то есть для сочинения и печати пришевских книг о Берендеевой чаще. Мечта ставится на службу государству и писателю как государственному служащему.

Дневник Пришвина свидетельствует, что он совершает нечто вроде движения бумеранга – возвращается к образу родной и привычной Берендеевой чащи, гораздо более приятной и удобной, нежели суровый северный лес. «Зачем было так далеко ходить, если почти такой же рай есть под Москвой» [Пришвин, 2009, с. 695], – возникает у самих путников закономерный вопрос. И далее в этой же дневниковой записи Пришвин заключает свою Чашу в кавычки: «Вечером пришлось поругаться с Петей, и я, расстроенный, ушел в “Чашу” и сидел в ней далеко за пол-

² В комментарии к «Корабельной чаще» В. Д. Пришвина отмечала, что «Пришвин был огорчен и разочарован тем, что реликтовый сосновый бор оказался вырублен для нужд авиации» [Пришвин, т. 6, с. 434]. На территории Коми АССР в 1935 г. писатель не был – он разместил свою Чашу на границе Коми и Архангельской области, используя для этой цели встреченный ими сосновый бор, «похожий на Сокольники или на Лосиноостровский» [Пришвин, 2009, с. 695].

ночь, слушал стон деревьев», – а утром увидел «на подрумяненных волоках... знаки высоких сортиментов» [Пришвин, 2009]. Уже вернувшись домой, он еще раз фиксирует в дневнике: «Вот это и есть главная тема всего моего путешествия: Чащи = Лосиноостровский заповедник» [Там же, с. 731]. Таким образом, Чаща «мигрирует», уходит в следующую книгу, а в ней – в тот край, где еще не было «цепи антихриста», где леса немеряные и не тронутые топором. Книга очерков завершается сакраментальной фразой, оправдывающей уничтожение Чащи-мечты, по существу – себя-Чащи: «Не только лесу, а и человеку не плохо³ умереть, если только правильно жить»⁴ [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 692].

Несмотря на кажущийся оптимизм финала очерковой книги, Пришвину нелегко было принять гибель своей заповедной Чащи. В дневнике он не один раз размышляет о соотношении государственного «надо» и личного «хочется», человека, природы и машины⁵, о смысле, характере и целях механизации⁶. Мысли Пришвина следует рассматривать в контексте 1930-х гг. – начала процесса генеральной индустриализации страны, когда вопрос о замене человеческого труда машинным обсуждался многими, создавались заводы и трудовые лагеря, творились новые утопии, новые соцгородки и новый образ жизни. Для Пришвина лес, живая природа были воплощением индивидуального начала, того, что существует и живет *само*, машина – выражением начала мертвого, обезличенного и несамостоятельного⁷. Образ обреченного на смерть леса преследует его в те годы. Еще до поездки на север он записывает в дневнике свой сон:

Снилось мне, будто я в лес пошел, в большой, густой, темный, и мне было чудесно дышать в нем и слушать пение птиц, но в этом лесу каждое дерево было помечено топором. Мне стало тяжело наслаждаться жизнью в лесу, где каждое дерево было предназначено к срубке, я пошел дальше в глубину, но и там деревья были помечены... везде так чудесно пели

³ Так у автора!

⁴ Ср. в дневнике: «Не только лес рубить надо, если он поспел и если правильно рубить, а если время пришло, оправдалась жизнь, то и самому умереть ничего» [Пришвин, 2009, с. 694].

⁵ «Если мы противопоставляем природе машину, то это значит, мы противопоставляем “естественному ходу вещей” чисто человеческое действие, изменяющее весь естественный ход. Человек борется с природой за свою человеческую самовольную жизнь» [Пришвин, 2009, с. 610]. Поэтому вторжение человека в лес с целью его изменения и тем более рубки сравнивается с действием антихриста («На зырянской стороне в лесу нету просек, тут еще не была цепь антихриста» [Там же, с. 694]).

⁶ «“Механизация” как обезличивание и механизация как избавление от застоя и тем самым условие развития личности» [Там же, с. 638].

⁷ «Мы можем говорить о жизни дерева... в основе такой же, как наша, но мы не можем так говорить так о жизни машины... нет в ней индивидуальности, как во всяком органическом существе, той индивидуальности, благодаря которой дерево само растет, а самолет не сам летит» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 528]. Пришвин даже машину пытается наделять индивидуальностью – дает своему автомобилю имя Машка и пишет о нем как о почти живом существе.

птицы, купаясь в зеленом свете, но деревья везде были помечены [Пришвин, 2009, с. 528].

Акт спасения своей заповедной Чащи, в которой все деревья помечены топором и отданы смерти, писатель осуществляет в последнем своем произведении, неслучайно поименованном им повестью-сказкой.

«Корабельная чаща»

Повесть-сказка «Корабельная чаща», завершенная в декабре 1953 г., считается своеобразным завещанием Пришвина. Сам автор по окончании произведения признавал: «Я все сделал, всего себя, какой я есть, вложил в эту повесть, и если выйдет плохо, то это будет значить, что я сам плох» [Пришвин, 2017, с. 390]. В книге нашли выражение все самые дорогие его сердцу идеи: спор о правде/истине, экологические идеи об охране природы, лесного пояса и «тела» России, о послевоенном сиротстве русских людей (не только детей), о судьбе и пути человека в жизни. Если исходить из названия книги, следует признать, что идея леса (чащи) выступает как основная, к ней стягиваются сюжетные линии, и вокруг этой идеи и концепта *чащи/бора/леса* организуется система персонажей.

Однако название повести Пришвина неоднократно менялось, и сами изменения названия, а также размышления писателя над новыми смыслами нашли отражение в его дневнике. 15 января 1952 г. он записывает: «У меня три работы: 1) “Осударева дорога”, 2) “Заповедная чаща” (2 часть “Кладовой солнца”), 3) Дневники...» [Там же, с. 16]. «Заповедная чаща» – заглавие, наиболее близкое к замыслу-идее писателя 1935 г., к его «Берендеевой чаще». Но затем произведение чаще всего именуется «Лесной повестью». В июне 1952 г. появляется новое название: «И сад наш хорош, и пишется хорошо “Повесть о правде истинной”. А если назвать: “Правда истинная”. Рассказ с центральной идеей сказку обратить в правду?» [Там же, с. 134]. Тема правды становится основной в дневнике Пришвина последних лет. Она возникает и в связи с работой над новой повестью («На вопрос Половинкина, чем я сейчас занимаюсь, я ответил, что пишу повесть о русском сиротстве и принципиальности (правде)» [Там же, с. 122]), и по ходу размышлений о судьбе русского человека:

Если бы не было правды на свете, то как бы понять жизнь русского человека: как будто ничего и не было у нас, и вдруг сделалось из ничего так много. <...> ...Мы всегда бились за правду и добились своего: всему свету теперь видно, что мы за правду стоим [Там же, с. 132–133]⁸,

⁸ Чуть позже Пришвин выходит к мысли Белинского, введенной не только в дневник, но и в повесть: «Искушает изобразить в повести пророчество Белинского: “России суждено сказать новое слово” как путь правды» [Пришвин, 2017, с. 165].

а также мыслей о том, что лучше – правда или счастье: «Какая-то доля какого-то счастья достается каждому, но правда существует для всех, и оттого-то она и колет глаза, и говорят: правда хороша, но счастье лучше» [Пришвин, 2017, с. 135], как соотносятся «правда истинная» и «правда необходимости» [Там же, с. 141], правда и свобода [Там же, с. 380–381, 540 и др.] Наконец, в середине лета 1952 г. происходит соединение двух главных тем нового произведения – темы леса и темы правды:

«Лесная повесть» затаит в себе трагедию правды и покажет ее в географии. А то разве не так оно бывает в нашей природе: доберись-ка в ней до правды (самого человека). Так и в «Лесной повести» будет все – география, реки, леса, дети, а сам человек затаится. Но ведь как бывает в жизни: вся эта чуждая самому человеку география делается живой, человеческой, как только человек в себе доберется до правды истинной. Вот это-то и надо мне сделать: показать всю географию в свете правды истинной [Там же, с. 164].

И спустя месяц: «Нашел название повести: “Слово правды”» [Там же, с. 178]. Под этим именем повесть фигурирует вплоть до публикации ее в журнале «Новый мир», когда стало нужно «решить, “Слово правды” или “Корабельная чаща”» [Там же, с. 479]. В результате произведение было опубликовано в № 5 и 6 журнала за 1954 г. уже после смерти Пришвина под новым редакционным заглавием «Корабельная чаща».

Пришвин чрезвычайно точно выразил основную мысль своей повести – трагедия правды, показанная в географии. Это трагедия народа и отдельного человека – индивидуальности, над судьбой которой в эпоху всеобщего тотального давления «общего» на «личное» писатель размышлял все годы (иное ее выражение – столкновение «хочу» и «надо»), трагедия леса (Чащи) и трагедия самой правды. В процессе его работы над повестью, когда она была близка к завершению, умер Сталин, это событие напрямую не отразилось в тексте, но сама атмосфера времени – конца старого и приближения новой эпохи – вероятно, не могла не повлиять на творческое сознание автора. 8 апреля 1953 г. он записывает в дневнике:

Моя работа «Слово правды» включала существо Сталина как нечто колебимое: пусть его в повести нет, но у меня в душе он есть, как вечное «да» или вечное «нет». Но когда Сталин исчез, моя уверенность в чем-то таком пошатнулась, и вот не знаю теперь, удастся ли мне ее ввести в строй моих прежних дум, или она, как и «Канал», останется неудачной попыткой русского интеллигента приспособиться к... [Там же, с. 326].

Дискурс правды возникает в начале «Корабельной чащи» в связи с фигурой старого лесника Антипыча: он обещает Васе Веселкину сказать «правду истинную», когда будет умирать, а позже отговаривается

от своих же слов шуткой, чем глубоко задевает мальчика, вынуждает его идти за выяснением «правды истинной» к учителю Фокину. Так идея правды странствует от одного персонажа к другому, проявляясь в архетипических ситуациях бесед старшего с младшим (своего рода передачи опыта) и находит самое острое, болезненное воплощение в финале, когда решается судьба корабельной чащи.

Заметим, что в очерках «Берендеева чаща» лесник Антипыч рисуется как натуральный лжец – хвастун и обманщик, отчасти в русле фольклорной традиции. Однакостораживает следующий эпизод в главке очерков под названием «Правда». После очередной вымышленной истории рассказчик уличает старика во лжи: «Эх, Антипыч, старый, скоро ли я от тебя правды дождусь?» – и получает весьма характерный ответ: «Правды захотел? ... Нет! – отшатнулся он вдруг от меня, – нет! Мне восемьдесят первый год пошел, скоро помирать...» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 619] – и далее он обещает рассказчику перед смертью шепнуть ему на ухо «всю правду». Эпизод исполнен скрытого смысла, имеющего в контексте времени – середина 1930-х гг. – и в связке с некоторыми другими эпизодами очерков весьма неоднозначное толкование. Антипыч *не хочет* говорить правду. В этой сцене он напоминает автору-рассказчику глухаря («с удивлением я заметил тут в первый раз, что у него от долгой жизни в лесу нашлось какое-то сходство с глухарем»), но еще до того, рассказывая о глухаринной охоте, рассказчик называет глухаря, за которым он охотится, Антипычем («он даже для меня теперь не глухарь, а отдельность вроде Антипыча» [Там же, с. 618]): глухарь поет свою песню, не замечая окружающего, песня для него в этот момент – самое главное, как для человека Антипыча – его рассказы, его сказки. Правда отступает перед вымыслом.

Позже Пришвин будет размышлять о соотношении правды и вымысла и придет к выводу, что без вымысла нет и настоящей правды – по крайней мере, в искусстве (1954 г.: «Никакой правды не бывает без выдумки, напротив! выдумка спасает правду, для правды только существует выдумка» [Пришвин, 2017, с. 429]). Но слышать или не слышать – вопрос жизненно важный. Рассказчик долгое время не мог охотиться на глухарей, так как не слышал их песни, то есть не отличал ее от других звуков в лесу. И лишь Николай на этой охоте научил его слышать. И глухарь ничего не слышит, пока поет, «правда» для глухаря – это охотничья пуля, прерывающая его песню. Возможно, потому Антипыч и боится «правды», меняется в лице, когда рассказчик требует от него «правды» взамен вымысла, что выговорить ее можно лишь со смертью⁹.

В «Корабельной чаще» Антипыч очищен автором от черт хвастливого говоруна чащи «Берендеевой», сделан мудрым лесником, старейшиной, поучающим Васю, именно он открывает Васе тайну корабельной

⁹ Сам Пришвин, пишущий «роман-сказку» о Беломоро-Балтийском канале «Осударева дорога», ассоциируется у нас с Антипычем «Берендеевой чащи», отказывающимся от правды.

чащи: лесник-одиночка несет правду коллективного целого и передает ее молодому поколению. Однако некоторый налет двусмысленности остался и на нем: «Правда, она такая, что ее надо каждому держать в уме, а сказать о ней трудно, – поясняет он Васе, не желая определять “правду истинную”. – Трудно оттого, что у правды нет слов: в делах она вся, не в словах. Второе, оттого, что как скажешь, то сам ни с чем останешься» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 222]. Судя по всему, Антипыч так и умирает, не выговорив, не передав Васе свою правду.

Таким образом, концептуальной идеологемой произведения является концепт «правда», поиски которой осуществляют все герои, хотя для детей правда смыкается с отцом: что делает отец – то и есть правда. Можно сказать, что после ухода со сцены Антипыча в повести разворачивается своего рода дискурс постправды, он организует жизнь и Васи Веселкина, и его детей, и других героев: экспозиционные попытки определения правды не только лесником, но и Фокиным в беседе с Васей проверяются и испытываются войной и связанными с ней событиями, то есть «делом».

Идеологический и философский контекст, который разворачивается вокруг понятия «правда», чрезвычайно широк, для русского сознания правда часто заменяет справедливость, точнее, она важнее справедливости, важнее истины, может заменить и ее (недаром герои Пришвина и сам автор говорят о «правде истинной»). «Правда» была «камнем преткновения» для А. М. Горького, одного из постоянных пришвинских оппонентов (об отношениях писателей см.: [Святославский; Худенко]). В дневнике Пришвина времени создания «Корабельной чащи» «свобода» и «правда» чаще всего находятся в состоянии оппозиции. «Враг человека, из-за чего от него и Бог отошел, это “свобода”» (июнь 1953 г. [Пришвин, 2017, с. 380])¹⁰.

В «Корабельной чаще» Вася спрашивает у учителя Фокина, как разрешить противоречие Антипыча: он сначала говорил, «что правда на свете должна быть одна», а потом – «что правда у каждого человека своя, и сколько ни есть на свете людей, столько есть и разных правд» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 231], объясняя это тем, что «солнце светит... для всех одинаково, да мы-то все разные: каждому хочется стать поближе к тепленькому местечку на свете» [Там же, с. 232]. Осмыслив сравнение с солнцем, Вася ведет разговор с учителем дальше: «Правда истинная... ведь, конечно, много выше солнца?» – спрашивает он. Фокин отвечает: «Истинная правда... обнимает Вселенную и еще дальше, все, что там, за Вселенной, и без конца» [Там же, с. 233]. Сравнение правды с солнцем также несет в себе неоднозначный смысл: Васина елочка без солнца хиреет, а когда оказывается на свету,

¹⁰ Продолжение темы в политическом ключе: «Моя новая мысль – ощущение всего хода истории, что сейчас в Америке умирает свобода, а у нас вместо свободы рождается правда» [Пришвин, 2017, с. 381]. «Простыми же совсем словами хочется сказать, чтобы века Правды сменили века Свободы, действительно освободили пребывающего в рабстве человека» [Там же, с. 540].

очищается от болезненных наростов и начинает расти. Однако окажись она сразу на солнце, она бы не выжила. И сам солнечный свет характеризуется у Пришвина как «свет великий, желанный и страшный» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 224], «свет великий, безмерный, могучий и страшный» [Там же, с. 254]. В дневнике, обдумывая завершающую главу своей книги и размышляя о правде и свободе, Пришвин использует этот же образ:

...Свет великий, огромный и страшный, как бы через полог какого-то огромного леса, закрывшего от нас солнце, проник в нашу страну. Вот при этом-то свете... и начали складываться и показываться слова и образы нашей правды, к которой мы шли с тех пор, как было сказано первое слово нашей правды. <...> Показалась близость ощущения какой-то Большой Кузницы, где и куют на будущие века, заступающие века Свободы, на все века наступающей Правды свои особые новые слова¹¹ [Пришвин, 2017, с. 540].

Приведем возможный литературный комментарий к образу правды-солнца Пришвина. В сказке-притче М. Е. Салтыкова-Щедрина «Ворон-челобитчик» облетевший всех хищных птиц ворон получает наконец финальный ответ на свой вопрос о правде от старого мудрого коршуна:

Посмотри кругом – везде рознь, везде сваря; никто не может настоящим образом определить, куда и зачем он идет... Оттого каждый и ссылается на *свою* личную правду. Но придет время, когда всякому дыханию сделаются ясными пределы, в которых жизнь его совершаться должна, – тогда сами собой исчезнут распри, а вместе с ними рассеются как дым и все мелкие «личные правды». Объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда; придет и весь мир осяет. И будем мы жить все купе и влюбе [Салтыков-Щедрин, с. 218].

«Единая и для всех обязательная Правда» как раз и воцарилась во времена Пришвина. Для автора она была «великая», «безмерная» и «страшная».

Образно-символическим воплощением правды в книге Пришвина, а вместе с тем внутренней антитезой правде-солнцу становится корабельная чаща, которую бережет народ коми и на которую покушается война, необходимость военного времени – эту необходимость несет в себе солдат Вася Веселкин. Чаша – мир, благодать существования в гармонии с природой, но вместе с тем и социальный мир, поскольку, как не один раз говорится о корабельной чаше в тексте, в ней «дерево к дереву стоит так часто, что стяга не вырубешь, и если дерево срубить,

¹¹ Образ Большой Кузницы не может не вызвать параллель с понятием «перековки» человека, а с этим процессом Пришвин лично знакомился во время путешествия на Беломоро-Балтийский канал (1932).

то оно не упадет, а только прислонится к соседнему и будет стоять» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 249]: все сказочные формулы Чащи Пришвина перенес из книги очерков в повесть-сказку. По словам Мануйло, «корабельная чаща вся на правде стоит» [Там же, с. 265].

Война – разрушение этого мира, уничтожение природного космоса, не только человеческого: победа в войне требует срубить корабельную чащу, чтобы для авиации была изготовлена фанера нужного качества. Сама правда оказывается изменчивой, зависит от расположения вещей, от состояния мира. В мирной жизни она – в защите природного космоса и спасении чащи, в военное время она велит принести сам мир в жертву военной правде – правде победы во имя будущего мира. Но и будущее тоже относительно: близкое будущее (надо сейчас гнать фанеру из мачтовых реликтовых сосен) и более отдаленное, когда эти леса станут украшением жизни, и значит, их следует сберечь. Эту относительность, балансировку разных правд и разных времен (настоящего и близкого будущего – и более отдаленного, в какой-то мере идеального) выдерживает Калинин, как он изображен в книге Пришвина, – архетипический образ мудрого старца. Остальные герои становятся на ту или иную сторону правды. Мануйло, Онисим здесь противостоят Васе Веселкину, дети в своем пути-движении помещаются между ними.

Жизнь и вымысел, правда жизни и правда сказки («нас возвышающий обман») борются и в изображении Пришвиным картин северного леса. Сузем, по которому нужно пройти, идя к корабельной чаще, «совсем не то, что у нас называется лесом» [Там же, с. 396]. Идти по нему трудно, но дети в повести-сказке идут легко и, даже отступив с тропы в дождливую ночь, потом непонятно как находят ее и выходят к корабельной чаще и к отцу. Тропа в суземе в «Корабельной чаще» представлена почти как улица – торная, по ней много людей ходит («Какая же это красивая сухая белая тропа, сколько на ней чудесных изгибов» [Там же, с. 397]). Совсем иначе описан северный лес в «Берендеевой чаще»: «хороший сосновый бор – редкость большая! Дальше пошли бесконечные непроходимые еловые долгомошники, злые, корявые, бесконечно трудные для передвижения» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 678]. Еще страшнее и непроходимее лес, исковерканный человеком в промышленной рубке и подготовке его к сплаву.

Корабельная чаща в соответствующей повести рисуется в сказочном хронотопе – она находится «в царстве Коми», где еще сохранились «немеряные леса» [Там же, т. 6, с. 266], на Третьей горе, и на пути к ней стоят часовенка, избушка и беседка с прудиком, в котором плавают «вьюн и карасик» [Там же, с. 269]. Чаща для Пришвина оказалась четко связана не только с правдой, но и со свободой: «на Третьей горе, на свободных ветрах, выросла неслыханной мощи Корабельная чаща» [Там же, с. 405]. Пришвин делает чащу-сказку принадлежностью «маленького народа коми», хотя коми – совсем не маленький народ, но это сказочная примета, и маленькому народу легче и естественнее беречь свою тайну. Коми же в описании самых разных

путешественников XIX и начала XX в. – лесной народ, и описание чащи в книге Пришвина во многом перекликается с картинами лесных ландшафтов в очерках разных авторов XIX в. – Ф. А. Арсеньева, Н. А. Александрова, П. В. Засодимского, С. В. Максимова, коми поэта и философа Серебряного века К. Ф. Жакова [см. об этом: Созина]. Это народ, берегущий свои традиции и свои секреты, что писатель показывает на примере Онисима-Сидора, идущего из Коми и по пути встретившегося с Мануйло¹².

Коми в сказке Пришвина выступает буквально страной сказки, чуда, детства, души, которые неявны – таятся в глубине большой взрослой жизни, и на то есть свои причины: они становятся понятны, если мы вспомним о конце, ожидавшем корабельную чащу, ставшую достоянием «гласности».

Так мы и думали с детства – нет на свете никакого царства Коми, и нет немеряных лесов и Мезень-реки, и все это держится только на сказках для нас, маленьких, а по правде ничего этого нет, даже и реки Мезени нет [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 266],

– рассказывает Мануйло. Поэтому так таинственен гость из «царства Коми», о встрече с которым тоже говорит Мануйло: гость, таящий нечто про себя, и не только «сосновую чащу в немеряных лесах», которую, по его словам, «весь народ наш таит», – всей «истинной правды» об Онисиме, который вновь появляется в конце повести, в момент скорой гибели священной чащи, писатель не раскрыл. Впрочем, сам Онисим говорит об этом достаточно ясно, особенно с учетом контекста эпохи создания книги Пришвина: «О себе... часто человеку ради истинной правды надо неправду сказать, ты разве этого не знал? Человеку часто в наших лесах надо таиться, чтобы только жизнь свою сохранить» [Там же, с. 271]. Север в ту пору, как мы знаем, стал страной изгнания, лагерей, страданий и смерти для тысяч людей, краем страшной ослепляющей «правды» режима. В «Берендеевой чаше» самого Пришвина как героя-рассказчика не один раз принимают за заключенного, которого гонят в дальние лагеря, эти лагеря были и в Республике Коми.

В «Корабельной чаше» встреча с человеком «из Коми» осталась в памяти Мануйло как событие чрезвычайной важности, когда сказка вдруг стала правдой:

И он (Онисим. – Е. С.) спустя малое время сам говорит о себе: – Я из Коми иду. Ребятишки на печке зашевелились. По себе их понимаю:

¹² В дневнике 1935 г. писатель отмечал: «Разговор о зырянах: какой это хороший народ, и охотники лучше нас» [Пришвин, 2009, с. 696]. Еще раз напомним, что в край Коми Пришвин со спутниками в путешествии 1935 г. не зашли. Помещая в последнем произведении свою заветную Чашу на землю зырян, он словно сохраняет нетронутость, укромность леса и для самого себя.

сам тоже долго думал, что Коми – это в сказках, и что в Коми леса немеряные, и цепь землемерная, цепь врага рода человеческого, тех лесов не касалась [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 266].

Правда, олицетворением которой становится чаща, манит к себе человека, как манит его в детстве сказка: «Бывало, старички начинают манить, вот и думаешь, сам еще маленький, – это они нас, ребят, заманивают в царство Коми» [Там же, с. 265]. Так и Мануйло заманивает в царство немеряных лесов Коми сначала солдата Веселкина, а потом его детей, как когда-то его заманил туда неизвестный человек родом из Коми.

Красота Чащи его имеет отчетливый сакральный смысл: «Тут... наши деды Богу молились, и мы, дети, обещались перед Богом Чащу не рубить» [Там же, с. 382]. Но правда Чащи – правда прошлого («наши деды»), как назвал бы ее Горький¹³, – сталкивается с правдой настоящего. В Чащу приходит солдат, «человек партийный и с правами», и требует Чащу срубить на авиационную фанеру. На слова Сидора (еще одного представителя коми народа) он отвечает: «Не в дедах сила, а в правде. <...> Правда не в словах, а в делах, наше дело сейчас – врага победить, и дело это требует от вас жертвы» [Там же, с. 382].

В дневнике, работая над текстом повести, Пришвин оценивал жертву народа своей Чащей в категориях священного текста всех народов: «В “Лесной повести” изображен Веселкин, в священной роще надо понимать его как Авраама в жертве сыном, а Мануйло и дети, как Исаак под ножом» [Пришвин, 2017, с. 525]. Словами народной правды Мануйло объясняет Калинину, чем хороша Корабельная чаща: «В народе говорят, что в еловом лесу надо трудиться, в березовом лесу – веселиться, а в сосновом бору – Богу молиться» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 393], и Калинин принимает это объяснение. Он и выполняет в повести ритуальные функции Бога-Отца, велел Мануйло идти спасать Корабельную чащу. Рассказывая о Чаще, Мануйло добавляет: «Руки вверх на полет поднимаются, а ноги подкашиваются. <...> Стоишь на коленках, а земля тебя сама вверх поднимает, как на ладони» [Там же]. Таким образом, священная сосновая роща коми у Пришвина приобретает особый смысл некоей возвышенной духовности вне каких-либо конфессиональных различий (исторически коми были язычниками): эстетическое и природное соединяются в ней с началом религиозным. А оно подразумевает отказ от мирского-житейского, от всего узколичного, знаком чего становится крест, который отмечает границу «царства Коми»:

В пятистах шагах отсюда на общей тропе стоит белый столб, и черным по белому на нем начертан крест. Это означает, что с этого места начина-

¹³ «Известно, что существует две правды и что в мире нашем количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а – на смерть ей – родилась и растет другая правда», – писал Горький в письме В. С. Гроссману от 7 октября 1932 г. [Горький, с. 262].

ется область Коми – область немеряных лесов, и все реки отсюда текут не в Двину, а в Мезень [Там же, с. 403].

Крест – в первую очередь христианский символ, символ жертвенной любви, он знаменует очищение и возвышение человека как существа тварного, но преображаемого Господом¹⁴, неслучайно Н. П. Дворцова говорит о «христианском (этическом) социализме», к которому приходит в поздние годы Пришвин, пережив духовный переворот 1937–1940 гг. [Дворцова, с. 160–163]. «От неучастия в современности, свободы “поверх красных и белых”, от противопоставления “я” и “они” Пришвин приходит к понятию “мы” (“мы с тобой”) и необходимости участия собственным делом в деле “нашем”», – пишет она [Там же, с. 161]. Не личными, но общими интересами руководствуются все герои «сказки» Пришвина, вступающие в круг событий, связанных с Корабельной чащей, хотя сам масштаб этого «общего» является различным.

По завершении своей повести-сказки Пришвин отмечал в дневнике: «“Слово правды” вышла повесть чистая, вроде храма, остается написать какую-нибудь страничку, которая будет значить, как крест на здании» [Пришвин, 2017, с. 388]. Крест – финал жизни личной, земной, телесной и начало иной, которую писатель, по всей видимости, видел в правде идеала, но не прежнего, диктуемого эпохой и Сталиным. «Свобода у всех на глазах умирает, и создается новый идеал: правда, новая форма переживания человеком единства всего жизненного творчества (в Боге) и различия Божественного в каждом из нас» [Там же, с. 380]. От правды социализма, уничтожающего леса ради дня настоящего и близкого будущего, утверждаемой им в «Берендеевой чаше» (подчас наперекор собственной воле и совести), Пришвин движется к правде общего и целого, связующего прошлое с будущим, где настоящее – лишь момент, хотя момент принципиально важный, трагически определяющий пути и образ этого будущего. Воплощением целостной правды является для него живое природное целое, отсюда спасти Чащу – значит спасти мир. Пусть это спасение возможно лишь в сказке, но сказка сильнее правды жизни, ибо заключает ее в себе.

Библиографические ссылки

- Горький А. М.* Собрание сочинений : в 30 т. М. : Госиздат, 1949–1955. Т. 30. 820 с.
- Дворцова Н. П.* Михаил Пришвин: «Жизнь как утверждение» // Михаил Пришвин и русская культура XX в. : сб. ст / под ред. Н. П. Дворцовой, Л. А. Рязановой. Тюмень : Вектор Бук, 1998. С. 134–164.
- Овчинникова Л. В.* «Сказка – это выход из трагедии»? (особенности творческих поисков М. М. Пришвина 1940–1950-х гг.) // Вестн. Моск. гос. ун-та им. М. Шолохова. Филологические науки. 2009а. № 1. С. 15–27.

¹⁴ Многообразная символика креста раскрывается в труде современника Пришвина о. П. Флоренского «Философия культа» [Флоренский, с. 31–41].

Овчинникова Л. В. «Современность в ее высшем смысле» («Корабельная чаша» М. М. Пришвина как сказочно-идеологическая повесть) // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009b. № 1. С. 88–93.

Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1982–1986.

Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Кн. 8 / подг. текста и коммент. Я. З. Гришиной. СПб. : Росток, 2009. 1008 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. Кн. 17 / подг. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой ; коммент. Я. З. Гришиной. СПб. : Росток, 2017. 832 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977. Т. 16, кн. 1. 528 с.

Святославский А. В. Максим Горький в литературной судьбе Михаила Пришвина // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 29–36. DOI 10.24411/2499–9679–2018–10133.

Созина Е. К. Символика этноландшафта коми в русской литературе // Кормановские чтения : ст. и материалы межвуз. науч. конф. (Ижевск, апрель 2010 г.) / ред.-сост. Д. И. Черашняя. Вып. 9. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2010. С. 145–155.

Флоренский П., свящ. Философия культа : (Опыт православной антропологии). М. : Мысль, 2004. 685 с.

Худенко Е. А. М. Пришвин о М. Горьком: «несвоевременные мысли» в эпоху пролетарского искусства // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всерос. науч. конф., посв. 140-летию со дня рожд. писателя / отв. ред. Е. Т. Атаманова. Елец : Елецкий гос. ун-т, 2013. С. 35–44.

References

Dvortsova, N. P. (1998). Mikhail Prishvin: “Zhizn’ kak utverzhdenie” [Mikhail Prishvin: “Life as a Statement”]. In Dvortsova, N. P., Ryazanova, L. A. (Eds.). *Mikhail Prishvin i russkaya kul’tura XX veka. Sbornik statei*. Tyumen, Vektor Buk, pp. 134–164.

Florensky, P., priest. (2004). *Filosofiya kul’ta. (Opyt pravoslavnoi antropoditsei)* [Philosophy of Cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy)]. Moscow, Mysl’. 685 p.

Gorky, A. M. (1949–1955). *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Collected Works. 30 Vols.]. Moscow, Gosizdat. Vol. 30. 820 p.

Khudenko, E. A. (2023). M. Prishvin o M. Gor’kom: “nesvoevremennye mysli” v epokhu proletarskogo iskusstva [Prishvin about M. Gorky: “Untimely Thoughts” in the Era of Proletarian Art]. In Atamanova, E. T. (Ed.). *Mikhail Prishvin i XXI vek. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya*. Elets, Eletsii gusudarstvennyi universitet, pp. 35–44.

Ovchinnikova, L. V. (2009a). “Skazka – eto vykhod iz tragedii”? (osobennosti tvorcheskikh poiskov M. M. Prishvina 1940–1950-kh gg.) [“A Fairy Tale is a Way out of Tragedy”? (Features of M. M. Prishvin’s Creative Searches in the 1940s–1950s)]. In *Vestnik Moskovskogo Universiteta imeni M. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. No 1, pp. 15–27.

Ovchinnikova, L. V. (2009b). “Sovremennost’ v ee vysshem smysle” (“Korabel’naya chashcha” M. M. Prishvina kak skazochno-ideologicheskaya povest’) [“Modernity in its highest sense” (Shiptimber Grove by M. M. Prishvin as a Fairytale and Ideological Story)]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. No 1, pp. 88–93.

Prishvin, M. M. (1982–1986). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Complete Works. 8 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Prishvin, M. M. (2009). *Dnevnik. 1932–1935. Kn. 8* [Diaries. 1932–1935. Book 8] / ed. and commentaries by Ya. Z. Grishina. St Petersburg, Rostok. 1008 p.

Prishvin, M. M. (2017). *Dnevnik. 1952–1954. Kn. 17* [Diaries. 1952–1954. Book 17] / ed. by Ya. Z. Grishina, L. A. Ryazanova, commentaries by Ya. Z. Grishina. St Petersburg, Rostok. 832 p.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1974). *Sobranie sochinenii v 20 t.* [Complete Works. 20 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 16. Book 1. 528 p.

Sozina, E. K. (2010). Simvolika etnolandshafta komi v russkoi literature [Symbolism of the Komi Ethnic Landscape in Russian Literature]. In Cherashnyaya, D. I. (Ed.). *Kormanovskie chteniya. Stat'i i materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Izhevsk, aprel' 2010 g.)*. Iss. 9. Izhevsk, Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, pp. 145–155.

Svyatoslavskii, A. V. (2018). Maksim Gor'kii v literaturnoi sud'be Mikhaila Prishvina [Maxim Gorky in the Literary Fate of Mikhail Prishvin]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 3, pp. 29–36. DOI 10.24411/2499–9679–2018–10133.

The article was submitted on 12.11.2023

**Мистерияльная традиция
в повести Михаила Пришвина «Мирская чаша»***

Татьяна Викторова

Страсбургский университет,
Страсбург, Франция

**Mystery Tradition
in Mikhail Prishvin's Novel *The Worldly Cup***

Tatiana Victoroff

Strasburg University,
Strasburg, France

This article examines one of M. Prishvin's key texts, i. e. the novel *The Worldly Cup* (*Mirskaya chashcha*) (1922), which has never been analysed as a mystery text in the context of the European mystery tradition and theatrical mystery of the Silver Age (*The Twelve* (*Dvenadtsat'*) by A. Blok, *Christ is Risen* (*Khristos voskres*), *The Antichrist/Coming/The Maw of the Night* (*Antikhris/Prishedshii/Past' nochi*) by A. Bely, *Demonic Action* (*Besovskoe Deistvo*) by A. Remizov, and *Dream in the Desert* (*Son v pustyne*) and *The Human Face* (*Lik chelovecheskii*) by V. Gippius). Prishvin acts as successor of the mystery tradition, as it was perceived in Russian culture from V. Solovyov to J. Brodsky. The story highlights the following features of the mystery tradition: going beyond the visible world (meta-history), its transformation, the symbolism of the cross, the resurrected Lazarus, the number "12" and "X", and the communion cup. *The Worldly Cup* is both a mystery of the revolution ("Black Mass") and "The Mystery of Golgotha". The key to the mystery reading of the text is the symbolism of the communion cup, which refers to the archetypal plots of the Western Middle Ages (myths of the Grail and Faust). Prishvin was familiar with the myth of the Holy Grail in R. Wagner's interpretation (*Parsifal*), whose music the writer greatly appreciated in his youth. The article reveals plot similarities (stages of "initiation") between Alpatov, Parsifal, and Lancelot. Alpatov is a Russian Parsifal; for him, every meeting

* Citation: Victoroff, T. (2024). Mystery Tradition in Mikhail Prishvin's Novel *The Worldly Cup*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 492–505. DOI 10.15826/qr.2024.2.891.

Цитирование: Victoroff T. Mystery Tradition in Mikhail Prishvin's Novel *The Worldly Cup* // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 492–505. DOI 10.15826/qr.2024.2.891 / Викторова Т. Мистерияльная традиция в повести М. Пришвина «Мирская чаша» // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 492–505. DOI 10.15826/qr.2024.2.891.

is an already acquired Grail, according to the evangelical and mystical law, which was accentuated by Russian religious thought. According to this law, what is given is returned; the face of Christ appears in everyone. Compassion as Alpatov's main feature becomes a real active force, since in the Gospel it extends to everyone, including those who "do not know what they are doing". Alpatov thereby finds himself in the role of the mother of God, praying "for everyone indiscriminately", from *The Descent of the Virgin Mary into Hell* (*Khozhdenie Bogoroditsy po mukam*), which Dostoevsky defined as a mystery. It is established that Prishvin's acquaintance with V. Gippius's mystery play *Dream in the Desert* (*Son v pustyne*) influenced the mystery plan of *The Worldly Cup*. Prishvin interprets the writing vocation as the role of a mystic who initiates the reader into his mystery and opens to them the possibility of a new reunion of man and God, new relationships between people, and the gift of discerning harmony in nature.

Keywords: M. M. Prishvin, *The Worldly Cup*, mystery tradition, Silver Age, R. Wagner, Vl. Gippius

Статья посвящена одному из ключевых произведений в творчестве М. Пришвина – повести «Мирская чаша» (1922), которая впервые анализируется как мистериальный текст в контексте европейской мистериальной традиции и мистерий Серебряного века («Двенадцать» А. Блока, трилогии «Антихрист» / «Пришедший» / «Пасть ночи» А. Белого, «Бесовское действие» А. Ремизова, «Сон в пустыне» и «Лик человеческий» Вл. Гиппиуса). Пришвин выступает продолжателем мистериальной традиции в русской культуре начиная с В. Соловьева до И. Бродского. Среди наиболее характерных черт мистериальной поэтики в повести – выход за пределы видимого мира (метаистория), чаяние его преображения, символика креста, воскресения Лазаря, чисел «12» и «X» и евхаристической чаши. «Мирская чаша» оказывается одновременно мистерией революции («черной мессой») и делящейся «мистерией Голгофы». Ключевой символ евхаристической чаши отсылает к архетипическим сюжетам западного Средневековья – мифам о поиске Грааля и скитаниям Фауста. С мифом о Святом Граале Пришвин был знаком в интерпретации Р. Вагнера (опера «Парсифаль»), музыку которого писатель высоко ценил в юности. Выявляется сюжетное сходство (этапы «посвящения») между Алпатовым и средневековыми рыцарями Парсифалем и Ланселотом. Алпатов – своего рода русский Парсифаль, каждая встреча для которого становится уже обретенным Граалем, согласно евангельскому и мистериальному закону, акцентированному русской религиозной мыслью. По этому закону отданное возвращается; в каждом встречном проступает лик Христа. Сострадание как главная черта Алпатова становится реальной действующей силой, ибо по-евангельски касается всех, в том числе и тех, что «не ведают, что творят». Алпатов тем самым оказывается и в роли Богородицы, молящейся «о всех без разбора», из древнерусского «Хождения Богородицы по мукам», которое Достоевский назвал в «Великом инквизиторе» мистерией. Устанавливается влияние пьесы-мистерии Вл. Гиппиуса «Сон в пустыне» на мистериальный план «Мирской чаши». Писательское призвание осмысливается Пришвиным

как роль миста, посвящающего читателя в свою мистерию и открывающего ему возможность нового воссоединения человека и Бога, новых отношений между людьми, дар видения гармонии в природе.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, «Мирская чаша», мистериальная традиция, Серебряный век, Р. Вагнер, Вл. Гиппиус

Интерес к мистерии в русской культуре Серебряного века проявляется во всех литературных жанрах, охватывает разные сферы искусства. Ф. М. Достоевский в 1880 г. вкладывает в уста Ивана Карамазова «Легенду о Великом инквизиторе», сочиненную в роде «Милосердного суда пресвятой и всемилостивой Девы Марии»¹, что неожиданно перемещает действие романа в Севилью XV в. («самое страшное время инквизиции» [Достоевский, с. 225]), или же, в жанровых категориях, в пространство апокалиптической мистерии. С аллюзией на эту жанровую модель В. С. Соловьев, автор «мистерий – шуток» [Соловьев], пишет в 1900 г. трагическую «Повесть об Антихристе». Андрей Белый параллельно (и, по его утверждению, независимо) создает мистериальный триптих «Антихрист» (1898) – «Пришедший» (1903) – «Пасть ночи» (1906). А. Блок, другой ученик «рыцаря-монаха», каким видится ему Соловьев, создает свой лирический театр по образу средневекового, вершиной которого станет мистериальная драма «Роза и Крест» (1912–1913). Образ бдящего рыцаря на фоне брюссельского средневекового замка, близкий блоковскому Бертрану, появляется на известной картине Н. Рериха «Зарево», написанной в 1914 г. в предчувствии грядущих катаклизмов. Эта картина станет главным фоном, на котором разыгрывается мистерия Рериха «Милосердие» (1917). Скрябинская музыкальная «Мистерия», задуманная как катаклизм, который должен привести человечество к последнему чаемому преображению, замышлялась автором для представления в Индии в виде грандиозного литургического действия. Н. Римский-Корсаков в масштабах более скромных (но и более воплотимых) создает оперу «Сказание о невидимом граде Китеже», тотчас признанную русским Парсифалем мистерией о поисках русского Грааля [Пашенко]. Этот синтетический по природе жанр возрождается в балете: «Петрушка» И. Стравинского и А. Бенуа, прошумевший в десятые годы прошлого века на Елисейских полях, увиден европейской критикой в родстве с героями западных народных мистерий – лионским Гиньодем и неаполитанским Пульчинеллой. А. Ремизов на общей мистериальной волне пишет «неомистирию» «Бесовское действие, а также смерть грешника и праведника, то есть прение живота со смертью» [Ремизов]. Освистанная в театре Комиссаржевской в 1907 г., она готовилась в эмиграции в переводе и постановке Жоржа Питоева перед франкоязычной публикой в Швейцарии и во Франции, где Ремизов наряду с Н. Евреиновым,

¹ «Le Bon Jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie» (*фр.*).

А. Радловой, В. Набоковым продолжал мистериальное творчество, некогда пленившее русскую культуру Серебряного века.

Это настоящее мистериальное шествие русской культуры сопровождается серьезным теоретическим осмыслением жанровых особенностей мистерии в западной культурной традиции и ее русских вариантах. Фундаментальный труд А. Веселовского «Старинный театр в Европе» [Веселовский] вдохновляет театральные опыты Блока и Ремизова.

В советскую эпоху жанр пародируется – однако с точным знанием канонов западноевропейского жанра. Мы это видим в «Мистерии-Буфф» В. Маяковского (1918)², в «Мистерии освобожденного труда», разыгрываемой на ступеньках петроградской биржи в 1918 г. по подобию мистерий Высшему Существо в дни празднования французской революции [Tiersot], а также в массовом спектакле «Взятие Зимнего дворца» в постановке Евреинова, ставшем ритуальным действием, напоминавшим о «страстях» революционеров в первые годы празднования Октября³. Но в рамках этой жанровой модели создаются и «Реквием» А. Ахматовой, написанный «в страшные годы ежовщины», и «Мистерия» Т. Гнедич, созданная в блокадном Ленинграде. Поэма-мистерия «Шествие» И. Бродского, написанная в 1961 г. на манер английских средневековых *pageants* (так называемых передвижных мистерий), представляет ключевые акты русской истории от ее «сотворения» до чаемого «светлого будущего», которое, однако, подступает у Бродского, как «в горле красная вода» [Бродский, с. 55].

Связь с мистериальной традицией в повести М. Пришвина «Мирская чаша» указана самым автором, назвавшем десятую главу повести «Мистерия». О мистериях как специфическом театральном жанре западного Средневековья, получившем особую значимость в культуре Серебряного века, Пришвин упоминает в своих дневниках в связи с мистериями Вл. Гиппиуса, А. Блока, А. Ремизова. Более того, выходя за рамки жанра, слово «мистерия» определяет саму тональность пришвинского творчества, его стремление выйти за пределы видимого мира, включая *реальный опыт* его преображения. В этом смысле мистериально все творчество Пришвина, погружающее читателя в метаисторию, восприятие событий с точки зрения вечности, идет ли речь о хронике событий, описаниях природы или о попытке приблизиться к тайне человеческой души.

Мистериальная традиция вместе с тем многопланова. Каждая мистерия XX в. рождается на перекрестке традиций – средневековой и современной, национальной и общеевропейской, религиозной и нигилистической – вспомним среди ярких примеров «Благовещение»

² Поэт был знаком с «Мистериями Страстей» в Обер-Оммергау [Маяковский].

³ Мы освещаем разные случаи использования жанровой модели мистерии в театральной и политической жизни в постреволюционной России в пятой главе монографии, посвященной возрождению жанра мистерии в XX в. «L'Apocalypse révolutionnaire: la ville en construction» («Революционный апокалипсис: строительство "нового града"») [Victoroff].

П. Клоделя (1912), «Мученичество св. Себастьяна» д'Аннунцио (1911), «Убийство в соборе» Т. С. Элиота (1935). Это парадоксальное сплетение еще более сильно в русской культуре, которая не имеет ни собственного генезиса (жанр заимствован из западного Средневековья), ни истории, сравнимой с эволюцией мистерии в Европе от скромных литургических драм до грандиозных зрелищ на папертях соборов, охватывающих все городское пространство, делающего каждого зрителя ее участником. Русская мистерия XX в. рождается из древнерусских источников (апокриф «Хождение Богородицы по мукам»), насыщается идеями русской религиозно-философской мысли (богочеловечество, соборность) при колоссальном интересе к театральной форме, выработанной западной мистерией Средневековья: «Бесовское действо», *неомистерия* А. Ремизова, разворачивается в пространстве симультанной трехэтажной сцены – главным образом в аду – но напоминая и о возможном возвращении во врата рая, как об этом напоминает декорация М. Добужинского, прекрасно справившегося с задачей, использовав стиль древнерусских лубочных картинок. Русская мистерия может быть сугубо христианской (триптих А. Белого «Антихрист» / «Пришедший» / «Пасть ночи») или же у того же автора отражать антропософские идеи Штейнера; может быть глубоко трагической – «Повесть об Антихристе» Вл. Соловьева – однако он же параллельно создает и «мистерии-шутки», в которых смеется над собственными мистерийными видениями.

Случай Пришвина интересен тем, что в его «Мирской чаше» присутствуют самые разные повороты (и перевороты) жанра. Попытаемся показать это путем расшифровки символического заглавия, которое оказывается прежде всего ключом к прочтению современной истории, своего рода «Черной мессы», разыгрываемой большевиками. Но «Мирская чаша» – это и дрящаяся «Мистерия Голгофы», переданная на языке главных архетипических сюжетов западного Средневековья (мифы о Граале и о Фаусте). Наконец, эта мистерия оказывается сугубо пришвинской, как это свойственно современной мистерии, выражающей главным образом сокровенные идеи автора.

«Черная месса»: мировая мистерия революции?

Напомним главные вехи создания «Мирской чаши». Книга была начата 15 апреля и окончена 29 июня 1922 г. – сроки необычайные, особенно если учесть предшествующее творческое молчание автора. Произведение рождается как необходимость – как если бы писатель не мог писать уже только дневник, хотя дневниковая форма в повести отчасти сохранена. В главном персонаже, Алпатове, явно различимы авторский голос и пришвинское видение не только природы, но и русской истории 1919 г., которую школьный учитель, отныне уничижительно именуемый «шкрабом» («школьным работником»), наблюдает во всем ее озверении. Эта история в претензии стать «мировой» разворачивается как «пляс... бесовский» [Пришвин, 1982, с. 492], где

«копытце о копытце стучит» [Пришвин, 1982, с. 492]. Это может напомнить неомистерию «Бесовское действие» Ремизова или «пляску козлоногой» из «Поэмы без героя» Ахматовой – еще один опыт русской мистерии. Однако у Пришвина нет ничего игрового; пляска рождает только чувство ужаса за человека, который «великую радостную новость узнал: человек происходит от обезьяны⁴» [Там же, с. 502] и который утверждает, как комиссар земледелия в пьяном виде: «Все мое... и земля, и лес, и вода!» [Там же, с. 528].

Образ чаши появляется сразу – и прежде всего в заниженном и исковерканном виде:

Не первый уже раз пробовал Алпатов этот ужасный напиток, но все-таки страх охватывал его перед каждым стаканом: это не рюмка водки, это большой чайный стакан такого вонючего спирта, что, кажется, лес далеко вокруг пахнет внутренностью волостного комиссара, и этот стакан выпивается при общем напряженном внимании, отмечающем всякую подробность лица. Кажется, свергаешься в огромный кипящий чан, заваренный богом черного передела русской земли. В том чану вертятся и крутятся черные люди со всем своим скарбом вонючим и грязным, не разуваясь, не раздеваясь, с портянками, штанинами, там лапоть, там юбка, там хвост, там рога, и черт, и бык, и мужик, и баба варит ребенка своего в чугуне, и мальчик целится отцу своему прямо в висок, и все это называется *мир* [Там же, с. 515–516].

Революция – чан с самогоном, от которого, однако, не отвернуться – «стакан выпивается при общем напряженном внимании» [Там же, с. 515]. Это мир наизнанку, черная месса, совершаемая «злыми разбойниками» [Там же, с. 508, 526, 536, 553], сошедшими с креста и почувствовавшими себя вершителями истории. Это шествие «Двенадцати» Блока – «революционной мистерии» (а точнее – антимистерии: «Свобода, свобода / Эх, эх, без креста»), строки которой сопровождают Алпатова на каждом шагу, задают ритм и интонацию пришвинской повести, написанной резкими отрывками диалогов и скачками во времени и пространстве. Это и полемика с А. Белым, описавшим в поэме 1918 г. «Христос воскрес» русскую революцию как «мировую мистерию», совершающуюся под знаком Воскресения. По Пришвину – «именно в эти дни и часы» [Белый, с. 438] совершается смерть Христа, длящееся распятие, трагедия всякой мыслящей личности, обреченной лишь на страдание.

«Мистерия Голгофы»: «все бегут с креста»

Но через страдание действие тотчас выводится на другой уровень. Гораздо больше, чем просто зрителями или жертвой, Алпатов и его окружение становятся участниками мистерии Голгофы, чаши гефси-

⁴ Первый вариант заглавия книги – «Раб обезьяний».

манской⁵, где собственная душа увидена как чаша: «из нее пили, ели и называли эту душу *мирской чашей*» [Пришвин, 1982, с. 555]. Живя в народной гуще, Алпатов причащается этой жизни – но и несет крест народа, отдает свою душу на испытание, в то время как «все бегут с креста» [Там же, с. 508]. Для Крыскина, огородника-индивидуалиста, «распятие – это быстрое дело, помучался часами и помер» [Там же, с. 535], поэтому Христа нужно было бы заставить работать.

Отвечая этому враждебному персонажу – однако явно и самому себе – Пришвин показывает этапы этого крестного пути как *томительно длящегося* восхождения на Голгофу, акта мистерии христианской, к узнаванию которой он дает многочисленные знаки: выбор Алпатовым пути свершается «у креста, где дороги расходятся в четыре стороны» [Там же], одним из его попутчиков становится Лазарь, будто только что восставший из могилы. В дневнике Пришвин прямо называет Алпатову «идеальной личностью, пытающейся идти путем Христа» [Там же, с. 667]. Не на это ли указывает сама структура повести, состоящей из 12 глав, десятая (X) из которых названа «Мистерией»? Это может напомнить о 12 этапах крестного пути, отмеченных в католических церквях скульптурными изображениями, из которых десятая изображает Гефсиманию, приближающую Воскресение Спасителя в финальной 12-й сцене. В общем замысле Пришвина «Мирская чаша» – «хорошо подготовленный материал... для создания предпоследнего звена Кащеевой цепи, за которой должно следовать “Воскресенье Алпатова”» [Там же, с. 668]. Воскресенье – поскольку в 20-й главе (XX) «Мирской чаши» он умер – так, во всяком случае, считают остальные. Однако хоронят живого, читатель оказывается в роли жен-мироносиц, которые должны признать, что искали среди мертвых того, кто жив.

Путь Алпатова напоминает и путь Парсифаля – одного из благородных рыцарей короля Артура, странствующих в поисках Святого Грааля. Эта таинственная чаша в поздних христианских вариантах легенды – не что иное, как евхаристическая чаша. Парсифаль – один из немногих рыцарей Круглого стола, который удостаивается ее созерцания. Одно из прекрасных воплощений этой сцены создал Р. Вагнер в финале своей музыкальной мистерии «Парсифаль» – известно, насколько мощным импульсом она стала для Н. Римского-Корсакова, «Невидимый град Китеж» которого был тотчас назван русским вариантом поиска Грааля [Пашенко]. Пришвин, в свою очередь, признается, что «отдал юность свою Вагнеру»: «Тангейзер открыл мне широкие горизонты жизни, и в то же время я, русский Михаил, был у себя: как будто это я сам и шел с пилигримами и бунтовал за радость жизни на горе Венеры» (11 декабря 1949 г.) [Пришвин, 2014, с. 671].

Алпатов, подобно Парсифалю (как, впрочем, и автору «Мирской чаши», вынужденному осенью 1918 г. оставить имение), отправляет-

⁵ «Его муки были *столь* тяжелы и молился Он *так* напряженно, что пот Его, как капли крови, падал на землю» (Лк 22 : 44).

ся в путь с котомкой в руках в никуда и ни с чем. Как и Парсифаль, он оказывается во дворце – в случае Алпатова, правда, от дворца осталось только название Амбирный, напоминающее о его некогда королевском стиле, пришедшем в Россию из наполеоновской Франции. В 1919 г. он оказывается разграблен и превращен в содом и сортир, названный Музеем усадебного быта. Однако и в этой клоаке Алпатов ведет себя как подлинный рыцарь Круглого стола – и, быть может, именно это позволяет ему различить благородство других, необъяснимое ни материалистическими законами, ни утилитарными мотивами. Так, раскулаченная помещица пасет двух коз, но обращается со всяким ласково и вежливо: «И потом каждому, кто затворял калитку и достигал ее: – Мерси!» [Пришвин, 1982, с. 523]. «Клюквенная деревенская баба», «женщина моховых болот» «на блестящем паркетном полу среди зеркал, колонн и картин просто и уверенно скажет: – Рай!»; «И потом всем деревенским бабам: – В раю была!» [Там же, с. 497–498]. Даже барский павлин, оплеванный мальчишками, облитый помоями сторожем колонии, остается «райской птицей» – распускает всем на диво свой хвост [Там же, с. 488, 497].

Часть пути Алпатова, отмеченного такого рода этапами «посвящения», проходит в телеге, напоминая приключение другого артуровского рыцаря Круглого стола, Ланселота. Подобно ему, Алпатов также проходит через предельно унижительное испытание – оказывается перед выбором между обывательской «философией» Крыскина, предлагающего истощенному путнику кусок хлеба, или же его «миром книг» [Там же, с. 532–535]. Выдержать всякое новое испытание (каждый раз, как в древних сказаниях, «не на жизнь, а на смерть») герою помогает сострадание к первому встречному – к животному, мучимому человеком, ставшим зверем. Это и делает Алпатова *русским* Парсифалем: у него есть то, чего не хватало его западному предшественнику, не задавшему при встрече с таинственным Королем-Рыбаком вопрос о причине его страданий, запечатленных на его лице и теле и тем самым обреченному искать новой встречи с ним – земным воплощением невидимого Грааля – до конца дней. Для Алпатова каждая встреча – уже обретенный Грааль, согласно таинственному закону евангельской жизни, или же мистериальному закону, особенно акцентированному русской религиозной мыслью, согласно которому отданное возвращается с лихвой. В каждом может быть различен лик Христа.

Алпатовски-пришвинское сострадание оказывается реальной действующей силой, ибо распространяется вопреки всем насаждаемым принципам выживания действительно на всех, в том числе и на тех, что «не ведают, что творят» – или же, напротив, заведомо ведают, *что* творят, ибо большевики Пришвина – сознательные носители зла. Алпатов тем самым оказывается и в роли Богородицы, которая молит о всех «без разбора», из древнерусского апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», который Иван Карамазов определяет как мистерию [Достоевский, с. 224–225]:

Я, зритель трагедии русской, уже начинаю в тайне души сочувствовать бешеным нашим революционерам... (8 августа 1918 г.) [Пришвин, 2008, с. 176]; Нужно знать время: есть время, когда зло является единственной *творческой* силой, все разрушая, все поглощая, оно творит невидимый Град, из которого рано или поздно грянет: Да воскреснет Бог! (20 февраля 1919 г.) [Там же, с. 345].

Это уже ситуация из западной мистерии о Фаусте, воплощенной в русской жизни: Мефистофель, желающий быть разрушительной силой, становится провозвестником добра – ибо, по В. Соловьеву, зло не имеет субстанции в себе, а является лишь отклонением от добра. Так Алпатов приходит к парадоксальной и даже возмущающей нас мысли о том, что «самый страшный из всех комиссаров» [Пришвин, 1982, с. 499] Персук (братоубийца, Каин во плоти, «налетающий» на мирных граждан по доносу) «удержал нашу Русь от распада» (письмо Б. Пильняку от 30 августа 1922 г.) [Пришвин, 1995, с. 265]. В 1922 г. Пришвин убежден, что разбойников-разрушителей сменят разбойники-строители:

Теперь герой моих дум – идеальный большевик, распятый во власти, которому нужно принять на себя весь грех и лжи, и убийства... Словом, я хочу теперь стать на точку зрения большевика (идеального – и такие есть, ими и держится власть), чтобы ясно увидеть ошибки (1 октября 1922 г.) [Там же, с. 276].

В этом смысле он перечитывает и поэму Блока «Двенадцать», пьяные матросы которой, сопровождающие героев «Мирской чаши», «сами того не ведая – как Невесты, а точнее, их души идут ко Христу “в белом венчике из роз”». Блок для Пришвина – «человек, живущий “в духе”» (21 сентября 1926 г.) [Пришвин, 2003, с. 138], поднявшийся на необычайные «горние» высоты, – характеристика, которая может напомнить светлого Юношу из блоковской неоконченной мистерии «Дионисий Гиперборейский». Блок, услышавший «музыку революции» и ставший ее жертвой, парадоксально позволяет преодолеть и сомнения, наполняющие «Мирскую чашу», напоминая о минутах сомнений самого Христа в Гефсимании⁶: «Да минует меня чаша сия» [Пришвин, 1982, с. 213, 349, 446]. Стоит ли жертвовать собой ради тех, в ком столько жестокости? Простить их? Но они *не простят!* «Я, зритель трагедии русской, уже начинаю в тайне души сочувствовать бешеным нашим революционерам, и грядущее возрождение уж смущает меня, и свое “не простить” я часто забываю. Все равно: они не простят», – записывает Пришвин в дневнике от 8 августа 1918 г. [Пришвин, 2008, с. 176].

⁶ «Или это есть история России? Да, это есть, но когда же кончится наконец такая ужасная история, и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу, и ему даже хотелось побыть» [Пришвин, 1982, с. 486].

«Немой стою и только после записываю...»: пришвинское видение Грааля

Ответ на этот вопрос в «Мирской чаше» тоже найден у авторов мистерий. 26 декабря 1922 г. «Мирская чаша» завершена, но опубликована она будет более полувека спустя (первая публикация – в журнале «Север» (1979, № 8)), и – случайно ли? – без десятой главы. В дневнике Пришвина появляется запись, показывающая, что именно эта глава – «Мистерия» – определяет главную тональность произведения, выражает ее суть.

В 1922 г. Пришвин пишет в дневнике о другой мистерии – Владимира Васильевича Гиппиуса, учителя Мандельштама и Набокова, умершего в блокадном Ленинграде от голода:

Читали изумительную пьесу В. Гиппиуса. Мысль ее: путь человеческого рода начиная от семени Авраамова движется жертвою: человек жертвует и тем продолжается. Самое близкое человеку, его любовь, приносится в жертву Богу, и за то род продолжается по пути создания существа, которое в состоянии всем пожертвовать и соединить в духе с Богом весь род человека и тем кончить путь. От времени Авраама автор пересматривает материалы жизни в двух образах: св. Девы и жены. Так он подходит к Иосифу Прекрасному, который поддается соблазну, обрывает жертвенное излияние семени, насыщает народ хлебом и становится не рабом Божиим, а вождем материальных вождений народа (26 декабря 1922 г.) [Пришвин, 1995, с. 291–292].

Речь идет о «зрелище в трех действиях» Гиппиуса под названием «Сон в пустыне», которое осталось неопубликованным⁷. Представление об этом тексте можно получить по поэме Гиппиуса «Лик человеческий», написанной на близкий сюжет, в подзаголовке которой автор предлагает узнать историю России: «России посвятил Владимир Гиппиус в лето тысяча девятьсот двадцать второе» [Гиппиус].

Пришвин продолжает:

Мистерия – первая и единственная «попытка стать на вершину пирамиды современности и так посмотреть *sub specie aeternitatis*» – была прочитана в обществе людей, «бесконечно потерявших всякое религиозное чувство, совершенно растерявшихся, заблудившихся своей эмпирической индивидуальностью, разбитой, разорванной на клочки жизнью. Были такие, что дико рычали, как собаки, воющие на луну от тоски, рычат, когда слышат приближение шагов человека. Были ученые, смиренно ломавшие голову над решением какой-нибудь трудной шарады. Были самодовольные московские, которым нужно, чтобы вынь да в рот подай.

В этой вещи все изумительно – сила чувства, интеллект, талант, мастерство, и только нет чуда такого, чтобы мы, мертвые, пробуждались.

⁷ Текст хранится в архиве Вл. В. Гиппиуса [РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 77. Ед. хр. 148, 149].

Рев этих мертвых был так силен, что и меня заразил, и негодование кипело у меня в душе – на кого, на что? Я не знаю (26 декабря 1922 г.) [Пришвин, 1995, с. 291–292].

Персонаж «Мирской чаши» идет дальше, чем автор дневника. Почти с первых строк мы присутствуем при чуде из чудес – при нарастающем пробуждении мертвых: «Лес, земля, вода – вся риза земная втоптана в грязь», однако небо «по-прежнему сияет над этой гадостью»; павлин, очистившись от помоев «и наконец задрал хвост до невозможности, становится всей синевой и радугой своих бесчисленных завитков и лунок к солнцу»; старуха зовет свою телушку Зорькой и на Пасху дает ей, как человеку, съесть красное освященное яйцо, тем самым телушка «входит в мир людей», но и «выходит из стада» [Пришвин, 1982, с. 485, 487–488, 497].

Это преображение материи, природы, всякого живого существа, описанное силой художественного слова как воскрешение из мучимого и омертвевшего мира, быть может, самый мощный смысл таинственного заглавия произведения Пришвина. Писатель не вправе отвернуться от чаши, сказать «да минует меня чаша сия»: «Я художник и служу тому, кто украшает мир... Я призван украсить наш путь, чтобы несчастные забыли тяжесть своего креста», «дождались новой весны» [Там же, с. 349, 446].

Писатель реально участвует в сотворении нового мира, возможно и после чудовищного нисхождения в еще неведомые глубины ада. В разные моменты повествования читатель приглашен глазами главного героя к реальному видению Грааля, различенному в избе (подобно тому, как заключенный Солженицына из романа «В круге первом» созерцает чашу Грааля в шарашке ГУЛАГа). По закону мистериального хронотопа узкое ограниченное пространство внезапно вмещает всю вселенную – и в случае Пришвина, Солженицына (но и Скрябина, Кандинского, Рериха, Ахматовой...) реально преображает ее даром художника, что «движет всеми мирами» [Пришвин, Пришвина, с. 74], искусством все *собой* преображать. Мы знаем эту пришвинскую тайну («тайна» – одно из значений слова «мистерия»); Об этом же – выразительная цитата, помещенная А. А. Медведевым в программу тюменской конференции 2023 года:

Скоро засверкает май, и душа моя откроется к вечному, и человеческое дело войны предстанет в ничтожестве своем. <...> Смотрю на человеческий мир с участием, когда вижу страдание, с улыбкой, когда вижу радость, и с презрением, когда люди пытаются и, в сущности, как видно мне, никогда не могут убить друг друга (15 мая 1918 г.) [Пришвин, 2008, с. 108].

Это почти резюме «Мирской чаши» – или же ключ к любому произведению Пришвина, где емко выражено его писательское призвание – или роль миста, посвящающего, желающего оказаться причаст-

ным тайн читателя в свою мистерию: принять мир «со всей печалью и радостью» [Пришвин, 1982, с. 668], быть готовым умереть для того, чтобы нести мир не только в смысле мистерии «мировой», как у предшественников-символистов, но и «мирской», умиротворяющей, даруя новое воссоединение человека и Бога – но и возможность новых отношений между людьми, дар различения гармонии в природе, – соединяя то, что предстает нам вопиющим противоречием между разыгрываемой «Черной мессой» и мистерией Страстей.

Мистериально само видение Пришвина, различающего Грааль в хаосе событий, говорящего о нем на языке мистерии и щедро делящегося увиденным с читателем в 1922 г., как и век спустя, когда мы заново открываем его как человека, неустанно мыслящего, открываем универсальность его гения. В 1918 г. он писал, что обнищание России происходит от разрыва с мировой культурой. В этом смысле «Мирская чаша» – это и причастие к культуре мировой, черпающей из разных источников, но и насыщающей по мере духовного голода каждого.

Таким образом, в повести «Мирская чаша» Пришвин выступает продолжателем мистериальной традиции в ее восприятии в русской культуре начиная с Владимира Соловьева и до Иосифа Бродского. «Мирская чаша» – это и мистерия революции («Черная месса»), и мистерия Голгофы. В качестве основополагающих символов Пришвин указывает крест, имя «Лазарь», числа «12» и «X», образ евхаристической чаши, отсылающей к архетипическим сюжетам западного Средневековья (мифы о Граале и о Фаусте).

Аплатов – русский Парсифаль, каждая встреча для которого становится уже обретенным Граалем, в каждом встречном для него проступает лик Христа, и, по евангельскому и мистериальному закону, отданное возвращается. Сострадание, главная черта героя, оказывается реальной действующей силой, ибо по-евангельски распространяется на всех, включая тех, кто «не ведают, что творят».

Существенным для концепции Пришвина оказалось знакомство с мистериальной пьесой В. Гиппиуса «Сон в пустыне». Писательское призвание в целом осмысливается Пришвиным как роль миста, посвящающего читателя в свою мистерию и открывающего ему возможность нового воссоединения человека и Бога, новых отношений между людьми, дар различения в природе гармонии и красоты.

Библиографические ссылки

Белый А. Христос Воскрес : поэма // Белый А. Собр. соч. Стихотворения и поэмы / сост., предисл. В. М. Пискунова ; коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М. : Республика, 1994. С. 431–445.

Бродский И. Разговор с небожителем. СПб. : Азбука Классика, 2010. 448 с.

Веселовский А. Старинный театр в Европе : ист. очерки. М. : Тип. П. Бахметева, 1870. 410 с.

Гиппиус Вл. В. Лик человеческий : поэма : России посвятил Владимир Гиппиус в лето тысяча девятьсот двадцать второе. Петербург ; Берлин : Эпоха, [1922]. 278 с.

- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14. 510 с.
- Маяковский В.* Театр. Кинематограф. Футуризм // Маяковский В. Полн. собр. соч. : в 12 т. М. : Правда, 1978. Т. 11. С. 5–7.
- Пащенко М. В.* «Китеж», или Русский «Парсифаль» : генезис символа // *Вопр. лит.* 2008. № 2. С. 145–182.
- Пришвин М. М.* Собрание сочинений : в 8 т. / подг. текста В. Н. Чувакова и Л. Н. Платоновой ; коммент. В. Н. Чувакова. М. : Худож. лит., 1982. Т. 2. 679 с.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919 / подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной ; коммент. Я. З. Гришиной. СПб. : Росток, 2008. 560 с.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1920–1922. Кн. 3 / подг. текста Л. А. Рязановой ; коммент. Я. З. Гришиной, [В. Ю. Гришина]. М. : Моск. рабочий, 1995. 334 с.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1926–1927. Кн. 5 / подг. текста Л. А. Рязановой ; коммент. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. М. : Рус. кн., 2003. 592 с.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1948–1949 / подг. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой ; коммент. Я. З. Гришиной. М. : Новый хронограф, 2014. 824 с.
- Пришвин М. М., Пришвина В. Д.* Мы с тобой : Дневник любви / подг. текста и коммент. Л. Рязановой. СПб. : Росток, 2003. 256 с.
- Ремизов А. М.* Бесовское действо, а также смерть грешника и праведника, то есть прение Живота со Смертью : представление для публики в трех действиях с прологом и эпилогом // *Ремизов А. М. Русалия : собр. соч.* СПб. : Росток, 2016. Т. 12. С. 5–46.
- РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 77. Ед. хр. 148, 149.
- Соловьев В. С.* Шуточные пьесы // *Соловьев В. С. Собр. соч.* : в 12 т. Брюссель : Жизнь с Богом, 1966–1970. Т. 12. С. 171–230.
- Tiersot J.* Les Fêtes et les chants de la Révolution française. Paris : Hachette, 1908. 323 p.
- Victoroff T.* Le Mystère en Europe : de Mallarmé à Brodsky. Paris : Classiques Garnier, 2024. (*В печати.*)

References

- Bely, A. (1994). *Khristos Voskres. Poema [Christ Is Risen. Poem]*. In Bely, A. *Sobranie sochinenii. Stikhotvoreniya i poemy / comp.*, foreword by V. M. Piskunov, commentaries by S. I. Piskunova, V. M. Piskunov. Moscow, Respublika, pp. 431–445.
- Brodsky, J. (2010). *Razgovor s nebozhitelem [Conversation with a Deity]*. St Petersburg, Azbuka Klassika. 448 p.
- Dostoevsky, F. M. (1976). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 14. 510 p.
- Gippius, Vl. V. (1922). *Lik chelovecheskii. Poema. Rossii posvyatil Vladimir Gippius v leto tysyacha devyat'sot dvadtsat' vtoroe* [The Human Face. Poem. Dedicated to Russia by Vladimir Gippius in the Summer of One Thousand Nine Hundred and Twenty-Two]. Petersburg, Berlin, Epokha. 278 p.
- Mayakovski, V. (1978). *Teatr. Kinematograf. Futurizm [Theatre. Cinematography. Futurism]*. In Mayakovskii, V. *Polnoe sobranie sochinenii v 12 t.* Moscow, Pravda. Vol. 11, pp. 5–7.
- Pashchenko, M. V. (2008). “Kitezh”, ili Russkii “Parsifal”: genезis simvola [“Kitezh”, or the Russian “Parsifal”: The Genesis of the Symbol]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 145–182.
- Prishvin, M. M. (1982–1886). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Complete Works. 8 Vols.] / ed. by V. N. Chuvakov and L. N. Platonova, commentaries by V. N. Chuvakov. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 679 p.
- Prishvin, M. M. (1995). *Dnevnik. 1920–1922. Kniga 3* [Diaries. 1920–1922. Book 3] / ed. by L. A. Ryzanova, commentaries by Ya. Z. Grishina and V. Yu. Grishin. Moscow, Moskovskii rabochii. 334 p.

Prishvin, M. M. (2003). *Dnevnik. 1926–1927. Kniga 5* [Diaries. 1926–1927. Book 5] / ed. by L. A. Ryazanova, commentaries by Ya. Z. Grishina and L. A. Ryazanova. Moscow, Russkaya kniga. 592 p.

Prishvin, M. M. (2008). *Dnevnik. 1918–1919* [Diaries. 1918–1919] / ed. L. A. Ryazanova, Ya. Z. Grishina, commentaries by Ya. Z. Grishina. St Petersburg, Rostok. 560 p.

Prishvin, M. M. (2014). *Dnevnik. 1948–1949* [Diaries. 1948–1949] / ed. by Ya. Z. Grishina, L. A. Ryazanova, commentaries by Ya. Z. Grishina. Moscow, Novyi khronograf. 824 p.

Prishvin, M. M., Prishvina, V. D. (2003). *My s toboi. Dnevnik lyubvi* [You and I. Diary of Love] / ed. and commentaries by L. Ryazanova. St Petersburg, Rostok. 256 p.

Remizov, A. M. (2016). *Besovskoe deistvo, a takzhe smert' greshnika i pravednika, to est' prenie Zhivota so Smert'yu. Predstavlenie dlya publiky v trekh deistviyakh s prologom i epilogom* [The Demonic Action, as well as the Death of the Sinner and the Righteous, That Is, the Debate between Life and Death. A Performance for the Public in Three Acts with a Prologue and Epilogue]. In Remizov, A. M. *Rusaliya. Sobranie sochinenii*. St Petersburg, Rostok. Vol. 12, pp. 5–46.

RO IRLI (Pushkinskii Dom) [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Stock 77. Dos. 148, 149.

Solovyov, V. S. (1970). *Shutochnye p'esy* [Comic Plays]. In Solovyov, V. S. *Sobranie sochinenii*. Brussels, Zhizn' s Bogom. Vol. 12, pp. 171–230.

Tiersot, J. (1908). *Les Fêtes et les chants de la Révolution française*. Paris, Hachette. 323 p.

Veselovsky, A. (1870). *Starinnyi teatr v Evrope. Istoricheskie ocherki* [Ancient Theatre in Europe. Historical Essays]. Moscow, Tipografiya P. Bakhmeteva. 410 p.

Victoroff, T. (2024). *Le Mystère en Europe : de Mallarmé à Brodsky*. Paris, Classiques Garnier. (In print).

The article was submitted on 20.01.2024

**«Природа вся персональна»:
Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина***

Александр Медведев

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**“Nature is All Personal”:
St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin**

Aleksandr Medvedev

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article analyses Franciscan ideas in the work of M. Prishvin from 1908–1953 in the context of European and Russian Franciscana of the Silver Age. The texts reveal direct and hidden references to the image of St Francis of Assisi and Franciscan texts (*The Canticle of Brother Sun* and *Vita Prima* by Thomas of Celano, and *Little Flowers of St Francis*). It is shown that Franciscan texts become a source of direct, ontological, and personalistic experience of the world as a beautiful and miraculous integrity for Prishvin, creating a paradisiacal harmony between man and creation. St Francis' compassion for nature became one of Prishvin's creative impulses in *Ginseng* (1933) and *The Golden Horn* (1934). The Franciscan experience of nature in its living reality and personalist uniqueness (nature as subject, not object) is one of the main sources of “kindred (merciful) attention”, Prishvin's main ontological and life-creating principle. Prishvin polemicalised against the opposite of Franciscanism, the utilitarian, object-oriented attitude towards nature in Soviet practice, in which the living, ontological, and personal reality of nature was perceived as an object and replaced by a “patriotic” and utilitarian ideology. In the 1940s, Prishvin returned to the cultural myth of St Francis as a renaissance figure, which emerged in the Russian religious and philosophical renaissance at the turn of the twentieth century; in this myth, St Francis, through his acceptance and justification of the world as God's creation, overcomes medieval ascetic dualism (matter as evil, the gap between flesh and

* *Citation*: Medvedev, A. (2024). “Nature is All Personal”: St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 506–522. DOI 10.15826/qr.2024.2.892.

Цитирование: Medvedev A. “Nature is All Personal”: St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 506–522. DOI 10.15826/qr.2024.2.892 / Медведев А. «Природа вся персональна»: Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 506–522. DOI 10.15826/qr.2024.2.892.

spirit) and expresses humanistic values (personalism and ontologism), thus uniting God and the world, Christianity and nature, Christianity and culture. For Prishvin's concept of the integrity of being (the unity of the earthly and the heavenly, the flesh and the spirit), St Francis becomes one of the main sources. What also makes Prishvin similar to St Francis is the concept of joy, which the writer experiences ontologically as the essential basis of being. The image of St Francis becomes not only a literary but also an existential, ontological and creative response of the writer to the challenges of his time. Summing up his life, Prishvin defines his life-creative strategy and mission in the tragic twentieth century in the spirit of St Francis ('life is happiness').

Keywords: M. M. Prishvin, St Francis of Assisi, Silver Age, ontologism, personalism, "life creation"

Представлен анализ францисканских идей в творчестве М. Пришвина 1908–1953 гг. в контексте европейской и русской францискианы Серебряного века. В текстах выявляются прямые и скрытые отсылки к образу св. Франциска Ассизского и францисканским текстам («Гимн Брата Солнца», «Первое житие» Фомы Челанского, «Цветочки св. Франциска»). Устанавливается, что францисканские тексты становятся для Пришвина источником непосредственного, онтологического и персоналистического переживания мира как прекрасной и чудесной целостности, в которой рождается райская гармония человека и всего творения. Чувство жалости к природе в житиях св. Франциска становится одним из творческих импульсов «Жень-Шеня» (1933) и «Золотого Рога» (1934). Францисканское переживание природы в ее живой реальности и персоналистической уникальности (природа как субъект, а не объект) – один из важнейших источников «родственного внимания», главного онтологического и жизнетворческого принципа Пришвина. Писатель полемизирует с противоположным францисканству – с утилитарным, объектным отношением к природе в советской практике, в которой живая, онтологическая и персональная реальность природы воспринимается как объект и подменяется «патриотической» и утилитарной идеологией. В 1940-е гг. Пришвин возвращается к культурному мифу о св. Франциске как ренессансной личности, сложившемуся в русском религиозно-философском Ренессансе рубежа XIX–XX вв.; в этом контексте св. Франциск своим приятием и оправданием мира как Божьего творения преодолевает средневековый аскетический дуализм (материя как зло, разрыв плоти и духа) и выражает гуманистические ценности (персонализм и онтологизм), тем самым соединяя Бога и мир, христианство и природу, христианство и культуру. Св. Франциск становится одним из ключевых источников пришевской концепции целостности бытия (единства земного и небесного, плоти и духа). Со св. Франциском Пришвина сближает чувство радости, которая переживается писателем как сущностная основа бытия. Образ св. Франциска становится не только литературным, но и экзистенциальным, онтологическим и жизнетворческим ответом писателя на вызовы времени. Подводя итог своей жизни, Пришвин определяет свою жизне-

творческую стратегию и миссию в трагическом XX в. в духе св. Франциска («жизнь есть счастье»).

Ключевые слова: М. М. Пришвин, св. Франциск Ассизский, Серебряный век, онтологизм, персонализм, жизнетворчество

Историко-культурную аналогию между М. Пришвиным и святым конца XII – начала XIII в. Франциском Ассизским проводила В. Д. Пришвина, считавшая, что с итальянским святым писателя сближала цель человеческого пути – радость, которую она сравнивала с животворящим солнцем. Как и св. Франциск, Пришвин нес эту радость «на трагическом стыке эпох, не менее значительном, чем Средневековье и Возрождение»: «цветы Пришвина, и звери его, и люди – такое же возрождающее явление, какими были когда-то “Цветочки” Франциска Ассизского, хотя времена у нас уже иные» [Пришвина, с. 217]. Как и в «Цветочках св. Франциска», в творчестве Пришвина «среди страдающих людей распускается слово-цветок, слово-улыбка, иногда прикрывающая у Пришвина шуткой священное для человека слово-любовь» [Там же]. С. Г. Семенова сближала «детское, любовное отношение к миру» св. Франциска с «щедрым, милующим сердцем» Пришвина, в котором рождается «человеческий принцип личности, качественной уникальности» (лицо и имя) [Семенова, 1989, с. 386]; эта личностная установка Пришвина в восприятии мира в духе св. Франциска стала вызовом писателя эпохе с ее принципиальной деперсонализацией [Семенова, 2001, с. 461]. К. Г. Исупов, называя св. Франциска первым человеком Ренессанса, окунувшимся «в материю мировой приязни» («подлинное имя есть имя родства», «уродненного мира»), сравнивал его с «сочувственным вниманием» писателя («но то, что у Пришвина – симпатия, у Франциска – эмпатия») [Исупов, с. 269].

Видение в фигуре и сочинениях св. Франциска соприкосновения Средневековья и Возрождения было характерно для интеллектуалов Серебряного века, настоящий «ренессанс» св. Франциска в русской культуре происходил на рубеже XIX–XX вв. В. В. Розанов, отмечавший в 1911 г. частые упоминания св. Франциска в литературе, философии и критике этого времени, определил его как «литературного русского святого», «“единственного святого” русской интеллигенции» [Розанов, с. 154]. Этот расцвет русской францискианы выразился в многочисленных русскоязычных переводах францисканской литературы. «Цветочки св. Франциска» (“Fioretti di san Francesco”) вышли в нескольких русскоязычных переводах [Цветочки Франциска Ассизского; Цветочки св. Франциска Ассизского, с. 1–167; Конради, с. 130–231], отдельно и вместе с житийными¹ и биографическими текстами².

¹ «Жития» Фомы Челанского, «Зерцало совершенства» в сокращении [Конради, с. 1–129].

² «Житие святого Франциска» С. Северного (С. Н. Дурыйлин), «Францисканские легенды» А. Франса [Сказания].

«Гимн Брата Солнца» также имел несколько переводов³. Важнейшими биографическими изданиями, через которые итальянский святой открывался русскому читателю, стали переведенная с французского и изданная по инициативе Л. Н. Толстого книга протестантского теолога Поля Сабатье [Сабатье] и книга историка, профессора Московского университета В. И. Герье [Герье]. В этой атмосфере внимания к культурному и религиозному францисканству М. М. Пришвин формировался как писатель, что подтверждается наличием в его библиотеке двух книг о св. Франциске [Пименова; Конради]⁴.

Приведем фрагмент «Гимна Брата Солнца» (“Cantico di Frate Sole”) в известном Пришвину переводе В. Конради (под названием «Гимн брату солнцу»), который, на наш взгляд, является для писателя архетипическим текстом:

Хвала тебе, Господи, и всем твоим созданиям,
 В особенности брату солнцу,
 Которое сияет и светит нам;
 Оно прекрасно и лучезарно в своем великолепии
 И тебя знаменует, Всевышний.
 Хвала тебе, Господи, за сестру луну и за звезды:
 Ты их создал на небе светлыми, драгоценными и прекрасными.
 Хвала тебе, Господи, за брата ветра,
 И за воздух, и за облако, и за ясную, и за всякую погоду,
 Которой ты поддерживаешь жизнь твоих созданий.
 Хвала тебе, Господи, за сестру воду:
 Она благодетельна, и смиренна, и драгоценна, и целомудренна.
 Хвала тебе, Господи, за брата огня,
 Которым ты освещаешь ночь,
 И он прекрасен, радостен, могуч и силен.
 Хвала тебе, Господи, за сестру нашу, мать землю,
 Которая нас поддерживает и питает
 И производит различные плоды, и пестрые цветы, и траву.
 [Конради, с. 98–99].

В «Гимне» св. Франциск в каждом творении (солнце, луна, звезды, ветер, воздух, облако, погода, вода, огонь, земля, плоды, цветы, трава) видит уникальную персону. Дуалистическим взглядам, презирающим онтологическую реальность как царство зла, он противопоставляет, по классическому определению, вошедшему в итальянскую энциклопедию для читателя «Открытая книга» (“Libro Aperto”), «образ вселенной как совершенной чудесной целостности, наделенной

³ Назовем, в частности, переложения и переводы Д. С. Мережковского в его поэме «Франциск Ассизский. Легенда» (1891) [Мережковский, с. 265–266], С. Северного (С. Н. Дурьлина) [Сказания, с. 36] и В. Конради [Конради, с. 98–99].

⁴ Автор благодарит за предоставленные сведения заведующего отделом Дома-музея М. М. Пришвина в Дунине (ГМИРЛИ им. В. И. Даля, Москва) Я. З. Гришину.

дыханием Божиим, в которой каждое создание достойно любви, потому что оно прекрасно само по себе и потому что несет на себе Божественный отпечаток Творца»⁵ [Il Cantico di Frate Sole]. Таким образом, св. Франциск преодолевает средневековый дуализм, поскольку «Божественное не принадлежит к измерению, необратимо чуждому реальному миру, но нисходит во все аспекты природы» [Там же].

Образ св. Франциска с его открытостью миру оказался особенно актуален в культуре XX в. с ее онтологическим поворотом. Один из ключевых русских философов-онтологов С. Л. Франк в работе «Русское мировоззрение» (1926) говорил о необходимости брать идею бытия с точки зрения не сознания, а бытия самого по себе, в его совершенно первично непосредственной форме и переживании («самораскрытие» бытия). По Франку, онтология определяет познание: бытие, которое охватывает и пронизывает нас, предшествует акту познания и является гарантией его объективности. Это непосредственное чувство бытия (познание через переживание, в отличие от картезианства, путь от «sum» к «cogito») Франк считал сутью «типично русского онтологизма»:

...Через это совершенно непосредственное и первичное бытие и постижимо, наконец, всякое бытие. <...> Человек познает постольку, поскольку он сам есть, что он постигает бытие не только идеальным образом через познание и мышление, а прежде всего он должен реальнее укорениться в бытии, чтобы это постижение вообще стало возможным [Франк, 1996, с. 169–172].

В книге «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» (1949) Франк определяет совместную укорененность в *реальности* человека и природного бытия как *жизнь*, соединяющую в себе динамически реальное и идеальное [Франк, 1997, с. 410–414]. Философ называет св. Франциска одним из христианских гениев, которые понимают жизнь во всей ее полноте, содержат в своей неповторимой личности «максимум общеонтологического содержания», тем самым снимая принципиальный дуализм человеческого духа и природного бытия в «единой всеобъемлющей и всепронизывающей силе реальности»:

Христос указывал на полевые лилии и на птиц небесных как на свидетелей любви Божией ко всему творению. <...> Франциск Ассизский видел во всех живых существах, во всех носителях и силах природного бытия своих братьев и сестер [Там же, с. 415].

Для Пришвина также было принципиально значимо это онтологическое понимание жизни. В дневниковом очерке «Старушка Vita» (1918), вошедшем в книгу «Цвет и Крест»⁶, писатель выразил

⁵ Здесь и далее, если отдельно не указано, перевод с итальянского мой. – А. М.

⁶ Книга включает в себя дневниковые записи и статьи из петроградских газет 1917–1918 гг.; по цензурным причинам долгие годы пролежала в архиве писателя и была опубликована в 2004 г.

убеждение в том, что в основе всего находится жизнь («старушка *vita*»), и отстаивал ценность конкретной человеческой жизни, которая не может быть средством для «счастья всего человечества»: «обыватель острова Советской республики готов ради человечества пропустить и всю жизнь, старушку *Vita*» [Пришвин, 2004, с. 220]. При этом пришвинский онтологизм был глубоко персоналистическим: природа «вся персональна» (7 марта 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 43]; «Не один человек, но вся природа и в ней всякий род, даже род атомов, протонов и всяких еще более мелких частиц материи, таит в себе носителя лица. В материи нет ничего мертвого, в ней все живое» (4 мая 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 79; Пришвин, 1969, с. 280]⁷.

Онтологическое и персоналистическое отношение св. Франциска к космосу как прекрасной и чудесной целостности, в которой каждое создание достойно любви, присутствует уже в раннем дневнике Пришвина. Размышляя о том, как отличить истинные переживания от литературных, он вспоминает о своем опыте первой любви и о переживании природы, воспринимая ее во францисканском духе:

Деревья склоняются над водой. Большие зеленые шапки склоненных ив я обнимаю. Я такой большой, что могу обнять каждое это доброе зеленое дерево. <...> Вот опять гирляндой уселись зеленые птички на черемухе, светятся... И таким миром, таким счастьем наполняет меня созерцание их (4 мая 1908 г.) [Пришвин, 2007, с. 36–38].

Это онтологическое и субъектное отношение к природе продолжается в дневнике 1920-х гг., где писатель обращается к птицам и творению в духе «Гимна Брата Солнца» и проповеди св. Франциска птицам⁸:

Пролетайте же, гуси и дорогие журавли, вы меня не тревожите, как в прежние годы, недостижимым посулом: мои журавли со мною живут. Пойте, веселые черные чудаки-скворцы, разными голосами над шумящим потоком: я сам скворец и тоже пою (20 апреля 1926 г.) [Пришвин, 2003, с. 39].

Это не книжное, непосредственное переживание своего онтологического единства с творением рождает в душе чувство радости:

⁷ В книге «Глаза земли» под заглавием «Имена» [Пришвин, 1982–1986, т. 7, с. 432].

⁸ «...«сестрички мои птички, вы многим обязаны Богу, вашему Творцу, и всегда и везде должны хвалить Его...». При этих словах святого Франциска все птицы начали открывать клювы, вытягивать шею, раскрывать крылья и почтительно склонять голову до земли, показывая движениями и пением, что слова святого отца доставляли им большое наслаждение; и святой Франциск вместе с ними радовался и наслаждался, изумляясь такому множеству птиц, и красоте их, и разнообразию, и вниманью их, и кротости» («Цветочки», гл. 16) [Конради, с. 182–183]. Эпизод проповеди птицам в книге Конради иллюстрируется репродукцией фрески Джотто и миниатюрой из Псалтыри XIII в.

Маленькие скворцы, обыкновенное солнце величиною в тарелку, и луна, и звездочки, я вас люблю не такими, какими узнал я о вас из книг – это любить невозможно! – а как сотворились вы вместе с моей младенческой душой, как обрадовали, так и остались, и я с вами остаюсь таким же. Так это есть и будет присоединенным к великому свитку тысячелетнего бытия человека на его остывающей планете [Пришвин, 2003, с. 39].

В мае того же года францисканское субъектное переживание природы в ее конкретности (человек, кормящий хлебом щенка, стрижи, иволга, семена ив) порождает онтологическую радость, райскую гармонию человека и «жизни большой и круглой»: «будь счастлив и тем, что видишь шевелящий травы хвостик щенка и мелькающие тени стрижей» (24 мая 1926 г.) [Там же, с. 67].

В 1932 г. после путешествия на Дальний Восток писатель задумывает книгу о Даурии⁹, одним из источников идеи которой стали «Цветочки св. Франциска». Святой стоит у Пришвина первым в ряду «великих начал» жалости человека к природе, противопоставленной современному мещанскому отношению к ней:

Все начинается от чувства безысходной тоски при виде всего живого, погибающего напрасно в природе. Это чувство свойственно многим и по-разному сплавлено в идею: были у нас «Цветочки» Франциска Ассизского, был Руссо, Гёте, было толстовство с его непротивлением (27 января 1932 г.) [Пришвин, 2009, с. 52].

О силе жалостливой любви св. Франциска ко всем созданиям Божиим говорится в «Первом житии» святого, созданном в XIII в. Фомой Челанским:

Даже к червям он питал любовь, ибо в Писании сказано о Спасителе: я есмь червь, а не человек. И он их собирал с дороги и относил в безопасное место, чтобы путники не раздавили их. Что говорить о других тварях, когда он и о пчелах заботился, чтобы оне не погибли зимой, и приказывал давать им меда и лучшего вина? Искусный ум и полезный труд их вызывали в нем такое восхищение, что он проводил целые дни, хваля их и другие Божии творения (1 Челано, гл. XXIX) [Конради, с. 91–92].

В опубликованном варианте «Золотого Рога» имя Франциска уходит из этого ряда, заменяясь Библией¹⁰, но и в «Жень-Шене» (1933),

⁹ Книга вышла под названием «Золотой Рог» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934) и включала в себя четыре части: «Корень жизни» (подзаголовок – «Женьшень»), «Соболь», «Олень-цветок», «Голубые песцы».

¹⁰ «Да, конечно, мы теперь вплотную подходим к уяснению сложнейшего понятия природы, в которую вошли и мудрость Библии, и старая революционность Руссо, и эстетизм Рёскина, и этика Толстого, и пантеизм Гёте, и многое множество всего и всех – тут: язычники, славянофилы, механисты, народники, биологи, дачники, спортсмены, огнепоклонники» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 429].

и в «Золотом Роге» (1934) ощущается глубинное присутствие францисканского онтологического переживания природы. Прежде всего это заметно в описании открывающейся герою покрытой цветами долины Зусухэ, представляющей «страной обетованной»:

...Тут я научился понимать трогательную простоту рассказа каждого цветка о себе: каждый цветок в Зусухэ представляет собою маленькое солнце, и этим он говорит всю историю встречи солнечного луча с землей. Если бы я мог о себе рассказать, как эти простые цветы в Зусухэ! <...> По этим долинам, простым и прекрасным цветам всюду летали бабочки, похожие на летающие цветы... Пчелы реяли на цветах, осы; с шумом носились по воздуху мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. <...> Я человек, я слепну от солнца и могу рассказывать, лишь окидывая родственным вниманием все разнообразные освещенные им предметы и все лучи их собирая в единство [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 13].

Здесь соединяются францисканские мотивы любви к солнцу, цветам, пчелам из «Гимна Брата Солнца» и «Первого жития» Фомы Челанского:

...Он и о пчелах заботился, чтобы они не погибли зимой, и приказывал давать им меда и лучшего вина... Как радовался он красоте цветов, видя их прелестные очертания или вдыхая их сладостный запах. Его мысли немедленно уносились к дивному цветку от корня Иесеева, который своим благоуханием воздвиг от смерти бесчисленные тьмы людей. Когда он видел множество цветов, он начинал проповедовать им и призывал их к восхвалению Господа, как будто они обладали разумом. <...> Все создания он называл братьями; по чудесному и непонятному для других дару для него были открыты тайны сердца всех тварей, как будто он уже парил в свободной славе сынов Божиих (1Челано, гл. XXIX) [Конради, с. 91–92].

Описание долины Зусухэ пронизывает характерное для Франциска субъектное и онтологическое переживание природы в ее персональности («рассказ каждого цветка о себе», ирисы, орхидеи, лилии, гвоздика, бабочки, пчелы, осы, шмели) и целокупности («единство»), которое рождается благодаря ключевому для Пришвина жизнотворческому принципу – «родственному вниманию», то есть благодатному состоянию любовного милующего внимания¹¹, обращенного к природе как *субъекту*, а не объекту («Среднее Должное», общее), что писатель наиболее точно выразит в дневнике 1941 г.: «вглядывайся в каждую мелочь отдельно и различай одну от другой, узнавая личности в каждом мельчайшем даже живом существе» (2 августа 1941 г.)

¹¹ Милость Пришвин понимает персоналистически, в антитезе к безличной немилости («все, что относится ко всем, но не к каждому»): «Милость – это внимание к личности, к частности, к случаю, это есть то самое, что я называю родственным вниманием» (11 мая 1946 г.) [Пришвин, 2013, с. 148].

[Пришвин, 2012, с. 534–535]. В «родственном внимании» всё творение воспринимается в своей персональной уникальности и переживается как счастье и «сорадование»: на лесной поляне «все зверушки, птицы, мышата, ежи, цветочки покажутся тебе вместе во множестве <приписка: и в единстве.>» (13 января 1937 г.) [Пришвин, 2010, с. 561–562].

Эта христианская в своей основе духовная практика «родственного внимания» противоречит описанной советской реальности (путешествия в Свердловск и во Владивосток, РАПП, МАПП), которая, будучи «непонятной и странной всему христианскому и дохристианскому, всему культурному миру», не дает ему пробиться к «родственному вниманию» и онтологической радости (1 января 1932 г.) [Пришвин, 2009, с. 6].

Францисканское субъектное и онтологическое переживание природы проявляется в «Жень-Шене» и во встрече рассказчика с грациозной ланкой пятнистого оленя Хуа-лу («олень-цветок») в виноградном шатре, которую он называет «большим событием» своей жизни («с большой радостью, как будто друга встретил») [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 14]. Это же переживание природы присуще и китайцу Лувену. В нем рассказчика поражает «то родственное внимание, с которым он относился ко всякому существу в природе» [Там же, с. 40, 43]. Лувен по-францискански беседует с двумя посаженными им великими тополями, любимой черной вороной, голубой сорокой, пересмешником, зимородком, дроздами, иволгой, кукушкой, перепелкой, скворцом [Там же, с. 41–42].

С противоположным этому францисканству – с утилитарным отношением к природе Пришвин полемизирует в очерке «Любовь к природе» (книга «Золотой Рог», 1934), в котором советское индоктринированное сознание воспринимает природу как *объект*, подменяя ее живую, онтологическую и персональную реальность «патриотической» и утилитарной идеологией¹². Не без иронии писатель замечает:

Мещанско-немецкая любовь к природе нам совсем не страшна: у нас и раньше-то ее не было, а теперь, после ликвидации кулачества, природа нас интересует исключительно как объект советского хозяйства [Там же, с. 461].

С позитивистским рациональным пониманием жизни животных Пришвин спорит в рассказе «Полярный роман» (книга «Золотой Рог», 1934), повествующем о брачных отношениях песцов: «Биолог – суровый человек, в личности живого существа не нуждается и занят только причиной явления» [Там же, с. 569]. Зверовод же Иван Антонович, понимающий поведение песцов «из сердца» и «по себе», знает каждого песца по имени и характеру и видит их «антропоморфные» отношения между собой. Такое персоналистическое понимание

¹² Об оппозиции идеологического нигилизма и онтологической реальности в дневнике Пришвина 1930-х гг. см. подробнее: [Medvedev].

животных (через сердце, а не голову) ближе Пришвину, чем объяснение брака песцов «чисто хозяйственной необходимостью, возникшей под действием прерванного тока энергии пола»: «людей мы стремимся различить, а у зверей отнимаем лицо и всю жизнь их стремимся свести к действию слепой силы» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 580].

В 1937 г. Пришвин размышляет об апокалиптическом сознании русского человека (интеллигенция, раскольники, революционеры и романтики), утратившего «ввиду мировой катастрофы» интерес к мирной повседневной жизни (образование, труд, быт). Нигилизму русской интеллигенции (революция) писатель противопоставляет «священные будни мира» – «Цветочки св. Франциска» и «клейкие листики» Достоевского¹³:

...Если революция выступает в низшем плане, то самая «обыкновенная история» становится как «цветочки» Франциска Ассизского. Со мной именно вот это и произошло: сквозь пустые будни революции я увидел священные будни мира и с этими священными клейкими листиками соединил свою поэзию (23 августа 1937 г.) [Пришвин, 2010, с. 724].

В подобном ключе миссию св. Франциска с его историческим временем соотносила В. Конради:

Среди всеобщего насилия, непримиримой вражды, кровавой борьбы человека с человеком, сословия с сословием, города с городом внезапно прозвучал призыв к братскому единению не только с людьми, но и со всей природой, раздалась забытые евангельские слова: любите друг друга. <...> Люди точно очнулись от тяжелого сна и увидели, что на свете есть и солнце, и цветы, и радость, а не одна юдоль скорби. <...> Он любит человека и букашку, солнце и былинку, его сердце бьется в созвучии со всем творением. Зло вызывает в нем только большее сострадание и большую любовь [Конради, с. I–II].

Таким образом, Пришвин напрямую жизнетворчески¹⁴ соотносит себя со св. Франциском, противопоставляя предельно идеологизированной жизни, нигилизму и разрушению персонализм, онтологическую полноту природы, повседневной жизни и творчества.

Спустя три года он вновь размышляет о ключевой для него категории личности, которая важнее современной ему исторической ситуации:

¹³ В устах Ивана Карамазова «клейкие, распускающиеся весной листочки» выражают «жажду жизни» вопреки рациональной логике («Жизнь полюбить больше, чем смысл ее») [Достоевский, с. 209–210].

¹⁴ «Искусство как поведение» – одна из ключевых тем размышлений Пришвина на протяжении всей жизни. Жизнетворчество понимается писателем как «попытка сделать поэзию подвигом, превратить ее в “святое ремесло”» (9 апреля 1943 г.) [Пришвин, 2012, с. 474], когда писатель является «фокусом нравственного сознания, определяющего поведение людей» (31 декабря 1948 г.) [Пришвин, 2014, с. 354].

Начинаю понимать истоки моего пристрастия к современности – это есть стремление к установлению своей личности в безликом ходе событий. Так было тоже в эпоху войн – св. Франциск с цветочками был современнее драчунов (24 июля 1940 г.) [Пришвин, 2012, с. 229].

В 1941 г. писатель понимает св. Франциска в контексте ренессансного гуманизма (персонализм и онтологизм), «родственного внимания» и праведников Достоевского:

...Расцветающая самость в сложной психической борьбе между земным и небесным и составляет существо эпохи Возрождения, приход Франциска Ассизского и милостивого любовного взора ко всему живущему (родственного внимания) у некоторых из отцов церкви и старца Амвросия и Зосимы Достоевского (16 декабря 1941 г.) [Там же, с. 730].

Это близко восприятию св. Франциска В. И. Герье, который видел совершенный им в христианстве переворот в том, что «аскетический пессимизм» заменился «любвеобильным взглядом на мир» [Герье, с. 344]. Св. Франциск с его любовью к творению, приятием и оправданием мира как *благото* преодолевает средневековый аскетический дуализм, отрицание мира и человека как *греховного* (лат. *contemptus mundi* – презрение к миру): если средневековый аскетизм стремился к Небесному Царствию, считая, что «земной мир полон зла и нечестия и потому достоин лишь презрения», то «в лице Франциска аскетизм приходит к сознанию, что и земной мир есть мир Божий и потому прекрасен. Франциск... любит стихиями, цветами и всякою живою тварью»¹⁵ [Там же, с. 158]. Призванием монаха становится не бегство из мира, а «возвращение в мир для служения человеку»: «Не созерцание идеального Божеского царства, которое сияет высоко над миром в небесной выси, составляет главное призвание монаха, установление и осуществление Божеского царства на земле» [Там же, с. 324].

В свете этого понятно, почему Пришвин соотносит св. Франциска со старцем Зосимой с его монашеством в миру¹⁶ и его прототипом Амвросием Оптинским. В контексте ключевой для нового религиозного сознания идеи совместимости христианства и природы (культуры) имя Франциска звучало в докладах Религиозно-философского общества, где его понимали как инициатора эпохи Возрождения¹⁷. Это ренессансное восприятие св. Франциска восходит

¹⁵ В этом же францисканском ключе о Пришвине в 1938 г. пишет в эмиграции А. М. Ремизов, утверждая, что он, «во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель в России», напоминает «человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир с цветами и звездами и что недаром звери, когда-то тесно жившие с человеком, отпугнулись и боятся человека, но что есть еще в мире простота, детскость и доверчивость – жив “человек”» [Ремизов, с. 301].

¹⁶ О св. Франциске как одном из протогероев Зосимы см. подробнее: [Медведев, 2015, с. 224–228].

¹⁷ Пришвин был участником петербургского Религиозно-философского общества (1907–1917), на заседаниях которого выступали и дискутировали философы и писатели В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Вяч. И. Иванов, А. А. Блок, С. М. Соловьев и др.

к книгам Г. Тоде «Франциск из Ассизи и начало искусства Ренессанса в Италии» (1885) и П. Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского» (1893, русский перевод – 1895), которые видели в идеях средневекового монаха ренессансные предпосылки («индивидуализм», освобождение от средневековой догматики, пессимизма, «стремление к природе»)¹⁸. Эту концепцию разделяла и В. Конради в известной Пришвину книге:

Луч поэзии и красоты, который он принес в мир, был первым предвестником зари Возрождения. Он расколдовал людей, точно в очарованном сне не видевших природы, и природа вывела искусство из византийского оцепенения и влила в него новую кровь. <...> Проповедь птицам и «Хвала всех творений» знаменуют собою начало новой эры в искусстве и нового понимания природы и жизни [Конради, с. XIV].

Образ Франциска-садовника появляется у Пришвина в итоговой дневниковой записи под заглавием «Творчество Мих. Пришвина»¹⁹, в которой писатель в форме францисканской притчи («Сказочка о святом Франциске») раскрывает свое жизнетворческое призвание как францисканское:

Согнувшись в три погибели, добрые люди в тяжелых мешках несли в райский сад свое добро. Только один бедный Франциск (Михаил) пришел без добра и держал в руках букет с незабудками. Увидав его, Великий Садовник спросил: – Франциск, где ты взял эти цветы? – Добрые люди, – ответил Ф., – несли в райский сад свое добро, из мешков у них кое-что выпадало, и там, где ложилось на землю удобрение, вырастали незабудки, и я их собирал. – Так зачем же они, – воскликнул Великий Садовник, – тащат свое говно в рай, если на земле на нем вырастают цветы? После того усердием Франциска все принесенное в райский сад добро выпало на землю благодатными дождями, и земля покрылась цветами (9 марта 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 45].

В пришвинской притче звучит полемика с советским утопическим представлением о светлом будущем (коммунизм, прогресс), в жертву которому приносится настоящее. Пришвин соотносит себя как творца с «беднячком» Франциском (не только святым, но и «поэтом»), онтологически оправдывающим мир как благое творение (единство духа

¹⁸ См. подробнее: [Медведев, 2018, с. 204–206; Медведев, 2020, с. 147–149].

¹⁹ Поводом для этого стало тяжелое переживание по поводу того, что секретарь А. А. Фадеева (генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР) не передала ему рукопись романа «Осударева дорога» и письма Пришвина с просьбой разрешить публикацию романа. В итоге роман пролежал у «вельможи» целый год на рецензии, и Пришвин так и не получил от него ответа. «Сказочку о св. Франциске» Пришвин планировал вклеить в письмо к Фадееву. В отредактированном виде (без упоминания о Фадееве и прямого соотнесения автора с Франциском) эта запись вошла в книгу «Глаза земли» под названием «Сказочка о святом Франциске» [Пришвин, 1982–1986, т. 7, с. 177].

и тела, земли и неба, красоты и пользы), творчески его преображающим, осуществляющим Царство Божие на земле. С житнетворческой точки зрения показателен фотоснимок, сделанный в мае того же 1950 г., на котором писатель обращается к лесным жителям в духе проповеди св. Франциска птицам (ил. 1–2). К мысли о целостности бытия Пришвин постоянно возвращается в дневнике как к краеугольной:

Родственное внимание создает на земле святую плоть (31 января 1940 г.) [Пришвин, 2012, с. 28]; В самой жизни земной нашел жизнь небесную. Убежден, что человек сам в себе содержит вечность и вся земная жизнь для того существует, чтобы он догадался об этом и сам своими руками построил бы себе на земле лестницу в вечность (29–30 июня 1941 г.) [Там же, с. 501].

1. Джотто ди Бондоне. Сцена из Жития св. Франциска. Проповедь птицам. 1297–1299 гг. Фреска. Верхняя церковь Св. Франциска. Ассизи [Конради, 182a]

Giotto di Bondone. Scene from the Legend of St Francis. Sermon to the Birds. 1297–1299. Fresco. Assisi, San Francesco, Upper Church

2. Обращение М. М. Пришвина к лесным жителям. Май 1950 г. Фотография. Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова

M. M. Prishvin addressing forest dwellers. May 1950. Photograph. Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov

Духовный переворот писателя после встречи с Валерией Дмитриевной в 1940 г. заключался в преодолении разделения между духовным и земным, в понимании любви в ее духовно-телесном единстве как целого. Исходя из этого опыта писатель полемизирует с дуализ-

мом, который проявляется как у революционеров (материализм), так и в церкви (дух):

...Революционеры наши и церковники ограничены одной и той же чертой, разделяющей мир на небесный (там, на небе) и на мир земной (здесь, на земле). <...> На самом деле черты такой между земным и небесным миром вовсе не существует [Пришвин, Пришвина, с. 227].

Со св. Франциском Пришвина сближает концепт радости. «*Laetitia spiritualis*» (лат. «радость (веселость) духовная») – важнейшая добродетель францисканства. В. Конради отмечает радость как ключевую черту духовного облика св. Франциска, который не может мириться со средневековым отчаянием в ожидании Страшного суда и грозного Бога-судии: «Он отымает природу и красоту от дьявола и возвращает их Богу. Радость делается у него канонической добродетелью. Счастливые люди не могут быть порочными» [Конради, с. IX]. Эта «великая радость» изливается на творение в его проповеди птицам. «Гимн Брата Солнца» написан накануне смерти в состоянии мистического экстаза, совершенной радости (*ut. perfetta Letizia*).

Радость – ключевой онтологический концепт жизнотворчества Пришвина, в котором она является сущностной основой бытия: «Существование без радости и без всякой надежды на радость – не существование» (3 февраля 1921 г.) [Пришвин, 1995, с. 134]. В 1949 г. на Николу Вешнего душа Пришвина не вмещает преизбыточествующую радость майского цветения: «Все цветет. Так все роскошно вокруг и так много всего, что душа моя – глиняный кувшин – не вмещает, и все льется через край из моего кувшина» (22 мая 1949 г.) [Пришвин, 1969, с. 285]. И в последнее лето жизни писатель записывает: «Можно все изменить в природе, преобразовать при условии сохранения основного неизменного закона радости жизни» (16 июня 1953 г.) [Пришвин, 2017, с. 373].

Подводя итог своей жизни, Пришвин определяет свою жизнотворческую стратегию и миссию онтологически, в духе св. Франциска – раскрыть жизнь как счастье:

Боже мой! как нелегко жилось, как удалось уцелеть! И я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту как счастливую. И сделаю это, потому что касался в творчестве природы и знал, что жизнь есть счастье (16 июня 1953 г.) [Там же, с. 372].

Библиографические ссылки

Герье В. Франциск. Апостол нищеты и любви. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1908. 346 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14. 510 с.

Исупов К. Г. Франциск из Ассизи в памяти русской культуры // Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб. : Рус. христиан. гуманитар. акад., 2010. С. 264–302.

Конради В. Г. Книга о св. Франциске. Celano. Speculum. Fioretti / пер. В. Г. Конради. СПб. : Огни : Сириус, 1912. 242 с.

Медведев А. А. «Сердце милующее» : образы праведников в творчестве Ф. М. Достоевского и св. Франциск Ассизский // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 222–233.

Медведев А. А. «Никто, как ты, не подошел к Евангелию близко» : рецепция Евангелия в русской францискане Серебряного века (Д. Мережковский, С. Дурылин, С. Соловьев) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. М. : Индрик, 2018. С. 200–220.

Медведев А. А. Францискане религиозно-философского Ренессанса и русская эмиграция (П. М. Бицилли, Г. П. Федотов) // Русская эмиграция во Франции и средневековая культура Европы : творческая встреча, исследования, переводы. М. : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2020. С. 137–157.

Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб. : Академ. проект, 2000. 926 с.

Пименова Э. К. Франциск Ассизский, его жизнь и общественная деятельность : биограф. очерк. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1896. 77 с.

Пришвин М. М. Незабудки : [из дневниковых записей 1905–1954 гг.]. М. : Худож. лит., 1969. 303 с.

Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1982–1986.

Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Кн. 3. М. : Моск. рабочий, 1995. 334 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. Кн. 5. М. : Рус. кн., 2003. 592 с.

Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. 606 с.

Пришвин М. М. Ранний дневник 1905–1913. СПб. : Росток, 2007. 800 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Кн. 8. СПб. : Росток, 2009. 1008 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб. : Росток, 2010. 992 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М. : РОССПЭН, 2012. 880 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М. : Новый хронограф, 2013. 968 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. М. : Новый хронограф, 2014. 824 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. СПб. : Росток, 2016. 736 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб. : Росток, 2017. 832 с.

Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой : Дневник любви. СПб. : Росток, 2003. 256 с.

Пришвина В. Д. Круг жизни : Очерки о М. М. Пришвине. М. : Худож. лит., 1981. 239 с.

Ремизов А. М. Собрание сочинений : [в 15 т.]. М. : Рус. книга, 2003. Т. 10. 592 с.

Розанов В. Собрание сочинений : [в 30 т.]. М. : Республика, 2011. [Т. 21.] Террор против русского национализма : (Статьи и очерки 1911 г.). 416 с.

Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. М. : Посредник, 1895. 354 с.

Семенова С. Г. Преодоление трагедии : Вечные вопросы в литературе. М. : Сов. писатель, 1989. 440 с.

Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2001. 590 с.

Сказания о бедняке Христове : (Книга о Франциске Ассизском) : [Со снимками с карт. Джиотто]. М. : Изд. А. П. Печковского, 1911. 111 с.

Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб. : Наука, 1996. 736 с.

Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.

Цветочки св. Франциска Ассизского : репр. воспроизв. изд. (М. : Мусагет, 1913) / пер. с ит. [и предисл.] А. Печковского ; вступ. ст. С. Дурылина. М. : Вся Москва, 1990. 208 с.

Цветочки Франциска Ассизского (Fioretti) : легенды / пер. с ит. О. С. // Новый путь. 1904. № 4. С. 145–173. № 5. С. 116–145. № 6. С. 35–64. № 7. С. 68–87.

Il Cantico di Frate Sole // Letteratura Italiana : Libro Aperto : [electronic resource]. P. 6. URL: <http://www.pubblicascuola.it/letteraturareligiosa%201.2.pdf> (accessed: 12.11.2023).

Medvedev A. *Athena versus Gaia : Ideology and Being in Russian Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries* (Turgenev, Dostoevsky, Prishvin, Andrei Tarkovsky) // *A Culture of (Dis)continuity? Russian Cultural Debates in Historical Perspective* / ed. by O. Tabachnikova. Berlin ; Bruxelles ; Lausanne ; N. Y. ; Oxford : Peter Lang Group : Intern. Acad. Publ., 2023. P. 65–99.

References

Dostoevsky, F. M. (1976). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 14. 510 p.

Frank, S. L. (1996). *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview]. St Petersburg, Nauka. 736 p.

Frank, S. L. (1997). *Real'nost' i chelovek* [Reality and Man]. Moscow, Respublika. 479 p.

Ger'e V. (1908). *Frantsisk. Apostol nishchety i lyubvi* [St Francis. Apostle of Poverty and Love]. Moscow, Tovarishchestvo "Pechatnya S. P. Yakovleva". 346 p.

Il Cantico di Frate Sole. In *Letteratura Italiana-Libro Aperto* [website]. P. 6. URL: <http://www.pubblicascuola.it/letteraturareligiosa%201.2.pdf> (accessed: 12.11.2023).

Isupov, K. G. (2010). Frantsisk iz Assizi v pamyati russkoi kul'tury [St Francis of Assisi in the Memory of Russian Culture]. In Isupov, K. G. *Sud'by klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kul'tura Serebryanogo veka*. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, pp. 264–302.

Conradi, V. G. (1912). *Kniga o sv. Frantsiske. Celano. Speculum. Fioretti* [The Book of St Francis. Celano. Speculum. Fioretti] / transl. by V. G. Conradi. St Petersburg, Ogni, Sirius. 242 p.

Medvedev, A. (2023). *Athena versus Gaia : Ideology and Being in Russian Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries* (Turgenev, Dostoevsky, Prishvin, Andrei Tarkovsky). In Tabachnikova, O. (Ed.). *A Culture of (Dis)continuity? Russian Cultural Debates in Historical Perspective*. Berlin, Bruxelles, Lausanne, N. Y., Oxford, Peter Lang Group, Intern. Acad. Publ., pp. 65–99.

Medvedev, A. A. (2015). "Serdtshe miluyushchee": obrazy pravednikov v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i sv. Frantsisk Assizskii ["Merciful Heart": The Images of Righteous People in F. M. Dostoevsky's Creative Work and St Francis of Assisi]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (139), pp. 222–233.

Medvedev, A. A. (2018). "Nikto, kak ty, ne podoshel k Evangeliyu blizko": retseptsiya Evangeliya v russkoi frantsiskiane Serebryanogo veka (D. Merezhkovskii, S. Durylin, S. Solov'ev) ["No One Else Got Closer to the Gospel Than You": The Reception of Gospels in the Russian Franciscana of the Silver Age (D. Merezhkovsky, S. Durylin, S. Solovyov)]. In *Novozavetnye obrazy i syuzhety v kul'ture russkogo modernizma*. Moscow, Indrik, pp. 200–220.

Medvedev, A. A. (2020). Frantsiskiana religiozno-filosofskogo Rennessansa i russkaya emigratsiya (P. M. Bitsilli, G. P. Fedotov) [The Franciscana of the Religious-Philosophical Renaissance and Russian Emigration (P. M. Bizilli, G. P. Fedotov)]. In *Russkaya emigratsiya vo Frantsii i srednevekovaya kul'tura Evropy: tvorcheskaya vstrecha, issledovaniya, perevody*. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, pp. 137–157.

Merezhkovsky, D. S. (2000). *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 926 p.

Pimenova, E. K. (1896). *Frantsisk Assizskii, ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost' : biograficheskii ocherk* [St Francis of Assisi, His Life and Social Activities: Biographical Sketch]. St Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina. 77 p.

Prishvin, M. M. (1969). *Nezabudki: iz dnevnikovyx zapisei 1905–1954 gg.* [Forget-me-nots: From Diary Entries of 1905–1954]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 303 p.

Prishvin, M. M. (1982–1986). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Complete Works. 8 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

- Prishvin, M. M. (1995). *Dnevniki. 1920–1922. Kniga 3* [Diaries. 1920–1922. Book 3]. Moscow, Moskovskii rabochii. 334 p.
- Prishvin, M. M. (2003). *Dnevniki. 1926–1927. Kniga 5* [Diaries. 1926–1927. Book 5]. Moscow, Russkaya kniga. 592 p.
- Prishvin, M. M. (2004). *Tsvet i krest* [Colour and the Cross]. St Petersburg, Rostok. 606 p.
- Prishvin, M. M. (2007). *Rannii dnevnik 1905–1913* [Early Diary 1905–1913]. St Petersburg, Rostok. 800 p.
- Prishvin, M. M. (2009). *Dnevniki. 1932–1935. Kniga 8* [Diaries. 1932–1935. Book 8]. St Petersburg, Rostok. 1008 p.
- Prishvin, M. M. (2010). *Dnevniki. 1936–1937* [Diaries. 1936–1937]. St Petersburg, Rostok. 992 p.
- Prishvin, M. M. (2012). *Dnevniki. 1940–1941* [Diaries. 1940–1941]. Moscow, ROSSPEN. 880 p.
- Prishvin, M. M. (2013). *Dnevniki. 1946–1947* [Diaries. 1946–1947]. Moscow, Novyi khronograf. 968 p.
- Prishvin, M. M. (2014). *Dnevniki. 1948–1949* [Diaries. 1948–1949]. Moscow, Novyi khronograf. 824 p.
- Prishvin, M. M. (2016). *Dnevniki. 1950–1951* [Diaries. 1950–1951]. St Petersburg, Rostok. 736 p.
- Prishvin, M. M. (2017). *Dnevniki. 1952–1954* [Diaries. 1952–1954]. St Petersburg, Rostok. 832 p.
- Prishvin, M. M., Prishvina, V. D. (2003). *My s toboi. Dnevnik lyubvi* [You and I. Diary of Love]. St Petersburg, Rostok. 256 p.
- Prishvina, V. D. (1981). *Krug zhizni. Ocherki o M. M. Prishvine* [Circle of Life. Essays about M. M. Prishvin]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 239 p.
- Remizov, A. M. (2003). *Sobranie sochinenii v 15 t.* [Complete Works. 15 Vols.]. Moscow, Russkaya kniga. Vol. 10. 592 p.
- Rozanov, V. (2011). *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Moscow, Respublika. Vol. 21. Terror protiv russkogo natsionalizma. (Stat' i i ocherki 1911 g.). 416 p.
- Sabatier, P. (1895). *Zhizn' Frantsiska Assizskogo* [Life of St Francis of Assisi]. Moscow, Posrednik. 354 p.
- Semenova, S. G. (1989). *Preodolenie tragedii. Vechnye voprosy v literature* [Overcoming Tragedy. Eternal Questions in Literature]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 440 p.
- Semenova, S. G. (2001). *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov. Poetika – Videnie mira – Filosofiya* [Russian Poetry and Prose of the 1920s–1930s. Poetics – Vision of the World – Philosophy]. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, Nasledie. 590 p.
- Skazaniya o bednyake Khristove. (Kniga o Frantsiske Assizskom). So snimkami s kartin Dzhiotto* [Tales of Christ's Pauper. (Book about St Francis of Assisi). With Photographs of Giotto's Paintings]. (1911). Moscow, Izdanie A. P. Pechkovskogo. 111 p.
- Tsvetochki Frantsiska Assizskogo (Fioretti). Legendy [Little Flowers of St Francis (Fioretti). Legends] / transl. by O. S. (1904). In *Novyi put'*. No. 4, pp. 145–173. No. 5, pp. 116–145. No. 6, pp. 35–64. No. 7, pp. 68–87.
- Tsvetochki sv. Frantsiska Assizskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdania (Moskva, Musaget, 1913)* [Little Flowers of St Francis. Reprint (Moscow, Musaget, 1913)] / transl. by A. Pechkovsky, foreword by S. Durylin. (1990). Moscow, Vsy Moskva. 208 p.

The article was submitted on 21.01.2024

WOMEN: LOVE, FAMILY, AND POLITICS

DOI 10.15826/qr.2024.2.893

УДК 930.2:003.074 + 94(470)"17" + 929Екатерина(470)*II + 82-6 + 316.346.2-055.2 + 37011.3

Женская индивидуальность и общественные конвенции эпохи Просвещения в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой*

Ангелина Вачева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского,
факультет славянских филологий,
София, Болгария

Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova

Angelina Vacheva

Sofia University St Kliment Ohridski,
Faculty of Slavonic Studies,
Sofia, Bulgaria

This article examines the interpretation of the theme of the manifestation of female individuality in mid-eighteenth-century Russia on the basis of the correspondence (1762–1774) between Valentin Jamerai-Duval, a French philosopher and autodidact in the Austrian service, and Anastasia Sokolova, a lady-in-waiting to Empress Catherine II, married to De Ribas. At the beginning of the correspondence, Jamerai-Duval's interest in Russia, like that of many Europeans, is based on inaccurate book sources and common stereotypes. Their conceptual motifs are “barbarism”, ignorance and violence, both in the family and in society. The dialogue between the two correspondents gradually overcomes these stereotypes. They discuss a wide range of issues related to the expression of

* *Citation*: Vacheva, A. (2024). Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 523–538. DOI 10.15826/qr.2024.2.893.

Цитирование: Vacheva A. Female Individuality and Social Conventions of the Enlightenment in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 523–538. DOI 10.15826/qr.2024.2.893 / Вачева А. Женская индивидуальность и общественные конвенции эпохи Просвещения в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 523–538. DOI 10.15826/qr.2024.2.893.

the female personality: choice of spouse and celibacy, love and sensual pleasure in marriage; criteria of attractiveness (physical and mental beauty), following fashion and individual style, etc. Special attention is paid in the correspondence to the questions of women's education and intellectual development, in which reading plays an important role. The Russian-Turkish war of 1768–1774 reactivated the issue of violence against women, this time as a need to protect them from the despotism of the infidels in the Ottoman Empire. Ignorance and religious prejudice in the environment of the Old Believers are also seen by the correspondents as a manifestation of tyranny over women's personality.

Keywords: epistolary legacy, Russia, Valentin Jamerai-Duval, Anastasia Sokolova, woman, family, violence, upbringing

Рассматривается интерпретация темы проявления женской индивидуальности в России в середине XVIII столетия на материале переписки (1762–1774) французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля и камер-юнгферы императрицы Екатерины II Анастасии Соколовой, в замужестве Де Рибас. Интерес Жамре-Дюваля, как и множества европейцев, к России в начале корреспонденции основывался на неточных книжных источниках и расхожих стереотипах. Концептуальными для них являлись мотивы «варварства», невежества и насилия, проявлявшихся как в семье, так и в обществе в целом. В ходе диалога между обоими корреспондентами эти стереотипы постепенно преодолевались. Участники обсуждали широкий круг вопросов, связанных с проявлениями женской личности: выбор брачного партнера и безбрачие, любовь и чувственное наслаждение в браке, критерии привлекательности (физическая и душевная красота), следование моде и индивидуальный стиль и пр. Особое внимание в переписке уделялось вопросам женского образования и интеллектуального развития, важнейшую роль в котором играло чтение. Русско-турецкая война 1768–1774 г. реактивировала вопрос о насилии над женщинами, на этот раз как необходимость защитить их от произвола неверных в Оттоманской империи. Невежество и религиозные предрассудки в старообрядческой среде также рассматривались корреспондентами как проявление мужской тирании.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Россия, Валентин Жамре-Дюваль, Анастасия Соколова, женщина, семья, насилие, воспитание

Переписка французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) и камер-юнгферы Екатерины II Анастасии Соколовой, в замужестве Де Рибас (1741–1822), содержит обсуждение множества вопросов, которые позволяют пролить свет на представления, предрассудки, настроения образованных, но не высокопоставленных рядовых людей эпохи. Сквозная тема в письмах обоих корреспондентов (как опубликовано

ванных¹, так и хранящихся в архиве писем Жамре-Дюваля [РГАДА. Ф. 181]) – Россия в ее историческом, политическом и культурном своеобразии². В этом комплексе проблем весомое место занимает «женская» тема.

Переписка начинается с выражения благодарности за знакомство и интересные беседы и продолжается как галантный диалог между обоими участниками. Обмен светскими любезностями исполняет роль своего рода основы, на фоне которой обсуждаются все прочие вопросы, волновавшие корреспондентов. Помимо неизгладимого впечатления, которое произвела на стареющего Дюваля (и не только на него) очаровательная живая двадцатилетняя Анастасия, не вполне вписывавшаяся в венский придворный этикет, этот контакт был ценен для философа и как источник сведений о стране, занимавшей его воображение. Можно сказать, что интерес Дюваля к судьбе женщин в России был вызван его желанием узнать как можно больше о загадочной незнакомой стране, «варварский» образ которой строился на стереотипах, в том числе и на эту тему.

Представления Дюваля, как и многих европейцев того времени, основывались преимущественно на редких путевых заметках прошлого, а также зависели от художественной литературы. Главную роль при этом играли «Персидские письма» Ш.-Л. Монтескьё, и прежде всего глава 51, в которой приводится письмо, полученное Узбеком от персидского посла в Петербурге Наргума [Монтескьё, с. 129–132]. В центре письма – обличение русского «варварства» через описание семейных и любовных отношений, в которых насилие над женщиной – норма. К тому же грубое отношение и ежедневные побои мужьями жен представлены как желанные, знаменующие привязанность и любовь. Подобные стереотипы повторялись и в других текстах эпохи, а общая грубость и невежественность нравов связывались также с политической атмосферой в стране. Примером может послужить эпизод из «Путешествия в Сибирь» аббата Шаппа д’Отероса о казни графини Лопухиной, обсуждаемый Жамре-Дювалем в неизданном фрагменте одного из писем:

Признаюсь, что те (иллюстрации к эпизоду. – А. В.), что представляют наказание красивой графини Лопухиной, и то, как 4 палача обезображивают юную девушку батогами, возмутили меня до крайности. Ужас-

¹ Переписка была издана впервые в 1784 г. в Страсбурге известным дипломатом времени Екатерины II Ф.-А. (Ф. И.) Кохом и переиздана им же в 1785 г. в Лондоне. В 1792 г. появился ее немецкий перевод. Следующее издание состоялось в 2019 г. в контексте публикации общей корреспонденции В. Жамре-Дюваля и было осуществлено Андре Курбе [Duval; Jamerey-Duval, 2019]. На русский язык она не переводилась. В 1916 г. С. Н. Казнаков осуществил частичную публикацию писем А. Соколовой [Казнаков]. Настоящая статья является частью работы над межуниверситетским проектом по критическому переизданию переписки с участием Ханса-Юргена Люзебринка (Университет Саарланда) и Ангелины Вачевой (Софийский университет им. Св. Климента Охридского) при поддержке Gerda Henkel Stiftung.

² Тема была затронута на страницах данного научного журнала. См.: [Вачева, 2018].

но, что среди человеческого рода находятся такие монстры, способные придумать мучения более страшные и менее переносимые, чем смерть. Такую свирепость можно предположить только среди демонов [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 182 об.]³.

В одном из первых своих писем философ выражает надежду:

Когда супружество свяжет вас, как я этого желаю, с мудрейшим и богатейшим Адонисом Российской империи, пусть он не любит вас так печально, как, согласно «Персидским письмам», русские дамы хотели бы, чтобы их любили. Я свято верю, что если почувствую это, я закричу, и, несмотря на расстояние, которое нас разделяет, руки вашего дорогого супруга утихомятся скорее на мне, чем на вас [Duval, t. 1, p. 129].

Эта мысль повторится и несколько позже, хотя философ уже выражает надежду, что такие супружеские отношения

...уже не в моде, так как по воле гения, правящего Россией, нравы настолько смягчились, что остальная часть Европы не пропустит случая черпать уроки гуманности, особенно когда мудрость предоставит ей силу и прочность законов [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 53].

Примечательно, что мнение о смягчении нравов выражает в своем сочинении и Монтескьё.

Однако рассуждения об образе жизни русских женщин в письмах вскоре переходят к разговору на принципиальные темы – о женском образовании, писаных и неписаных правилах поведения женщин в семье и обществе. В этом диалоге преобладает мужской голос. Нам, наверное, уже не удастся услышать голос его собеседницы, послания которой утрачены навсегда. «Строжайшая цензура» [Казнаков, с. 5] при публикации переписки по сентиментальным причинам безосновательно приписывается Соколовой⁴. Это объяснение скрывает истинные намерения первого издателя Ф.-А. (Ф. И.) Коха, реализовавшего хорошо обдуманый проект, в котором Соколовой отводилась «поддерживающая» роль, а на передний план выступали успехи екатерининского царствования [см.: Вачева, 2020b]. О содержании многих ответов Соколовой можно судить не с ее собственных слов, большей частью подвергавшихся цензуре, а опять-таки по письмам ее венского корреспондента.

Надо отметить, что Жамре-Дюваль, несмотря на длительное к тому времени пребывание при одном из блистательнейших дворов Европы, оставался «дикарем», «белой вороной», подчеркивавшей свою неуклюжесть и незнание придворных правил поведения. Он отлично

³ По причине отсутствия перевода творений Жамре-Дюваля на русский язык перевод рассматриваемой корреспонденции и прочих текстов здесь и далее мой. – А. В.

⁴ О контексте публикации переписки в 1784 г. см.: [Вачева, 2020b].

осознавал уникальность своего жизненного пути и личности⁵ и всячески стремился поддерживать это впечатление о себе и не сливаться со средой других придворных. В отличие от него, А. Соколова была, по впечатлениям Дюваля, «рождена для двора» [Duval, t. 1, p. 163]. Однако философ старался предупредить ее об опасностях «скользкого» придворного паркета, который в этом отношении превосходил замерзшие Неву и Ладогу [Ibid., p. 138]. Он надеялся, что острый воздух двора не причинит ей головокружения и она не позволит, чтобы великолепие и блеск ослепили ее [Ibid., p. 160].

Обращает на себя внимание несколько амбивалентное отношение философа к представительницам прекрасного пола – с одной стороны, он интересуется женщинами, обладающими красотой и интеллектом, с другой, как будто отказывает им в индивидуальности и самостоятельной значимости их личности.

Жамре-Дюваль так и не создал своей собственной семьи. В письме к Соколовой он объясняет это так:

Почему? Потому что у меня на это не было времени; потому что судьба отказала мне в средствах, которыми я мог бы сделать женщину счастливой; из-за того, что, не имея возможности иметь двоих, я бы погиб от тоски, если бы потерял одну из них, а оставшаяся не могла бы утешить мое отчаяние; так как мне верно сказали, что в определенном возрасте было бы очень трудно быть единственным собственником хорошенькой Биби; так как, выросши в лесу, я не знал, что такое любовь в свете... [я искал] любовь действительно интеллектуальную и мистическую, придуманную скорее для ангелов, а не для людей... [Ibid., p. 168–169].

В автобиографии же Дюваль объясняет это свое решение одной-единственной причиной – желанием сохранить независимость и не стать рабом чужой прихоти. Напуганный в юности яростью и злобой одной жены фермера, он поклялся в себе: «я никогда не буду подчиняться ни одной женщине, как если бы все остальные были ее

⁵ Валентин Жамре – крестьянин по происхождению, выходец из самых низов французского общества. После ухода из родительского дома в 14 лет, долгих скитаний и пребывания в разных монашеских скитах ему удалось обучиться грамоте и привлечь внимание людей из свиты лотарингского герцога. Получив образование в университете в Понт-а-Муссоне, он служил библиотекарем и преподавателем истории в Люневильской академии, приняв псевдоним Дю Валь (из долины). После бракосочетания Франсуа (Франца) Лотарингского и Марии-Терезии Австрийской и обмена Лотарингии на Тоскану последовал за своим господином сначала в Италию, а потом и в Вену. Служил при венском дворе в качестве директора Императорского медальерного комитета и принадлежал к ближайшему интеллектуальному кругу императора Священной Римской империи германской нации Франца, а после смерти последнего пользовался покровительством императрицы Марии-Терезии и Иосифа II. Дважды отказывался от предложенного ему дворянства и от положенных ему придворных привилегий, дорожа своей независимостью от сильных мира сего. Был признанным авторитетом в области фалеристики и нумизматики, а служба при дворе и обширные знания во многих областях позволили ему завести знакомства со многими представителями европейской интеллектуальной и социальной элиты, в том числе и русской.

соучастницами» [Jamerey-Duval, 1981, p. 149–150]. В другом фрагменте автобиографии философ прямо заявляет, что не будет подчиняться никому из смертных [Ibid., 247].

Чувствуя себя неуютно на придворном паркете, бывший крестьянин увлекался красавицами, его особенно привлекали те из них, которые отличались образованностью и одухотворенностью, такой была и его русская корреспондентка. Однако его связи оставались, насколько можно об этом судить по его огромной переписке, платоническими, что не мешало ему трагически переживать разлуку с предметами своих увлечений и их замужество⁶. В то же время у него была одна странность: всех женщин, независимо от их положения в обществе, интеллекта, близости с ними, он называл не по имени, а Биби. Это иногда доходило до крайностей в случаях, когда упоминаются августейшие «Биби» – императрицы Мария-Терезия и Екатерина II. А. Соколова, может быть, наиболее известная из всех «Биби» Жамре-Дюваля, который лишь изредка в письмах называл ее имя (Анастасия или Настасья), говоря о ней в третьем лице, но никогда не использовал другого обращения. Биби в письмах к Соколовой – «любезная», «торжествующая», «волшебная», «замечательная», «услужливая», «щедрая», «благородная» и пр. Себя Дюваль именовал «австразийским Коридоном» или «деревенским Коридоном» (*Coridon d'Austrasie; Coridon champêtre*), «деревенским философом» (*philosophe champêtre*)⁷. В некоторых случаях он сравнивает себя с другим пастухом – Тирсисом, героем Торкватто Тассо. Эти прозвища, заимствованные из популярных идиллий, пасторалей, поэм, отвечают характерной особенности придворной культуры с ее акцентом на изящные развлечения. В то же время прозвища Дюваля в письмах к Соколовой всегда содержат в себе напоминания о его деревенском происхождении, «лесном» прошлом и неотесанности в светских делах.

В отношении Жамре-Дюваля к Соколовой запоздалая влюбленность переплетается с отеческой заботой. Тоска по далекой возлюбленной, отсутствие надежды на встречу, воспоминания, тоска по молодости и сетования на разницу в возрасте и расстоянии, разделяющие их, – все это эмоции, пронизывающие письма старого философа, который создает в своем воображении идеализированный образ Биби-Анастасии. Перед далекой русской корреспонденткой он не боится своей неотесанности, отсутствия светскости. Его неуклюжий «галантный» стиль нередко переходит допустимые границы в интересе к личному пространству молодой незамужней девицы. С другой стороны, ни с кем из других корреспондентов он не был так откровенен в отношении

⁶ Об этом свидетельствуют «соболезнования», которые высказывал по этому поводу в письме к Дювалю его друг, известный деятель круга энциклопедистов Александр Делейр [см. об этом: Jamerey-Duval, 2019, p. 93].

⁷ Коридон – популярный персонаж пасторальной драмы Дж. Б. Гуарини «Il pastor fido», безнадежно влюбленный, но верный предмету своей страсти пастух. Австрия – древняя область в Западной Европе, занимавшая территории сегодняшних Лотарингии, Бельгии и западногерманских провинций.

неудач в личной жизни. Это доверительное отношение первоначально было вызвано биографической легендой Соколовой о ее плебейском происхождении⁸. Философ видит в пленившей его барышне не только прелестную красавицу, отличающуюся живостью характера и обладающую умом и знаниями, но и человека, близкого ему по происхождению, а предположительно – и по своему отношению к миру.

Что же касается присутствия женской темы в рассматриваемой переписке, можно обозначить несколько кругов вопросов, которые оба корреспондента активно обсуждали. В первую очередь это проблема свободного выбора девушкой брачного партнера, ее положение в семье, отношения с возлюбленным, ее право на любовь. Во-вторых, это тема воспитания девушек, необходимость развития их ума, круг чтения, который развивает их духовно. Это также вопрос о качествах прекрасных дам, о том, что составляет женскую красоту и привлекательность. В-третьих, это проблемы свободы женщины в обществе и неуважения по отношению к женской личности. В этом случае предметами рассуждений обоих корреспондентов становятся судьба одалисок, заключенных в сералях, и, как это ни парадоксально, жизнь женщин в старообрядческой среде. Вне внимания в настоящей статье останется образ императрицы Екатерины II⁹, государственная деятельность которой – объект специального интереса обоих корреспондентов, обсуждающих основные события ее правления вплоть до последних месяцев жизни философа.

Единственное женское амплуа, которое практически отсутствует в переписке, материнство. Это, вероятно, можно объяснить индивидуальным опытом ее участников. Дюваль изредка и с большим огорчением упоминает в мемуарах свою мать. У А. Соколовой, выросшей без матери¹⁰ и с самого раннего детства находившейся под опекой других людей, также не было такого эмоционального опыта.

В начале переписки естественное любопытство Жамре-Дюваля было направлено на образ жизни привлекшей его внимание русской

⁸ Общеизвестным в то время было мнение, что Анастасия Ивановна Соколова была внебрачной дочерью выдающегося деятеля екатерининской эпохи И. И. Бецкого, в доме которого она продолжала жить и после своего замужества с Иосифом де Рибасом. Об этой оборотистой даме русского двора, приближенной к Екатерине II, получившей заботами сестры Бецкого принцессы Анастасии Ивановны Гессен-Гомбург и ее дочери кн. Екатерины Дмитриевны Голицыной, урожденной Кантемир, блистательное воспитание в Париже, было создано несколько биографических легенд: то она черкешенка по происхождению, родившаяся в Поволжье, в Астрахани, то дочь художника Соколова, взятая благотельницами на воспитание, и пр. Несмотря на многократные вопросы о ее месте рождения и происхождении, Жамре-Дюваль так и не получил на них ответа.

⁹ О нем см. наши предыдущие публикации: [Вачева, 2018; Вачева, 2020b].

¹⁰ Нельзя утверждать с уверенностью, кем же была мать А. Соколовой. Наиболее обоснованные предположения касаются полковничьей вдовы Екатерины Ломан, которая постоянно проживала в доме И. И. Бецкого и которую вельможа упомянул в своем завещании [Майков, прил., с. 195]. Шевалье де Корберон в своих записках упрекает г-жу Де Рибас в непочтительном и грубом отношении к матери [Corberon, p. 144].

барышни. Контраст между его книжными, основанными на стереотипах знаниями о жизни русских женщин и ее очаровательным и живым поведением, не вполне вписывающимся в этикет венского двора, заставляет философа интересоваться развитием ее судьбы, перспективами замужества, будущими семейными отношениями. Кроме того, этот сюжет предоставляет возможность обсудить с корреспонденткой социальные аспекты гендерных отношений, проблемы любви, семьи и брака, предрассудки и общественные ожидания по их поводу.

Жамре-Дюваля волнует вопрос выбора, который должна сделать его Биби между супружескими утехами с неизвестным ему «русским Адонисом» и жизнью «весталки», то есть незамужней девицы или монахини:

Я досаую, что русский Адонис, которого я вам желаю, находится далеко, как вы говорите, но буду совсем в отчаянии, если он исчезнет, так как рано или поздно вы его встретите. Прельститесь ли вы тем, чтобы посвятить себя Диане, то есть остаться весталкой на всю жизнь? Это намерение красиво и очень достойно такой смелой Биби. Так вы сохраните свою свободу, наиболее ценное сокровище на свете, и избежите необходимости терпеть рабство, которое знаменитый Мольер описал словами

Ваш пол – таков закон – рожден повиноваться;
 Нам, с бородой, дана и власть распоряжаться.
 Хоть половины две в себе вмещает свет,
 Но равных прав у них не может быть и нет,
 Одна верховная, другая ей покорна,
 Во всем послушна той, чье первенство бесспорно¹¹
 [Duval, t. 1, p. 142].

Эта реплика Арнольфа из «Школы жен» Мольера становится своеобразным лейтмотивом переписки. Она повторяется, когда речь заходит о мужском доминировании и об отсутствии особого выбора для женщин.

Для собеседника Соколовой существенен вопрос о том, какого человека она выбрала бы в супруги. Соблазнится ли она напудренным «Адонисом», причесанным и франтовски одетым, не попадет ли в ловушку подобного молодого человека, ослепившего невинную девицу своим блеском? Поставив вопрос о выборе спутника жизни, автор переходит в том же письме к нравственным принципам корреспондентки. Жамре-Дюваль интересуется отношением собеседницы к немощным старикам, инвалидам, ставшим такими на поле брани, к вдовам и сиротам и заявляет свое намерение быть настоящим Аргусом, следящим за ее поведением. Философ высоко ценит относительную экономическую независимость женщины

¹¹ Перевод стихов из кн.: [Мольер, т. 2, с. 65].

в браке, возможность достойно вступить в семейный союз. В одном из писем он упоминает, что по его воле в его завещание включены деньги на приданое двум бедным девушкам из его родной деревни [Duval, t. 1, p. 165].

Брак по любви является единственно допустимым вариантом в восприятии обоих корреспондентов. Любовь мыслится ими не только как проявление родства душ, взаимного уважения и взаимопонимания. Чувственная сторона брачной жизни также много занимает обоих собеседников. Опираясь на опыт прожитых лет, Жамре-Дюваль многократно советует корреспондентке найти такого «блондина», с которым бы она испытала все наслаждения любви, и «спастись от удручающего и скучного девства» [Ibid., p. 160]. В контексте галантного диалога он не чуждается таких высказываний и намеков, которые, наверное, вводили в краску его далекую собеседницу. Известная доля эротизма была вполне допустима светскими конвенциями времени.

Философ играет в письмах роль ревнивого и страстного влюбленного. В одном из оригиналов писем можно даже увидеть нарисованные им две подушки, которые символизируют возможный брак с Анастасией и уготованное им наслаждение [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 173]. В подобных эпизодах он тут же иронизирует над собой, над своей застенчивостью, «дикостью», не боясь рассказывать нелестные эпизоды из своей жизни. Это повторяющийся в нескольких посланиях и подробно изложенный в мемуарах рассказ о злосчастной попытке в молодости умерить объявивший его любовный пыл по примеру св. Жерома отваром из цикуты, нанесшим непоправимый вред его здоровью, или же насмешки его господина императора Франца, подтрунивавшего над ним за то, что он позволил своей «прекрасной русской» уехать, так и не поцеловав ее. Эти эпизоды жизни злополучного Коридона, его самоирония содержат глубокие послания, касающиеся интимной жизни человека: не надо подавлять естественные импульсы и страсти, надо следовать своей природе.

Надо сказать, мадмуазель Анастасия не осталась в долгу. Несмотря на цензуру, которой подверглись ее письма, ее ответы показывают, что она ловко отшучивается, в совершенстве владея искусством галантного светского диалога¹². Соколова то великодушно «прощает» провинившегося обожателя, то иронизирует над его желанием иметь ее мраморный бюст, опасаясь, что бедный старый философ может простудиться, держа его в постели, что серьезно пошатнет его здоровье [Duval, t. 1, p. 249].

Оба корреспондента часто дискутируют не только по вопросам любовных и супружеских отношений. Один из сюжетов, которые

¹² О значимости этого стиля светского общения при екатерининском дворе см.: [Акимова].

занимают их на протяжении всей переписки, – достоинства прекрасных «Биби». В первую очередь это физическая красота, но также естественность поведения и отказ от слепого следования моде. В одном из первых писем Жамре-Дюваль пишет:

Вы знаете, что в Париже почти у всех дам один и тот же цвет лица. Я хотел бы знать, достигла ли эта отвратительная мания России и знаете ли вы, как от нее предохраниться? Я видел здесь когда-то несколько русских дам, которых я принял за ангелов, чего не случилось бы, если бы их великолепные лица были усеяны мушками и испорченны белилами и румянами [Duval, t. 1, p. 145].

По его мнению, женская красота подчеркивается не новомодными платьями и всякими помпонами, бантами и прочими украшениями. Для него гораздо интереснее национальный костюм, который позволяет выявить естественную красоту дамы, поэтому он просит Анастасию прислать ему свой портрет в одежде черкешенки или грузинки [Ibid., t. 2, p. 30]. Этот акцент на индивидуальность является проявлением новых тенденций в интерпретации человеческой личности, которые зарождаются в эту эпоху. Философ часто вспоминает непоседливую Анастасию, вечно находящуюся в движении:

Биби, которая ходит взад и вперед, поет, прыгает, танцует, беспрестанно смеется и не обращает внимания ни на что, кроме добродетели, должна, однако, думать о вере, чтобы воспользоваться счастливой ситуацией, в которую ее поместило провидение [Ibid., t. 1, p. 163].

Внимание старого философа к прекрасной соседке по театральной ложе, где состоялось знакомство обоих корреспондентов, привлекло ее смущение от внимания со стороны императрицы Марии-Терезии, разглядывавшей покрасневшую русскую гостью в лорнет. По мнению Жамре-Дюваля, «никогда лилии и розы не производили нюансов лучше тех, которые горели на вашем лице» [Ibid., p. 138]. Среди качеств, которые он более всего ценил в собеседнице, ее откровенность и непосредственность, о которой сама мадмуазель Анастасия говорит так:

Мне нравится моя природная жизнерадостность. Моя первая забота, когда я вхожу в туалетную комнату ее величества, говорить все, что приходит мне в голову, не смущаясь, если меня слушают: это верный способ занять слух придворного, всегда жаждущего новостей. Я умею забавлять их, говоря чистую правду, которую они принимают за утонченность. Я рассказываю своим товарищам сказки, чтобы округлить их вытянутые лица; я объявляю ее величеству всех, кто приходит, после того, как хорошенько оглушу их. Таковы служебные обязанности блаженной Биби; да, мой друг, она такая, потому что ей доставляет удовольствие радовать вас и покорять такое сердце, как ваше [Ibid., t. 2, p. 106].

Директор Медальерного кабинета при венском дворе был очарован не только красотой, но и умом и образованностью русских посетительниц – графини Е. П. Шуваловой, А. М. Строгановой, самой Соколовой, а также тем, что он знал о ее покровительницах – принцессе А. И. Гессен-Гомбург и княгине Е. Д. Голицыной. Особенно сильное впечатление на него произвели воспитание, ум и искренность Анастасии, которых философ не подозревал в русской барышне: «Я был удивлен, что в вашем возрасте Биби, родившаяся на диких берегах Танаиса (Дона) или Волги, говорила только на чистом языке вежливости и разума» [Duval, t. 1, p. 154–155].

Такой эрудит, каким был Дюваль, считает просвещение ума прекрасных дам обязательным условием их социального успеха и непрерывным процессом, который не заканчивается с юностью. В переписке философ занимает характерную мужскую роль наставника, который старается направлять и развивать мышление своей корреспондентки. В начале обмена письмами он интересуется, продолжает ли читать удивившая его своими знаниями и рассуждениями юная дама, сколько времени она уделяет чтению и, главное, что читает. Он считает, что как она украшает каждый день наилучшими бантами и бриллиантовыми булавками свою прическу, так же надо позаботиться и о добродетелях ума и сердца, так как душа нуждается в ежедневном уходе [Ibid., p. 145]. Его интересует, увлекается ли она лишь легкими романами типа приключений принца Фанфередина¹³ или же склонна читать серьезные книги. Он высказывает неудовольствие тем, что корреспондентка не поддерживает уровень знания французского языка, ранее являвшийся блестящим, и допускает непростительные орфографические ошибки:

Прошу любезную Биби сообщить мне новости о себе и [объяснить], почему после своего возвращения из Парижа она так сильно пренебрегает французской орфографией. Если бы я был рядом, то каждая ошибка наказывалась бы поцелуем – верное средство заставить ее быть безгрешной [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 108].

Интересно, что выросшая на периферии блестящей французской интеллектуальной и артистической элиты середины XVIII в.¹⁴ Соколова сначала очевидно подыграла этой претензии старого философа. Из одного из первых писем видно, что она отлично сыграла роль невинной девушки, благодаря нового венского знакомого за предо-

¹³ Роман Г.-Х. Бужана.

¹⁴ Соколова была ученицей знаменитой в то время трагической актрисы мадмуазель Клерон, состоявшей в близких дружеских связях с госпожой Жоффрен и княгиней Е. Д. Голицыной, князем Д. М. Голицыным, И. И. Бецким. К этому кругу была причастна и пребывавшая тогда в изгнании княгиня Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская, мать Екатерины II [см.: Бильбасов, т. 1, с. 545–617]. В письмах русской императрицы к госпоже Жоффрен упоминается переписка между хозяйкой престижного парижского салона и камер-юнгферой русского двора [см.: Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен, с. 262].

стережение не читать какой-то «опасный» для добродетели французский роман [Duval, t. 1, p. 155]. С течением времени камер-юнгфера императрицы, основная обязанность которой при дворе состояла в том, чтобы занимать беседами посетителей, ожидавших приема, показывает, что она не случайно была выбрана для этой роли. Соколова демонстрирует широчайшую осведомленность в самых разных областях. Она хорошо знает не только античную классику, но и современную литературу¹⁵, разбирается в искусстве, но также и в научных трудах своего времени по географии, истории, философских сочинениях и пр. Сам факт того, насколько удачно и с учетом интересов корреспондента она подбирает ему подарки и ведет, вероятно, не без содействия своей высочайшей покровительницы своеобразную «дипломатию», выгодно представляющую Россию и ее разнообразную культуру перед венскими друзьями и покровителями Дюваля, говорит о ее уме и умении и понравиться адресатам, и использовать представившуюся ситуацию.

Читательский репертуар, обсуждавшийся в переписке на протяжении всех 13 лет обмена посланиями, чрезвычайно богат и разнообразен [см.: Вачева, 2020a]. Дюваль рекомендует ей многие заглавия для чтения и рассыпает по письмам цитаты из литературных текстов, очевидно, рассчитывая на хорошее их знание со стороны собеседницы. Таким образом, диалог становится сравнительно равноправным. В дошедших до нас ответах Соколова изъясляет свое мнение, которое может в некоторой степени противоречить мнению ее «ментора». Особенно показательным является мнение, высказанное ею по поводу «дуэли» аббата Шаппа д'Отероша и пока что анонимного (для нее) автора «Антидота». Трудно сказать, имела ли какое-то представление камер-юнгфера о том, что ее сиятельная покровительница и есть автор «Антидота», но она выражает свое неудовольствие и от «Путешествия в Сибирь» аббата д'Отероша, и от анонимно опубликованного ответа на него: «Я читала “Антидот” и аббата де Шаппа; и в обоих истина отсутствует, и они мне совсем не нравятся» [Duval, t. 2, p. 177]. Другое издание, сильно не понравившееся камер-юнгфере, чтение которого ей кажется потерянным временем, четырехтомная «История иудейской войны» Иосифа Флавия [Ibid., p. 209].

Жамре-Дюваль с исключительным интересом следил за воспитательными программами образовательных институций, основанных по инициативе И. И. Бецкого, – Воспитательного дома и Смольного института благородных девиц. Его корреспондентка с гордостью заявляет: «Все те, кто видел Сен-Сир и прочие подобные учреждения, говорят, что наши их превосходят и невозможно их сравнивать» [Ibid., p. 316]. Жамре-Дюваль читает с интересом уставы обоих учреждений

¹⁵ Одним из средств, которыми госпожа Де Рибас производила неизгладимое впечатление на современников, было ее умение цитировать длинные пассажи из произведений Вольтера, усвоенное от ее учительницы мадмуазель Клерон, прославленной исполнительницы центральных женских ролей в трагедиях фернейского мудреца.

и, как показывают не вошедшие в печатный вариант отрывки из его писем, знает достаточно хорошо дела Смольного. В 1769 г. его сильно занимала отставка в результате недостойной интриги первой директрисы института княгини Анны Сергеевны Долгоруковой. Это заставляет философа порассуждать о возможной кандидатуре новой руководительницы и нужных ее качествах:

Но если прославленная принцесса, которая по своему рождению и своим заслугам какое-то время возглавляла благородное сообщество, ушла из нее, утомленная, как говорят, мелкими придирами и глухими интригами человека ее пола, но занимающего гораздо более низкое положение в обществе, признаюсь, я не мог не быть чувствительным к этому. Я много раз думал, что если бы в России нашлась вдова средних лет довольно высокого ранга, которая хорошо справлялась бы со всеми обязанностями, связанными с домашним хозяйством, внушительная величественная фигура, к тому же обладающая моральными и гражданскими качествами, в отношении которых ваш пол более чувствителен, чем наш, и если бы из любви к родине она посвятила себя формированию нравов вашего прославленного сообщества, я бы с уважением посмотрел на нее как на второго человека в вашей империи. Но где ее найти? Несомненно, между небом и землей, потому что в этом мире есть все. Тот, кто сказал «Ищите, и обрящете», знает, что говорит [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 190].

Особенно интенсивно рассматриваемая переписка происходила в последние годы жизни Жамре-Дюваля, совпавшие с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. При помощи своей корреспондентки философ старался получать из первых рук информацию о развитии военных действий. Оба участника эпистолярного диалога пристально следили за каждым событием противостояния России и Османской империи. В письмах находит прямое отражение официальный российский дискурс в интерпретации войны как борьбы за восстановление античного наследия, освобождение христиан и победу над неверными. Кроме того, Дюваль видит в желанной победе над турками многие возможности для торговли и экономического сотрудничества России и Европы. Помимо множества других тем, война 1768–1774 гг. активизирует женскую тему.

Уже звучавшая ранее тема мужского доминирования и насилия над женщинами приобретает новые измерения. В интерпретации корреспондентов на этот раз жертвами варварства являются заключенные в сералях одалиски, а также многочисленные пленницы турак, татар и черкесов. Например, оба участника диалога пристально следят за освобождением войсками генерала Тотлебена из плена из 50 русских женщин, захваченных в пределах Российской империи.

Письма периода войны выдержаны в игровом тоне. Само начало войны представлено как желание великого визиря или султана захватить прекрасную Анастасию, чтобы иметь ее в серале. Сама Анаста-

сия уподобляется второй Роксолане и в качестве любимой султанши собирается дать волю невольницам. Она считает, что всем европейским женщинам надо объединиться и уподобиться амазонкам, вооружившись с ног до головы, чтобы помочь освобождению своих сестер из оттоманского плена [Duval, t. 2, p. 176]. До осуществления этого намерения в качестве любимой наложницы султана она собирается завести «комедию» (театр), которого нет у нецивилизованных турок, и позаботиться о сестрах по судьбе. Философ, в свою очередь, сомневается, что ей удастся, как первой Роксолане, дать свободу 400 или 500 соперницам и изменить фундаментальные законы Оттоманской империи [Ibid., t. 1, p. 312]. Иронический тон подобных заявлений в письмах обоих корреспондентов находится в параллели с официальным дискурсом российской политики того времени, который ставил акцент на непросвещенности, глубоком варварстве, жестокости противника, то есть на тех стереотипных представлениях, которые традиционно доминировали в отношении России.

Обсуждение невежества и грубых нравов как средств подавления женщин присутствует в переписке также в контексте, связанном со старообрядчеством, к которому Жамре-Дюваль испытывает сильный интерес. Философ так и не может понять трагедию русского раскола и воспринимает его исключительно через призму семейных отношений. В его восприятии старообрядчество, отвергнутое официальной церковью и лишенное официальных религиозных ритуалов, аналогично разврату и предполагает унижение женской личности. Лишь под конец жизни, заполнив чтением многие пробелы в своих знаниях о духовной жизни русских, он начинает понимать, что причины конфликта выходят далеко за рамки быта:

Я начинаю понимать яснее историю ваших несчастных раскольников.

Увы, это ваши невежественные и коррумпированные монахи и отшельники развратили их, и вы обязаны этим отвратительному лицемерию и предрассудкам греческих вельмож,

– отмечает он в позднем неизданном письме [РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435. Л. 128 об.]. Однако в начале переписки Дюваль интересуется «галантным обществом раскольников», которое пользуется невинными жертвами в лице женщин и девушек, принуждая их к незаконному сожителству вне священных уз брака. Особенно сильное впечатление производит на него эпизод из полемического сочинения св. Димитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере» о тройственном союзе супружеской пары с молодой девушкой, скрытом за благообразными проповедями «истинной» веры¹⁶. Таким образом, эта тема связывается с другой, сильно интересующей философа, – о вере, предрассудках и суевериях.

¹⁶ Это сочинение Дюваль получает от самой императрицы Екатерины II, которая отдает Соколовой свой экземпляр редкой книги [Duval, t. 1, p. 184].

Единственное средство усовершенствования русского общества, по Дювалю, это радикальные реформы, предпринятые Минервой (или, как он предпочитает ее почаше называть, Фемидой) на троне, плоды которых философ начинает видеть после долгих лет знакомства с русскими и при посредничестве его «Биби». Дюваль пишет А. Соколовой с благодарностью:

Но вы, моя красавица, чего только не сделали для меня, после того как счастливейший случай подарил мне любезное знакомство с вами! Именно благодаря вам произошло одно из главных событий моей жизни – то, что я не так уж невежественен насчет роскошной области, в которой вы обитаете. У меня были только смутные представления о ней, как у покойного аббата Шаппа, и именно вы исправили их, предоставив столь прочные и столь верные свидетельства [Duval, t. 2, p. 78].

Рассмотренные аспекты восприятия женской индивидуальности дополняют картину российской жизни, какой ее видел человек необыкновенной судьбы, философ и эрудит, авторитет для многих поколений европейцев.

Библиографические ссылки

Акимова Т. И. Литературное творчество Екатерины II: «галантный диалог» в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры) : дис. ... докт. филол. наук. М. : [Б. и.], 2015. 465 с.

Бильбасов В. А. История Екатерины II : [в 2 т.]. Берлин : Изд. Фр. Гройтнера, 1900. Т. 1. 659 с. Т. 2. 830 с.

Вачева А. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 4. С. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Вачева А. Книгите събития в кореспонденцията на Валентин Жамре-Дювал и Анастасия Соколова (1762–1774) // *Дългият XVIII век 3. Хартиени революции. Ръкописните и печатни издания като идеологически инструменти*. 2020а. С. 7–18.

Вачева А. Издание переписки В. Жамре-Дюваля с А. Соколовой как пример пропагандистской политики Екатерины II // *Диалог со временем*. 2020b. Вып. 73. С. 155–167. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.006.

Кознаков С. Н. Дочь Бецкого и «философ» Дюваль // *Старые годы*. 1916. № 10–12. С. 3–73.

Майков П. М. Иван Иванович *Бецкой*: опыт его биографии. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1904. 772 с.

Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений : в 4 т. Л. : Academia, 1937. Т. 2. 749 с.

Монтеस्कьё Ш.-Л. Персидские письма. М. : ГИХЛ, 1956. 398 с.

Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен // *СИРИО*. 1867. Т. 1. С. 253–291. РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Франц. № 11. Д. 1435.

Corberon M.-D. Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780) : *Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie* : [in 2 t.] / *publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-H. Labande*. Paris : Librairie Plon, 1901. Т. 1. 366 p.

Duval V. J. *Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie* : en 2 t. St Pétersbourg &&& Strasbourg : Chez J. G. Treuttel, 1784. Т. 1. 320 p. Т. 2. 336 p.

Jamerey-Duval V. *Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIII siècle / avant-propos, introduction, notes et annexes par J.-M. Goulemot*. Paris : Le Sycomore, 1981. 423 p.

Jamerey-Duval V. Correspondance de Valentin Jamerey-Duval, bibliothécaire des Ducs de Lorraine : [in 3 t.] / éd. critique établie par A. Courbet. Paris : Honore Champion, 2019. T. 3. 1182 p.

References

Akimova, T. I. (2015). *Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny II: "galantnyi dialog" v sisteme avtorskikh strategii (istoki, funktsii, zhanry)* [Literary Work of Catherine II: "Gallant Dialogue" in the System of Author's Strategies (Origins, Functions, Genres)]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow, S. n. 465 p.

Bil'basov, V. A. (1900). *Istoriya Ykateriny II* [History of Catherine II]. Berlin, Izdanie Fr. Groitnera. Vol. 1–2. 659 + 830 p.

Corberon, M.-D. (1901). *Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780). Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie in 2 t.* / publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L. – H. Labande. Paris, Librairie Plon. T. 1. 366 p.

Duval, V. J. (1784). *Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie in 2 t.* St Pétersbourg, Strasbourg, Chez J. G. Treuttel. 320 + 336 p.

Jamerey-Duval V. (2019) *Correspondance de Valentin Jamerey-Duval, bibliothécaire des Ducs de Lorraine in 3 t.* / éd. critique établie par A. Courbet. Paris, Honore Champion, 2019. T. 3. 1182 p.

Jamerey-Duval, V. (1981). *Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIII siècle* / avant-propos, introduction, notes et annexes par J.-M. Goulemot. Paris, Le Sycomore. 423 p.

Kaznakov, S. N. (1916). Doch' Betskogo i "filosof" Dyaval' [Betskoy's Daughter and the Philosopher Duval]. In *Starye gody*. No. 10–12, pp. 3–73.

Maikov, P. M. (1904). *Ivan Ivanovich Betskoi: opyt ego biografi* [Ivan Ivanovich Betskoy: An Attempt at His Biography.]. St Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 772 p.

Molière, J.-B. (1937). *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works. 4 Vols.]. Leningrad, Academia. Vol. 2. 749 p.

Montesquieu, Ch.-L. (1956). *Persidskie pis'ma* [Persian Letters]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 398 p.

Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k gospozhe Geoffrin [Letters of Empress Catherine II to Mme Geoffrin]. (1867). In *SIRIO*. Vol. 1, pp. 253–291.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 181. List 16. Frants. No. 11. Dos. 1435.

Vacheva, A. (2020a). Knigite s"bitiya v korespondentsiyata na Valentin Zhamre-Dyuval i Anastasiya Sokolova (1762–1774) [The Books-Events in the Correspondence of Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774)]. In *D"lgiyat XVIII vek 3. Khartienni revolyutsii. R"kopisnite i pechatni izdaniya kato ideologicheski instrumenti*, pp. 7–18.

Vacheva, A. (2020b). Izdanie perepiski V. Zhamre-Dyuvalya s A. Sokolovoi kak primer propagandistskoi politiki Ekateriny II [The Publication of the Correspondence of V. Jamerai-Duval and A. Sokolova as an Example of Catherine the Great's Propaganda Policy]. In *Dialog so vremenem*. Vol. 73, pp. 155–167. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.006.

Vacheva, A. (2018). Russkie i Rossiya v perepiske Valentina Zhamre-Dyuvalya i Anastasii Sokolovoi (1762–1774) [The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 4, pp. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

The article was submitted on 22.01.2024

**Социокультурные и дидактические аспекты личной
переписки М. М. Сперанского с дочерью и британскими
родственниками супруги***

Ксения Созинова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's
Personal Correspondence with his Daughter and British
Relatives of his Wife****

Kseniya Sozinova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores the connections that M. M. Speransky had with the relatives of his prematurely deceased wife, Elizabeth Jane Stephens. Her mother came from the Swiss family of Planta, who had moved to England in 1752. Methodologically, this research is based on the “new biographical history” or “new biography”, the methods of microhistory and the gender principle in biographical research. The author reconstructs the nature of Speransky's interaction with the Planta family on the basis of correspondence preserved in his collection in the Department of Manuscripts of the Russian National Library with Joseph Planta the Elder (1744–1827), Director of the British Museum, and with his son, Joseph Planta the Younger (1787–1847), who held a post in the Foreign Office. Joseph Planta the Elder was a prominent intellectual of his time, and his son was directly connected with the British Foreign Office during one of the most turbulent periods in European history, and such connections could not but leave their mark on Speransky's

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

** *Citation*: Sozinova, K. (2024). Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's Personal Correspondence with his Daughter and British Relatives of his Wife. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 539–556. DOI 10.15826/qr.2024.2.894.

Цитирование: Sozinova K. Socio-cultural and Didactic Aspects of M. M. Speransky's Personal Correspondence with his Daughter and British Relatives of his Wife // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 539–556. DOI 10.15826/qr.2024.2.894 / Созинова К. Социокультурные и дидактические аспекты личной переписки М. М. Сперанского с дочерью и британскими родственниками супруги // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 539–556. DOI 10.15826/qr.2024.2.894.

own life. The author concludes that the maintenance of long-term links with his wife's family, with whom Speransky was not personally acquainted, testifies to the importance of these family ties, both for Speransky himself and for his daughter. Speransky actively encouraged and supported his daughter's correspondence with Barbara Planta, her grandmother's sister, and sought to provide his daughter with a European education, with an emphasis on the study of foreign languages, including English. It is concluded that the correspondence with the Planta family allowed Speransky himself to feel involved in both British and European culture, and to raise his daughter in this paradigm, instilling in her a European identity.

Keywords: M. M. Speransky, Elizaveta Speransky, Joseph Planta, British Museum, private relations, personal history

Исследуются связи М. М. Сперанского с родственниками его рано ушедшей из жизни супруги англичанки Элизабет Джейн Стивенс, мать которой происходила из швейцарского семейства Планта, переехавшего в Англию в 1752 г. Методологией исследования выступают «новая биографическая история» (или «новая биографика»), а также методы микроистории и гендерный принцип биографических исследований. Реконструкция характера взаимодействия Сперанского с семейством Планта проводится на основе сохранившейся в его фонде в ОР РНБ переписки с Джозефом Плантой старшим¹ (1744–1827), директором Британского музея, и с его сыном Джозефом Плантой младшим (1787–1847), занимавшим пост в Форин-офисе. Дж. Планта старший являлся видным интеллектуалом эпохи, а его сын был непосредственно связан с внешнеполитическим ведомством Великобритании в один из самых турбулентных периодов европейской истории, и очевидно, что такие связи не могли не оставить след в жизни самого Сперанского. Автор приходит к выводу, что сохранение длительных связей с членами семьи супруги, с которыми Сперанский не был лично знаком, свидетельствует о важности данных семейных уз как для самого Сперанского, так и для его дочери. Сперанский активно поощрял и поддерживал переписку дочери с Барбарой Планта, родной сестрой ее бабушки, а также стремился дать дочери европейское образование с акцентом на изучении иностранных языков, в том числе и английского. Сделан вывод, что переписка с семейством Планта позволяла Сперанскому ощутить сопричастность как с британской, так и с европейской культурой, а также воспитать дочь в данной парадигме, прививая ей европейскую идентичность.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Элизавета Сперанская, Джозеф Планта, частные связи, персональная история, эго-документы

В отечественной историографии существует обширный корпус работ, посвященных государственной и реформаторской деятельности М. М. Сперанского, но к его частной жизни исследователи обращались

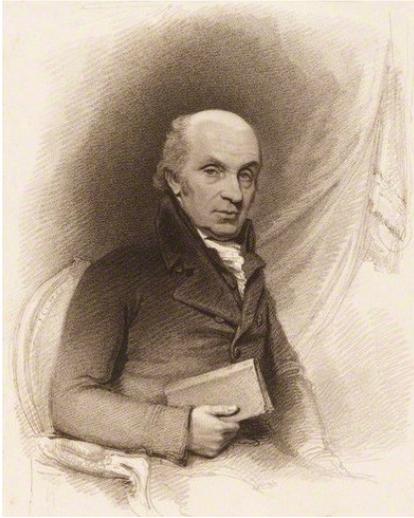
¹ Здесь и далее, чтобы исключить путаницу в именах родственников супруги Сперанского, дядя Элизабет Стивенс Джозеф Планта (1744–1827) будет именоваться старшим, а его сын Джозеф Планта (1787–1847) – младшим.

достаточно редко. На этом фоне выделяется дореволюционная биография М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (1861), который был младшим современником Сперанского и имел возможность работать с оставшимися после него бумагами и документами. Именно барон Корф после смерти Сперанского получил «приказание государя в случае кончины больного (Сперанского. – К. С.) запечатать его кабинет для отобрания бумаг, относившихся к служебным его обязанностям» [Корф, т. 2, с. 357]. Корф отмечал, что связывался со многими родственниками и людьми, близко знавшими Сперанского, для установления подлинных обстоятельств и деталей его жизни. Также в 1849–1861 гг. Корф занимал должность директора Императорской публичной библиотеки (ныне – РНБ), куда в 1857 г. дочь Сперанского Елизавета Михайловна Фролова-Багреева передала оставшийся после отца архив. Как справедливо отмечал в предисловии к новому изданию бумаг реформатора «В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872» А. Ф. Бычков, занявший пост директора библиотеки в 1882 г., его предшественник М. А. Корф пользовался большей частью доступных архивных материалов, «но, несмотря на это, они, напечатанные в целости и в совокупности, быть может, представят несколько новых данных для характеристики Сперанского и его эпохи» [В память графа, с. II]. Современные авторы обращаются к биографии, написанной Корфом, как к первоисточнику. Фрагментарно к частной жизни Сперанского обращались и современные исследователи [Томсинов; Минаева].

Брак видного интеллектуала эпохи и реформатора М. М. Сперанского с англичанкой² Элизабет Джейн Стивенс важен в разных личностных и историко-культурных аспектах, но в зарубежной историографии интерес к этому событию практически отсутствует, хотя можно выделить ряд работ, посвященных семейству Планта, из рода которого происходила Элизабет. Исследователей чаще всего привлекает фигура Джозефа Планты старшего. Следует отметить более активное внимание к этому вопросу со стороны немецкоязычных исследователей, но для них на первом месте остаются его происхождение и реконструкция англо-швейцарских интеллектуальных связей. Отдельно можно выделить работу швейцарского исследователя М. Бадиллатти, в которой приводятся подробные биографические сведения и описан научный вклад Джозефа Планты в изучение романшского языка [см.: Badilatti]. В британской историографии интерес к его фигуре удовлетворяется лишь рядом биографических статей [см., например: De Beer].

Целью данной работы является реконструкция роли британских семейных связей в жизни М. М. Сперанского на основе сохранившейся его переписки с родственниками жены со стороны матери, а именно – со старшим Плантой (1744–1827), директором Британского музея,

² Несмотря на то, что семейство Планта имело швейцарское происхождение, Элизабет Джейн Стивенс принадлежала уже ко второму поколению семьи, рожденному на территории Англии, для представителей которого английский язык являлся родным.

Ч. Пикарт. Портрет Дж. Планты старшего по гравюре Г. Эдриджа. 1812. Изображение с сайта «Archives Georg Fischer». <https://archives.georgfischer.com/>
Ch. Picart. Portrait of J. Planta the Elder based on H. Edridge's engraving. 1812

и с его сыном, которого звали, как и отца, Джозеф (1787–1847). Последний занимал пост в Форин-офисе и был личным секретарем министра иностранных дел Великобритании [ОР РНБ. Ф. 731]³.

Исследователей биографии Сперанского озадачивал его матримониальный выбор иностранки без приданого и связей, тогда как его восходящая карьера открывала более заманчивую перспективу продвижения по службе через женитьбу [см., например: Южаков, с. 19]. Брак Сперанского был коротким и весьма драматичным. Его молодая супруга умерла вскоре после родов. Он глубоко переживал потерю жены и так больше и не связал себя узами брака, единственным его утешением стала дочь: «никто и ничто не даст уже мне участия на сей земле, где привязан я одною

только дочерью и где каждую минуту теперь чувствую, что такое жить по необходимости, а не по надежде» [цит. по: Корф, т. 1, с. 77]. Любовь к жене Сперанский перенес на ее близких, укрепляя и поддерживая семейные связи с британскими родственниками.

Его знакомство с будущей супругой состоялось в доме у А. А. Самборского⁴. В конце 1760-х гг., будучи в Лондоне⁵, Самборский познакомился со многими выдающимися интеллектуалами своего времени. Среди них был руководитель отдела рукописей Британского музея Джозеф Планта. Впоследствии последнему пришлось просить Самборского о посредничестве в устройстве судьбы своей овдовевшей сестры Элизы Стивенс (в девичестве Планта) в России, которая

³ В фонде РНБ № 731 (Сперанский М. М.) письма отца и сына Планта объединены в одно дело, тогда как они были написаны разными людьми (письма от 1807, 1816, 1817 гг. принадлежат перу старшего Планты, а письма, подписанные ведомством иностранных дел за 1822 и 1826 гг., младшему. Автором данной работы ранее уже предпринималась реконструкция частной жизни Сперанского на основе сохранившихся писем к нему его невесты и жены Элизабет Джейн Стивенс [см.: Созинова].

⁴ В биографии Сперанского М. А. Корф приводит интересную версию семейной мифологии: «По семейным преданиям, Елисавета Стивенс, родившаяся во время пребывания Самборского в Лондоне, была его крестницей, и по этому случаю Сперанский, когда выбрал себе ее в невесты и испрашивал на брак свой благословление родителей, писал им, что после давнего знакомства с протоиреем Самборским провидение соединяет их с ним теперь родством» [Корф, т. 1, с. 72].

⁵ В Лондоне А. А. Самборский был назначен с начала псаломщиком (с 1765 г.), а затем настоятелем Русской Успенской церкви (1769–1780).

и перевезет в Петербург своих дочерей Элизабет и Марианну и сына Фрэнсиса. Самборскому удалось устроить ее гувернанткой в один из лучших домов в России – к графу А. П. Шувалову.

Реконструкция социальных связей родственников Элизабет Стивенс может отчасти пролить свет на проявление интереса Сперанского к юной особе, не имевшей состояния, но происходившей из семьи с богатой интеллектуальной традицией, и выявить обстоятельства сохранения длительных связей между семьями. Более четверти века Сперанский поддерживал связь с лондонскими родственниками супруги, с которыми даже не был лично знаком⁶. В этой переписке также с детства участвовала его дочь Елизавета, что вписывается в концепцию важности семейных ценностей и формирования у Сперанского чувства сопричастности к британской культуре и самоощущения себя как человека «внутри европейской культуры». М. А. Корфф отмечал, что Сперанский за время непродолжительного брака «усвоил себе многие привычки английской домашней жизни, которым оставался верен до гроба» [Корфф, т. 1, с. 74].

Джозеф Планта старший и Британский музей

Швейцарское семейство Планта было издавна связано с педагогической, наставнической и воспитательной деятельностью. Отец Джозефа Планта старшего Андреас Планта (1717–1773) работал при дворе Карла Вильгельма Фридриха маркграфа Бранденбург-Ансбаха (1712–1757) и его супруги Фридерики Луизы Прусской (1714–1784), младшей сестры Фридриха II (1712–1786), в качестве воспитателя наследного принца Карла Александра (1736–1806) [Badilatti, S. 9]. Семейство Планта переехало в Англию в 1752 г., когда Андреас Планта получил должность проповедника в немецкой реформатской церкви в Лондоне. Благодаря знанию языков в 1758 г. он стал помощником библиотекаря Британского музея. В 1770 г. он был избран членом Лондонского Королевского общества (F. R. S.) [De Beer, p. 11–12]. Помимо этого Андреас Планта занимался частной преподавательской деятельностью, которая позволила его детям поступить на службу в лучшие британские дома: он обучал итальянскому языку королеву Шарлотту, супругу Георга III, и французскому – Мэри Элеонору Боуз, будущую графиню Стратмор и Кингхорн. Четыре из шести дочерей⁷

⁶ Елизавета Сперанская встречалась с родственниками в Англии в 1840 г., о чем свидетельствуют ее воспоминания, составленные по запросу М. А. Корффа, когда он работал над биографией Сперанского [РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 7].

⁷ Известно об одном сыне Джозефе и шести дочерях Андреаса Планта: старшая дочь Анна, возможно, эмигрировала в Америку; Фредерика (ок. 1751–1778) и Маргарет (ум. 1834) служили гувернантками при королевской семье; Элизабет (позднее – миссис Пэриш) (1740/41–1823) работала гувернанткой при Мэри Элеоноре Боуз; Анна Элиза (ок. 1757–1816, позднее Элиза Стивенс или, как ее называли в России, Елизавета Андреевна) заменила свою сестру у Боузов в июле 1776 г.; Урсула Барбара (1760–1834) упоминается в завещании Мэри Элеоноры Боуз, в поздние годы жила в сельской местности вместе с Маргарет [Moore, p. 340; Hartmann, S. 207].

Андреаса Планты связали свою жизнь с педагогической деятельностью и стали гувернантками, в частности, участвовали в обучении и воспитании дочерей короля Георга III [см.: Fraser].

Сыну Джозефу пришлось пойти по стопам своего отца и начать карьеру в Британском музее⁸. Как и отец, уже в 1774 г. он стал членом Королевского общества [Voas Hall, p. 9]. Начиная с 1776 г. в течение более двух десятков лет Дж. Планта занимал должность руководителя отдела рукописей Британского музея. После смерти старшего библиотекаря Чарльза Мортон в 1799 г. Георг III назначил Дж. Планта на эту должность. М. Бадиллатти отмечает: «В качестве старшего библиотекаря Планта фактически займет должность директора Британского музея» [Badilatti, S. 12]⁹.

Дж. Планта старший внес значительный вклад в реформирование Британского музея. До того, как он вступил в должность главного библиотекаря, музей являлся скорее элитарным тайным сообществом, нежели публичным учреждением [Ibid.]. Он был открыт для посещений всего три часа в день, а вход осуществлялся только по лично утвержденному заведующим письменному заявлению. В час допускалось одновременно не более десяти посетителей. Планта неоднократно пытался ослабить правила доступа, однако этот процесс затянулся вплоть до 1808 г., когда произошла «официальная либерализация» правил посещения музея [Howald, S. 124]. Вследствие этого увеличилось количество посетителей в читальных залах с 200 в 1799 г. до 515 в 1820 г. [Beer, p. 13]. Еще более успешной оказалась либеральная политика Планты в организации художественных выставок: в 1805 г. их посетило почти 12 тыс., а в 1817 г. – 40 тыс. чел. [Ibid., S. 124]. Не менее эффективной стала и деятельность Планты по расширению музейных коллекций. Именно при нем Британский музей приобрел розеттский камень (1802), а также скульптуры Парфенона из Афинского акрополя (1817) [Ibid.].

8 июня 1814 г. Британский музей посетил Александр I вместе со своей сестрой Екатериной. Этот факт зафиксировал журнал “Gentleman’s Magazine”, в котором был опубликован «Дневник действий союзных государей», где посещение Британского музея занимает всего одну строчку из насыщенного распорядка дня российского императора [Gentleman’s Magazine, vol. 115, p. 613]. Однако в небольшой статье в «Биографическом словаре», посвященной Дж. Планта, упоминается именно этот эпизод как самый яркий момент его биографии.

⁸ Важной вехой в образовании Дж. Планты стала учеба в Утрехте и Геттингене, где он изучал право и филологию, надеясь на дипломатическую карьеру. В Брюсселе он служил секретарем британского министра, позднее был назначен казначеем Британского армейского управления в Лондоне. Однако «преждевременная смерть его отца Андреаса в феврале 1773 г. открывает в тот момент 29-летнему Джозефу возможность унаследовать должность, которую отец занимал в Британском музее с 1758 г.» [Badilatti, S. 11].

⁹ Здесь и далее перевод архивных и опубликованных источников на русский язык автора статьи.

Дж. Планте выпала честь познакомить русского императора с национальной коллекцией, при этом последний заметил, что фонды Парижского музея представляют более ценные экспонаты, на что Планта парировал: «Вашему величеству следует учитывать, что у нас нет ничего, что было бы приобретено нечестным путем» [A Biographical Dictionary, p. 275].

Предпринятые Дж. Плантой реформы Британского музея соответствовали духу времени, они фиксируют переход к новому пониманию культуры, которая постепенно утрачивала свой элитарный характер и становилась массовой или демократической. Широкий доступ к музейным коллекциям и библиотеке открывал для посетителей новые образовательные возможности, недоступные ранее. Стремление к реформированию и преобразованию действительности во многом роднило Дж. Планту и М. М. Сперанского, они были близкими по духу людьми. Дж. Планта был не меньшим реформатором, чем Сперанский, хотя и в одной отдельно взятой области.

Для семейства Планта было характерно повышенное внимание к лингвистической подготовке, включавшей обучение детей древним языкам. Как указывают биографы Дж. Планты старшего, он владел в равной степени четырьмя языками (романшским, немецким, итальянским, английским), к которым очень рано прибавился французский [Badilatti, S. 9]. Это же относится и к сестрам Джозефа, которые росли в полилингвальной среде, с оговоркой, что девочек в Англии было не принято обучать древним языкам. Фредерика Планта владела семью языками, включая латынь и греческий, что выгодно выделяло ее среди претенденток на службу гувернанткой при королевской семье [Fraser, p. 24]. Мать Элизабет Стивенс знала, помимо английского, итальянский и французский, об этом сообщил А. А. Самборскому Дж. Планта старший, когда пытался устроить ее на службу в Смольный институт [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2323. Л. 2].

Сперанский также желал, чтобы его дочь свободно владела этими языками. Елизавета достаточно хорошо владела английским. Наибольшую проблему для нее представлял итальянский язык, и Сперанский настаивал, чтобы она его непременно освоила. На этот вопрос он неоднократно обращал внимание в письмах к дочери из Сибири:

Итальянский твой язык есть последняя черта моих о тебе желаний. Окончив ее, кажется, все будет окончено, что было начато, и без тщеславия можно быть покойным. Ты не отстанешь от своего века, сколько бы ход образования его ни был обширен и стремителен. Все двери познаний, все источники чистых удовольствий тебе открыты [Письма Сперанского, с. 194–195].

Немалое место в жизни Сперанский отводил религии, познание которой также было тесно связано с лингвистической подготовкой. Он настаивал на том, что дочери необходимо продолжать читать

Евангелие, и обращался к ней: «и весь вообще Новый Завет на славенском, а не на русском языке. В местах или в словах затруднительных тебе легко определить смысл по английскому» [Письма Сперанского, с. 43]. Сам он тоже владел английским, но не в совершенстве, в отличие от французского, что доказывают сохранившиеся черновые ответы Сперанского на английском языке на письма британских миссионеров в Сибири. М. А. Корф полагал: Сперанский был убежден, что англичанки – это лучшие на свете гувернантки. За его новорожденной дочерью была вызвана ухаживать няня его супруги¹⁰, а к внуку Михаилу также впоследствии была нанята англичанка Сара Бенсон [Корф, т. 2, с. 291–292]. Сперанский задействовал все свои связи на этапе отправки гувернантки из Англии, что было непростым делом.

Елизавета Сперанская также попробует себя на педагогическом поприще, хотя известность ей принесет литературное творчество, в том числе и для детей. В своем письме 1819 г. из Иркутска Сперанский отмечает: «поздравляю тебя в звании учительницы детей. Весьма не худо учить и лучший способ учиться. Ты будешь со временем Miss Edgeworth»¹¹ [Письма Сперанского, с. 30].

Переписка М. М. Сперанского со старшим и младшим Планта

Тяжело пережив утрату супруги, М. М. Сперанский так и не женился повторно. Центром его маленькой вселенной стала его единственная дочь Елизавета, а ее воспитание и образование, устройство ее судьбы стали его жизненными приоритетами. Сперанский пытался восполнить отсутствие матери в жизни дочери присутствием в ней других ее близких родственников – бабушки и тетушки Марианны. Переписка со старшим и младшим Плантами свидетельствует о важности для него сохранения валентности семейных связей. Вовлекая в переписку свою дочь, он давал ей возможность соприкоснуться с миром ее матери, почувствовать сопричастность с ее родной культурой, которую уже в полной мере не могли передать ее бабушка и тетя, долгое время жившие в России. Кроме того, сам Сперанский видел в Дж. Планте старшем равного интеллектуального партнера. Их отцы, выходцы из священнического сословия, блестяще владели французским и оба были увлечены идеями реформирования общества.

Меньше всего известно о судьбе младшей сестры Дж. Планты старшего Урсулы Барбары Планта (1760–1834), предположительно, она не работала, а в поздние годы жила со своей сестрой Маргарет

¹⁰ М. А. Корф указывает, что мисс Джойс присматривала за детьми Элизы Стивенс в Англии и привезла их в Санкт-Петербург, когда на это было получено разрешение графини Шуваловой. Неизвестно, почему дети находились на ее попечении, а не на попечении семейства Планта. Позднее мисс Джойс вышла замуж за мастерового канатной фабрики англичанина Скота в Санкт-Петербурге. После ее свадьбы Элизабет и Марианна были помещены в частный пансион [Корф, т. 1, с. 69–70].

¹¹ Мария Эджуорт (1768–1849) – английская писательница, эссеист, публицист.

в сельской местности. Она упоминается в письмах Дж. Планты к Сперанскому, также она состояла в переписке с дочерью Сперанского Елизаветой, однако неизвестно, насколько регулярной была данная переписка. В своем письме к дочери из Иркутска от 25 ноября 1819 г. Сперанский пишет:

С великим удовольствием читал я англинское письмо твое; оно и дельно, и прекрасно; я уверен, что tante Varbe за чаем прочитает его всем своим приятельницам. В Англии письмо из России есть уже вещь примечательная, а письмо от племянницы и англинское есть и предмет самолюбия; когда же к сему и пензенский платочек, то из сего выйдет... уже действительный праздник. Я представляю себе, как старый Planta, потирая очки, будет искать на карте, где Пенза [Письма Сперанского, с. 62–63].

Из этого небольшого отрывка следует, что переписывались они хоть и не очень часто, поскольку получение письма из России приравнивалось к редкому празднику, но достаточно регулярно. Действительно, в переписке между Россией и Англией случались большие перерывы, так, в письме от 4 сентября 1807 г. Дж. Планта старший извиняется:

...Хотя дата вашего последнего письма, которое вы написали мне, датируется 10 апреля прошлого года, я должен заверить вас, что мой столь поздний ответ не является следствием ни небрежности, ни равнодушия. Дело в том, что оно пришло ко мне только 16-го числа прошлого месяца, и моя сестра Барбара получила письмо от мадемуазель, вашей дочери¹²; поскольку я был в деревне, я подумал, что должен дождаться ее ответа, прежде чем отправлять посылку в Петербург¹³ [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 1].

Планта часто жалуется на свое здоровье: «Мое здоровье и здоровье всей моей семьи настолько крепкое, насколько позволяют обстоятельства. Я и моя жена... ощущаем не что иное, как дряхлость» [Там же. Л. 1 об.]. Здесь же Планта упоминает и об успехах своего сына:

Что во многом добавляет нам счастья, так это отличное поведение нашего дорогого сына. Его заслуги, непрерывные и достойные, только что принесли ему назначение на должность заместителя государственного секретаря в департаменте иностранных дел [Там же. Л. 1 об. – 2].

Очевидно, что сохранился не весь корпус переписки, потому что в письмах Сперанского к дочери за 1821–1824 гг. часто упоминаются письма и посылки с книгами из Англии, в основном от Барбары

¹² На тот момент дочери Сперанского было всего восемь лет.

¹³ Здесь и далее перевод писем с французского языка выполнен Софьей Владимировной Робенко.

Планта к Елизавете. Сперанский активно поощрял и поддерживал данную переписку, организуя доставку писем с миссиями в Лондон и отправку писем из Англии дочери, когда они проживали раздельно.

Тяжелым событием, которое снова связало две семьи, стала смерть тещи Сперанского. В письме от 8 апреля 1816 г. Планта сокрушается:

Я только что узнал из письма моей дорогой племянницы, вашей любезнейшей дочери, моей сестре Барбаре о потере, которую мы только что понесли из-за смерти моей сестры, вашей тещи. <...> Примите, пожалуйста, мои искренние соболезнования по этому поводу и пожелания, чтобы Вам долгое время были чужды подобные несчастья. Мадемуазель ваша дочь, чье очаровательное письмо чрезвычайно заинтересовало всех нас, должно быть, горюет из-за этой невосполнимой потери. Ее покорность воле Всевышнего, несомненно, оказала на нее сильное влияние; и чувства, которыми она руководствуется по отношению к вам, я убежден, оживили в ней энергию убежденности в исполнении его долга перед Вами, что будет бесконечно способствовать ее утешению.

В вышеупомянутом письме к моей сестре говорится, что мой племянник Фрэнсис, по-видимому, желает вернуться в эту страну. Я прилагаю письмо для него, чтобы убедить его не думать о подобном поступке. Из письма мадемуазель Сперанской следует, что она предполагает, что ему будет лучше оставаться под вашей защитой и что Вы готовы предоставить ее ему. Что если при небольшом доходе, который ему принадлежит, будет какая-то зависимость от его содержания, я с радостью предложу разделить ее [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 3–3 об.].

В последние годы у Сперанского с тещей были напряженные отношения, а ее характер с возрастом стал еще более тяжелым. Корф отмечает:

...Характер г-жи Стивенс, еще более раздражившийся от несчастий, постигших ее и ее зятя, в деревенском уединении сделался несноснее, чем когда-либо, и приводил в отчаяние весь дом. Страшась дурного влияния этого характера на свою дочь, вероятно, и сам потеряв всякое терпение, Сперанский решился отправить тещу в Киев к ее племяннице, жившей там... Г-жа Стивенс выехала из Великополья почти против своей воли; но зять сделал для нее все, что только позволяли (его. – К. С.) небогатые средства [Корф, т. 2, с. 99].

В письме к П. Г. Масальскому Сперанский признается:

Вам известно, что я давно желал расстаться с Елизаветой Андреевн. После многих усилий успел я наконец дело сие привести к концу. Послезавтра она отправляется, и навсегда уже, в Киев. <...> Я даю ей порядочное содержание, то есть на первый год наличными вперед 5 т. р., а в последующие буду ей доставлять от 2 до 3 тысяч рублей. <...> Ника-

кие жертвы для меня тут не дороги; я уверен, что и вы тех же мыслей. Таким образом, вы найдете здесь одну хозяйку, Лизу, и эта хозяйка рада будет вам душевно, ибо никогда она не разделяла ни чувств, ни нравов первой [Дружеские письма, с. 73].

Теща Сперанского умерла достаточно скоро, в начале 1816 г., и «за несколько дней до кончины она глубоко покаялась и с искренним сокрушением говорила о своем прошедшем» [Корф, т. 2, с. 100]. Основной темой переписки между Сперанским и Дж. Плантой старшим после смерти в 1816 г. Элизы Стивенс стал в том числе и вопрос о попечении над ее сыном Фрэнсисом, который был нездоров. М. А. Корф характеризовал его как «полупомешанного»:

Фрэнсис, о котором Сперанский часто упоминает в семейных своих письмах, был род идиота в моральном отношении. Сперанский всегда содержал и призривал его на свой счет, и г-жа Стивенс возила его с собою вслед за изгнанником в Нижний и в Пермь [Там же, т. 1, с. 68].

Из писем обоим Плантам также очевидно, что их беспокоило душевное состояние Фрэнсиса, который после смерти матери остался под опекой Сперанского¹⁴.

Очевидно, что Дж. Планта старший был хорошо осведомлен и о карьерных перипетиях самого Сперанского. В письме от 4 сентября 1807 г. он отмечает: «я не перестаю быть уверенным в продолжении вашей карьеры, которое небеса вам обеспечат на долгие годы» [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 1–1 об.].

Письма Сперанского были не единственным источником информации о русском родственнике, которая была доступна Планте старшему. Исходя из их содержания можно сделать вывод, что периодичность переписки составляла лишь несколько писем в год. Дочь Сперанского поддерживала с тетушками более тесную переписку. Последние новости о карьере Сперанского Планта старший получал и от своего сына. В ноябре 1816 г. тот прислал отцу из Ирландии, где он находился с лордом Каслри, известие

...о событии, преисполненном справедливости, которое произошло с Вами, и о том, что Ваши заслуги и Ваш характер наконец-то заслужили Вам блестящую карьеру. Следуя известной поговорке «После туч выходит солнце», я убеждаю себя, что Вы вернете блеск, который когда-то окружал Вас. Пусть небеса даруют Вам все средства для здоровья и бодрости, которые будут полезны, если не необходимы в Вашем новом положении [Там же. Л. 4].

¹⁴ Удивляет факт, что Фрэнсис выступал свидетелем на свадьбе Сперанского и своей сестры Элизабет (1798), о чем свидетельствует его подпись в журнале регистрации браков англиканской общины Санкт-Петербурга [РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Ед. хр. 2. Л. 122 (запись № 1723)].

Речь идет о назначении Сперанского пензенским гражданским губернатором в августе 1816 г. после длительного периода опалы.

Кроме обмена новостями, нередким явлением были и посылки из Лондона, доставлявшиеся при посредничестве британского посольства в Санкт-Петербурге и частным образом. В 1816–1817 гг. Дж. Планта отправил Сперанскому несколько книг, в том числе «Историю швейцарской конфедерации» и «Календарь садовника Маве»¹⁵ «для моего племянника Фрэнсиса» [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 6]. Сперанский активно интересовался зарубежными изданиями, и, возможно, часть из них он получал через Дж. Планту. В 1816 г. тот собирался отправить Сперанскому «каталог из хранилища одного довольно авторитетного книготорговца, где вы найдете, осмелюсь сказать, все новые книги с некоторой репутацией» [Там же. Л. 4 об.]. Планта находился в самом центре интеллектуальной жизни Лондона и, безусловно, был авторитетным знатоком литературных новинок столицы. Он замечал:

...что больше всего отличает наш век, так это путешествия и топографические описания¹⁶. Дайте мне список того, что, по Вашему мнению, может Вам подойти, и если найдется что-то, что покажется мне недостойным Вас, я поделюсь с Вами своими сомнениями. <...> Самые выдающиеся поэты – это лорд Байрон, нечестивый человек, но с необычайным остроумием, Вальтер Скотт, Саути, Кэмпбелл. Историки тоже довольно отличились. Гиббон при всей своей пресловутой неверности, безусловно, является автором первого порядка. Фокс создал мемуары Якова II, которые, несмотря на его небрежность как писателя, привлекают к себе внимание. Берк, несомненно, один из наших лучших писателей. Произведения Горация Уолпола сейчас в моде [Там же. Л. 4 об. –5].

В письме к дочери от 24 октября 1822 г. Сперанский отмечал: «Английские наши книги наконец пришли: как скоро получу их из таможни, то начну пересылать к тебе по частям с почтою» [В память графа, с. 563]. Следует отметить, что его интересовали отнюдь не популярные романы, а труды, посвященные философии, государственному делу, истории и религии. Анализ сохранившихся

¹⁵ Вероятно, речь идет о популярном в Англии «Календаре Мавэ» для садоводов, впервые опубликованном в 1767 г. В письме от 1816 г. уточняется, что это последнее двенадцатое издание календаря, к которому прилагаются семена. В Англии в этот период наблюдалось повсеместное увлечение ботаникой, которое разделяла и семья Планта. Возможно, тетушкам Фрэнсиса казалось, что подобное хобби сможет увлечь их нездорового племянника.

¹⁶ Дж. Планта в этой связи упоминает таких английских писателей и путешественников, посетивших Россию, как Уильям Кокс (1747–1828) и Эдвард Кларк (1769–1822). У. Кокс был известен благодаря «Путевым запискам от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II» (1784), а Э. Кларк – благодаря многотомной работе «Путешествия по различным странам Европы, Азии и Африки» (1810–1823). Известно, что Кларк посещал и Россию, в связи с чем не вполне ясно, почему Дж. Планта в своем письме не рекомендует Сперанскому данную работу.

в фонде Сперанского рабочих бумаг демонстрирует наличие выписок из трудов британских интеллектуалов Аддисона, Джонсона, Свифта [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 894]. Также встречаются выписки из «Эдинбург ревью», «Блэквудс Эдинбург мэгазин» [Там же. Ед. хр. 898. Л. 1; Ед. хр. 899. Л. 1–2]. «Очевидно, что взгляды Сперанского на государство и право складывались в том числе и под воздействием англосаксонской общественно-правовой мысли. Сперанский активно интересовался и вопросами теологии, обращаясь к трудам английских богословов» [Созинова, с. 418], например, сохранились его выписки из работы британского востоковеда и богослова Эдварда Покока (1604–1691) [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1823]. Кроме того, в его переписке с дочерью постоянно упоминаются и другие книги и журналы, которые он выписывал из Англии и покупал у местных квакеров:

...посылаю тебе 3 номера *Quarterly Review* и потом буду по мере присылать остальные. Не возвращай мне их: надеюсь в мае читать их вместе с тобою. Буду также присылать и *Edinbourg Review* по мере [того], как сам буду просматривать [В память графа, с. 607–608].

Елизавета занималась переводами, в том числе английских книг, и Сперанский помогал ей править тексты.

В 1820-е гг. в связи с преклонным возрастом Дж. Планты старшего в переписку со Сперанским вступил уже его сын. В отличие от отца, ему удалось сделать дипломатическую карьеру. В 1802 г. в 15-летнем возрасте он получил приглашение от барона Хоксбери (лорда Ливерпула) на должность клерка Форин-офиса. Талантами Планты заинтересовался и Дж. Каннинг, назначивший его личным секретарем. Данный пост Планты занимал вплоть до его отставки в 1809 г. Сменивший Каннинга лорд Каслри также оставил младшего Планту в своей команде. Тот сопровождал его в качестве личного секретаря в миссии к союзным монархам в 1813 г., на Венский конгресс 1815 г., затем в Париж во время подготовки подписания мирного договора в ноябре 1815 г., а также в 1818 г. на Конгрессе Священного союза в Экс-ла-Шапель [The Gentleman's Magazine, vol. 182, p. 86]. В момент вступления в переписку со Сперанским он занимал пост заместителя министра по иностранным делам, на этой должности он находился с 1817 по 1827 г. Дж. Планта младший и Сперанский как люди одного круга, связанные государственной службой, имели много общих точек соприкосновения.

Поводом для вступления в переписку со Сперанским Дж. Планты младшего стал не только преклонный возраст его отца, на который последний постоянно ссылался в переписке. В письме от 20 января 1822 г. Дж. Планта отмечает, что решил лично написать Сперанскому после того, как получил его сообщение от посла Великобритании в России Чарльза Бэгота, а также от русского посла в Лондоне

Х. А. Ливена по его возвращении из России. Х. А. Ливен¹⁷ вместе с подарком от русского правительства передал ему письмо от дочери Сперанского. После этого у Дж. Планты младшего не оставалось выбора, кроме как выразить свою признательность в письменном виде.

Основным поводом для переписки все так же выступила судьба «бедного кузена Фрэнсиса», который желал вернуться в Англию, но никто из семейства Планта не был готов взять над ним попечение. Все время после смерти тещи Сперанского он находился под его опекой. В одном из писем к дочери от 3 октября 1822 г. Сперанский так описывает свой опыт общения с Фрэнсисом:

В воскресенье был у меня Францис: и дал я ему несколько денег и увоился, чтоб он являлся у меня каждое воскресенье. Я нашел секрет с ним говорить: пишу на лоскуточке бумаги, а он отвечает мне на словах [В память графа, с. 559].

Вопрос попечения над Фрэнсисом тревожил и Дж. Планту младшего, очевидно, что написание подобного письма-просьбы от 25 апреля 1826 г. далось ему нелегко:

Если бы я полагал, что осуществление этого намерения (переезда в Англию. – К. С.) может способствовать счастью моего кузена или сделать его состояние более сносным, я бы не оказал ему никакого сопротивления; но я глубоко убежден, что такой шаг имел бы совершенно противоположный эффект. Мой отец и мои тети в настоящее время находятся в том возрасте, когда отдых и спокойствие им не только подобают, но и абсолютно необходимы. Они сами нуждаются во всем внимании и утешении, которые мы можем им предложить. Итак, рассудите, в состоянии ли они предоставить это кому-то другому, и особенно такому человеку, как мой двоюродный брат, который так в этом нуждается, при всей его привычке к Вашему вниманию и вниманию Вашей милой дочери, которые Вы ему уделили.

Что касается меня, то нет необходимости говорить Вам, Вам, кто так хорошо разбирается в делах (государственной службы. – К. С.), что мое время полностью поглощено попытками выполнить умножающиеся и постоянно растущие обязанности занимаемой мной должности, и мне постоянно приходится сожалеть, что в моем распоряжении так мало времени, чтобы посвятить себя заботе, которой я обязан своей семье. Таким образом, приезд моего кузена Фрэнсиса значительно увеличил бы мои трудности, и в то время как он сам нашел бы здесь только приумножение всех своих бед, его пребывание причинило бы нам только неудобства и несчастье. В России его образ жизни уже определен, и кажется, что он

¹⁷ Сам Сперанский в письме к Дж. Планте младшему от 17/29 мая 1826 г. замечает, что «граф Ливен по старой дружбе был ответственен передо мной за устное предоставление вам всей информации, которую вы пожелаете иметь» [РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1927. Л. 2].

наслаждается там всем счастьем, к которому провидение сделало его способным [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 11 об. – 12 об.].

В ответном письме от 17/29 мая 1826 г.¹⁸ Сперанский отмечает, что действительно отъезд англичанки Беллы Джойс, которая в некотором роде служила Фрэнсису горничной, усилил его желание снова увидеть Англию:

При таком положении вещей моя дочь сочла своим долгом узнать, насколько можно было бы обеспечить ему какое-то существование в Англии, если предположить, что он будет упорствовать в своих желаниях с упрямством, обычным для него. Она подумала, что вместе с остатком небольшого состояния, которое нам всегда будет удобно пополнять до той степени, чтобы избавить его от нужды, не было бы невозможно разместить его где-нибудь в сельской местности, пребывание в которой больше соответствует состоянию его здоровья, чем город, и что это будет проще [устроить] в Англии, чем в России. Именно в этом смысле она написала тете, представив ей, однако, эту идею в проекте, и всегда готова согласиться с ее мнением [Там же. Ед. хр. 1927. Л. 1–1 об.].

Также Сперанский замечает:

...Ни его (Фрэнсиса. – К. С.) плохое настроение, ни какие-либо другие соображения никогда не перевесят тот интерес, который мы к нему проявляем. Что касается его расходов, то они не очень обременительны для нас, и мы будем готовы нести их в любой стране, в которой он окажется [Там же. Л. 1 об. – 2].

Забота о Фрэнсисе демонстрирует широту души Сперанского и его следование в повседневной жизни православному морально-этическому канону, основанному на идеях ответственности, солидарности и компромисса. Следует отметить, что переезд на родину для Фрэнсиса Стивенса так и не состоялся, он умер в России в 1848 г., пережив своего благодетеля [Корф, т. 1, с. 68].

Из нескольких сохранившихся писем Дж. Планты младшего и Сперанского можно сделать вывод, что в большей степени связь продолжала поддерживаться «женскими ветвями... семьи» [ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2235. Л. 8] и велась между дочерью Сперанского и сестрами ее бабушки; тем не менее, сам Сперанский тоже периодически отправлял небольшие послания, касавшиеся дел дочери, ее родственницам в Англию. В своем письме к Елизавете от 7 ноября 1822 г. он уведомлял ее, что «вчера ввечеру отправился в Англию Bankhead; я с ним писал к tante Barbe, чтобы сказать ей, что ты уже в Чернигове» [Корф,

¹⁸ В бумагах Сперанского сохранилась только одна писарская копия письма-ответа на последнее послание Дж. Планты младшего (в названии дела неверно фигурирует шведский историк Сьюв Иосиф Планта).

т. 2, с. 566]. Радостным поводом, продемонстрировавшим близость двух семейств, стало рождение внука Сперанского Михаила. В письме к дочери от 6 мая 1824 г. Сперанский восклицает:

Вот тебе целый пук писем из Англии, милая Елисавета. Одни из них получены с кораблями, другие и последние – с почтой. Как добрые сии люди рады явлению на свет Миши. Я писал к ним тотчас по получении первых от вас известий [В память графа, с. 686].

Сложно сказать, представляют ли сохранившиеся в отделе рукописей письма Планта весь объем переписки со Сперанским или лишь ее малую часть. Анализ же данных неопубликованных писем отчетливо свидетельствует, что М. М. Сперанский длительное время вел переписку с родственниками своей супруги, с которыми даже не был лично знаком. Достаточно рано в переписку с английскими тетушками вступила и его дочь Елисавета. Ее основным респондентом была сестра ее бабушки Барбара Планта. Исходя из содержания писем Дж. Планта к Сперанскому можно сделать вывод, что наиболее интенсивно обмен письмами шел между женскими ветвями семьи. Письма являлись не единственным коммуникационным каналом между двумя семьями, новости также передавались в частном порядке через представителей дипломатических ведомств Великобритании и России (в том числе и через Ч. Бэгота и Х. А. Ливена).

Внимание Михаила Сперанского к юной англичанке Элизабет Стивенс в свете биографий членов семьи Планта видится совершенно не случайным даже вопреки семейному преданию о том, что она являлась крестницей Самборского. Несмотря на то, что она была дочерью гувернантки, семейство Планта отличал высокий уровень образованности, его члены находились в центре интеллектуальной жизни Лондона. Джозеф Планта старший, как и его отец, был членом Королевского общества, инициатором реформирования Британского музея и реорганизации его в публичное заведение, написал несколько научных трудов по истории и лингвистике, а его сын связал свою жизнь с дипломатическим поприщем. Сохранение семейных связей с родственниками супруги позволяло Сперанскому чувствовать себя сопричастным британской и, в более широком смысле, европейской интеллектуальной культуре. После смерти супруги главным жизненным устремлением Сперанского стало воспитание дочери, и во многом поддержание связей с семейством Планта было связано с задачей продемонстрировать и укрепить в ней осознание европейской идентичности.

Библиографические ссылки

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб. : Имп. публ. б-ка, 1872. 855 с.

Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1862. 142 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. СПб. : Изд. Имп. публ. б-ки, 1861. Т. 1. 283 с. Т. 2. 388 с.

Минаева Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII – первая половина XIX веков. М. : Собрание, 2009. 341 с.

ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 555; Ф. 731. Ед. хр. 894, 898, 899, 1823, 1927, 2323, 2235.

Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М. : Тип. Грачева и Ко., 1869. 253 с.

РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Ед. хр. 2.

Созинова К. А. «Следы моих слез останутся на этой бумаге...»: письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому // Науч. диалог. 2020. № 8. С. 412–427. DOI 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427.

Томсинов В. А. Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского. М. : Норма, 2003. 272 с.

Южаков С. Н. М. М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность : биограф. очерк. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1892. 88 с.

A Biographical Dictionary of the Living Authors of Great Britain and Ireland. L. : Printed for Henry Colburn, 1816. 459 p.

Badilatti M. Die altehrwürdige Sprache der Söldner und Bauern. Die Veredelung des Bündnerromanischen bei Joseph Planta (1744–1827) // Swiss Academies Reports. 2017. Vol. 12, № 6. 82 S.

Boas Hall M. All Scientists Now: The Royal Society in the Nineteenth Century. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. 168 p.

De Beer G. R. Andreas and Joseph Planta, F. R. S. // Notes and Records of the Royal Society of London. 1952. № 10 (1). P. 8–14.

Fraser F. Princesses: The Six Daughters of George III. L. : John Murray, 2005. 476 p.

The Gentleman's Magazine. 1814. Vol. 115 (Jan. – June); 1847. Vol. 182 (July).

Hartmann B. Beiträge zur Biographie Martin Plantas // Bündnerisches Monatsblatt. 1951. Heft 7–8. S. 193–207.

Howald S. Insular denken : Grossbritannien und die Schweiz : Facetten einer Beziehung. Zürich : Neue Zürcher Zeitung, 2004. 267 S.

Moore W. Wedlock: The True Story of the Disastrous Marriage and Remarkable Divorce of Mary Eleanor Bowes, Countess of Strathmore. N. Y. : Three Rivers Press, 2009. 400 p.

References

A Biographical Dictionary of the Living Authors of Great Britain and Ireland. (1816). L., Printed for Henry Colburn. 459 p.

Badilatti, M. (2017). Die altehrwürdige Sprache der Söldner und Bauern. Die Veredelung des Bündnerromanischen bei Joseph Planta (1744–1827). In *Swiss Academies Reports*. Vol. 12. No. 6. 82 S.

Boas Hall, M. (1984). *All Scientists Now: The Royal Society in the Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 168 p.

Bychkov, A. F. (Ed.). *V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872* [In Memoriam Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. (1872). St Petersburg, Imperatorskaya publichnaya biblioteka. 855 p.

De Beer, G. R. (1952). Andreas and Joseph Planta, F. R. S. In *Notes and Records of the Royal Society of London*. No. 10 (1). pp. 8–14.

Druzheskije pis'ma grafa M. M. Speranskogo k P. G. Masal'skomu, pisannye s 1798 po 1819 god, s istoricheskimi poyasneniyami, sostavlennymi K. Masal'skim (1862) [Friendly Letters from Count M. M. Speransky to P. G. Masalsky, Written from 1798 to 1819, with Historical Explanations by K. Masalsky]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 142 p.

Fraser, F. (2005). *Princesses: The Six Daughters of George III*. L., John Murray. 476 p.

Hartmann, B. (1951). Beiträge zur Biographie Martin Plantas. In *Bündnerisches Monatsblatt*. Heft 7–8, S. 193–207.

Howald, S. (2004). *Insular denken. Grossbritannien und die Schweiz. Facetten einer Beziehung*. Zürich, Neue Zürcher Zeitung. 267 S.

Korf, M. A. (1861). *Zhizn' grafa Speranskogo v 2 t.* [Life of Count Speransky. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki. Vol. 1. 283 p. Vol. 2. 388 p.

Minaeva, N. V. (2009). *M. M. Speranskii v vospominaniyakh sovremennikov. Konets XVIII – pervaya polovina XIX vekov* [Speransky in the Memoirs of Contemporaries. Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Sobranie. 341 p.

Moore, W. (2009). *Wedlock: The True Story of the Disastrous Marriage and Remarkable Divorce of Mary Eleanor Bowes, Countess of Strathmore*. N. Y., Three Rivers Press. 400 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 380. List 1. Dos. 555; Stock 731. Dos. 894, 898, 899, 1823, 1927, 2323, 2235.

Pis'ma Speranskogo iz Sibiri k ego docheri Elizavete Mikhailovne (v zamuzhestve Frolovoi-Bagreevoi) [Letters from Speransky from Siberia to His Daughter Elizaveta Mikhailovna (Married Name Frolova-Bagreeva)]. (1869). Moscow, Tipografiya Gracheva i Co. 253 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1689. List 1. Dos. 1. No. 2.

Sozinova, K. A. (2020). “Sledy moikh slez ostanutsya na etoi bumage...”: pis'ma Elizavety Stivens M. M. Speranskomu [“Traces of my tears will remain on this paper...”: Letters from Elizabeth Stephens to M. M. Speransky]. In *Nauchnyi dialog*. No. 8, pp. 412–427. DOI 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427.

The Gentleman's Magazine. (1814). Vol. 115 (Jan. – June); (1847). Vol. 182 (July).

Tomsinov, V. A. (2003). *Sud'ba reformatora, ili Zhizn' Speranskogo* [The Fate of the Reformer, or the Life of Speransky]. Moscow, Norma. 272 p.

Yuzhakov, S. N. (1892). *M. M. Speranskii. Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatelnost'. Biograficheskii ocherk* [M. M. Speransky. His Life and Social Activities. Biographical Sketch.]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. 88 p.

The article was submitted on 22.01.2024

Церемониал приема супруг дипломатов при российском императорском дворе восемнадцатого века*

Арина Новикова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century**

Arina Novikova

HSE University,
Moscow, Russia

During the seventeenth and eighteenth centuries, the European system of international relations underwent significant changes, marked by the institutional development of diplomatic services and the establishment of more coherent diplomatic ceremonials. Resident embassies became common, introducing the presence of female relatives of diplomats who actively participated in the life of the diplomatic corps. The growing presence of ambassadors played a transformative role in early modern diplomatic culture, contributing to the development of gendered diplomatic ceremonials. Drawing on relevant approaches to the study of the 'new diplomatic history' and using archival material from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, this article examines the diplomatic ceremonial of ambassadorial spouses at the eighteenth-century Russian court. It examines the presentation of ambassadors' wives at court, the implementation of protocol, and issues of etiquette that became sources of contention between 'ambassadors' and the St Petersburg court, as well as methods of conflict resolution. The study of the reception ceremony for

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** *Citation*: Novikova, A. (2024). The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 557–570. DOI 10.15826/qr.2024.2.895.

Цитирование: Novikova A. The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 557–570. DOI 10.15826/qr.2024.2.895 / Новикова А. Церемониал приема супруг дипломатов при российском императорском дворе восемнадцатого века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 557–570. DOI 10.15826/qr.2024.2.895.

'foreign ladies' reveals that, although it was governed by legal norms, it depended heavily on the Russian monarch's personal attitude towards the ambassador and ambassadress, as well as the country they represented.

Keywords: European diplomacy, diplomatic ceremonial, Russian court, women in diplomacy, history of 18th-century Russia

В период XVII–XVIII вв. в европейской системе межгосударственных отношений произошли значительные изменения. Институты дипломатии развивались и совершенствовались: краткосрочные посольские миссии сменились постоянными представительствами, сформировался более устойчивый порядок коммуникации внутри европейского сообщества, роль дипломатических представителей выросла. Другим новшеством стало включение в дипломатический процесс женщин, сопровождавших послов, которые принимались официально в соответствии со специальными протоколами. На основании корпуса документов АВПРИ в статье рассматриваются создание и эволюция протокола приема «посольш», их привилегии и участие в придворной жизни, а также этикетные коллизии между дипломатическим корпусом и петербургским двором. Анализ церемониала приема «чужестранных дам» показал, что он хотя и регулировался правовыми нормами, но сильно зависел от личного расположения российского правителя к дипломату и его спутнице, а также стране, которую они представляли.

Ключевые слова: европейская дипломатия, дипломатический церемониал, российский двор, женщины в дипломатии, история России XVIII в.

Начиная с рубежа XVII–XVIII вв. послы стали находиться при иностранных дворах на регулярной основе. В связи с этим дипломаты чаще отправлялись в посольства вместе с супругами, сестрами и другими членами семьи, которые содействовали им в дипломатической миссии.

Статус дипломата соответствовал положению его правителя среди европейских государей, а также его рангу. К первому рангу относился посол (*ambassador*), ко второму – посланник (*envoy*) и полномочный министр (*minister plenipotentiary*) [см. об этом: *Cultures of Power in Europe*]. Хотя представители и первой, и второй категории получали аккредитацию при самих монархах, то есть обладали «характером»¹, их статус и форма приема различались. Министры третьего ранга «характера» не имели. С увеличением числа сопровождавших дипломатов дам встал вопрос об их правовом положении. По этикету большинства европейских дворов они удостоивались почестей, соразмерных рангу посла [Мозер, с. 17–28]. Только супруга дипломата могла официально сопровождать его в посольстве и быть принятой при дворе. Однако известны исключения, когда не жена, а сестра, дочь, а порой даже лю-

¹ Дипломат «был облечен *представительным характером*» (фр. «*caractère représentatif*»), что означало предоставление ему полномочий вести официальные переговоры от имени своего правителя [см.: Агеева, с. 25–26].

бовница отправлялись в миссию [Bély]. Согласно официальным источникам, дама, приехавшая с послом, *a priori* принималась как супруга и обозначалась в документах как «посольша», если сопровождала дипломата первого ранга, и как «посланница», если второго².

Будучи официальным представителем своего государя, дипломат общался с высшими лицами дворов, постигал посольский церемониал, готовил проекты договоров, искал необходимую информацию и поставлял ее к своему двору. «Посольши», в отличие от своих мужей, не получали «характера», поэтому выступали в закулисной работе посольств в качестве «теневых игроков», способных раздобыть важную информацию и использовать свой шарм для заведения полезных знакомств [Bély, p. 994]. Французский государственный деятель XVII в. Ф. Кальер писал, что женщины «имеют не меньше способностей для отправления посольских должностей, чем мужчины» [цит. по: Борисов, с. 241]. На практике «посольши» нередко получали отдельные задания от своего правительства [Новикова]. К примеру, секретарь Людовика XIV советовал супруге французского посла в Лондоне проявить любезность к фаворитке короля Карла II. Через жену посла французский двор надеялся получить расположение влиятельной леди Каслмейн и самого короля [Шикуло].

Дипломатическая деятельность всегда носила ярко выраженный ритуальный характер. В Новое время формировался единый символический язык коммуникации между европейскими странами, а также церемониалы, регулировавшие взаимоотношения между дворами и дипломатическим корпусом³ [Cultures of Power in Europe, p. 58–85]. В условиях иерархизированности общества церемониал позволял обеспечивать лицам, занимавшим высокое социальное положение, прерогативы и привилегии, необходимые для успешного выполнения своих обязанностей, а также служил механизмом утверждения уровня взаимоотношений между странами. Постепенно при европейских дворах создавались и отдельные дипломатические протоколы, регулировавшие правила приема «посольш» [Kühnel, p. 138]. Несмотря на существование общих принципов дипломатии (например, использование французского языка в качестве международного, сходная иерархия дипломатов⁴), в XVIII в. европейские государства сохраняли и собствен-

² Вслед за имеющимися историческими источниками в статье приводятся обобщения, и, помимо исключительных случаев, «посольши» и «посланницы» обозначаются как *супруги* дипломатов.

³ В работе дипломатический церемониал определяется как «совокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, дипломатическими представительствами и официальными лицами в международном общении» [Агеева, с. 6]. *Церемониал и протокол* понимаются как синонимы.

⁴ Иерархия дипломатических представителей в европейских странах в XVIII в. была сходная, но не идентичная. Только в начале XIX в. после Венского конгресса началась законодательная унификация рангов и наименований дипломатов. См. об этом: [Котова].

ные этикетные нормы, порой противоречившие положениям церемониалов соседних стран. Нередко это приводило к конфликтам между дипломатическим корпусом и двором [Петрова, с. 66].

История дипломатии в последние десять лет значительно преобразилась под влиянием работ, опирающихся на культурно-антропологический подход [см., например: Агеева; Смилянская]. Однако и в зарубежной, и в отечественной историографии протокол приема супруг дипломатов рассматривается преимущественно в контексте изучения отдельных церемоний, жизни двора и дипломатии в целом, хотя роль женщин в дипломатическом процессе в Европе Нового времени неуклонно росла [Hufton, p. 8]. Хранящиеся в АВПРИ документы церемониальной канцелярии и Коллегии иностранных дел (далее – КИД) позволяют реконструировать процесс создания дипломатического церемониала приема спутниц дипломатов, практики его применения, а также возникавшие церемониальные конфликты и способы их решения⁵.

Дипломатический церемониал в России до 1744 г.

В начале XVIII в. внешнеполитические цели Петра I были направлены на интенсификацию контактов России с Западной Европой. Важнейшими составляющими реформы внешнеполитического дела стали учреждение за границей постоянных представительств и принятие тех этикетных норм дипломатической жизни, которые были свойственны Европе. Хотя в законченном виде протокол в первые десятилетия XVIII в. так и не был создан, в правление царя-преобразователя появились новшества, которые обозначили направление дальнейших изменений. К середине столетия петербургский двор вполне успешно освоил дипломатическую культуру Запада [Агеева, с. 188].

Что касается протокола, устанавливавшего правила отношений с «посольшами», в России до 1744 г. их проезд был редкостью, а форма приема определялась принципом «характер репрезентующего принадлежит токмо послам, а не супругам их». «Посольши» представлялись ко двору исключительно по собственной просьбе и «без всякой аудиенции». Первый в делопроизводственной документации прием «посольши» был зафиксирован в 1726 г., когда во дворце приняли супругу шведского чрезвычайного посла «графиню Цедергельмову» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1571. Л. 88 об., 335 об.]. Несколько лет правления Петра II, согласно воспоминаниям супруги британского дипломата Т. Уорда (более известной как леди Джейн Рондо), ознаменовались отсутствием приемов: «императора редко видим; при его дворе не бывает собраний, и, кажется, он ничего не любит, кроме охоты» [Рондо, с. 99]. В аннинское время во дворце проходили официальные

⁵ В работе использована отложившаяся в АВПРИ часть источников церемониального подразделения Иностранной коллегии. Основная часть архива церемониальной части находится в Санкт-Петербурге [РГИА. Ф. 473].

приемы, организовывались балы и маскарады, куда приглашались «чужестранные министры». Но ни в личных источниках, ни в делопроизводственных документах КИД не найдено описаний порядка приема «посольш». Взаимодействие двора с супругами дипломатов проходило, как правило, на неформальном уровне. Так, императрица Анна Иоанновна, встретив в церкви на церемонии отпевания Петра II леди Уорд, сказала ей «несколько лестных слов и пригласила к своему двору» без аудиенций и официальных извещений [Рондо, с. 113].

Первое детальное описание приема супруги дипломата связано с прибытием в Россию в 1743 г. польского чрезвычайного посланника графа И. Огинского вместе с женой. В условиях отсутствия протокола, касавшегося иностранных дам, графиня столкнулась со сложностями. Согласно запискам представителей КИД⁶, «по обыкновению» сразу по приезде дипломаты и первого, и второго ранга должны были посетить вице-канцлера и обер-церемониймейстера, потом принять их у себя, согласовать с обер-церемониймейстером дату аудиенции во дворце, а с вице-канцлером – речь императрице. После приема посла его жена по желанию императрицы могла быть ею принята.

В марте 1743 г. граф с графиней и «свитой в тридцать восемь человек» приехали в российскую столицу. Через три дня в посольский дом с визитом прибыл обер-церемониймейстер Ф. М. Санти и назначил посольскую аудиенцию на середину апреля. Графиня Огинская тоже изъявила желание представиться императрице, чтобы «было позволение ко двору ездить». Однако «посланница» получила от Санти решительный отказ. В записке императрице обер-церемониймейстер описал возникшую у Огинских коллизию и посоветовал на незнание графиней этикетных норм. Просьба получить прием во дворце была воспринята бестактной, «понеже муж ее еще не получил первой аудиенции». После нескольких дней обсуждений и согласований Елизавета Петровна распорядилась, чтобы после представления графа «госпожа Огинская для первого разу в ее императорского величества спальню чрез статс-даму без всякой церемонии представлена была, а потом и всякий день, как куртаг⁷ при дворе, могла ездить» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 135].

После аудиенции у правительницы послу предписывалось уведомить о приезде лиц первых четырех классов⁸. «Посольша» же должна была направить извещение о себе первым российским дамам (то есть супругам представителей первых классов) и ждать от них визитов.

⁶ В системе подразделений КИД всегда существовали структуры, отвечавшие за церемониальную сторону межгосударственных отношений. В 1720-х гг. появился чин обер-церемониймейстера, в 1744 г. внутри КИД появилось специальное подразделение – церемониальное ведомство [Агеева, с. 50].

⁷ Куртаг – (*от фр. cour* – двор, и *нем. Tag* – день). Выход при дворе, приемный день.

⁸ Списки по гражданским чинам первых четырех классов представляли собой перечни чиновников, разделенных по классам, а внутри последних – по старшинству производства в чин [Шилов, с. 1106].

Сантис записал, что «Огинская ожидала к себе первого визита от статс-дам... [но] государыня изволила указать, чтоб первого визита Огинской не отдавать», пока «посланница» не сделает «обсылки»⁹. Графиня, не желая вступать в конфликт, подчинилась требованию российского двора [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 135 об. – 136 об.].

Одним из важнейших элементов символической коммуникации было приглашение к императорскому столу. «Чужестранные министры», удостоившиеся чести отобедать с правителем, небезосновательно могли интерпретировать это как жест особой милости. Супруги дипломатов почти не приглашались трапезничать с императрицей и редко приглашались к столу с придворными дамами. Как правило, они обедали вне стен дворца. В день празднования коронации 25 апреля 1743 г. Елизавета Петровна указала послам и их супругам трапезничать «у его сиятельства вице-канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина» вместе с некоторыми российскими знатными особами. Графиня Огинская сочла это не соответствующим своему статусу и обратилась к обер-церемониймейстеру с просьбой, «чтоб ей позволено было кушать при дворе со статс-дамами». «Посланница» апеллировала к случаю своего приезда ко двору Анны Иоанновны почти десятью годами ранее, когда графиню, по ее словам, постоянно приглашали к императорскому столу вместе со всеми. Огинская получила отказ. По словам Сантиса, «сие противно употреблению всех дворов европейских», и графиня должна «кушать у [вице-канцлера] с прочими супругами иностранных министров». Через несколько месяцев на празднество тезоименитства великого князя Петра Федоровича императрица поручила обер-церемониймейстеру объявить Огинской, что «посланнице» позволено сесть за столом с императрицей напротив статс-дам. Сантис добавил, что это разрешение дано исключительно из личной благосклонности Елизаветы Петровны, «чтоб впредь за консенденцию то считаться не могло, понеже министров второго ранга супругам того требовать нельзя». Но радость «посланницы» была недолгой. В день празднования императрица передумала и посадила Огинскую «на нижнем конце стола» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 136–136 об., 146–148].

Случай приезда в Санкт-Петербург польского графа Огинского с супругой показал, что «посланница» не была извещена о протоколах двора. Более того, судя по количеству обсуждений различных церемониальных вопросов, о них не знали и чиновники КИД. В связи с отсутствием постоянной формы церемониала все решения принимались в частном порядке и зависели исключительно от благосклонности правительницы, поэтому приходилось составлять бесконечное число протоколов для каждого отдельного дипломата, подавать их на подпись императрице, разрешать споры о том, кто каким образом был принят и чья честь при этом была задета.

⁹ Обсылка – предварительное уведомление о намерении совершить визит к лицу.

Создание церемониала

Увеличение количества конфликтов, связанных с приемами западноевропейских дипломатов, показало, что начатый Петром путь европеизации российского двора было необходимо продолжить документальным утверждением церемониала. Его создание было возложено на обер-церемониймейстера Ф. Санти, церемониймейстера Ф. Веселовского и членов КИД [Агеева, с. 189]. В апреле 1744 г. Елизавета Петровна подписала первый в России указ, устанавливавший нормы дипломатического церемониала. Документ состоял из пяти частей и 98 пунктов, из которых п. 92, 94 и 95 определяли правила пребывания при дворе спутниц послов [ПСЗ-1, т. 12, № 8908].

Найденные черновые версии церемониала позволяют проанализировать процесс его составления и «источники вдохновения» церемониймейстеров – варианты этикетных правил европейских дворов. Форма представления супругов дипломатов была «подобна тому, которая при бывшем римско-императорском дворе отправлялась». Как в Вене, так и в Санкт-Петербурге «посольш» принимали «без всякой отменной церемонии», то есть дамы не получали публичной аудиенции, более простыми были правила их прибытия во дворец и передвижения внутри дворца, а в зале, где проходил прием, не присутствовали все придворные чины. В приписке к черновому варианту документа указано: «при дворах французском и английском прием посольских супругов с полною церемонией отправляется, что при здешнем дворе кажется быть неприлично» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 148, 335].

В 92-м пункте протокола указаны основные принципы приема. Если «посольша» желала быть представленной императрице, она должна была «о том дать знать обер-гофмейстерине, которая назначит ей час аудиенции». После этого к установленному времени даме предписывалось приехать на своем экипаже во дворец. У подъезда ее встречал гоф-фурьер и провожал до антикамеры, где находились придворные дамы. Оттуда «посольша» с обер-гофмейстериней (или заменявшей ее статс-дамой) следовали в покои правительницы, где та без церемонии принимала супругу «чужестранного министра» [Там же. Л. 334 об., 335]. Хотя в церемониале не были выделены правила, касавшиеся супруг представителей второго ранга, «посланницы» также представлялись императрице, но по упрощенному протоколу. Для них не предусматривалось выделения специального времени. Обычно спутница посланника получала партикулярную (приватную¹⁰) аудиенцию перед балом, маскарадом, куртагом или театральным представлением в статс-дамской или кавалергардской комнате «без особых церемоний» [Агеева, с. 283]. Сразу же после аудиенции

¹⁰ В русскоязычных источниках XVIII в. понятия «партикулярная аудиенция» и «приватная аудиенция» иногда использовались как синонимы. Но в 1745 г. было четко определено, что партикулярная аудиенция является разновидностью приемной и отпусной (отличалась от публичной аудиенции), а приватная является собранием по текущим вопросам «в продолжение... министерства» дипломатов [Агеева, с. 796–797].

у императрицы и «посольша», и «посланница» получали прием у великого князя и великой княгини.

Церемониал предписывал супруге дипломата (и первого, и второго рангов) «о себе объявить дамам здешних первых особ», затем «учинить первый визит» обер-гофмейстерине. Получив уведомления от «посольши» или «посланницы», петербургские представительницы первых классов могли посетить посольский дом. В церемониале закреплялось, что первой о себе известить должна именно «посольша», а до этого «никакой даме и ехать к ней не надлежит». Данная норма была заимствована из французского этикета, где «посольские супруги больше уже в отдавании первого визита герцогиням и фельд-маршальским женам затруднение не чинят» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 335–335 об.].

96-й пункт протокола устанавливал, что после совершения всех описанных ритуалов супруги дипломатов получали возможность «как в куртаги, так и в случающиеся торжества по своему благоизобретению... без всякой отменной чести к ее императорскому величеству на поклон приезжать» [Там же. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 30 об., 35]. В иерархии двора «посольша» занимала почетное второе место сразу за главной придворной дамой, обер-гофмейстериной. На практике самовольный проезд во дворец был запрещен. Накануне придворных торжеств иностранные министры и их супруги получали так называемые повестки (специальные приглашения) от церемониальной конторы. Право участвовать в придворных собраниях имели лишь адресаты повесток [Там же. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 335 об.].

Но и после документального утверждения церемониала в России строгость соблюдения правил продолжала зависеть от воли монарха. Ярким примером этому стали приемы супруги польского посланника графа К. З. Арнима в Вене и Санкт-Петербурге. В Вене графиня Арним как супруга дипломата второго ранга была представлена только эрцгерцогам и эрцгерцогиням, а не императрице-королеве, и в последующих придворных торжествах не занимала почетного места за столом с Марией Терезией. В России польская «посланница» принималась с особой честью, равной той, что оказывалась «посольшам» [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1750 года, с. 71–74, 79].

Целование руки императрице и связанные с этим конфликты

Три пункта «артикула» 1744 г., регламентировавшие вопросы приема «посольш», описывали церемониал поверхностно и позволяли трактовать этикетные нормы петербургского двора весьма широко. В документе не были прописаны некоторые сохранившиеся «старомосковские» обычаи, которые не имели аналогов в церемониале прочих дворов Европы. Нередко на этом фоне «посольши», прибывавшие в Россию, сталкивались со сложностями. В основном коллизии возникали вокруг ритуала пожалования к руке императрицы. Целование руки казалось

иностранным дамам едва ли не оскорбительным «варварским пережитком», российский же двор рассматривал ритуал как непременное условие для начала любого посольства [Смилянская, с. 1261].

В октябре 1761 г. из КИД в церемониальный департамент поступила записка с описанием инцидента, возникшего во время представления супруги испанского полномочного министра и французской «посольши». Они отказались целовать руку великой княгини Екатерины Алексеевны [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1573. Л. 129]. Для разрешения спора обер-церемониймейстер собрал и представил доказательства «такого здешнего обыкновения, что супруги чужестранных министров» при аудиенции должны целовать руку императрицы и великой княгини. Первый упомянутый чиновником казус произошел в 1726 г., когда супруга шведского чрезвычайного посла при первом ее представлении целовала руку не только императрицы Екатерины I, но и «также у ее императорского высочества принцессы Анны». Тех же правил держалась «посланница» Лефорт в правление Анны Иоанновны. В елизаветинское время графиня Огинская «желала ведасть о здешнем этикете, что по оному делать надлежит во время представления», и после разъяснений обер-церемониймейстера «оная госпожа нимало не усомнилась поступить по здешнему этикету и целовала ее величества руку». В 1747 г. «графиня Финкенштейнова», супруга прусского полномочного министра, в 1750 г. «госпожа Арнимова», супруга польского полномочного министра, в 1756 г. супруги датского посланника Гакст-Гаузена и голландского посланника Мейертса Гахгена также «не учинили ни малейшего затруднения» в соблюдении этикета целования руки. Обер-церемониймейстер подытожил, что уже «35 лет сей этикет нерушимо постановлен при российском императорском дворе, так и впредь поступать надлежит» [Там же. Д. 1571. Л. 88–90]. В итоге вопрос о нарушении «посольшами» церемониала встал на повестку дня во время конференции у канцлера М. И. Воронцова с дипломатическим корпусом 19 октября 1761 г. [Там же. Д. 1573. Л. 129]. Неизвестно, какие из перечисленных дам решились (и решились ли) целовать руку императрицы, но известно, что в случае отказа путь во дворец им был закрыт.

Несмотря на описанную коллизию, в церемониал так и не были включены положения об обязанности «посольш» целовать руку императрицы и великой княгини. В правление Екатерины II к протоколу приема «посольш» и «посланниц» вернулись вновь. Толчком к этому стало представление в 1768 г. супруги британского посла Ч. Каткарта. Ритуал целования «посольшей» руки императрицы стал предметом серьезных дискуссий между лондонским и петербургским дворами и едва не стал камнем преткновения в российско-британских отношениях [Смилянская]. В результате переговоров обязательность целования руки при представлении была зафиксирована в «Декларации Министра Российской империи британскому послу Каткарту по случаю представления госпожи *ambassadrice*» 1768 г. [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 30 об.].

С обновлением церемониала в дипломатической культуре России все заметнее стали «женские роли». В конце 1777 г. в Россию прибыл британский посланник Джеймс Гаррис вместе с супругой Харриет и сестрой Кэтрин. И «посланица», и сестра посланника получили аудиенцию у Екатерины II. Сестра дипломата описала аудиенцию в дневнике, заметив, что пожатие руки – привычный распространенный ритуал для российского двора, не показавшийся ей неожиданностью, и обе дамы без сомнения целовали руку императрицы [ТНА. ПРО 30/43. Dos. 11. Ф. 12]. Обычно после завершения церемонии при «большом дворе» происходило представление их высочествам, но великая княгиня была нездорова в связи с беременностью, и эту часть церемонии отложили почти на месяц. В конце января 1778 г. обер-гофмейстера назначила аудиенцию у Марии Федоровны, руку которой и Харриет, и Кэтрин также целовали. Только на следующий день Кэтрин и Харриет вместе с супругой датского посланника генерал-майора фон Алефельда отдали визиты «дамам первых особ» и получили возможность быть при дворе [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 10 об.].

На первый взгляд, случай пребывания Гаррисов в России не кажется примечательным, однако дипломатический прием во дворце не только супруги, но и сестры посланника не соответствовал этикетным нормам ни одного европейского двора. Описанный казус доказывает, что при петербургском дворе во второй половине XVIII в. церемониалу следовали не строго, а торжественность приема (и вообще его наличие) зависела не от положения в иерархии дипломатов и их спутниц, а от личной благосклонности императрицы.

Отпускная аудиенция дипломата и его супруги

Последние разделы церемониала 1744 г. устанавливали порядок «отпуска» дипломатов. Протокол предусматривал сходство первой и прощальной аудиенций, поэтому форма последней детально не расписывалась. Дипломат по окончании миссии отдавал формальные прощальные визиты («visites de congé») канцлеру, вице-канцлеру и «прочим знатным особам», затем «раскланивался» при дворе [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 30–31]. Источники показывают, что практически все, кто представлялся императрице (в том числе и супруги дипломатов), «отпускались» по церемониалу первой аудиенции.

Обстоятельное описание церемонии содержится в дневнике сестры британского посланника Кэтрин Гаррис. Так как супруга дипломата была нездорова и не смогла отправиться ко двору, в Царское Село на отпускную аудиенцию Джеймс отправился только с сестрой. За неделю до отъезда в августе 1783 г. к 9 часам утра Гаррисы прибыли в летнюю резиденцию императрицы. Во дворце Джеймса встретил вице-канцлер И. А. Остерман, а Кэтрин – статс-дама Е. Р. Дашкова, заменявшая заболевшую обер-гофмейстерину. Княгиня провела англичанку в покои императрицы. Пока Екатерина отсутствовала,

принимая Джеймса в другой комнате, мисс Гаррис ожидала ее вместе с другими придворными. Вернувшись в свои покои, императрица любезно приняла мисс Гаррис и пожаловала «посланицу» к руке. Затем Гаррисов, каждого по отдельности, пригласили отобедать с императрицей [Камер-фурьерский церемониальный журнал 1783 года, с. 427]. После застолья фрейлина великой княгини отвела Кэтрин для «раскланивания» в покои малого двора, где после непродолжительной беседы мисс Гаррис целовала руку великой княгини. На этом все прощальные церемонии при дворе были завершены. В нижнем этаже в апартаментах Дашковой Кэтрин ожидал брат, вместе с которым они покинули дворец и вернулись домой около пяти часов вечера [TNA. PRO. 30/43. Dos. 19. F. 60–60 r.]. Описанная церемония «откланивания» позволяет выделить четкое разграничение сфер «женского» и «мужского» в церемониале. Джеймс Гаррис ни разу не пересекся с сестрой в царскосельском дворце, и даже за обеденным столом они располагались отдельно. Встретиться они могли лишь на нижних этажах.

После отпускной аудиенции обер-церемониймейстер относил послу отзывную грамоту от правящей особы и подарок. Обычай делать презенты дипломатам, чья миссия завершалась, был неотъемлемой частью отпускной церемонии почти всех европейских дворов. Подарки для спутниц дипломатов были проявлением благосклонности, но не являлись обязательными. Так, в 1735 г. Анна Иоанновна подарила польскому дипломату графу Завише 6 тыс. руб., а его супруге – портрет с бриллиантами. В 1740 г. тот же «отпускной подарок» получил польский посланник Огинский, а его жена – «соболий мех и всякие персидские и китайские парчи» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5552. Л. 2–2 об., 7–7 об.].

Указом от 20 февраля 1745 г. закреплялся порядок выплат «презентных денег», а их размер определялся рангом дипломата [Там же. Д. 3425. Л. 46]. Посол получал 8 тыс. руб., посланник – 6 тыс. руб., а представители третьего ранга – 3 тыс. руб. Также выплата в размере 600 руб. полагалась секретарю посольства. Деньги «отпускались» по именному указу из статс-конторы. В случае особой милости монархини к денежной выплате прибавлялись другие ценные дары: меха, драгоценности и т. п. В отношении супруг дипломатов Елизавета Петровна не была щедра. В документе «о даче отпускных денег» не упоминается ни одна «посольша», кроме «вдовы римско-императорского резидента Гогенгольца» [Там же. Д. 5552. Л. 14, 18–18 об.]. Н. С. Гогенгольц более 20 лет фактически руководил миссией в условиях постоянной смены послов и в их отсутствие, поэтому презент в виде бриллиантового перстня и 2 тыс. руб. был знаком уважения к покойному супругу. Уже упомянутому графу Огинскому достался «обыкновенный посланнический подарок» в 6 тыс. руб. Что получила графиня, и получила ли что-то, остается неизвестным [Там же. Оп. 2/1. Д. 1571. Л. 13 об.].

Порядок «дачи отпускных презентов» сохранился и при Екатерине II, но императрица была более щедра. Согласно дневнику Кэтрин Гаррис, по окончании миссии ее брату-посланнику, помимо «ординарного подарка» в 6 тыс. руб., досталась табакерка с портретом императрицы в бриллиантовой оправе ценой 4 тыс. руб. Мисс Гаррис же была пожалована большим бриллиантом ценой 2 800 руб. [TNA. PRO. 30/43. Dos. 19. F. 63 r.].

* * *

Европеизация российского дипломатического протокола в XVIII в. и включение в него правил приема супруг «чужестранных министров» создали благоприятную обстановку для коммуникации с европейскими странами. Увеличение количества делопроизводственной документации по вопросам, связанным с церемониалом приема «посольш», говорит не только о распространении практики сопровождения западноевропейских дипломатов женщинами, но и о том, что роль дам в дипломатии стала заметнее. И хотя «посольша» не представляла монарха, ее положение при дворе зависело от статуса мужа, но с увеличением участия супруги посла в дипломатическом процессе и дворы, и дипломатический корпус стали более внимательно наблюдать за символическим языком церемониала. Конфликтам, возникавшим на фоне различий в приеме иностранных дам при петербургском дворе, уделяли больше внимания, а их разрешение происходило на высшем уровне.

Этикетные нормы в России в XVIII столетии нередко зависели от расположения монаршей особы к государству, которое представлял дипломат, а также от личного отношения к посольской семье. Однако описанные в настоящей статье проблемы, связанные с приемом «посольш» и «посланниц», свидетельствует об изменениях в восприятии роли женщины в общественной жизни России. Так, императрица могла принять приятную для нее в общении «посланницу» с большими почестями, нежели не столь располагавшую к себе «посольшу», хотя церемониал предполагал обратное.

Библиографические ссылки

Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М. : Новый хронограф, 2012. 928 с.

АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1571–1573; Оп. 2/6. Д. 5545, 5552.

Борисов Ю. В. Рец. на кн.: Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 240–243.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1750 года. СПб. : Тип. Гл. упр-я уделов, 1857. 160 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1783 года. СПб. : Тип. Гл. упр-я уделов, 1882. 748 с.

Котова Е. В. Венский регламент о рангах дипломатических представителей 1815 г.: причины принятия и его значение // История : электрон. науч.-образоват.

журн. : [сайт]. 2023. Т. 14, № 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028130-2-1/> (дата обращения: 01.12.2023). DOI 10.18254/S207987840028130-2.

Мозер Ф.-К. фон. Женщина-посол и супруга посла: их права / пер. с фр. Е. Н. Даятовой. М. : Науч. кн., 2007. 192 с.

Новикова А. Д. Официальная дипломатия и неформальные связи при дворе Екатерины II: посольство Джеймса Гарриса в Россию // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65, № 5. С. 127–139. DOI 10.31857/S013038640014894-1.

Петрова М. А. Опыт разрешения церемониальных конфликтов до принятия Венского регламента 1815 г. (по материалам российской дипломатической переписки) // 200 лет венского системе: проект и практика европейской дипломатии : материалы IX Конвента РАМИ. М. : МГИМО-Ун-т, 2016. С. 65–76.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 12.

Рондо Дж. У. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / ред. и прим. С. Н. Шубинского. М. : Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2016. 284 с.

РГИА. Ф. 473. Оп. 1–3.

Смилянская Е. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

Шиколо М. И. Французские послы при иностранных дворах во второй половине XVII–начале XVIII в.: репрезентация королевской власти // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История*. 2019. № 6. С. 25–42.

Шилов Д. Н. Формулярные списки руководителей ведомств и членов Государственного совета: проблема достоверности источника // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

Bély L. Women in Diplomacy: The Ambassadors Seen by Friedrich Carl von Moser // *The Intern. History Rev.* 2021. Vol. 44, № 5. P. 990–1003. DOI 10.1080/07075332.2021.1934071.

Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century / ed. by H. Scott, B. Simms. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 382 p.

Hufton O. Reflections on the Role of Women in the Early Modern Court // *The Court Historian*. 2000. Vol. 5, № 1. P. 1–13. DOI 10.1179/cou.2000.5.1.001.

Kühnel F. 'Minister-like cleverness, understanding, and influence on affairs': Ambassadors in Everyday Business and Courtly Ceremonies at the Turn of the Eighteenth Century // *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800* / ed. by T. A. Sowerby, J. Hennings. L. : Routledge, 2017. P. 130–146.

TNA. PRO. 30/43. Dos. 11, 19.

References

Ageeva, O.G. (2012). *Diplomaticeskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek* [Diplomatic Ceremonial of Imperial Russia: 18th Century]. Moscow, Novyi khronograf. 928 p.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2. List 2/1. Dos. 1571–1573; List. 2/6. Dos. 5545, 5552.

Bély, L. (2021). Women in Diplomacy: The Ambassadors Seen by Friedrich Carl von Moser. In *The Intern. History Rev.* Vol. 44. No. 5, pp. 990–1003. DOI 10.1080/07075332.2021.1934071.

Borisov, Yu. V. (2002). Rets. na kn.: Kal'er F. Kakim obrazom dogovarivat'sya s gosudaryami [Review of the Book *On the Manner of Negotiating with Sovereigns* by F. Callières]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 240–243.

Hufton, O. (2000). Reflections on the Role of Women in the Early Modern Court. In *The Court Historian*. Vol. 5. No. 1, pp. 1–13. DOI 10.1179/cou.2000.5.1.001.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1750 goda. [The Camer Fourier Ceremonial Journal of 1750]. (1857). St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 160 p.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1783 goda. [The Camer Fourier Ceremonial Journal of 1783]. (1882). St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 748 p.

Kotova, E. V. (2023). Venskii reglament o rangakh diplomaticheskikh predstavitelei 1815 g.: prichiny prinyatiya i ego znachenie [Vienna Regulations on the Ranks of Diplomatic Representatives of 1815: Reasons for Adoption and Its Significance]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. Vol. 14. No. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028130-2-1/> (accessed: 01.12.2023). DOI 10.18254/S207987840028130-2

Kühnel, F. (2017). 'Minister-like cleverness, understanding, and influence on affairs': Ambassadors in Everyday Business and Courtly Ceremonies at the Turn of the Eighteenth Century. In Sowerby, T. A., Hennings, J. (Eds.). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L., Routledge, pp. 130–146.

Moser, F.-K. von. (2007). *Zhenshchina-posol i supruga posla: ikh prava* [Ambassador and the Ambassador's Wife: Their Rights] / transl. by E. N. Dayutova. Moscow, Nauchnaya kniga. 192 p.

Novikova, A. D. (2021). Ofitsial'naya diplomatiya i neformal'nye svyazi pri dvore Ekateriny II: posol'stvo Dzheimsa Garrisa v Rossiyu [Official Diplomacy and Informal Relations at the Court of Catherine the Great: James Harris's Embassy to Russia]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. Vol. 65. No. 5, pp. 127–139. DOI 10.31857/S013038640014894-1.

Petrova, M. A. (2016). Opyt razresheniya tseremonial'nykh konfliktov do prinyatiya Venskogo reglamenta 1815 g. (po materialam rossiiskoi diplomaticheskoi perezpiski) [Practice of Resolving Ceremonial Conflicts before the Adoption of Vienna Regulations in 1815 (According to the Russian Diplomatic Sources)]. In *200 let venskoi sisteme: proekti i praktika evropeiskoi diplomatii. Materialy IX Konventa RAMI*. Moscow, MGIMO-Universitet, pp. 65–76.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 12.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 473. List 1–3.

Rondeau, J. W. (2016). *Pis'ma ledi Rondo, zheny angliiskogo rezidenta pri russskom dvore v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ivanovny* [Letters from Lady Rondeau, the Wife of the English Resident at the Russian Court during the Reign of Empress Anna Ivanovna] / ed. by S. N. Shubinskii. Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennoi publichnoi istoricheskoi bibliotek Rossii. 284 p.

Scott, H., Simms, B. (Eds.). (2007). *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 382 p.

Shikulo, M. I. (2019). Frantsuzskie posly pri inostrannykh dvorakh vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: reprezentatsiya korolevskoi vlasti [French Ambassadors at the Foreign Courts in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries: The Representation of Royal Power]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. No. 6, pp. 25–42.

Shilov, D. N. (2022). The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 3, pp. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

Smilyanskaya, E. (2020). Diplomaticheskii tseremonial pri dvore Ekateriny II [The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

TNA. PRO. 30/43. Dos. 11, 19.

The article was submitted on 25.07.2023

Женщины и дети в иноземных наемных полках в годы Смоленской войны*

Олег Русаковский

Независимый исследователь,
Ереван, Армения

Women and Children in Foreign Mercenary Regiments During the Smolensk War**

Oleg Rusakovskiy

Independent scholar,
Yerevan, Armenia

This article discusses the presence of women and children in early modern military communities with reference to the foreign regiments in Russian service during the Smolensk War of 1632–1634. While gender history has been extensively researched in the context of Western European military history, it has not yet received much attention in studies of seventeenth-century Russian warfare. The article explores possible avenues for such research, drawing primarily on Russian-language archival records of the semi-autonomous regiments for which all non-Russians (mostly Germans, Englishmen, and Scots) were recruited abroad. Other sources include the surviving wills of English mercenary officers, the church records of the Lutheran parish in Moscow, and the accounts of foreign travellers to Russia. The article systematises evidence on the wives, mistresses, and children of foreign soldiers and officers who came to Russia as members of their families or in some other status. These data prove the constant presence of women and children in the foreign regiments during the siege of Smolensk. The article examines the legal situation of these persons and the policy of the Russian authorities towards them. It also discusses their property situation, inheritance issues, and women's participation in legal and informal conflicts within the military communities, as well as corruption cases related to the illegal service of minors in the regiments. It also examines the

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения 075-15-2020-928).

** Citation: Rusakovskiy, O. (2024). Women and Children in Foreign Mercenary Regiments During the Smolensk War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 571–586. DOI 10.15826/qr.2024.2.896.

Цитирование: Rusakovskiy O. Women and Children in Foreign Mercenary Regiments During the Smolensk War // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 571–586. DOI 10.15826/qr.2024.2.896 / Русаковский О. Женщины и дети в иноземных наемных полках в годы Смоленской войны // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 571–586. DOI 10.15826/qr.2024.2.896.

social tensions created by marriages between mercenaries and the daughters and widows of foreigners living permanently in Russia. Documentary evidence of any contact between mercenaries and Russian women is almost entirely lacking.

Keywords: gender history, Smolensk War, military history of 17th-century Russia, foreigners in 17th-century Russia, mercenaries

В статье на материале истории наемных иноземных полков на русской службе периода Смоленской войны 1632–1634 гг. рассматриваются вопросы присутствия женщин и детей в военных сообществах раннего Нового времени. Аспекты гендерной истории плодотворно исследуются на западноевропейском военно-историческом материале, но до сих пор не получили специального освещения в исследованиях по русской военной истории XVII в. Статья предлагает возможные пути подобного исследования на основе преимущественно русскоязычных делопроизводственных источников, которые описывали ситуацию в полках, полностью укомплектованных иноземцами (преимущественно немцами, англичанами и шотландцами) и отличавшихся значительной внутренней автономией. В качестве дополнительных источников выступают сохранившиеся завещания английских наемных офицеров, церковная книга лютеранской кирхи в Москве и сочинения иноземцев о России. Собраны сведения о женах, любовницах и детях иноземных солдат и офицеров, об особенностях их приезда в Россию в составе семей наемников или в ином качестве. Установлено постоянное присутствие женщин и несовершеннолетних детей в иноземных полках, в том числе в действующей армии в период осады Смоленска. Исследуются правовой статус этих лиц и отношение к ним русских властей. Затрагиваются вопросы их имущественного положения и наследования, участия женщин в юридических и иных конфликтах внутри военных сообществ, а также злоупотребления, связанные с незаконной службой несовершеннолетних в полках. Рассматриваются некоторые аспекты частной жизни наемников, в частности, социальные проблемы, которые сопровождали браки между ними и дочерьми и вдовами иноземцев, постоянно проживавших в России. Делается вывод о почти полном отсутствии задокументированных контактов иноземцев с русскими женщинами.

Ключевые слова: гендерная история, военная история России XVII в., Смоленская война, иноземцы в России XVII в., наемники

Тема «женского лица» войны в России XVII в. и положения женщин и детей русских служилых людей XVII в. и иноземцев на царской службе, несмотря на обилие конкретного фактического материала, до сих пор не получила комплексного освещения в историографии (первые попытки см.: [Stevens, 2009; Stevens, 2012]). В еще меньшей степени систематизированы данные о положении детей на войне в допетровской России, в значительной мере вследствие недостатка работ по истории детства в России раннего Нового времени во-

обще [обзор см.: Кошелева]. В настоящей статье проблемы гендерной истории рассматриваются на примере иноземных наемных полков, набранных в Европе правительством царя Михаила Федоровича для участия в Смоленской войне 1632–1634 гг. (об истории наемных полков см.: [Сташевский; Опарина, 2006; Dukes, 1982; Dukes, 2001; Dukes, Herd, Kotilaine, p. 71–76; Rusakovskiy; Rusakovskii]; о военной и дипломатической истории войны см.: [Поршнеv; Меньшиков]). На основе полковой документации, сохранившейся преимущественно в современных событиям русских переводах, а также иных источников систематизированы сведения о членах семей офицеров и солдат, прибывших в Россию в составе наемных частей. В статье предлагаются реконструкции – неизбежно фрагментарные – нескольких эпизодов, связанных с частной и семейной жизнью наемников. Совокупность этих упоминаний позволяет, с одной стороны, говорить о женщинах и детях как о необходимой части специфических европейских сообществ, существовавших, пусть и на протяжении ограниченного времени, на русской службе. С другой стороны, эта частная сторона жизни наемных солдат и офицеров остается во многом скрытой от нас из-за недостаточной регламентации со стороны русского правительства и, как следствие, остро ощущаемого недостатка источников.

Присутствие женщин и детей в русских военных сообществах допетровского времени или рядом с ними не было чем-то необычным. Многие служилые люди XVII в. имели семьи и нередко перевозили их с собой на новое место службы [Stevens, 2012, p. 390–402]. Несомненно, на плечи солдатских жен и дочерей ложилась львиная доля домашней работы в отдельных домохозяйствах [Stevens, 2009, p. 483–484] (о более позднем периоде см.: [Щербинин, с. 38–43]). Вместе с тем женщины крайне редко сопровождали русские армии XVII в. Кратковременным исключением были, вероятно, лишь пленницы, зачастую сопровождавшиеся несовершеннолетними детьми (примеры см.: [Stevens, 2012, p. 388–390; Курбатов, 2016, с. 241]). Сказанное справедливо и в отношении иноземцев, постоянно находившихся на русской службе. Очевидно, их жены, женщины иного статуса и дети сравнительно редко следовали за главой семейства в походах, если только речь не шла о долговременной гарнизонной службе.

Обратившись к синхронному западноевропейскому материалу раннего Нового времени, мы обнаружим совершенно противоположную картину – и в том, что касается положения женщин и детей в армиях этой эпохи, и в активности историографической дискуссии [Ailes, 2012; Lynn, p. 92–101; Kroener; Hahn; Burschel, S. 226–257; Ailes, 2018]. Нонкомбатанты различного статуса постоянно сопровождали наемные армии XVI–XVII вв., порой составляя в них большинство относительно собственно солдат и офицеров. Жены и любовницы солдат, а также лагерные проститутки, маркитантки и несовершеннолетние слуги обоих полов выполняли хозяйственные, санитарные и логистические функции, жизненно необходимые для функциони-

рования наемных отрядов. Именно женщины и дети играли ключевую роль в создании и функционировании своеобразных «лагерных сообществ» (*Lagergesellschaften / campaign communities*), которые в определенной степени заменяли рядовым наемникам более устойчивые и привычные им по мирной жизни социальные структуры – семьи, цеха, сельские или городские общины. В свою очередь, принадлежность к вооруженным отрядам до некоторой степени повышала шансы женщин и детей на физическое выживание, а иногда и давала им надежду на социальный успех. Наконец, браки, в том числе заключавшиеся во время походов, были важным инструментом установления и поддержания социальных связей, а благодаря возможности наследования – существенным фактором в экономической жизни как солдатской массы, так и офицерства.

Не претендуя на комплексный анализ различий в положении женщин и детей в армиях Западной, Центральной и Восточной Европы, я в данной статье рассматриваю материал, в равной степени принадлежащий русской и европейской военной истории. Речь пойдет о четырех наемных полках, вступивших в русскую службу в 1631–1632 гг. и участвовавших в осаде Смоленска 1632–1634 гг. Три из них были набраны летом 1631 г. шотландцем Александром Лесли, получившим широкие полномочия по вербовке иноземцев для временной службы в России. Лесли возглавил один из наемных полков, двумя другими командовали немцы Якоб Шарль фон Харслебен и Ганс Фридрих Фукс. Большинство солдат и офицеров составляли шотландцы и выходцы из Северной и Центральной Германии. Среди наемников также были голландцы, подданные шведской короны и французы-гугеноты. Летом 1632 г. англичанин Томас Сандерсон, действуя по соглашению с Лесли, набрал в Лондоне и его окрестностях четвертый наемный полк под собственным началом. Общая численность соединений, полностью укомплектованных иноземными солдатами и офицерами, составила около 3,5 тыс. чел. Будучи подконтрольными русскому военному командованию в тактическом отношении, иноземные полки пользовались значительной внутренней автономией, гарантированной договорами их командиров с царским правительством.

Большая часть наемников прибыла в Россию осенью 1631 г., перейдя шведскую границу, и после тяжелого марша через Новгород и Тверь зимой 1631/32 гг. вступила в Москву. Оттуда полки Лесли, Шарля и Фукса отправились в конце августа 1632 г. под Смоленск в составе русской осадной армии под командованием Михаила Борисовича Шеина. Английский полк Сандерсона высадился в августе 1632 г. в Архангельске и, добравшись в декабре того же года до Москвы, присоединился к осаждающим в феврале 1633 г. Войска Шеина не смогли принудить гарнизон Смоленска к капитуляции, а два штурма города в мае – июне 1633 г. окончились неудачей. В сентябре того же года прибывшая под Смоленск польско-литовская армия под командованием короля Владислава блокировала осаждавших

в их лагере и в феврале 1634 г. принудила к капитуляции. Некоторая часть наемников предпочла переменить сторону и вступить в польскую службу. Большинство же вернулись в Москву и в течение весны и лета 1634 г. покинули пределы Русского государства.

Одновременно с набором наемных соединений, которые полностью состояли из иноземцев и пользовались административной и правовой самостоятельностью, русское правительство приступило к формированию русских частей иноземного строя [Малов, 2013; Малов, 2006, с. 38–40]. Всего в 1632–1633 гг. под Смоленск были отосланы шесть солдатских полков и один рейтарский, в которых царские подданные служили рядовыми под началом иноземных офицеров и опытных солдат. Значительную часть этих европейских командиров и инструкторов составили наемники, по тем или иным причинам не получившие мест в иноземных полках. В дальнейшем мое внимание будет сосредоточено преимущественно на членах семей офицеров, унтер-офицеров и солдат, бывших на службе в четырех наемных полках, полностью иноземных по своему составу. Некоторые примеры, касающиеся жен и детей европейских начальных людей, служивших в русских частях солдатского и рейтарского строя, представляются, однако, необходимыми, во-первых, вследствие упомянутых кадровых переходов между полками, во-вторых – поскольку отдельные сведения о ситуации в русских частях могут быть экстраполированы на иноземные соединения, и наоборот.

* * *

Нахождение в войсках нонкомбатантов не оговаривалось в дошедших до сегодняшнего дня проектах контрактов и уставных документов, составленных на русском языке для переговоров с иноземными полковниками зимой – весной 1631 г. [ср.: Rusakovskiy, p. 195–196], в то время как в европейских военно-правовых сборниках ограничения на присутствие в лагере женщин были обычной, хотя и редко исполнявшейся нормой. Никакому формальному регулированию не подлежал вопрос о наследовании имущества погибших или пропавших без вести воинов, в частности, о выплатах их вдовам, детям и иным родственникам. Последнее тем более странно, что в 1630 г. именно компенсации, которые якобы причитались членам семей английских офицеров и солдат, воевавших еще в составе наемного корпуса Якоба Делгарди в 1609–1610 гг., стали поводом для требований, впрочем, безуспешных, новых привилегий для английской Московской компании со стороны короля Карла I в его грамотах к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету [РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 48, 49] (о наемном корпусе Делгарди см.: [Курбатов, 2014, с. 80–111; Замятин, с. 411–434]).

Наши знания о семейном положении наемников почти всегда оказываются ограничены случайными упоминаниями о женах высших офицеров. Жена полковника Александра Лесли Анна, урожденная

Виггерссин, выехала к своему мужу в Москву через Нотебург, Ладогу и Новгород еще в августе 1630 г. Вместе с ней ехала группа иноземных офицеров, а также ее домочадцы – отец, мачеха, сын Густав, новорожденный младенец, не названный по имени, «две девицы» (вероятно, служанки), «мамка» и еще одна «немка» неизвестного статуса [Селин, с. 198–200]. Зимой 1631/32 г. жену с детьми вывез в Россию шотландец Александр Нерден (Нерк), капитан русского полка Лесли [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1631 г. Д. 8. Л. 48] (о Нердене см. [Малов, 2013, с. 139]). Так же ранее поступили вступившие в русскую службу в частном порядке и не служившие в наемных отрядах пушечный мастер Юлиус (Елисей) Коет [Там же. 1630 г. Д. 2] (о Коете см.: [Лобин, с. 137–139]) и военный инженер Ян Корнилий ван Роденбург (Ян Корнилов) (см. роспись его жены в получении жалования в [Там же. 1634 г. Д. 1. Л. 3]; о ван Роденбурге см.: [Мельник]). Мы можем также предполагать присутствие в России жены английского капитана Ричарда Конингсби (Richard Coningsby) Тинки (Tinkey), голландки по рождению. По завещанию от 23 января 1634 г. капитан оставлял ей все свои сбережения, включая еще не полученное жалование, которое царское правительство задолжало ему за предыдущие месяцы [TNA. PROB 11/167/82]. По всей вероятности, во всех названных случаях офицерские жены не отправились со своими мужьями в трудный и опасный поход под Смоленск, а оставались в Москве, получая поденный корм в соответствии со статусом и денежным довольствием своих мужей.

Хотя обычно женщины и малолетние дети, не имевшие возможности поступить на службу, не упоминались в смотренных списках иноземных полков, отдельные исключения имели место. Так, в последние дни июля 1631 г. на русско-шведскую границу на реке Лавуя прибыла из Нотебурга группа из 17 нанятых Лесли иноземных офицеров и солдат во главе с полковым поручиком немцем Германом (Германом, Арманом, Юрием) Бекманом (Hermann Beckman), служившим прежде в шведской армии [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 44. Л. 115–117] (о Бекмане см.: [Малов, 2013, с. 129; Селин, с. 207]). Поданная Бекманом роспись его отряда, сохранившаяся в немецком оригинале и в современном событиям русском переводе, включает сведения о женах, детях и слугах, которых его подчиненные привезли с собой в Россию [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 44. Л. 118–122]. Поручик Георг Зиннот (Georg Sinnoth / Егорей Зиннот), капитан Сигизмунд Цинкетхаус (Sigismund Zinkethauß / Зигимунт Сеннигус), лейтенант Лоренц Ганеб (Laurentz Ganeb / Лавренц Гам) и капрал Вильгельм Либе (Wilhelm Liebe / Вилем Линзи (*sic!*)) привезли с собой жен, а Цинкетхауса, помимо супруги, сопровождал ребенок неназванного пола (ein Kinde). Кроме того, сам Бекман, Зиннот, капитан Роберт Грим (Robert Grim), Цинкетхаус и Ганеб имели пажей или мальчиков-слуг (Junge / малой). Очевидно, наличие семьи повышало необходимость в содержании прислуги. Наконец, в отряде ехала жена капитана Уильяма

Мура (Мурья), уже находившегося на царской службе в одном из русских полков иноземного строя (о нем см.: [Малов, 2013, с. 139]), с ребенком и служанкой (*eines Capitans Fraw More genannt, so in Ihro Zar[is]chen Maytt. Dienste sich verhält, mit ihrem Kinde und einer Magt* / «Капитанова жена Морее, которово капитана имяне, тово не написано, а муж де ее служит государю на Москве, а у той капитановой жены робенок да служащая»). Соотношение 17 офицеров, унтер-офицеров и солдат и 18 чел. женщин, детей и слуг в целом соответствует представлениям о непомерной численности нонкомбатантов в армиях раннего Нового времени. Следует, впрочем, иметь в виду, что речь в данном случае шла о небольшом отряде, состоявшем в основном из начальных людей, в то время как общая масса рядовых солдат в значительно меньшей степени могла позволить себе содержание женщин, не говоря уже о прислуге.

Наши знания о женах наемных офицеров в большинстве случаев ограничиваются их именами. Лишь Джудит, жена, а затем вдова полковника Томаса Сандерсона, выступает в источниках как активное действующее лицо. Можно предполагать, что для ее мужа это был второй брак. В своем завещании, составленном 17 мая 1633 г. в лагере под Смоленском в преддверии штурма города, полковник наряду с Джудит и их общими детьми называет наследниками дочь Маргарет и сына Томаса, вероятно, рожденных в первом браке и оставшихся в Англии [TNA. PROB 11/168/45]. Точно известно, что Джудит последовала за Сандерсоном в Россию и оставалась в Москве во время осады Смоленска. Единственная сохранившаяся выписка о выдаче ей жалования после смерти ее мужа датирована 20 февраля 1634 г. и сопровождается распиской вдовы на английском (*I Judeth Sanderson have resefed two hundred and fiftie rubles*) [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1634 г. Д. 1. Л. 4 об. – 5 об.]. Отца сопровождал и младший сын Энтони, числившийся в чине прапорщика в роте капитана Томаса Бредимана [Там же. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 148].

Свою смерть Томас Сандерсон встретил на поле боя, но отнюдь не от рук неприятеля. 2 декабря 1633 г. Александр Лесли в ходе вспыхнувшей ссоры обвинил Сандерсона в измене и застрелил на глазах русских и иноземных начальных людей и солдат [Dukes, 1982, p. 182–184; Dukes, 2001, p. 408–412; Appleby, p. 43–44]. После гибели полковника его семья вознамерилась отомстить убийце. Неясно, участвовала ли вдова в действительности в этих попытках, или же другие родственники лишь использовали ее имя. Семья Сандерсона, поддержанная большинством английских купцов, обратилась к Михаилу Федоровичу с не дошедшей до нашего времени челобитной, требуя для Лесли смертной казни. Не позднее 6 мая 1634 г. Джудит уже была в Лондоне – именно этим числом датировано вступление в силу завещания ее мужа, заверенного лондонским нотариусом Генрихом Мартеном [TNA. PROB 11/168/45]. Здесь Джудит, ее сын Энтони и брат покойного Рэли Сандерсон подали в Королевский военный совет прошение

с изложением обстоятельств убийства Т. Сандерсона и требованием наказания для Лесли [TNA. SP 80/9. Fol. 8]. Это прошение поддержали члены лондонской Московской компании, участвовавшей в снаряжении полка Сандерсона, во главе с бывшим королевским послом в России сэром Джоном Мериком. 22 сентября 1634 г. Карл I направил грамоту Михаилу Федоровичу, требуя наказания для Лесли, все еще находившегося в царских владениях, но она не возымела действия. К моменту окончания этого разбирательства Джудит Сандерсон повторно вышла замуж. Ее избранником оказался уже упоминавшийся полковник Герман Бекман [Шунков, с. 114], который обосновался в Англии и сражался впоследствии на стороне роялистов в гражданских войнах [Journal of the House of Commons, p. 109].

Делопроизводственные источники практически не сохранили упоминаний о массовом присутствии женщин в наемных полках во время похода на Смоленск и его осады. Исключения редки. В первые дни сентября 1632 г. царский карл Федька Иванов, вышедший с московским людом поглазеть на торжественное отправление из столицы полка Якова Шарля, был схвачен неким сержантом Артуром (Ардером) Дрекхартом (Дреком), который «ево де за Орбатцкими воротами... взял, посадил в немецкую телегу к немкам пьянова и до Можайска на стане ево не объявлявал» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 62. Л. 23]. Немцы (и, вероятно, немки?) «говорили де ему... как государь их отпустит в свою землю, и он бы де ехал с ними в немцы. И как де он от немец услышел, что ево хотят свести в свою землю, и он де от них збежал» [Там же]. Обыденность этого упоминания позволяет предположить, что женщины неизвестного статуса не были редкими гостями в стане иноземных полков. Другим свидетельством того, что жены и подруги солдат порой сопровождали своих мужчин под стенами Смоленска, служит история Томаса Сакса, капитана русских частей иноземного строя. Его жена в последние месяцы осады бежала в польско-литовский лагерь и нашла там себе нового спутника, отказавшись возвращаться к мужу после капитуляции русской армии в феврале 1634 г. [Соколовский, с. 80–81; Stevens, 2012, p. 387].

Порой источники, обычно скупые на подробности, сообщают нам о жизненных и любовных драмах. Англичанин Уильям Голвей, служивший в шведской армии, был взят в плен поляками «в Лифленской земле блис города Грейды» (возможно, Грауденца в Пруссии) и провел три года в Смоленске. Оттуда он бежал в мае 1631 г., «а подговорил с собою у немецкого прапорщика в Смоленске жену, и с нею прибежал в Ригу, а из Риги – в Колывань, а за ним де из Смоленска гоняли литовские люди, а только б де угнали и ево б убили» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67. Л. 256–257]. В Колывани (Ревеле) Голвей, сопровождаемый любовницей, нанялся в роту шотландского капитана Томаса Валдона, но по каким-то причинам, перейдя русскую границу в Тесове, вскоре вновь выехал в шведские пределы в Нотебург. Спустя короткое время англичанин повторно пересек русскую границу

в отряде уже упоминавшегося подполковника Германа Бекмана [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67. Л. 247–261]. Вместе с ним Голвей и его спутница добрались до Москвы. Там англичанин был арестован по подозрению в связи с литовскими лазутчиками и, проведя более двух лет в заключении, получил смертельные ожоги в московском пожаре 25 апреля 1634 г. Дальнейшая судьба его подруги неизвестна.

Некоторые из людей Лесли, Шарля и Фукса обзавелись временными или постоянными спутницами жизни во время пребывания в Москве в феврале – августе 1632 г. Браки между «немками», уже осевшими в России, и вновь прибывшими иноземцами не были редкостью для первой половины XVII в. [Скобелкин, с. 85]. Короткое пребывание в столице перед отправлением в опасный поход тем более располагало к романам, некоторые из которых завершались у алтаря. За 1632 г. церковная книга московской лютеранской церкви, сохранившаяся, к сожалению, лишь в кратких выписках (*Excerpta*) знаменитого историка Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783), упоминает о 15 браках, которыми сочетались «один лейтенант, остальные же были сержантами, фурьерами, капралами, ефрейторами и простыми солдатами (*Gemeine*)» [Fechner, S. 213]. В 1633 г., когда большинство потенциальных женихов уже находились под стенами Смоленска, пастор Мартин Мунстербергер обвенчал пять пар, среди них Северина фон Вульфсандта (Severin von Wulfsandt), капитана русских полков иноземного строя, а также некоего фендриха Томаса Штейна (Thomas Stein), женой которого стала Мэри (Maria), дочь английского капитана Роберта Грея (Robert Gray), командовавшего ротой в полку Сандерсона [Ibid., S. 214].

Очевидно, сватовство далеко не всегда проходило гладко и немедленно вело к браку. Шотландец Александр Аннант, капитан, а позднее подполковник иноземного полка Лесли, на квартирах в Москве был помолвлен с Анной, некрещеной дочерью перешедшего в православие иноземца старого выезда шотландца Питера Гамильтона (Давыда Петрова сына Гаментова), который в те годы служил подполковником в русском полку рейтарского строя [НИА СПбИИ РАН. Ф. 175. Кн. 32. Л. 3390–3393] (о Гамильтоне см.: [Малов, 2013, с. 132]). В июне 1633 г. Аннант самовольно оставил русский лагерь под Смоленском и вернулся в столицу. В ходе последовавшего расследования он объяснил свое поведение полученной раной и желанием заключить законный брак. По его словам, многие из его сослуживцев брали в жены дочерей и вдов иноземцев старого выезда. Сохранившиеся выписки из церковных книг лютеранской кирхи, однако, не содержат сведений о браке Аннанта. Вернуться в действующую армию ему также не удалось – в 7142 (1633/34) г. он получал жалование в Иноземском приказе как безместный подполковник [Там же, с. 129], но, по всей видимости, не остался на русской службе и вынужден был вернуться на родину.

Если русское командование, как кажется, не особенно опасалось, что амурные похождения подорвут и без того не слишком твердую дисциплину внутри наемных полков, то для существовавших в Мо-

скве иноземных общин возникавшие связи и браки неожиданно стали серьезным вызовом. Речь шла не только о сексуальной распущенности, которая обычно ассоциировалась с наемниками, но и о разрушении привычных социальных иерархий. Адам Олеарий, секретарь голштинского посольства, побывавший в Москве в 1634 г., записал следующие слухи:

Поскольку тогда иноземные офицеры, направлявшиеся под Смоленск, брали в жены купеческих служанок, те как супруги капитанов и поручиков не желали более сидеть [в церкви] ниже, чем их прежние госпожи. Купеческие жены, однако, полагали для себя оскорбительным, чтобы те, кто незадолго до того был их служанками, сидели выше их. От этого в церкви произошла сильная ссора, окончившаяся дракой [Olearius, 1647, S. 193; Olearius, 1656, S. 317–318¹].

По словам Олеария, это происшествие вызвало гнев патриарха Филарета и стало причиной упразднения на некоторое время лютеранской церкви в Москве. Косвенным подтверждением низкого происхождения московских невест служат и частые умолчания церковных книг об их родне, а также прямо оскорбительные выражения московских пасторов о поведении молодоженов до брака [Fechner, S. 209–210].

В сравнении с многочисленными сообщениями об отношениях московских «немок» со вновь прибывшими иноземцами бросается в глаза почти полное молчание источников о любых контактах наемников с русскими женщинами. На пути от шведской границы к Москве осенью и зимой 1631–1632 гг. люди Лесли, Шарля и Фукса грабили и убивали крестьян, разрушали их дома и оскверняли церкви [Rusakovskii, 2023, p. 101–103; Сташевский, с. 192–196]. Источники, однако, не содержат упоминаний ни о насилии по отношению к местным женщинам, бывшем неизменным спутником европейских войн этого времени [Theibault], ни о добровольных побегах русских женщин с наемниками. Единственным зафиксированным преступлением против женщин, лишенным, впрочем, сексуального подтекста, остается убийство, совершенное сержантом полка Лесли Гансом Курлендером (Hans Kurländer). Согласно подписанному полковником смертному приговору, Курлендер говорил своим русским сообщникам, что «он же де ведает рускую жену, которая горелку продает, и туда де он их звал ту женку грабить. И те салдаты де, ево послушав, с ним пошли, и ту жонку грабили, и до смерти убили» (*Er wüste eine rußische Fraw, die Brandtwein schenkte, alda mußte er mit ihnen hingehen und selbige berauben, die Soldaten haben sich auch von ihm laßen überreden und samt miteinander hingangen, darüber daß Weib beraubt und todtgeschlagen*

¹ Перевод пассажа мой, поскольку в русскоязычном издании [Олеарий, с. 369–370] он содержит очевидные ошибки. – О. Р.

worden) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 904. Л. 34–35]. Остается неизвестным, где и когда имело место это преступление и какие отношения связывали убийцу и его жертву.

Наемные полки сопровождало множество детей и подростков, а попытки записать «недорослей» в качестве полноценных солдат были одним из самых распространенных злоупотреблений при наборе войск. Московский смотр иноземных полков Лесли, Шарля и Фукса, заверченный 11 апреля 1632 г., выявил 34 наемника, к именам которых русские приказные люди сделали приписку «мал»/«малый» [Там же. Оп. 11. Стб. 142; ср.: Сташевский, с. 107]. Семеро из них были барабанщиками – распространенная должность для подростков в армиях раннего Нового времени, в том числе в русских войсках XVII в. [ср.: Малов, 2006, с. 197–198]. Примечательно, что «по смотру малы» оказались и два унтер-офицера, некие ротмистр (глава *Rotte* – минимального подразделения, включавшего три-четыре рядовых солдата) Генрих (Индрик) Брун и подротмистр Юрген (Гюрген) Гинце [РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 142. Л. 15, 30]. Цифра в 34 несовершеннолетних примерно на 2,3 тыс. наемников кажется незначительной, но доверять ей в абсолютном исчислении едва ли возможно. Можно предполагать, что проверка возраста была в отсутствие формализованных критериев весьма условной и проводилась в разных подразделениях с разной тщательностью [ср.: Hahn, S. 2–3]. Так, в роте Максимилиана Сенхота насчитывалось целых 13 «малых», в то время как в некоторых ротах их не нашли вовсе. Смотренный список полка Томаса Сандерсона, поданный в Москве 23 января 1633 г., вообще не знает категории «мал», хотя в нем учтены больные и умершие – две другие группы, часто становившиеся причиной злоупотреблений со стороны наемных командиров [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 63. Л. 112 об. –195].

Статус «малого» (или «недоросля») отнюдь не исключал нахождения на службе. Как уже говорилось, из подростков часто набирались барабанщики. Кроме того, в полку Ганса Фридриха Фукса находились «2 ч[еловека] иноземские дети, недоросли, для толмачества» [Там же. Оп. 9. Стб. 76. Л. 59]. Возможно, речь идет о детях иноземцев, уже проживавших в Москве и потому освоивших русский язык, что было существенным в условиях хронической нехватки переводчиков в армии Шеина [ср.: Там же. Оп. 13. Стб. 63. Л. 235; Стб. 66. Л. 89]. «Недоросль» Данила, сын поручика Нельфа Макорфа, был 3 сентября 1632 г. определен, несмотря на свое малолетство, в русский солдатский полк под командованием Генриха (Индрика) ван Дама [Там же. Оп. 6. Кн. 46. Л. 1002], рядовым, как это было принято для «недорослей»-иноземцев [Опарина, 2007, с. 214–215]. Еще двое «иноземских детей», Иван, сын капитана Джона Вуда, и Яков, сын поручика Петера Юля, упомянутые в росписи вместе с Данилой, остались в положении «недорослей», получая поденный корм в 2 алтына в день (60 алтын в месяц).

Сведений об их отцах в смотренных списках найти не удалось. Возможно, они погибли или преждевременно покинули Россию, оставив своих детей без средств к существованию.

* * *

Подведу некоторые итоги. Женщины и дети были неотъемлемой частью наемных полков, участвовавших в составе русского войска в осаде Смоленска в той же степени, в какой это было нормой в большинстве европейских армий XVI–XVII вв. Значительное число офицеров привезли в Россию свои семьи. Многие из офицерских жен, правда, остались на время похода в Москве и не последовали за своими мужьями под стены польской крепости, хотя и обратные примеры, очевидно, имели место. Присутствие женщин и детей в солдатском обозе также не вызывает сомнений, хотя источники об этом весьма скудны. Активные контакты наемников с иноземной общиной в Москве сопровождались заключением законных браков и, вероятно, внебрачными сексуальными связями. В то же время если подобные отношения европейцев с русскими женщинами и имели место, то были относительно редки и не нашли отражения в источниках. Подобное положение дел, как кажется, вполне устраивало русское правительство. Оно было готово идти на некоторые издержки, связанные с временным содержанием вдов и сирот погибших офицеров, и на вероятные потери, возникавшие из-за записи несовершеннолетних в полки. Несмотря на периодически вспыхивавшие из-за офицерских браков скандалы и конфликты, русские власти не предприняли попыток контролировать эту сторону жизни нанятых ими военных. Подобный прагматический подход в целом хорошо согласуется с общей практикой минимального вмешательства в дела наемных отрядов, характерной для правительства царя Михаила Федоровича в 1631–1634 гг.

Библиографические ссылки

Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века : Очерки политической и военной истории. СПб. : Европ. дом, 2008. 494 с.

Кошелева О. Е. Филипп Арьес и российские исследования истории детства // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия, социология, искусствоведение. 2010. Вып. 15. С. 25–31.

Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М. : Квадрига, 2014. 240 с.

Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М. : Квадрига, 2016. 320 с.

Лобин А. Н. Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. // История военного дела : исследования и источники. Спец. вып. 6. Русский «бог войны» : Исследования и источники по истории отечественной артиллерии : [электрон. журн.]. 2016. Ч. 2. С. 97–157. URL: http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7/ (дата обращения: 15.12.2022).

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории : 1656–1671. М. : Древлехранилище, 2006. 624 с.

Малов А. В. Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М. : Наука, 2013. С. 126–143.

Мельник А. Г. Мифы ростовской земляной крепости XVII века // История и культура Ростовской земли. Ростов : Гос. музей-заповедник Ростов. кремль, 2013. С. 67–81.

Меньшиков Д. Н. Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования русской армии : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2009. 225 с.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 175. Кн. 32.

Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. / пер. П. Барсова. М. : Университет. тип., 1870. 1174 с.

Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII веках / под ред. А. К. Левыкина. М. : Древлехранилище, 2006. С. 141–166.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. : Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. : Наука, 1976. 436 с.

РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 48, 49; Ф. 141. Оп. 1. 1632 г. Д. 67; Ф. 150. Оп. 1. 1630 г. Д. 2; 1631 г. Д. 8; 1634 г. Д. 1; Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46; Оп. 9. Стб. 76, 904; Оп. 11. Стб. 142; Оп. 13. Стб. 44, 62, 63.

Селин А. А. Из истории Великого Новгорода времен Смоленской войны : Наем «воинских людей» и закупка вооружений // Новгородский исторический сборник. 2014. Вып. 14. С. 193–216.

Скобелкин О. В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. : дис. ... докт. ист. наук. Воронеж : [Б. и.], 2015. 557 с.

Соколовский И. Р. Служилые иноземцы в Сибири XVII века (Томск, Енисей, Красноярск). Новосибирск : Сова, 2004. 212 с.

Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. : Организация и состояние московской армии. Киев : [Б. и.], 1919. 328 с.

Шунков В. И. Эпизод из деятельности английских купцов в Московском государстве XVII века // Исторический архив. Вып. 2. 1939. С. 101–115.

Щербинин П. И. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов : Юлис, 2004. 507 с.

Ailes M. E. Camp Followers, Sutlers, and Soldiers' Wives : Women in Early Modern Armies (c. 1450–c. 1650) // A Companion to Women's Military History / ed. by B. C. Hacker, M. Vining. Leiden : Brill, 2012. P. 61–93. DOI 10.1163/9789004206823_004.

Ailes M. E. Courage and Grief: Women and Sweden's Thirty Years' War. Lincoln, NE ; L. : Univ. of Nebraska Press, 2018. 240 p.

Appleby J. H. Dr. Arthur Dee : Merchant and Litigant // Slavonic and East Europ. Rev. 1979. Vol. 57, № 1. P. 32–55. DOI 10.2307/4207757.

Burschel P. Söldner im Nordwestdeutschland des 16. und 17. Jahrhunderts : Sozialgeschichtliche Studien. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. 400 S.

Dukes P. The Leslie Family in the Swedish Period (1630–5) of the Thirty Years' War // Europ. History Quarterly. 1982. Vol. 12. P. 401–424. DOI 10.1177/026569148201200402.

Dukes P. New Perspectives. Alexander Leslie and the Smolensk War // Scotland and the Thirty Years' War / ed. by S. Murdoch. Leiden ; Boston, MA ; Cologne : Brill, 2001. P. 173–190.

Dukes P., Herd G. P., Kotilaine J. Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee : Dundee Univ. Press, 2009. 262 p.

Fechner A. W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau : Zum dreihundertjährigen Jubiläum der evangelisch-lutherischen St. Michaelis-Gemeinde. Moskau : J. Deubner, 1876. Bd. 1. 517 S.

Hahn P.-M. Kriegserfahrungen von Kindern und Jugendlichen im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges // Kinder und Jugendliche in Krieg und Revolution : Vom Dreißigjährigen Krieg bis zu den Kindersoldaten Afrikas / Hrsg. von D. Dahlmann. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Schöningh, 2001. S. 1–16.

- Journal of the House of Commons. 1802. Vol. 3. 1643–1644. 833 p.
- Kroener B. R. "... und ist der jammer nit zu beschreiben": Geschlechterbeziehungen und Überlebensstrategien in der Lagergesellschaft des Dreißigjährigen Krieges // Kroener B. R. Kriegerische Gewalt und militärische Präsenz in der Neuzeit : Ausgewählte Schriften / Hrsg. von R. Pröve, B. Thoß. Paderborn : Schöningh, 2008. S. 109–124.
- Lynn J. A. Essential Women, Necessary Wives, and Exemplary Soldiers : The Military Reality and Cultural Representation of Women's Military Participation (1600–1815) // A Companion to Women's Military History / ed. by B. C. Hacker, M. Vining. Leiden : Brill, 2012. P. 92–136. DOI 10.1163/9789004206823_005.
- Olearius A. Offt begehrte Beschreibung der neuen orientalischen Reise. Schleßwig : Zur Glocken, 1647. 536 S.
- Olearius A. Vermehrte neue Beschreibung der muscowitischen und persischen Reyse. Schleßwig : [S. n.], 1656. 768 S.
- Rusakovskiy O. Foreign Military Law and Mercenary Contract in Seventeenth-Century Russia : The Case of the Smolensk War, 1632–1634 // Russian History. Vol. 48. 2022. P. 187–210. DOI 10.30965/18763316-12340029.
- Rusakovskii O. Foreign Mercenaries and the Russian Population, 1631–1634 : Conflict and Coexistence // Foreigners in Muscovy : Western Immigrants in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia / ed. by S. Dreher, W. Mueller. L. : Routledge, 2023. P. 99–114.
- Stevens C. B. Women and the Russian Military, 1650–1730 : A Preliminary Survey // Rude & Barbarous Kingdom Revisited : Essays in Russian History and Culture in Honor of R. O. Crumney / ed. by Ch. S. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN : Indiana Univ. Press, 2009. P. 473–490.
- Stevens C. B. Women and War in Early Modern Russia (Seventeenth to Eighteenth Centuries) // A Companion to Women's Military History / ed. by B. C. Hacker, M. Vining. Leiden : Brill, 2012. P. 387–408. DOI 10.1163/9789004206823_013.
- Theibault J. Landfrauen, Soldaten und Vergewaltigungen während des Dreißigjährigen Krieges // Werkstatt Geschichte. 1998. Bd. 19. S. 25–39.
- TNA. PROB 11/167/82; 168/45.

References

- Ailes, M. E. (2012). Camp Followers, Sutlers, and Soldiers' Wives: Women in Early Modern Armies (c. 1450 – c. 1650). In Hacker, B. C., Vining, M. (Eds.). *A Companion to Women's Military History*. Leiden, Brill, pp. 61–93. DOI 10.1163/9789004206823_004.
- Ailes, M. E. (2018). *Courage and Grief: Women and Sweden's Thirty Years' War*. Lincoln, NE, L., Univ. of Nebraska Press. 240 p.
- Appleby, J. H. (1979). Dr. Arthur Dee: Merchant and Litigant. In *Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 57. No. 1, pp. 32–55. DOI 10.2307/4207757.
- Burschel, P. (1994). *Söldner im Nordwestdeutschland des 16. und 17. Jahrhunderts. Sozialgeschichtliche Studien*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. 400 S.
- Dukes, P. (1982). The Leslie Family in the Swedish Period (1630–5) of the Thirty Years' War. In *Europ. History Quarterly*. Vol. 12, pp. 401–424. DOI 10.1177/026569148201200402
- Dukes, P. (2001). New Perspectives. Alexander Leslie and the Smolensk War. In Murdoch, S. (Ed.). *Scotland and the Thirty Years' War*. Leiden, Boston, MA, Cologne, Brill, pp. 173–190.
- Dukes, P., Herd, G. P., Kotilaine, J. (2009). *Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship*. Dundee, Dundee Univ. Press. 262 p.
- Fechner, A. W. (1876). *Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau: Zum dreihundertjährigen Jubiläum der evangelisch-lutherischen St. Michaelis-Gemeinde*. Moscow, J. Deubner. Bd. 1. 517 S.
- Hahn, P.-M. (2001). Kriegserfahrungen von Kindern und Jugendlichen im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. In Dahlmann, D. (Hrsg.). *Kinder und Jugendliche in Krieg und Revolution. Vom Dreißigjährigen Krieg bis zu den Kindersoldaten Afrikas*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Schöningh, S. 1–16.

- Journal of the House of Commons*. (1802). Vol. 3. 1643–1644. 833 p.
- Kosheleva, O. E. (2010). Filipp Ar'ës i rossiiske issledovaniya istorii detstva [Philippe Ariès and Russian Studies on the History of Childhood]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, iskusstvovedenie*. Iss. 15, pp. 25–31.
- Kroener, B. R. (2008). "... und ist der jammer nit zu beschreiben": Geschlechterbeziehungen und Überlebensstrategien in der Lagergesellschaft des Dreißigjährigen Krieges. In Kroener, B. R. *Kriegerische Gewalt und militärische Präsenz in der Neuzeit: Ausgewählte Schriften* / Hrsg. von R. Pröve, B. Thoß. Paderborn, Schöningh, S. 109–124.
- Kurbatov, O. A. (2014). *Voennaya istoriya russkoi Smuty nachala XVII veka* [Military History of the Russian Time of Troubles in the Early 17th Century]. Moscow, Kvadriga. 240 p.
- Kurbatov, O. A. (2016). *Voennye reformy v Rossii vtoroi poloviny XVII v. Konnitsa* [Military Reforms in Russia in the Second Half of the 17th Century. Cavalry]. Moscow, Kvadriga. 320 p.
- Lobin, A. N. (2016). Proizvodstvo russkoi artillerii na Pushechnom dvore v 1584–1645 gg. [Russian Artillery Production at the Cannon Yard, 1584–1645]. In *Istoriya voennogo dela. Issledovaniya i istochniki*. Special Iss. 6 Russkii "bog voiny. Issledovaniya i istochniki po istorii otechestvennoi artillerii. Part 2, pp. 97–157. URL: http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7/ (accessed: 15.12.2022).
- Lynn, J. A. (2012). Essential Women, Necessary Wives, and Exemplary Soldiers: The Military Reality and Cultural Representation of Women's Military Participation (1600–1815). In Hacker, B. C., Vining, M. (Eds.). *A Companion to Women's Military History*. Leiden, Brill, pp. 92–136. DOI 10.1163/9789004206823_005.
- Malov, A. V. (2006). *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyi period svoei istorii: 1656–1671* [Moscow Chosen Soldier Regiments in the Initial Period of Their History: 1656–1671]. Moscow, Drevlekhranilishche. 624 p.
- Malov, A. V. (2013). Komandiry chastei novogo stroya v 1628–1636 gg. (ot podgotovki k Smolenskoj voine do rospuska chastei novogo stroya posle ee okonchaniya) [Commanders of the New Style Units, 1628–1636 (from Preparations to the Smolensk War up to Disbandment of the New Style Units after Its Ending)]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gg.* Moscow, Nauka, pp. 126–143.
- Mel'nik, A. G. (2013). Mify rostovskoi zemlyanoi kreposti XVII veka [Myths of the 17th-Century Rostov Earthen Fortress]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli*. Rostov, Gosudarstvennyi muzei-zapovednik Rostovskii Kreml', pp. 67–81.
- Men'shikov D. N. (2009). *Smolenskaya voina 1632–1634 gg. i nachal'nyi etap reformirovaniya russkoi armii* [The Smolensk War of 1632–1634 and the Initial Phase of Russian Army Reforms]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 225 p.
- NIA SPbII RAN* [Scientific-Historical Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 175. Book 32.
- Olearius, A. (1647). *Offt beehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise*. Schleswig, Zur Glocken. 536 S.
- Olearius, A. (1656). *Vermehrte neue Beschreibung der muscowitischen und persischen Reyse*. Schließwig, S. n. 768 S.
- Olearius, A. (1870). *Podrobnoe opisanie puteshestviya golshtinskogo posol'stva v Moskoviyu i Persiyu v 1633, 1636 i 1639 gg.* [A Detailed Account about Holstein Embassy's Journey to Muscovy and Persia in 1633, 1636 and 1639] / transl. by P. Barsov. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 1174 p.
- Oparina T. A. (2007). *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th and 17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya. 384 p.
- Oparina, T. A. (2006). Polkovnik Aleksandr Lesli i pravoslavie [Colonel Alexander Leslie and the Orthodox Faith]. In Levykin, A. K. (Ed.). *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 141–166.
- Porshnev, B. F. (1976). *Tridtsatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years' War and the Entry of Sweden and the State of Muscovy]. Moscow, Nauka. 436 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 35. List 2. No. 48, 49; Stock 141. List 1. 1632 year. Dos. 67; Stock 150. List 1. 1630 year. Dos. 2; 1631 year. Dos. 8; 1634 year. Dos. 1; Stock 210. List 6. Book 46; List 9. Column 76, 904; List 11. Column 142; List 13. Columns 44, 62, 63.

Rusakovskii, O. (2023). Foreign Mercenaries and the Russian Population, 1631–1634: Conflict and Coexistence. In Dreher, S., Mueller, W. (Eds.). *Foreigners in Muscovy: Western Immigrants in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia*. L., Routledge, pp. 99–114.

Rusakovskiy, O. (2022). Foreign Military Law and Mercenary Contract in Seventeenth-Century Russia: The Case of the Smolensk War, 1632–1634. In *Russian History*. Vol. 48, pp. 187–210. DOI 10.30965/18763316-12340029.

Selin, A. A. (2014). Iz istorii Velikogo Novgoroda vremen Smolenskoï voiny. Naem “voinskikh lyudei” i zakupka vooruzhenii [From the History of Veliky Novgorod during the Smolensk War. Hiring “Military People” and Purchasing Weapons]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Iss. 14, pp. 193–216.

Shcherbinin, P. I. (2004). *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in the Everyday Life of a Russian Woman in the 18th – Early 20th Centuries]. Tambov, Yulis. 507 p.

Shunkov, V. I. (1939). Epizod iz deyatelnosti angliiskikh kuptsov v Moskovskom gosudarstve XVII veka [An Episode from the Activities of English Merchants in the Muscovite State of the 17th Century]. In *Istoricheskii arkhiv*. Iss. 2, pp. 101–115.

Skobelkin, O. V. (2015). *Zapadnoevropeitsy na russkoi voennoi sluzhbe v XVI – 20-kh gg. XVII v.* [Western Europeans in Russian Military Service in the 16th Century – 1620s]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Voronezh, S. n. 557 p.

Sokolovskii, I. R. (2004). *Sluzhilye inozemtsy v Sibiri XVII veka (Tomsk, Enisei, Krasnoyarsk)* [Foreigners Who Served in Siberia in the 17th Century (Tomsk, Yenisei, Krasnoyarsk)]. Novosibirsk, Sova. 212 p.

Stashevskii, E. D. (1919). *Smolenskaya voina 1632–1634 gg. Organizatsiya i sostoyanie moskovskoi armii* [Smolensk War of 1632–1634. Organisation and Condition of the Moscow Army]. Kiev, S. n. 328 p.

Stevens, C. B. (2009). Women and the Russian Military, 1650–1730: A Preliminary Survey. In Dunning, Ch. S. L., Martin, R. E., Rowland, D. (Eds.). *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of R. O. Crummey*. Bloomington, IN, Indiana Univ. Press, pp. 473–490.

Stevens, C. B. (2012). Women and War in Early Modern Russia (Seventeenth to Eighteenth Centuries). In Hacker, B. C., Vining, M. (Eds.). *A Companion to Women's Military History*. Leiden, Brill, pp. 387–408. DOI 10.1163/9789004206823_013.

Theibault, J. (1998). Landfrauen, Soldaten und Vergewaltigungen während des Dreißigjährigen Krieges. In *Werkstatt Geschichte*. Bd. 19, S. 25–39.

TNA. PROB. 11/167/82; 168/45.

Zamyatin, G. A. (2008). *Rossiya i Shvetsiya v nachale XVII veka. Ocherki politicheskoi i voennoi istorii* [Russia and Sweden at the Beginning of the 17th Century. Essays on Political and Military History]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 494 p.

The article was submitted on 19.01.2023

Стратегии женского поведения в суде восемнадцатого века (по материалам Сыского приказа)*

Анастасия Видничук

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery)**

Anastasiya Vidnichuk

HSE University,

Moscow, Russia

This article analyses the main ways of acquittal and defence of women in Russian courts in the second quarter of the eighteenth century. Women's experiences of the investigative and judicial process in eighteenth-century Russia have not been the subject of specific research in historiography, nor have the discursive practices of male and female investigators. The paper focuses on two main questions: Were the accused able to construct their own narratives and thus influence the course of the trial? Were the female perpetrators able to exploit the existing gender order and turn it to their advantage? The aim of this article is to examine what opportunities for self-defence the modern Russian legal system offered, what limitations it imposed, how sensitive it was to the gender of the accused, and how women on trial were able to influence the course of the trial. The study is based on a series of investigative materials produced by the Investigative Chancellery between 1730 and 1750. By analysing the speeches of the accused, their typology and comparing the information they contain with

* В статье использованы результаты проекта «Реформизм и дисциплинаризация в России раннего Нового времени» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2023 г.).

** Citation: Vidnichuk, A. (2024). Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 587–600. DOI 10.15826/qr.2024.2.897.

Цитирование: Vidnichuk A. Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 587–600. DOI 10.15826/qr.2024.2.897 / Видничук А. Стратегии женского поведения в суде восемнадцатого века (по материалам Сыского приказа) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 587–600. DOI 10.15826/qr.2024.2.897.

other testimonies, laws and judgements, it is possible to identify the main ways in which women were acquitted. The most common of these were “word and deed”, in the hope of being transferred to another institution or of delaying the sentence for the main offence; the inclusion of third parties in their testimony, referring to subornation or rape; false statements, including those concerning their social status; and the declaration of insanity. However, the only way of obtaining an acquittal that had any chance of success was for the accused to declare that she was pregnant. In general, the criminal process in modern Russia was structured in such a way that no strategies or tricks were taken into account. In the end, the only thing that mattered was the testimony of witnesses and the testimony of the accused under torture.

Keywords: Russia, 18th century, Investigative Chancellery, female criminality, gender history, protection strategies, court records

Представлен анализ основных способов оправдания и защиты женщин в российском суде второй четверти XVIII в. В историографии женский опыт прохождения следственного и судебного процесса в России XVIII в. не становился предметом специального исследования, так же как и дискурсивные практики подследственных – мужчин и женщин. Поднимаются два основных вопроса: могли ли подсудимые конструировать собственные нарративы и влиять таким образом на ход судебного процесса? Могли ли женщины, совершившие преступления, использовать существовавший гендерный порядок и заставить его играть в свою пользу? Цель статьи – определить, какие возможности самозащиты предполагала судебная система России Нового времени, какие ограничения она накладывала, насколько чувствительна она была к гендеру подсудимого. Исследование основано на комплексе судебно-следственных материалов, созданных в Сыском приказе с 1730 по 1750 г. Анализ речей подследственных, их типологизация и сопоставление информации из них с другими показаниями, с законодательством, с приговорами позволили выявить основные способы оправдания женщин. Чаще всего они проносили «слово и дело» в надежде перевестись в другое учреждение или отсрочить наказание за основное преступление, вводили в свои показания третьих лиц, ссылаясь на подговор, признавались в изнасиловании, давали ложные показания, в том числе о своем социальном статусе, заявляли о собственном безумии. Однако единственным способом оправдания, имевшим шансы на успех, было заявление подсудимой о своей беременности. В целом же уголовный процесс в России Нового времени был выстроен таким образом, что никакие отвлекающие стратегии и уловки не принимались во внимание и значение имели лишь показания свидетелей и признание обвиняемой, полученные под пытками.

Ключевые слова: Россия, XVIII в., Сыской приказ, женская преступность, гендерная история, стратегии защиты, судебно-следственные материалы

В монографии “Fiction in the archives” Натали Земон-Дэвис называет дискурсивные практики самооправдания французов XVI в. стратегиями [см.: Zemon Davis]. Стратегию отличает от тактики то, что первая рассчитана на более длительные временные промежутки, то есть условно стратегия – это путь, а тактика – один шаг на этом пути. Очевидно, что построение стратегии требует не только вложения временных и интеллектуальных ресурсов, но и достаточно высокого уровня понимания обстоятельств, текущей ситуации и умения в ней ориентироваться.

Поведение людей и их возможности самозащиты в российском суде XVIII в. за редким исключением [Кошелева] практически не привлекали внимания специалистов. Лишь некоторые аспекты данного вопроса освещались в контексте изучения преступности и отдельных преступлений [Каменский, 2006; Лавров].

Наличие стратегий у преступников предполагает, что в их показаниях можно увидеть рациональные линии поведения, продуманные и четко выстроенные легенды, что все их речи на следствии отличают последовательность и непротиворечивость, что они, задействуя определенные стереотипы и социальные представления, пытаются манипулировать мнением судей. Н. Земон-Дэвис анализирует особый вид источников – письма о помиловании, которые осужденные писали после вынесения вердикта и в ожидании исполнения приговора. В их распоряжении было некоторое время на то, чтобы продумать свою линию защиты, и услуги профессиональных адвокатов, но что самое главное – их прошения представляют собой их собственную прямую речь, а не версию, переданную канцелярским служащим. В российской судебной системе подобная практика отсутствовала, и единственная возможность как-то защитить себя у подсудимых была лишь в ходе самого следствия.

Между тем, судя по количеству дел, в которых обвиняемые уже на первом допросе признавались в содеянном даже в ситуациях, когда доказать их вину было очень сложно, они вовсе не были склонны к выстраиванию стратегий самозащиты. Такое положение дел было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, самой ситуацией столкновения с государством и нахождения под следствием, что вызывало у людей сильный страх, парализующий способность к рациональному мышлению¹. Во-вторых, невозможностью выстраивать собственный нарратив и необходимостью отвечать на прямые вопросы. В-третьих, даже если допрашиваемый пытался добавить что-то, о чем его не спрашивали, увести следствие в сторону, эти данные скорее всего не попали бы в протокол допроса, содержание которого полностью определялось служащим судебно-следственного учреждения.

В данной статье исследуются способы, посредством которых женщины – часть общества, традиционно считавшаяся слабой не только в существовавшем социальном, но и в гендерном порядке, – пытались

¹ О «государственном страхе» см.: [Анисимов, с. 451; Каменский, 2020].

защитить и оправдать себя в суде. Это позволит понять, насколько специфичен был женский опыт столкновения с государственной машиной. Являлся ли гендер фактором, который в суде можно было обратить в свою пользу? Сознали ли это и пользовались ли этим женщины, попавшие в судебное учреждение?

В основу исследования положены судебные-следственные дела, сохранившиеся в фонде Сысского приказа [РГАДА. Ф. 372]. С момента своего учреждения в 1730 г. и по 1763 г. Сысский приказ являлся главным в Московской губернии ведомством, которое занималось уголовным судопроизводством («татинными, убивственными и разбойными делами»). В статье рассмотрены уголовные дела первых 20 лет работы Сысского приказа, поскольку они представляют собой относительно цельный период в отношении правоприменительной практики.

Систематизируя основные уловки, отговорки и оправдания, к которым прибегали женщины в суде, необходимо выявить, что можно считать продуманной стратегией, а что было скорее импульсивным решением, принятым в надежде отсрочить пытку или наказание.

Заявление о преступлении в аспекте «слова и дела». Это означало объявить, что обвиняемому что-то известно о совершенном или затеваемом государственном преступлении. Изначально в 1715 г. Петр I определил три пункта, которые касались самых опасных, с его точки зрения, государственных преступлений и изветы по которым находились под его собственной юрисдикцией: 1) о злом умысле против царской персоны; 2) о бунте; 3) о расхищении казны [Анисимов, с. 19–20]. В 1730 г. указом Анны Иоанновны третий пункт был изъят из перечня важнейших государственных преступлений, а первый был дополнен угрозой санкций за поношение царской чести «злыми и вредительными словами». Обычно женщины просто заявляли о знании за кем-то «слова и дела», не уточняя, по какому пункту. Для расследования подобных дел преступников отправляли в Тайную канцелярию.

Судя по всему, «слово и дело» довольно быстро стало для обывателей своеобразным стоп-сигналом, произнесение которого останавливало драку, отводило неминуемую расправу, ставило ситуацию на паузу или, наоборот, было способом привлечь внимание, напомнить о себе. К примеру, в 1742 г. во время ссоры и драки в колодничьей избе колодница Татьяна Иванова, «не стерпя того битья, хотела закричать караул, чтоб ее от того битья отнесли, и в беспамятстве своем сказала ея императорского величества слово и дело» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 863. Л. 2–2 об.].

При этом люди зачастую не сознавали, какую опасность представляет ложное заявление о знании «слова и дела» и что их ждет после этого. Об этом говорит не только сам факт легкомысленно частых произнесений грозной формулы, но и то, что женщины отказывались сообщать какую бы то ни было информацию в Сысском приказе и требовали отправить их в Тайную канцелярию. В 1742 г. бывшая дворовая, а теперь колодница Татьяна Васильева объявила, что знает «слово и дело» по первому пункту за дворовыми своего бывшего хозяина, выдержала

три попытки в Сыскном приказе, добилась перевода в Тайную канцелярию и там отказалась от своих слов [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 858]. Вероятно, ее целью, как и в других случаях, было попасть в Тайную канцелярию, но никакого дальнейшего плана действий у нее не было.

Неизвестно, почему колодницы так желали перевода из Сыскного приказа: возможно, до них не доходили слухи о жестоких пытках, чинимых в Тайной канцелярии, и о суровых наказаниях за ложное произнесение «слова и дела». Некоторые из них, вероятно, надеялись совершить побег во время перевода, другие рассчитывали, что после наказания в Тайной канцелярии про основное их преступление забудут и их отпустят.

Не все произносившие роковую фразу настаивали на отправке в Тайную канцелярию, очевидно, их знания о судебной системе ограничивались уверенностью в том, что заявления о знании «слова и дела» произведут эффект, достаточный для того, чтобы об их предыдущих прегрешениях и вынесенных им вердиктах все забыли. Так, колодница Марфа Иванова, сказавшая «слово и дело», в 1745 г. на первой же пытке призналась, что хотела «отбыть по делам своим розыску» [Там же. Д. 1329. Л. 8].

Какие бы цели ни преследовали женщины при ложном объявлении за собой «слова и дела», очевидно, что их понимания судебного процесса не хватало для выстраивания успешной стратегии. На практике ложь о государственном преступлении вела лишь к новым пыткам и наказаниям и обычно не помогала даже выиграть время.

Заявление о своей беременности. Беременную женщину по закону пытать и наказывать до родов запрещалось [Краткое изображение процессов или судебных тяжб, ч. 2, гл. 6, ст. 10], но необходимо было проверить ее слова, и для этого организовывался осмотр. В изученных нами делах нет сколько-нибудь подробного описания этой процедуры, но, судя по всему, «экспертами» тут выступали женщины старшего возраста, сидевшие в колодничьей избе, «старостихи женской бедности»². Если судить по другим случаям, описанным в существующих исследованиях [см., например: Каменский, 2022], убедительным (а фактически единственно доступным) доказательством считалась совокупность следующих признаков: следы наличия грудного молока и увеличенный живот. Все остальные признаки беременности были явны только для самой женщины и недоступны для внешнего определения. Очевидно, что этих двух признаков в большинстве случаев было мало для вынесения вердикта, и дело не обходилось без ошибок. Так, в 1750 г. жена служки Троице-Сергиевой Лавры Дарья Кипреянова в застенке объявила, что беременна, а осматривавшие ее колодницы это подтвердили. Дарью отпустили до родов, но в следующем году

² Лишь ближе к концу XVIII в. была официально оформлена профессия повитухи, в обязанности которой входили не только родовспоможение, но и освидетельствование женщин на предмет плодоизгнания или изнасилования. См.: [Пушкарева, Мицюк].

взяли обратно в Сыскной приказ с пометой, что она не была беременна, а показала это напрасно [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2359]. Конечно, помимо ненадежных методов диагностики, вердикты «экспертов» из колодничьей избы вызывают сомнения еще и в плане честности: наверняка самим предполагаемым беременным или их мужьям ничего не стоило подкупить колодниц.

Если осмотр подтверждал беременность, то женщину отпускали домой с обязательством вернуться после родов и получить заслуженное наказание. Не вызывает сомнения, что женщины не были заинтересованы в возвращении в Сыскной приказ, а учреждение не имело дополнительных ресурсов для повторного розыска преступниц, поэтому большинство дел с отпущенными роженицами не имеют завершения. Если же осмотр не подтверждал беременность, это еще не значило, что женщина намеренно лгала. Как бы то ни было, точные способы диагностики беременности в XVIII в. были недоступны, и женщинам оставалось полагаться лишь на собственные ощущения и такой ненадежный признак, как отсутствие регул.

Потенциальная возможность быть беременной и неразвитость медицины в плане диагностирования этого состояния давали женщинам преимущества³. Они могли ловко манипулировать информацией о своей беременности и в зависимости от обстоятельств пытаться скрыть ее и выдать за болезнь, изобрести ее или в действительности обрести – забеременеть, уже будучи под арестом, и избежать таким образом наказания или хотя бы оттянуть его, а благодаря законной беременности их просьбы обретали дополнительную ценность.

Заявление об изнасиловании. Как демонстрируют изученные источники, заявление об изнасиловании избирали своим способом защиты женщины, приведенные в Сыскной приказ по обвинению в детоубийстве, или те, чья нынешняя или прошлая беременность вскрывалась в ходе следствия. Подсудимые, понимая, что их и так ждет суровое наказание за убийство новорожденного, не хотели сообщать на допросе еще и о факте внебрачной, а значит, незаконной и караемой связи. Чаще всего женщины показывали, что их изнасиловал неизвестный мужчина или солдат, а свидетелей тому не было. Их слова нельзя было проверить, но в то же время они, не акцентируя внимания, сообщали о насилии, о преступлении, расследование и наказание которого были четко регламентированы Артикулом воинским.

По закону жертва изнасилования, претендующая на правосудие, должна была незамедлительно объявить о произошедшем и предоставить следствию доказательства не только совершенного без ее согласия

³ Так, например, в Европе раннего Нового и Нового времени беременность в законном браке, помимо отсрочки в наказании, придавала женщинам особый авторитет в глазах властей и даже позволяла на краткое время обрести дополнительные права. В германских землях XVI–XVII вв. беременные женщины имели особое право просить помилования за осужденного [Rublack, p. 73], а в Англии конца XVII – начала XVIII в. 62 % женщин, приговоренных к смерти, заявляли о своей беременности, и 61 % этих заявлений был успешен [Brown].

полового акта, но и собственных попыток сопротивления [см.: Каменский, 2022, гл. 2]. Иными словами, в том, что имело место именно насилие, еще нужно было постараться убедить суд. Доказать это было нелегко, и женщина, заявившая об изнасиловании, рисковала напрасно предать огласке свой позор. Заявляя же мимоходом в суде о произошедшем значительное время назад преступлении, обвиняемая игнорировала необходимость что-либо доказывать и автоматически без решения суда объявляла себя жертвой, а главное – вводила в рассказ еще одного участника, перекладывая на него ответственность за совершенное преступление.

Тот факт, что впервые информация об изнасиловании появляется в контексте оправдания детоубийства, заставляет сомневаться в правдивости таких заявлений и считать их частью придуманных для защиты историй. Но нельзя и игнорировать активную вовлеченность солдат в разнообразную криминальную деятельность, которую демонстрируют другие дела, позволяя признать, что изнасилования могли быть частым явлением. Женщины же не заявляли об этом вовремя, не желая предавать случившееся огласке, тем более что надежда на правосудие была невелика.

Заявление о подговоре. Во многих случаях обвиняемые в своих показаниях представляли одну и ту же ситуацию: они сообщали о том, что их соблазнил стоявший в доме на постое солдат, который потом уговорил украсть хозяйские вещи и бежать, обещая непременно жениться. Девушки поддавались на уговоры, отдавали украденное своим соблазнителям, те подыскивали им укрытие, и дальше их следы терялись. Как и в случаях с изнасилованиями, солдат редко удавалось отыскать, а если и удавалось, то доказать их причастность было сложно. Можно предположить, что действовали они по отработанной простой, но безопасной и практически беспроектной схеме. С другой стороны, с той же степенью вероятности обвинения в провокации могли быть лишь уловкой, попыткой обвиняемой снять с себя ответственность. Тот факт, что указанных солдат невозможно было отыскать, делал такое обвинение безопасным для женщин, как и обвинения в изнасиловании.

В других делах обвиняемыми выступают беглые дворовые, которых, по их словам, к побегу подговорили другие помещики (или крестьяне других помещиков) либо ранее бежавшие дворовые того же хозяина. Так, в 1749 г. дворовая Марья Можейтиновой Анна Дмитриева на допросе показала, что обокрасть хозяйку и бежать ее подговорила некая «капитанша Ащерина», разыскать которую так и не удалось [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2175].

Нередко обвиняемыми выступали беглые жены, чьи мужья плохо с ними обращались, и сочувствующие женщины помогали им найти выход из ситуации. Например, в 1742 г. 16-летняя Степанида Кириллова, сбежавшая от мужа, перед этим жаловалась соседке, 45-летней Аграфене Алексеевой, что муж ее бьет и «до нее лих», «а потом та Алексеева говорила... буде она с ним не хочет жить, то она ей место сыщет, которой она

говорила, что она с тем мужем жить не хочет, и та де Алексеева велела ей забрать все пожитки, которые она и забрала» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 770. Л. 5 об.].

Надо отметить, что к такому способу защиты прибегали в основном молодые девушки: либо они действительно в силу своей наивности легче поддавались на уговоры и не видели потенциальной опасности и корыстного интереса подстрекателя, либо стремились переложить ответственность за свои поступки на других, придумывая истории подговоров и соблазнений. Можно предположить, что образ невинной и наивной, а главное, лишенной агентности женщины соответствовал гендерным представлениям и ожиданиям, бытовавшим в обществе того времени, и обвиняемые сознательно или интуитивно стремились воспроизвести на суде эти представления.

Лжесвидетельство. Распространенным способом оправдать себя был оговор: сознаваясь в совершении преступления, женщины называли имя своего сообщника – того, кто толкнул их на преступление или помог его совершить. Именно к категории оговоров, а не подговоров или просто сообщений о соучастии эти способы защиты позволяет отнести то, что в ходе следствия обвиняемые признавались в клевете.

Оговаривая других людей, обвиняемые преследовали разные цели и имели разные мотивы. Одни хотели отомстить. Так, в 1746 г. крестьянка Прасковья Осипова призналась, что оговорила солдатку Феклу Яковлеву «по злобе», потому что она «взятую у нее, Прасковьи, фату, которая была в закладе, потеряла и ей не отдала и поныне» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1490. Л. 6 об.]. Другие действовали по чьему-то приказу. Солдатская вдова Наталья Прокофьева, например, в 1745 г. оговорила оброчного крестьянина Дмитрия Ловушкина «ис принуждения... доносителя Каина, понеже он ее в доме своем бил, завезав руки, поленом» [Там же. Д. 1286. Л. 15]. Третьи рассчитывали на отсрочку: пока идут поиски названного лица и допросы, все еще может измениться, но самое главное – пытать прямо сейчас не будут.

Но главная цель, которую преследовали клеветницы, – разделить ответственность за совершенное, а значит, и наказание с кем-то еще, чтобы было не так страшно отвечать за все одной. Фактически ту же самую уловку мы видели и в предыдущих двух способах защиты – возглашении «слова и дела», заявлениях об изнасиловании и о подговоре. Судя по всему, именно перекладывание ответственности было самой понятной, близкой и излюбленной «стратегией» людей, столкнувшихся с законом. В этом, однако, не стоит искать гендерной, культурной или временной специфики. Известно, что европейская инквизиция также использовала практику доноительства.

Заявление о нахождении в нетрезвом состоянии на момент совершения преступления. В изученных делах ответчицы или сообщали, что совершили преступление «в пьянстве», или сетовали, что «за безмерным пьянством» ничего о своем проступке не помнят, или упоминали в своих показаниях, что в день совершения преступления пили вино.

Петровское и последующее законодательство однозначно трактовало пьянство не только как отягчающее обстоятельство, но и как отдельное преступление [ПСЗ-1, т. 10, № 7508, с. 407]. Правоприменительная практика, однако, не всегда следовала букве закона: с одной стороны, были случаи приводов в Сысской приказ пьяных и наказаний их за это, с другой – приговоры тем, кто признавался в совершении преступления «пьянским обычаем», не отличались от приговоров по соответствующим статьям преступникам, не имевшим этого отягчающего обстоятельства.

Возможно, слова о пьянстве не являлись элементом защиты и оправдания допрашиваемых и были сказаны без каких-либо скрытых интенций. Однако в связи с тем, что Соборное уложение 1649 г., предположительно следуя предшествовавшей правовой традиции или обычному праву, расценивало нахождение в состоянии опьянения в момент совершения преступления как смягчающее обстоятельство, проводя четкую грань между умыслом и «пьяным делом» [Соборное Уложение], и у преступников оставалась надежда на смягчение приговора. Возможно, обыватели были в какой-то степени знакомы с прежними правовыми нормами, в отличие от новых, петровских.

Заявление о неведении. Обвиняемые порой пытались избежать наказания за торговлю краденым или содержание у себя беглых крестьян, ссылаясь на собственное неведение. Женщины, пойманные на торговле краденым, всегда оправдывались тем, что товар «за чисто, а не за воровское купили» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12. Л. 10 об.], признавая при этом, что приобрели вещи «бес порук». Судя по тому, как часто и легко торговки признавались в отсутствии поручительства, они склонны были считать это скорее досадной оплошностью со своей стороны, серьезность которой ни в какое сравнение не шла с серьезностью покупки заведомо краденого. На самом деле факт такой покупки считался преступлением: по закону продавец должен был представить покупателю поручителя, который мог бы подтвердить, что продаваемый товар не был украден. Покупка без гарантии была незаконной и подлежала наказанию. Если же поручитель был, то ответственность за дальнейшие интеракции с краденой вещью нес уже он.

Женщины, которых приводили в Сысской приказ по таким обвинениям, занимались перепродажей разных вещей профессионально, не раз бывали в приводах и несомненно знали «правила игры». Однако возможно, что упоминание о покупке «без порук» в представлении этих женщин могло послужить и оправданием: в таком случае их вина сводилась к излишней доверчивости, из преступниц они превращались в пострадавших, обманутых теми, кто продали им заведомо краденое.

Отказ от первоначальных показаний. Вероятно, смена показаний представляет собой самую нелогичную, нерациональную и непоследовательную модель поведения обвиняемых. Неприятности при этом лишь множились, поскольку «перемена речей» во время пыток вела к повторным пыткам, и доверия судей обвиняемой это не прибавляло.

В то же время довольно значительное число таких дел как нельзя нагляднее демонстрируют метания допрашиваемых, их состояние страха, неспособность к продуманному поведению. Однако тех, кто по прибытии в Сыскной приказ отрекся от признанной ранее вины, все же можно, на наш взгляд, заподозрить в наличии если не стратегии поведения, то по крайней мере некой логики. Речь идет в первую очередь о крепостных, которые сознавались в преступлениях под пытками и побоями со стороны своих господ или других крестьян. Можно предположить, что женщины признавали вину как раз с расчетом попасть в судебное учреждение, устранить тем самым произвол помещика и добиться рассмотрения дела в рамках закона. Так, в 1737 г. крепостная девка Фекла Евсеева была доставлена в Сыскной приказ с признанием в поджоге деревни, но на месте заявила, что оговорила себя, побоявшись побоев помещика [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 297].

Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, подробное и реалистичное изложение историй, от которых женщины впоследствии отрекаться: они детально описывают свои чувства, действия и мотивы, а потом заявляют, что все выдумали. Это не дает возможности понять, какая же версия событий в итоге правдива. Во-вторых, все дела, в которых обвиняемые сначала признают вину, а в Сыском приказе отказываются от своих слов, ссылаясь на побои или страх, касаются серьезных преступлений, караемых смертной казнью: это поджог, детоубийство, колдовство. Это наталкивает на мысль о том, что, лишь попав в Сыскной приказ и столкнувшись лицом к лицу с государственной машиной, женщины осознавали всю опасность ситуации и отказывались от своих слов, понимая, что единственный способ остаться в живых – это настоять на своей невинности. Как бы ни были жестоки крестьяне или хозяева, они все же были «своими», и поэтому, хотя их гнев и устрашал, он оставлял шанс на помилование. Закон же был индифферентен к личности и неумолим.

Смена имени и ложь о социальном статусе. Такие показания условно можно поделить на два вида: оспаривание своего крепостного статуса и причисление себя к иной социальной группе. Что касается первого вида дел, то женщины часто демонстрируют поразительную правовую осведомленность: они знают и помнят (или утверждают, что знают и помнят) все перипетии жизненного пути своих предков, кто когда и кого отпустил/закрепостил, есть ли у нынешнего хозяина документы, подтверждающие право на владение обвиняемой, и т. д.

Яркий пример такой подкованности содержится в одном из дел 1747 г. Московский почт-директор Владимир фон Пестель жаловался, что его дворовую Домну Андрееву «за многие ее продерзости и домовые непорядочные поступки» не отправили в ссылку, как он того просил, а наоборот, отпустили на свободу, потому что Домна заявила, что крепость Пестеля на нее фальшивая [Там же. Д. 1643. Л. 1]. Пестель предоставил подтверждение о продаже ему Домны от ее бывшей хозяйки Катерины фон Каркетель. В ответном допросе Домна не только восста-

новила историю закрепощения своей семьи и многочисленные передачи ее членов от одного хозяина к другому, но и в правовых терминах обосновала несостоятельность претензий на нее Пестеля. Во-первых, она указала, что крепость «за действительную и причесть не можно, ибо она нигде не явлена и не записана, и пошлин не плачено» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Л. 27]. Во-вторых, заявила, что предъявленной Пестелем крепости на Домну «никак верить не можно» [Там же. Л. 24], потому что Катерина фон Каркетель не расписалась в ней сама, а кроме того, она уже четвертый год находится при муже и в Петербурге, где была оформлена сделка, в прошлом году точно не была. В-третьих, в подушный оклад ни ее отец, ни муж записаны не были. После этого краткого правового экскурса служащие Сысского приказа Домну отпустили. Приведенный пример уникален. Нам больше не встретилось ни одного случая, в котором участники дела в принципе приводили бы какие-либо логичные доводы в обвинение или в свою защиту, не говоря уже о знании законов и требований к оформлению документов.

В остальных подобных делах женщины либо также ставят под сомнение наличие у истца крепости на них, либо заявляют о том, что их мужья стали солдатами, и они, соответственно, теперь свободны. В этих случаях обвиняемые были крепостными, и свой самовольный уход от помещика они пытались поставить в законные рамки. Неизвестно, действительно ли они верили в легальность своего ухода или придумывали оправдание постфактум, но женщины из другой группы дел вполне осознанно шли на ложь, в чем довольно скоро признавались. Например, 45-летняя Акулина Иванова в 1748 г. сначала рассказала, что 25 лет назад была выдана замуж за солдата, ее муж уже давно ушел в поход, и больше сведений о нем она не имеет [Там же. Д. 1870]. Однако спустя короткое время она подала челобитную, в которой призналась, что она не солдатская жена, а девка вдовы Воейковой.

Едва ли примеров успешного изобретения себе «алиби» было много: нужно было выдумать убедительную историю, предусмотреть ответы на вопросы, которые вдруг могли возникнуть, назвать имена людей, подтвердивших бы показания в случае необходимости, нужно было придерживаться придуманной «легенды» на допросах и под пытками, что было самым трудным, уже не говоря о том, что солдатские жены должны были иметь при себе паспорт, и едва ли в Сысском приказе не смогли бы распознать фальшивый документ. Таким образом, если ссылки на нормы закона и обоснование своей правоты в правовых терминах могли склонить чашу весов на сторону обвиняемых, то попытки представить выдуманную историю в большинстве своем были обречены на провал.

Заявление о невменяемости. В нескольких делах обвиняемые объясняли свои поступки тем, что находились в момент совершения преступления «в беспаметстве», «в безумии». Л. Янгулова пишет о том, что понятие о норме в отношении психического здоровья и, соответственно, об отклонении от нормы распространилось в России лишь к концу XVIII – началу XIX в. [Янгулова, с. 199]. До этого же времени

не существовало специальных домов для умалишенных, «культурно-религиозные практики обращения с тем, что называлось безумием, практически замещались административной процедурой инкарцерации» [Янгулова, с. 205], а «отношение к проявлениям безумия определялось в зависимости от случая» [Там же, с. 199].

К середине XVIII в. уже имелось несколько указов, касавшихся «дураков», из которых видно, что государство признавало существование душевнобольных людей и стремилось придать им особый правовой статус [ПСЗ-1, т. 2, № 700, с. 110; т. 6, № 3949, с. 643]. Выражаясь современным языком, эти законы вводили категорию недееспособности для психически больных, однако недееспособность распространялась лишь на *права* таких подданных, но не на их *обязанности*. Иными словами, придание этим людям особого статуса и признание их неспособности распоряжаться имуществом, исполнять службу и состоять в браке не вели к юридическому признанию того, что они не в состоянии были отвечать за совершенные правонарушения.

Судя по тому, что женщин, заявивших в Сыскном приказе о собственном безумии, пытали и наказывали, не отправляя на освидетельствование, а также судя по совершенно ничтожному количеству таких заявлений, эти слова едва ли можно считать частью оправдания. Не исключено, что под безумием и беспамятством женщины подразумевали как раз временное помешательство – аффект, а не болезнь.

В стратегиях, выделенных Н. Земон-Дэвис, прослеживаются не только социальная, но и гендерная самоидентификация и саморепрезентация. Очевидно, что француженки не только сознавали свое положение в мужском обществе, предписанные роли, дозволенные и недозволенные эмоции и поступки, но и умели этим знанием манипулировать. В историях, рассказанных арестантками Сыскного приказа, мы едва ли можем выделить гендерно окрашенные мотивы, кроме, разумеется, заявлений о беременности. Женщины часто прямо и по собственному побуждению заявляли о совершении преступления «пьянским обычаем» или «по злобе», а в качестве мотивов своих поступков называли совершенно неприемлемые для француженок XVI в. эмоции: обиду, зависть, гнев, желание отомстить. Это не значит, что русские женщины не сознавали своего положения, связанных с ним ограничений и не пытались извлечь из него выгоду. Н. Коллманн убедительно показала, что это не так [см.: Коллманн, гл. 2]. Скорее дело здесь в особенностях фиксации показаний, рациональности участников судебного разбирательства и в их понимании функционирования судебной системы.

В российских судебно-следственных делах повторяются модели поведения обвиняемых, демонстрирующие иррациональность и последовательность, а скорее даже импульсивность и непродуманность действий. Из общей логики функционирования судебно-следственной системы России XVIII в. и из последствий таких необдуманных поступков становится очевидно, что обвиняемые действовали в зависимости от сложившейся на данный момент ситуации, не продумывая

свои действия на несколько шагов вперед. Но если они понимали, что им грозит скорое наказание, они отчаянно дергали за доступные рычаги, даже если в итоге их положение ухудшилось бы, лишь бы оттянуть страшный момент, выиграть время и обрести какую-то надежду.

Приговоры по изученным нами делам демонстрируют, что уловки, к которым прибегали обвиняемые, редко давали результат. В отдельных случаях они помогали отсрочить или смягчить наказание, реже – избежать его совсем. Однако такие случаи были скорее исключением из правила. В основном для судей существовали лишь факт совершения преступления, слова свидетелей, результаты пыток и буква закона. На наш взгляд, это объясняется особенностями уголовного судопроизводства в России Нового времени: если речь шла о преступлении, государство было невосприимчиво к обстоятельствам, не прописанным в законе, к оправданиям, убеждениям и разного рода манипуляциям.

Библиографические ссылки

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 720 с.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М. : РГГУ, 2006. 403 с.

Каменский А. Б. Феномен самоубийства в России XVIII в. // Вивліофіка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Т. 8. С. 1–26. DOI 10.21900/j.vivliofika.v8.789.

Каменский А. Б. Любовь, страсть и отчаяние – русские преступления XVIII века. СПб. : Алетей, 2022. 406 с.

Коллманн Н. Соединенные честью / пер. с англ. А. Каменского. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.

Кошелева О. Е. Обман и «сушая правда» в процессе судебных разбирательств в России XVIII в. // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2018. Т. 9, вып. 9 (73). URL: <https://history.jes.su/s207987840002505-4-1> (дата обращения: 28.05.2024). DOI 10.18254/S0002505-4-1.

Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 408–425.

Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М. : Древнехранилище, 2000. 572 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 2, 6, 10.

Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII – сер. XIX в.) // Вестн. Смолен. гос. мед. акад. 2018. № 1. С. 179–189.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12, 297, 770, 858, 863, 1286, 1329, 1490, 1643, 1870, 2175, 2345, 2359.

Соборное уложение 1649 года. Гл. 21, ст. 69, 71, 73 // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 3. Акты земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. С. 83–257.

Янгүлова Л. В. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России // Мишель Фуко и Россия : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб. ; М. : Европ. ун-т в С.-Петербурге : Летний сад, 2001. С. 192–212.

Brown S. The Princess of Monaco's Hair: The Revolutionary Tribunal and the Pregnancy Plea // J. of Family History. 1998. Vol. 23, № 2. P. 136–158. DOI 10.1177/036319909802300203.

Rublack U. The Crimes of Women in Early Modern Germany. Oxford : Clarendon Press, 1999. 292 p.

Zemon Davis N. *Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1987. 217 p.

References

Anisimov, E. V. (1999). *Dyba i knut: politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The Rack and the Whip: Political Investigation and Russian Society in the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 720 p.

Brown, S. (1998). The Princess of Monaco's Hair: The Revolutionary Tribunal and the Pregnancy Plea. In *J. of Family History*. Vol. 23. No. 2, pp. 136–158. DOI 10.1177/036319909802300203.

Kamenskii, A. B. (2006). *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelei. Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII v.* [Everyday Life of Russian Urban Dwellers. Historical Anecdotes from the Provincial Life of the 18th Century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 403 p.

Kamenskii, A. B. (2020). Fenomen samoubiistva v Rossii XVIII v. [The Phenomenon of Suicide in 18th-Century Russia]. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. Vol. 8, pp. 1–26. DOI 10.21900/j.vivliofika.v8.789.

Kamenskii, A. B. (2022). *Lyubov', strast' i otchaianie – russkie prestupleniya XVIII veka* [Love, Passion, and Despair – 18th-Century Russian Crimes]. St Petersburg, Aleteiya. 406 p.

Kollmann, N. (2001). *Soedinennye chest'yu* [By Honor Bound] / transl. by A. Kamenskii. Moscow, Drevlekhranilishche. 459 p.

Kosheleva, O. E. (2018) Obman i “sushchaya pravda” v protsesse sudebnykh razbiratel'stv v Rossii XVIII v. [Deception and “Real Truth” during Legal Proceedings in Russia in the 18th Century]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. Vol. 9. Iss. 9 (73). URL: <https://history.jes.su/s207987840002505-4-1> (accessed: 28.05.2024). DOI 10.18254/S0002505-4-1.

Kratkoe izobrazhenie protsessov ili sudebnykh tyazheb [Brief Depiction of Processes or Litigation]. (1984–1994). In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t.* Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma, pp. 408–425.

Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740]. Moscow, Drevlekhranilishche. 572 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2, 6, 10.

Pushkareva, N. L., Mitsyuk, N. A. (2018). Povival'nye babki v istorii meditsiny Rossii (XVIII – ser. XIX v.) [Midwives in the History of Medicine in Russia (18th– 19th Centuries)]. In *Vestnik Smolenskoi gosudarstvennoi meditsinskoi akademii*. No. 1, pp. 179–189.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 372. List 1. Dos. 12, 297, 770, 858, 863, 1286, 1329, 1490, 1643, 1870, 2175, 2345, 2359.

Rublack, U. (1999). *The Crimes of Women in Early Modern Germany*. Oxford, Clarendon Press. 292 p.

Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Gl. 21, st. 69, 71, 73 [Council Code of 1649. Part 21, Articles 69, 71, 73]. In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t.* Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 3. Akty Zemskikh soborov / ed. by A. G. Man'kov, pp. 83–257.

Yangulova, L. V. (2001). Yurodivye i umalishennye: genealogiya inkartseratsii v Rossii [God's Fools and the Insane: A Genealogy of Incarceration in Russia]. In Kharkhordin, O. (Ed.). *Mishel' Fuko i Rossiia. Sbornik statei*. St Petersburg, Moscow, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Letnii sad, pp. 192–212.

Zemon Davis, N. (1987). *Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford, California, Stanford Univ. Press. 217 p.

The article was submitted on 30.06.2023

**Женская повседневность в оккупации:
сексуальное насилие в документах и советской пропаганде***

Ксения Сак

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**Women's Daily Life in the Occupation:
Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda**

Ksenia Sak

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The problem of sexual violence in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War is an under-researched and taboo subject in the Russian public sphere. It is viewed either from the perspective of collaboration in prostitution and cohabitation, or from the perspective of gender discrimination and sexual violence. At the same time, it is extremely difficult to differentiate these features of women's everyday life under the conditions of the "war of annihilation". Based on the documents of the Extraordinary State Commission for the Investigation of the Atrocities of the German Fascist Invaders, partisan reports, and other documents, as well as articles from the wartime periodical press, the author compares images of sexual violence with the practices of women's everyday life under occupation. In the propaganda of the warring countries, the image of the abused female body was actively used to incite hatred of the enemy. Rape and the forcing of women under occupation to work in brothels were presented in this light. A comparison of propaganda images and specific facts of violence presented in official and ego-documents shows the existence of discrepancies between images and practices. While rape was fairly accurately portrayed in official texts, the problem of prostitution was less accurately reflected in reality. Individual women used their bodies as a means of survival and received various material benefits

* *Citation:* Sak, K. (2024). Women's Daily Life in the Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 601–616. DOI 10.15826/qr.2024.2.898.

Цитирование: Сак К. Женская повседневность в оккупации: сексуальное насилие в документах и советской пропаганде // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 601–616. DOI 10.15826/qr.2024.2.898.

in return. The population did not perceive legal prostitution in the categories of propaganda and interpreted it as a betrayal. Although some decrees were passed during the war in both Germany and the USSR that treated violence against women as a crime, women were not recognised as victims in the Soviet public trials or at the Nuremberg Tribunal and did not receive compensation. During the transition to peace, the problem of sexual violence lost its pragmatic propaganda function and was excluded from the collective memory. Nevertheless, the increase in violence against women during the Second World War led to the adoption of the Geneva Convention for the Protection of Victims of War in 1949, which was ratified by the Soviet Union in 1954.

Keywords: Great Patriotic War, women's everyday life, occupation, rape, prostitution

Проблема сексуального насилия на оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны – малоизученная и табуированная в российском публичном пространстве тема. Ее рассматривают с точки зрения либо коллаборационизма, либо гендерной дискриминации и сексуального насилия. При этом до конца дифференцировать эти черты женской повседневности в условиях войны на уничтожение крайне непросто. На основе документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, партизанских донесений и других архивных источников, а также статей из периодической печати военного периода в работе сопоставляется описание сексуального насилия с практиками женской повседневности в оккупации. В пропаганде воюющих стран активно использовался образ поруганного женского тела для разжигания ненависти к врагу, что включало в себя изнасилования и принудительную проституцию. Сопоставление образов пропаганды и конкретных фактов свидетельствует об определенном расхождении между образами и практиками женской повседневности. Если изнасилования представлены в официальных текстах достаточно точно, то проблема проституции в меньшей степени отражала действительность: некоторые женщины вынужденно использовали свои возможности как ресурс выживания, получая за это ряд материальных преимуществ. Население же трактовало легальную проституцию как предательство. Хотя в период войны и в Германии, и в СССР вышли отдельные указы, в которых насилие являлось преступлением, на советских открытых судебных процессах и в Нюрнбергском трибунале женщины не были официально признаны жертвами и не получили компенсации. При переходе к мирной жизни проблема сексуального насилия утратила свои прагматичные функции для пропаганды и оказалась исключенной из коллективной памяти. Тем не менее, всплеск насилия над женщинами в период Второй мировой войны подтолкнул к принятию в 1949 г. Женевской конвенции о защите жертв войны, ратифицированной Советским Союзом в 1954 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женская повседневность, оккупация, насилие, проституция

Военные конфликты традиционно сопровождают такие проявления половой и гендерной дискриминации, как изнасилование и принуждение к проституции. Не была исключением и Великая Отечественная война. Женщины, представлявшие большую часть взрослого населения на захваченных противником советских территориях, нередко становились жертвами подобных преступлений. Советская пропаганда во время войны активно использовала вербальные и визуальные образы насилия, чтобы вызвать определенную эмоциональную реакцию у населения. После Победы, напротив, трагическая сторона женской повседневности не вписывалась в представления общества о морали. Она приобрела иной, постыдный оттенок, дискредитировавший самих жертв. В официальной политике памяти опыт выживания женщин в экстремальных условиях оккупации отходил на второй план и в конце концов был предан коллективному забвению.

В процессе актуализации трагической проблематики в изучении Второй мировой войны оказалась востребованной история женской повседневности. Тему насилия на Восточном фронте впервые исследовали именно европейские ученые на основе немецких документов. Особенно отчетливо это проявилось в 2000-х гг. после переиздания в Германии воспоминаний изнасилованной советскими солдатами немки и съемок на эту тему художественных фильмов [Дубина, с. 44].

Основные вопросы, которые поставлены в сегодняшней историографии, связаны с характером насилия: было ли оно частью политики гитлеровской Германии или совершалось спонтанно и бесконтрольно, насколько идеология национал-социализма влияла на это преступление [Beck; Mühlhäuser]. В современной российской историографии вопрос этот рассматривается в контексте коллаборационизма и «войны на уничтожение» [Ковалев; Дюков], а также в рамках изучения женской военной повседневности [Реброва; Сак].

Наиболее полный комплекс документов, отражающих положение мирного населения в оккупации, отложился в архиве Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях (далее – ЧГК). Эта комиссия, начавшая работу 2 ноября 1942 г., решала две основные задачи: подсчет материального ущерба и сбор материалов для его использования в пропагандистских целях. Также в архив ЧГК вошли документы, переданные другими советскими организациями, такими как Главное политическое управление РККА, НКВД, Центральный штаб партизанского движения и т. п.

Составители актов выделяли три категории мирных жителей, пострадавших от немецкой оккупации, и записывали их в отдельные графы: убитые, подвергшиеся истязаниям и пыткам, угнанные на принудительные работы в Германию. Жертвы сексуального насилия могли оказаться в любой из этих категорий. Кроме того, поскольку это «позорило честь», далеко не все пострадавшие девушки и женщины, а также их родственники шли рассказывать представителям официальных

органов о пережитом. Указаний «сверху» о систематическом сборе сведений о половых преступлениях против женщин не было, поэтому в документах фонда подобные свидетельства не систематизированы и разбросаны по многочисленным делам комиссии, что затрудняет их выявление.

Вместе с тем в архиве ЧГК практически нет свидетельств гражданок, работавших в нацистских домах терпимости. Большинство шокирующих фактов сексуального рабства, представленных в обобщающих актах, не подкреплены личными свидетельствами очевидцев или женщин, вовлеченных в проституцию. В результате в документах комиссии представлен эклектичный образ «бордель-хауса»: это и легализованные оккупационными властями публичные дома, и досуговые учреждения, располагавшиеся в зданиях бывших советских клубов, и даже тюрьмы. Этот пробел отчасти компенсируют партизанские донесения о положении населения в оккупации и документы НКВД. Задача статьи – определить официальную позицию советского руководства по отношению к сексуальному насилию в оккупации в военный период и сопоставить ее со сведениями о преступлениях захватчиков против мирного населения, представленными в документах советских учреждений.

Сексуальное насилие как военное преступление

Положение мирного населения во время военных конфликтов стало предметом регулирования в сфере международных отношений только в начале XX в. 18 октября 1907 г. вступила в силу Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Ее приложения запрещали убийства и увечья населения, в них говорилось об обязательном уважении к чести, семейным правам, религиозным убеждениям и т. д. Проверкой этих положений стала Первая мировая война, во время которой на официальном уровне заговорили о преступлениях армии Германии и ее союзников против мирного населения, в частности, про массовые изнасилования [Ульянов, с. 76]. Один из пунктов Версальского мирного договора 1919 г. содержал положение о том, что поверженные агрессоры должны компенсировать гражданским лицам убытки, связанные с жестокостью, насилием или «дурным обращением».

13 мая 1941 г. еще до нападения на СССР начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтель подписал указ о военной подсудности в районе «Барбаросса». В соответствии со вторым пунктом указа преследованию и судебному разбирательству должны были подвергаться те, кто совершал тяжелые проступки, связанные «с половой распущенностью, с проявлением преступных наклонностей», или проступки, приводившие к моральному разложению войск [Нюрнбергский процесс, т. 5, с. 288–290]. С этого времени насилие по отношению к женщинам было официально запрещено. При этом указ не касался легализации проституции на оккупи-

рованных территориях, поскольку в самой Германии публичные дома были законодательно разрешены еще с середины 1930-х гг.

В СССР указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» вышел 19 апреля 1943 г. Расследование преступлений против мирных граждан переходило в ведение военно-полевых судов. Попавшие в плен виновные в преступлениях немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские военнослужащие приговаривались к смертной казни, а коллаборанты – к 15–20 годам каторжных работ [О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев]. Так, в архиве ЧГК отложились материалы судебного разбирательства в расположении деревни Дворище от 25 августа 1943 г. над ефрейтором немецкой пехотной дивизии 34-летним Фарбером Гансом. Подсудимого обвиняли в поджогах деревень, расстрелах мирных жителей и многочисленных изнасилованиях. Из протокола допроса известно, что он с апреля 1942 г. по июль 1943 г. изнасиловал 15 девушек и женщин в возрасте от 13 до 30 лет. Некоторые из этих преступлений он совершил еще с пятью немецкими солдатами. Одна жертва, по словам Фарбера, заболела и сошла с ума, еще одна заболела и умерла. На вопрос суда, совершал ли подсудимый изнасилования по указу офицеров, он ответил: «Нет, этим я занимался, а также и другие солдаты, без каких-либо разрешений со стороны офицеров» [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 17. Л. 148–149].

Проблема сексуального насилия поднималась на советских открытых судебных процессах над нацистскими преступниками и их пособниками. В этом преступлении в Смоленске 15–20 декабря 1945 г. обвинялись несколько подсудимых. Солдат Йозеф Райшман затравил собакой и изнасиловал 14-летнюю девочку. Ефрейтор Гейнц Винклер изнасиловал двух девушек. Ефрейтор Эрих Мюллер «убил 96 человек, изнасиловал 32 советских женщины, причем 6 из них после изнасилования убил» [Обвинительное заключение по делу о зверствах]. Все эти преступления нашли отражение в обвинительном заключении прокуратуры СССР, а показания Мюллера вошли в документальный фильм «Судебный процесс в Смоленске», снятый по горячим следам. Вместе с тем на открытых процессах не были осуждены принуждение к занятию проституцией и сексуальное рабство. Так, на севастопольском процессе в ноябре 1947 г. перед судом предстал бывший комендант Таганрога и Новороссийска Г. Альберти, при котором в этих городах были открыты публичные дома. Однако в обвинительном заключении эти факты не упоминались [Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота].

Еще в ходе войны советское руководство на уровне ЦК обсуждало возможность денежного взыскания за жизни мирных граждан, за потерю «трудового ресурса». Параллельно в ЧГК возникла мысль о компенсации морального ущерба за изнасилования. Неизвестный

автор одной записки, сохранившейся в фонде комиссии, сделал предположение, что солдатами и офицерами вермахта насилью подвергнутся 25 тыс. девушек и 40 тыс. замужних женщин и вдов. За девушек он предлагал взыскивать по 5 тыс. руб. золотом, а за остальных – по 3 тыс. руб. золотом. Итого получалось, что побежденная Германия только по факту изнасилований должна была выплатить колоссальную сумму в 245 млн руб. золотом [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 324. Л. 21]. Однако было решено счета за людские потери противнику не предъявлять. Что касается возмещения ущерба женщинам за поруганную честь, то советское руководство сочло требование уплаты за это неуместным, поскольку честь советской женщины не измеряется деньгами.

Во время подготовки Нюрнбергского трибунала 20 декабря 1945 г. был принят Закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. Его ст. 2 включала «изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения» [Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 160]. На Международном трибунале в Нюрнберге сторона обвинения, в частности, французские и советские обвинители, озвучивала факты изнасилования женщин в оккупации. Однако они не квалифицировали сексуальное насилие как особое военное преступление. Этот вид преступлений был закреплен лишь в 1949 г. в Женевской конвенции о защите жертв войны, которую Советский Союз ратифицировал в 1954 г. Ее ст. 27, таким образом, охраняет женщин в военное время от преступлений в результате изнасилований, принуждения к проституции и т. п.

Сексуальное насилие в освещении советской пропаганды

Образы насилия были важной частью советской пропаганды военного периода. Это вызывало наиболее эмоционально насыщенную реакцию против врага и позволяло проводить четкую границу между «своими» и «чужими». Первые упоминания в прессе о сексуальном насилии освещали проблему принуждения к проституции в нацистских публичных домах «остарбайтеров». В конце июня 1941 г. в газете «Известия» вышла статья «“Новый порядок” фашистских мародеров». Из ее текста следовало, что в Германии советские мирные жители «вымирают от истощения или пристреливаются фашистскими палачами», а девушек и женщин насилуют в борделях [«Новый порядок»]. 4 сентября 1941 г. в газете «Правда» появилось сообщение Совинформбюро «Фашистско-немецкие мерзавцы». «Фашистские изверги насилуют и стоняют в публичные солдатские дома наших матерей, сестер и жен», – говорилось в нем среди прочего [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 490. Л. 5–7]. С тех пор в сообщениях Совинформбюро регулярно присутствовали указания на сексуальное насилие над женщинами на оккупированных территориях, которые включали в себя и сексуальное рабство.

В сентябре 1941 г. в Колонном зале Дома Союзов прошел митинг Антифашистского комитета советских женщин, на котором его активистки обличили оккупантов в их преступлениях. Участницы митинга приняли «Обращение к женщинам всего мира», которое спустя несколько дней появилось в «Правде» под заголовком «Нет большего врага у женщин, чем Гитлер». Они обвиняли фашистов в том, что те «обесчестили сотни тысяч женщин и девушек», «заразили их дурными болезнями», загнали их в публичные дома, отняли у женщин мужей и братьев, а у детей – последний кусок хлеба. Секретарь ВЦСПС Клавдия Николаева заявила, что «только в одном из городов Белоруссии более 300 девушек были загнаны в публичные дома, где фашистские бандиты – офицеры и солдаты – насилюют и убивают их» [К женщинам всего мира!, с. 32].

С конца 1941 г. фокус пропаганды сместился с преступлений против женщин всего мира в сторону преступлений против советского национального достоинства и культуры. Подтверждением этих преступлений служили примеры, когда оккупационные власти открывали запрещенные в Советском Союзе публичные дома в образовательных и досуговых учреждениях. Эта идея активно транслировалась и за рубеж. 21 декабря 1941 г. в «Правде» вышла статья о разорении «русского национального музея» Ясной Поляны: «Фашистские погромы сопровождаются всюду массовым изнасилованием советских женщин, потому что понятия женской чести и человеческого достоинства так же чужды и враждебны Гитлеру и его банде, как чужды и враждебны понятия культуры» [Проклятие и месть фашистским варварам!]. Несколькими днями позже в передовице «Известий» вышло сообщение о разгроме исторических памятников, изнасилованиях женщин и детей, превращении школ в бордели и издевательствах над национальными чувствами [Смерть немецким оккупантам!]. О случаях изнасилований регулярно с натуралистичными подробностями писали и в местных газетах.

Тела погибших в результате насилия женщин демонстрировали кадры кинохроники. Доказательства преступлений вермахта, заснятые в 1943 г. после освобождения Ржева, были настолько чудовищными, что эту пленку показывали на Нюрнбергском военном трибунале. На экране один за другим появлялись крупным планом трупы замученных людей, среди которых была изнасилованная 18-летняя девушка [Фрагмент кинохроники].

Изнасилование в оккупации, в отличие от вовлечения в проституцию, стало сюжетом литературных произведений и кинофильмов. В годовщину начала войны отдельным изданием вышел рассказ М. А. Шолохова «Наука ненависти» (1942), где от имени главного героя повествуется об эпизодах первых дней войны:

Особенно одна осталась у меня в памяти, ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изна-

силовали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники [Шолохов, с. 11].

Затем вышла повесть польской писательницы В. Василевской «Радуга» о подвиге и страданиях советских женщин и детей на оккупированной территории. Одна из ее героинь стала жертвой группового изнасилования «фрицев», в результате которого забеременела. Тема насилия над советскими женщинами будет также обозначена в фильмах корифеев советского кинематографа Ф. Эрмлера («Она защищает Родину», 1943) и М. Ромма («Нашествие», 1944).

Тексты периода Великой Отечественной войны акцентировали внимание на массовом характере сексуальных преступлений против мирных граждан как части общей политики Германии и «нового порядка» на оккупированных советских территориях. Факты преступлений против женщин подавались в том виде, которого требовали военное время, законы жанра и установки «сверху». Особенно это касалось столь неоднозначного явления социальной жизни, как легальная проституция.

Публичные дома в оккупации

Майор Красной армии Д. В. Жигунов записал во фронтовом дневнике в 1943 г. о тех, кто в принципе вступал в половые отношения с немцами:

Можно ли обвинять наших женщин и девушек в том, что они жили и живут с немцами не насильно, а добровольно? Не знаю, сейчас я не берусь сказать ни да, ни нет. А в 1941–1942 г. с декабря по июнь месяц и сказал бы: да, виноваты и подлежат расстрелу. Так и было, когда я со своим батальоном громил и гнал немцев на запад от Тихвина, были тоже такие случаи, их расстреливали без жалости, как и немецкую сволочь, а теперь почему-то я не решаюсь взять на себя решение этого вопроса, в чем дело? [Жигунов].

В условиях оккупации женщины были вынуждены как-то взаимодействовать с захватчиками. Одной из возможных стратегий выживания было использование своего тела как ресурса. Крайней формой такой стратегии стала легальная проституция.

«Бордель-хаусы» чаще открывались в городах. В некоторых из них сохранялись значные места, в которых до революции располагались притоны. Например, нацистские бордели были открыты именно в таких кварталах Ростова-на-Дону, Смоленска, в портовых городах Таганроге, Одессе и Новороссийске. В конце мая 1942 г. в газете «Красная звезда» была опубликована статья «В Курске». После слов о том, что гитлеровцы имеют планы по «ликвидации веками создававшейся нашим народом национальной культуры», автор сообщал:

На Семеновской улице на одном из домов красуется вывеска «Дом свиданий для немецких солдат». Открыт публичный дом и в гостинице, которая до революции называлась «Полторацкие номера» и была известна как притон [Без срока давности, с. 258].

В разведывательной сводке 4-го управления НКВД СССР по Смоленску говорилось, что в городе до 1800 девушек и женщин, или 50–60 %, легально и нелегально «занимаются этим позорным ремеслом» [Разведывательная сводка № 8]. Этот неприглядный факт советское руководство не афишировало. В официальной ноте от 6 января 1942 г. В. М. Молотов утверждал:

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой [О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах].

Известные на сегодняшний день документы, отражающие проблему легализации проституции в оккупации, не дают ясного представления о том, почему некоторые советские женщины шли работать в «бордель-хаусы». Первый очевидный ответ – необходимость кормить себя, детей, престарелых родителей. Голод был неотъемлемой составляющей жизни в оккупации, а получение пропитания – базовой задачей, связанной с выживанием. По распределению с биржи труда большинство женщин получало направление на тяжелые восстановительные работы, которые не всем были по силам. За работу они получали паек, которого едва хватало на то, чтобы утолить голод. Как говорилось в бюллетене УНКВД по Курской области за март 1942 г., «многие женщины на почве голода сожительствуют с немцами» [Бюллетень № 7]. Такая же ситуация сложилась в пригороде Ленинграда. «Немцы растлили массу молодежи – женщин и девушек, доведенных до отчаяния голодом и террором, покупают за кусок хлеба», – рассказывал попавший к партизанам советский военнопленный [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Л. 983. Л. 4 об.]. В более финансово выгодном положении оказывались те женщины, которые были заняты в сфере обслуживания (работали в администрации, госпиталях, столовых, кафе и т. д.). Однако у такой занятости была обратная сторона – нередко сотрудницы оккупационных учреждений по различным причинам вступали с захватчиками в близкие отношения.

Работа в «бордель-хаусах» хорошо оплачивалась. Совокупный доход «барышень», как их называли в документах, мог составлять несколько тысяч рублей в месяц [ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. Администрация заведений обеспечивала женщин питанием. По словам работницы борделя в Сталино, она получала «хлеба 600 гр., масло 40 гр., колбаса 200 гр., 2 палочки конфет, кофе, борщ, консервы мясные, сигарет, еже-

дневная норма» [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 4]. Также посетители делали подарки – шоколад, мыло, чулки – и оставляли чаевые.

В публичных домах существовала обязательная практика ежедневных медицинских проверок. С одной стороны, принудительные проверки – это проявление насилия. С другой, это же являлось профилактикой заболеваний. Однако неоднократная смена клиентов все-таки приводила к инфицированию персонала. В советских документах встречаются как факты уничтожения венерических больных по распоряжению оккупационных властей [Титаренко, с. 432], так и получения сотрудниками борделей квалифицированной медицинской помощи [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 3–4].

В документах сохранились свидетельства о том, что женщины шли в бордели и по собственной воле. Начальник технического отдела Городской управы Курска А. Г. Кепов вспоминал:

С огорчением надо отметить недостойное поведение многих отдельных женщин, добровольно пошедших по такому тяжелому пути, и, как много раз было проверено тогда, не из-за нужды, а в силу своего характера и расчета [Кепов, с. 42–43].

Такую же картину наблюдали разведчики в оккупированной Калуге, где по объявлению об открытии публичного дома добровольно явились 250 девушек и женщин вместо 80 [Лотарева, Тихонов, с. 29].

Житель Донецка (Сталино) вспоминал в интервью, записанном в более позднее время, что оккупационные власти называли проституток патриотками Германии и обещали им различные привилегии по окончании войны [Опыт нацистской оккупации, с. 234]. В глазах «своих» такая стратегия выживания не оправдывалась ни голодом, ни угрозой жизни. Какая-то часть женщин, вовлеченных в проституцию, отступила вместе с вермахтом, другие остались в городах. Например, одна из бывших проституток в Сталино к моменту освобождения города работала в похоронном бюро [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 13]. В соответствии с указаниями НКВД СССР об оперативно-чекистской работе на освобожденных территориях 1943 г., немедленному аресту подлежали содержатели притонов и домов терпимости, но не женщины, оказывавшие сексуальные услуги в «бордель-хаусах» [Органы государственной безопасности, с. 131]. При этом нельзя исключить, что они «перевоспитывались» в системе ГУЛАГа, как это практиковалось в начале 1930-х гг.

Изнасилования на оккупированных территориях

Изнасилования женщин на оккупированной территории носили массовый характер. Среди преступников женщины упоминали представителей практически всех национальностей вражеской армии. Наиболее часто в связи с насилием фигурируют немцы и румыны, реже – итальянцы, венгры, финны, испанцы, что, возможно, объясняет-

ся составом армии на данной территории. Эти преступления совершали как солдаты, так и офицеры вермахта. В качестве пыток такой способ дознания использовали служащие войск СС. Пользовались своим положением и местные коллаборанты, насилловавшие женщин. Единого сценария этого преступления не было. Документы свидетельствуют, что насилие могло быть спонтанным, вызванным употреблением алкоголя и выплеском агрессии. Но также оно могло совершаться умышленно, с заманиванием жертв под разным предлогом. Преступник мог быть один, но довольно распространены были и случаи групповых изнасилований, в которых участвовали от двух до 20–25 мужчин.

Жертвами изнасилований становились представительницы слабого пола разного возраста, социального статуса и национальности. В документах возраст жертв варьируется от шести до 68 лет [РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 353. Л. 88]. Часто фиксировался примерный возраст подвергшихся насилию несовершеннолетних, девочек и подростков, так как эти преступления были сопряжены с педофилией. Отдельно составители донесений и те, кто записывал показания свидетелей, отмечали надругательства над женщинами на поздних сроках беременности.

Никакого значения перед угрозой насилия не имело положение женщины в социальной иерархии – ее статус в условиях оккупации и разрушения прежних социальных связей нивелировался. То же относится и к национальности, которая для «трофейной» женщины не имела принципиального значения: насилию могли подвергнуться советские гражданки любой национальности, находившиеся на захваченных территориях [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 96. Д. 102. Л. 50].

Последствия сексуального насилия затрагивали разные сферы жизни жертв. Они нередко приводили к тяжелым увечьям и влияли на репродуктивную функцию [Там же. Оп. 8. Д. 26. Л. 3 об.]. Поскольку в период оккупации отмечался всплеск венерических заболеваний, в результате изнасилований, особенно групповых, происходило заражение такими серьезными инфекциями, как сифилис или гонорея [Там же. Оп. 86. Д. 48. Л. 7]. Влияли эти преступления и на психическое состояние жертв. Как рассказывали их родственники, молодые девушки переживали депрессии, пытались покончить жизнь самоубийством и сходили с ума. Женщины в результате изнасилования могли забеременеть, что в перспективе автоматически переводило их в статус матерей-одиночек («фашистенок»).

Большая часть зафиксированных в документах изнасилований описывались как совершенные с особой жестокостью, доказательством чего служили факты гибели жертв. Такими сведениями изобилуют, например, партизанские разведсводки. Так, в донесении Краснодарского краевого штаба было перечислено несколько эпизодов, в том числе изнасилование двух девушек 16 и 17 лет 25 немцами, в результате чего одна из жертв умерла [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1047. Л. 9]. В другом документе говорилось об обнаружении в винограднике трупов восьми изнасило-

ванных девочек-подростков [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2048. Л. 9]. Иногда преступники скрывали следы своего преступления. Военнопленный ефрейтор Карл Войке рассказывал об изнасиловании десятью солдатами его батальона 15-летней девочки, которую в конце избили ногами до потери сознания и бросили в пруд [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 16. Л. 12].

По утверждению исследователей современных военных конфликтов, избежать сексуального насилия можно только путем строгих запретов и контроля со стороны командования. Этим целям служил и приведенный выше указ Кейтеля от 13 мая 1941 г. Однако, как показано в исследовании Б. Бек, хотя суды над насильниками на Восточном фронте проходили, их количество по сравнению с судами за дезертирство и членовредительство было незначительным. На Восточном фронте судебные дела о преступлениях против мирных граждан возбуждались реже, чем в оккупированных странах Европы. Изнасилованные советские женщины подвергались дискриминации даже во время осуществлявшихся в оккупированных зонах судебных процессов. Внимание при этом прежде всего обращалось не на ущерб, причиненный их здоровью и чести, а на влияние преступления на «репутацию вермахта». Жертв воспринимали в соответствии с национал-социалистической идеологией как представительниц «нецивилизованного» враждебного населения, они не давали присягу, а их показания были второстепенными по сравнению с показаниями немцев. Смягчающими обстоятельствами для вынесения приговора выступали заслуги подсудимого на фронте, отсутствие судимости, а также совершение насилия в нетрезвом виде. В качестве наказания боец мог подвергнуться дисциплинарному взысканию, тюремному заключению от нескольких месяцев до нескольких лет. Однако на большинство фактов насилия командование вермахта закрывало глаза [Beck, S. 179–216].

* * *

Официальная трактовка проблемы легализации проституции на захваченных вермахтом территориях лишь отчасти отражала положение дел. Для тех гражданок, которые оказывались в «бордельхаусах» добровольно, это было формой коллаборации, так как давало ощутимые материальные выгоды. Однако документы не позволяют в полной мере оценить то, как тяжелые дискриминационные условия «нового порядка» влияли на выбор женщинами асоциальных форм выживания. Существует и более общая проблема: может ли выбор проституции в условиях войны в принципе быть добровольным?

Факты изнасилований, представленные в текстах периода войны, достаточно точно отражали женскую повседневность, документы хранят истории жестоких издевательств и убийств сексуального характера, сведения о которых не стали достоянием широкой общественности.

Если для мужчин доказательством преданности Родине служили их подвиги на фронте, то для женщин – верность своим защитникам, подразумевавшая и целомудрие. Изнасилованные советские гражданки были опозорены, а женщины, вовлеченные в проституцию, и вовсе становились изгоями независимо от мотивов поступка. После открытых судебных процессов и международного Нюрнбергского трибунала эта трагическая сторона войны, очевидная для современников, утратила свою актуальность в публичном пространстве послевоенного общества. В советской официальной политике памяти проблема сексуального насилия над женщинами не была представлена и остается не до конца осмысленной по сей день.

Библиографические ссылки

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область : сб. док. М. : Фонд «Связь эпох», 2020. 488 с.

Бюллетень № 7 УНКВД по Курской области о положении в оккупированных районах Курской области за период с 1 по 31 марта 1942 г. // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoj-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoj-oblasti-okkupirovannykh> (дата обращения: 01.04.2023).

ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24.

ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 26; Оп. 86. Д. 48; Оп. 116. Д. 324; Оп. 148. Д. 38; Оп. 149. Д. 17; Оп. 149. Д. 16.

Дубина В. С. Болезненная тема Второй мировой войны: память о сексуальном насилии по обе стороны фронта // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 17 (79). С. 47–56.

Дюков А. Р. За что сражались советские люди. М. : Яуза : Эксмо, 2007. 573 с.

Жигунов Д. В. Дневник // Прожито : [сайт]. URL: <https://prozhito.org/note/439015> (дата обращения: 03.05.2023).

К женщинам всего мира! Выступления на женском антифашистском митинге, состоявшемся в Москве в Колонном зале Дома Союзов 7 сентября 1941 г. М. : Госполитиздат, 1941. 47 с.

Кепов А. Г. Курск в период оккупации 1941–1943 гг. // Курские мемуары. № 2. Курск : [Б. и.], 2002. С. 23–45.

Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

Лотарева Д., Тихонов В. Собеседник Рокоссовского // Родина. 2014. № 12. С. 27–30. «Новый порядок» фашистских мародеров // Известия. 1941. № 155. 3 июля.

Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М. : Юридич. лит., 1987–1999.

О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников : указ президиума Верховного совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-no-39-omerakh-nakazaniya-dlya-nemecko-fashistskikh-zlodeev?ysclid=lh7huxgsuo426127281> (дата обращения: 03.05.2023).

О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях : нота наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannykh-del-sssr-molotova-6-yanvarya-1942> (дата обращения: 03.05.2023).

Обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Смоленске и Смоленской области // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/10-12-1945-obvinitelnoe-zaklyuchenie-po-delu-o-zverstvakh-nemecko-fashistskikh-zakhvatchikov> (дата обращения: 03.05.2023).

Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov> (дата обращения: 03.05.2023).

Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы / авт.-сост. Д. Н. Титаренко, Т. Пентер. Донецк : Світ книги, 2013. 465 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 8 т. М. : Русь, 2003. Т. 3. Крушение «блицкрига». Кн. 1 (1 января – 30 июня 1942 г.). 706 с.

Проклятие и месть фашистским варварам! // Правда. 1941. № 353. 21 декабря.

Разведывательная сводка № 8 4-го управления НКВД СССР // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniya-nkvd-sss-r-opolozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh> (дата обращения: 03.05.2023).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 490; Ф. 69. Оп. 1. Д. 983, 1047, 2048; Ф. 269. Оп. 1. Д. 353.

Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 25–33.

Сак К. В. Изнасилования на Восточном фронте: расследование, преступники и их жертвы // Трагедия войны : Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М. : Рос. воен.-ист. о-во : Яуза, 2021. С. 128–143.

Смерть немецким оккупантам! // Известия. 1941. № 304. 25 дек.

Титаренко Д. Н. Судьба инфекционных и венерических больных в период нацистской оккупации (на примере Украины) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 418–427.

Фрагмент кинохроники из «Союзкиножурнал № 23» // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/fragment-kinokhroniki-iz-soyuzkinozhurnal-no-23-oz-ruzhsheniya-iz-zlodeyaniya-nemecko-0> (дата обращения: 03.05.2023)

Ульянов П. В. Образ Бельгии как «жертвы» в британской пропаганде периода Первой мировой войны // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2019. № 2 (106). С. 75–79. DOI 10.14258/izvasu(2019)2-13.

Шолохов М. А. Наука ненависти. М. : Правда, 1942. 24 с.

Beck B. Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–1945. Paderborn : Schöningh, 2004. 370 S.

Mühlhäuser R. Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945. Hamburg : Hamburger Ed., 2010. 416 S.

References

Beck, B. (2004). *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–1945*. Paderborn, Schöningh. 370 S.

Bez sroka davnosti: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Kurskaya oblast'. Sbornik dokumentov [Without a Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Accomplices against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Kursk Region. Collection of Documents]. (2020). Moscow, Fond “Svyaz’ epokh”. 488 p.

Byulleten’ No. 7 UNKVD po Kurskoi oblasti o polozhenii v okkupirovannykh raionakh Kurskoi oblasti za period s 1 po 31 marta 1942 g. [Bulletin No. 7 of the NKVD for Kursk Region on the Situation in the Occupied Areas of Kursk Region for the Period from March 1 to March 31, 1942]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru>

rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh (accessed: 01.04.2023).

Dubina, V. (2011). Boleznennaya tema Vtoroi mirovoi voyny: pamyat' o seksual'nom nasilii po obe storony fronta [Painful Theme of the Second World War: The Memory of Sexual Violence on Both Sides of the Front]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 17 (79), pp. 47–56.

Dyukov, A. R. (2007). *Za chto srazhalis' sovetskie lyudi* [What Did the Soviet People Fight for?]. Moscow, Yauza, Eksmo. 573 p.

Fragment kinokhroniki iz "Soyuzkinozhurnal No. 23" [Fragment of Newsreel from "Soyuzkinozhurnal No. 23"]. In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/fragment-kinokhroniki-iz-soyuzkinozhurnal-no-23-o-razrusheniya-i-zlodeyaniya-nemecko-0> (data obrashcheniya: 03.05.2023)

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-7021. List 8. Dos. 26; List 86. Dos. 48; List 116. Dos. 324; List 148. Dos. 38; List 149. Dos. 17; List 149. Dos. 16.

GARO [State Archive of Rostov Region]. Stock R-3613. List 1. Dos. 24.

K zhenshchinam vsego mira! Vystupeniya na zhenskom antifashistskom mitinge, sostoyavshemsya v Moskve v Kolonnom zale Doma Soyuzov 7 sentyabrya 1941 g. [To Women All over the World! Speeches at the Women's Anti-Fascist Rally Held in Moscow in the Pillar Hall of the House of the Unions on September 7, 1941]. (1941). Moscow, Gospolitizdat. 47 p.

Kepov, A. G. (2002). Kursk v period okkupatsii 1941–1943 gg. [Kursk during the Occupation of 1941–1943.]. In *Kurskie memuary*. No. 2. Kursk, S. n., pp. 23–45.

Kovalev, B. N. (2009). *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945: Types and Forms]. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo. 372 p.

Lotareva, D., Tikhonov, V. (2014). Sobesednik Rokossovskogo [An Interlocutor of Rokossovsky's]. In *Rodina*. No. 12, pp. 27–30.

Mühlhäuser, R. (2010). *Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburg, Hamburger Ed. 416 S.

"Novyi poriyadok" fashistskikh maroderov ["New Order" of Fascist Marauders]. (1941). In *Izvestiya*. No. 155. July 3.

Nyurnbergskii protsess. Sbornik materialov v 8 t. [Nuremberg Trials. Collection of Materials. 8 Vols.]. (1987–1999). Moscow, Yuridicheskaya literatura.

O merakh nakazaniya dlya nemetsko-fashistskikh zlodeev, vinovnykh v ubiistvakh i istyazaniyakh sovetskogo grazhdanskogo naseleniya i plennykh krasnoarmeytsev, dlya shpionov, izmennikov Rodiny iz chisla sovetskikh grazhdan i ikh posobnikov. Ukaz prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR № 39 ot 19 aprelya 1943 g. [On Punishment Measures for Nazi Villains Guilty of the Murder and Torture of the Soviet Civilian Population and Captured Red Army Soldiers, for Spies, Traitors to the Motherland from among Soviet Citizens and Their Accomplices. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 39 of April 19, 1943]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-no-39-o-merakh-nakazaniya-dlya-nemecko-fashistskikh-zlodeev?ysclid=lh7huxgsuo426127281> (accessed: 03.05.2023).

O povsemestnykh grabezhakh, razorenii naseleniya i chudovishchnykh zverstvakh germanskikh vlastei na zakhvachennykh imi sovetskikh territoriyakh. Nota narkoma inostrannykh del SSSR V. M. Molotova [On Widespread Robberies, Devastation of the Population, and Monstrous Atrocities of the German Authorities in the Soviet Territories They Captured. Note from the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannykh-del-sssr-molotova-6-yanvarya-1942> (accessed: 03.05.2023).

Obvinitel'noe zaklyuchenie po delu o zverstvakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v g. Smolenske i Smolenskoi oblasti [Indictment in the Case of the Atrocities of the Nazi Invaders in the City of Smolensk and Smolensk Region]. (N. d.). In *Victims.rusarchives*

[website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/10-12-1945-obvinitelnoe-zaklyuchenie-po-delu-o-zverstvakh-nemecko-fashistskikh-zakhvatchikov> (accessed: 03.05.2023).

Obvinitel'noe zaklyuchenie prokuratory Chernomorskogo flota [Indictment from the Black Sea Fleet Prosecutor's Office]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratory-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov> (accessed: 03.05.2023).

Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov v 8 t. [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. (2003). Moscow, Rus'. Vol. 3. Krushenie "blitskriga". Book 1 (1 yanvarya–30 iyunya 1942 g.). 706 p.

Proklyatie i mest' fashistskim varvaram! [Curse and Revenge on the Fascist Barbarians!]. (1941). In *Pravda*. No. 353. Dec. 21.

Razvedyvatel'naya svodka № 8 4-go upravleniya NKVD SSSR [Intelligence Report No. 8 of the 4th Directorate of the NKVD of the USSR]. In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniya-nkvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh> (accessed: 03.05.2023).

Rebrova, I. V. (2008). "Zhenskaya" povsednevnost' v problemnom pole istorii Velikoi Otechestvennoi voiny ["Women's" Everyday Life in the Problem Field of the History of the Great Patriotic War]. In *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 2 (47), pp. 25–33.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 11. Dos. 490; Stock 69. List 1. Dos. 983, 1047, 2048; Stock 269. List 1. Dos. 353.

Sak, K. V. (2021). Iznasilovaniya na Vostochnom fronte: rassledovanie, prestupniki i ikh zherty [Rape on the Eastern Front: Investigation, Perpetrators, and Their Victims]. In *Tragediya voiny. Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka*. Moscow, Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, Yauza, pp. 128–143.

Sholokhov, M. A. (1942). *Nauka nenavisti* [Science of Hate]. Moscow, Pravda. 24 p.

Smert' nemetskim okkupantam! [Death to the German Occupiers!]. (1941). In *Izvestiya*. No. 304. December 25.

Titarenko, D. N. (2020). Sud'ba infektsionnykh i venericheskikh bol'nykh v period natsistskoi okkupatsii (na primere Ukrainy) [The Fate of Infectious and Venereal Patients during the Nazi Occupation (with Reference to Ukraine)]. In *Velikaya Otechestvennaya voina v istorii i pamyati narodov yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvol'y*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 418–427.

Titarenko, D. N., Penter, T. (Eds.). (2013). *Opyt natsistskoi okkupatsii v Donbasse: svidetel'stvuyut ochevidtsy* [The Experience of the Nazi Occupation in the Donbass: Eyewitnesses Testify]. Donetsk, Svit knigi. 465 p.

Ul'yanov, P. V. (2019). Obraz Bel'gii kak "zherty" v britanskoj propagande perioda Pervoi mirovoi voiny [The Image of Belgium as a "Victim" in British Propaganda during the First World War]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (106), pp. 75–79. DOI 10.14258/izvasu(2019)2-13.

Zhigunov, D. V. (N. d.). Dnevnik [Diary]. In *Prozhito* [website]. URL: <https://prozhito.org/note/439015> (accessed: 03.05.2023).

The article was submitted on 24.05.2023

Origines

ВОЛЕНІЕМЪ.

Июня 27го дня
1796го года
Сыскерной Доводъ.

Всеевгустѣйшая монархиня
Всемилоостивѣйшая Государыня

Векотпавданнѣйшая вдова
тантѣдлярная ~~свѣтанца~~ ~~бикари~~ ~~дѣта~~
Стѣпанова дождѣ ~~стѣпанова~~ ~~стѣпанова~~ ~~стѣпанова~~
Ее Данбу ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~
дѣта ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~
дѣта ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~
дѣта ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~ ~~дѣта~~

Письмо Ф. С. Турчаниновой императрице Екатерине II. 27 июня 1796 г.
Фрагмент [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 2 об.]

Letter from F. S. Turchaninova to Empress Catherine II. June 27, 1796. Fragment

Иновозвращеній мать на мать мой Соде =
Ственности, Сооставленіемъ тѣмъ самой
Отени, Которая уже тѣмъ тѣмъ тѣмъ
Сенатомъ Отвѣдена.

Суживоппови, тѣмъ тѣмъ тѣмъ
Нешрастнѣю, нововозвращенію Равъ, Которая до тѣмъ =
Дня и до Духанія Нешрастнѣю водсылатъ -
тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
Вашемъ.

Письмо Н. А. Колтовской императору Павлу I. 26 августа 1798 г.
Фрагмент [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 7 об.]

Letter from N. A. Koltovskaya to Emperor Paul I. August 26, 1798. Fragment

**Брак без любви, любовь вне брака:
женщина в дворянской семье восемнадцатого века***

Елена Пирогова

Российский государственный профессионально-
педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

**Marriage without Love, Love outside Marriage:
A Woman in the Eighteenth-century Noble Family**

Elena Pirogova

Russian State Vocational-Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This article refers to a set of documents revealing the relations within the noble family of the Ural industrialist A. F. Turchaninov and one of his daughters, Natalia Koltovskaya, in the eighteenth century. The author considers general problems of the private life of people of a privileged Russian class, namely, marital relations, possibilities, and conditions of dissolution of marriage, the position of women in the family and their rights, and the attitude to extramarital affairs in secular society. The article examines the reasons for the emergence and development of a provincial woman's sense of independence and inner freedom, the origins of her rebellion against patriarchal family structures, for the right to decide for herself, and the extent to which such manifestations of "freedom" could be considered typical of Russia at that time, or whether they should be considered an exception to the general norm of behaviour. The story of N. A. Koltovskaya's escape from her family, her relations with Emperor Paul I and Senator G. R. Derzhavin, shows the conformism of the supreme power, which manifested itself, on the one hand, in the awareness of the latter of the importance of its role in protecting the family and the moral foundations of the upper class, and, on the other hand, in the possibility of the upper class to take advantage of the opportunities offered

* *Citation*: Pirogova, E. (2024). Marriage without Love, Love outside Marriage: A Woman in the Eighteenth-century Noble Family. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 619–640. DOI 10.15826/qr.2024.2.899.

Цитирование: Pirogova E. Marriage without Love, Love outside Marriage: A Woman in the Eighteenth-century Noble Family // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 619–640. DOI 10.15826/qr.2024.2.899 / Пирогова Е. Брак без любви, любовь вне брака: женщина в дворянской семье восемнадцатого века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 619–640. DOI 10.15826/qr.2024.2.899.

by the situation and, if necessary, of circumventing the existing rules of law, of influencing government bodies (the Senate) in one's own interests and, in general, in the interference of the supreme power in the family life of its subjects. The appendix to the article contains four documents: two "women's" letters – one from the mother to Catherine II and the other from the daughter to Paul I, as well as letters from her lover (translated from French) and her husband.

Keywords: noble family, marriage and divorce, N. A. Koltovskaya, D. P. Tatishchev, G. R. Derzhavin, Paul I

В основе статьи лежит комплекс документов, раскрывающих отношения внутри дворянской семьи уральского промышленника XVIII в. А. Ф. Турчанинова и его дочери Натальи Колтовской. Рассматриваются общие проблемы, касающиеся частной жизни людей привилегированного сословия, а именно: матримониальные отношения, возможности и условия расторжения брака, положение женщины в семье и ее права, отношение к внебрачным связям в светском обществе. Ставятся вопросы возникновения и развития чувства независимости и внутренней свободы женщины, воспитанной в провинции, истоков ее бунтарства против патриархальных семейных устоев, борьбы за право выбора личных отношений и того, насколько подобные проявления «вольности» могли быть типичными для России той эпохи (или их следует признать исключением из общей нормы поведения). История бегства Н. А. Колтовской из семьи, ее отношения с императором Павлом I и сенатором Г. Р. Державиным демонстрируют конформизм верховной власти, проявившийся, с одной стороны, в осознании важности функции защиты семейных и нравственных устоев высшего сословия, с другой – в возможности при необходимости обходить существующие нормы права, воздействовать на правительственные органы (Сенат) в своих интересах. Это свидетельствует об интенции верховной власти вмешиваться в семейную жизнь своих подданных. В приложении публикуются два «женских» письма – матери на имя Екатерины II и дочери на имя Павла I, а также письма любовника героини и ее мужа.

Ключевые слова: частная жизнь, дворянская семья, брак и развод, Н. А. Колтовская, Д. П. Татищев, Г. Р. Державин, Павел I

Для исторической науки последних десятилетий характерен заметный интерес к проявлениям индивидуального, особенного, выбивающегося из общей нормы поведения отдельного человека конкретной эпохи. В отечественной историографии проблемы, связанные с изучением истории семейно-брачных отношений, их правовой регламентации, роли традиций в регулировании брачной сферы, положения женщины в качестве невесты, жены, вдовы и т. д. решаются преимущественно в масштабах социальных групп (крестьянства, духовенства, дворянства, купечества) или общества в целом. Таковы обобщающие работы Ю. М. Лотмана, Ю. Л. Бессмертного, Б. Н. Ми-

ронова, М. К. Цатуровой, а с акцентом на «женскую» тематику – В. А. Веременико, Н. Л. Пушкаревой, А. В. Беловой, В. О. Михневич и др. Однако только изучение частной жизни отдельного человека, его поведения в семье и вне ее рамок, сравнение этого поведения с общепринятой нормой своего времени позволяют говорить о степени свободы индивида в обществе в целом и в вопросах выстраивания межличностных отношений внутри семьи в частности. История отдельной семьи представляет несомненный интерес, становится востребованным направлением научных исследований, позволяя судить о том, «как в жизни отдельных индивидов отражались свойственные изучаемой эпохе и социуму в целом тенденции развития и способы видения мира» [Егерев, с. 25].

В основе статьи лежит комплекс документов, ценный своим единством и связью с конкретной дворянской семьей уральского промышленника, позволяющий обратиться к проблемам матримониальных отношений, возможности и условий их расторжения, положения женщины в дворянской семье. Отраженные в документах события разворачиваются в самом конце XVIII в., времени, когда русское общество продолжало оставаться традиционным, для большинства населения преимущественно аграрным, и когда переход к индустриальному типу только обозначился (на промышленном Урале – в большей степени). На этом фоне тенденция в отношении развития понимания обществом ценности частной жизни и необходимости высвобождения личности от сословных предрассудков, устаревших догм и традиций, даже слабо наметившаяся, была все же важна для общей модернизации общества. К концу правления Екатерины II дворянство окончательно оформилось как господствующее сословие, расширилась его правовая база, что не могло не способствовать росту сословного самосознания, обострению чувства внутренней свободы и независимости личности. При этом положение мужчины и женщины заметно отличалось в сторону преимущественных прав первых по отношению ко вторым. Женщины, как правило, терпели такое положение, но некоторые из них уже начинали открыто бунтовать против подобного неравноправия. Подтверждением данного тезиса является история одной из таких бунтарок – Натальи Алексеевны Турчаниновой, в замужестве Колтовской.

Общая фабула раскрываемой в документах семейной драмы такова: богатую наследницу после смерти отца мать выдает замуж за человека старшего по возрасту и с очевидным интересом к приданому невесты. Вскоре супруги с уже родившимися детьми переезжают с Урала в Москву, где молодая женщина встречает свою, как ей кажется, настоящую любовь. Ее чувство столь велико, что она решает оставить семью и уехать за любимым в Петербург. Однако ее избранник не готов к такому повороту событий, через несколько лет он оставляет несчастную женщину с двумя рожденными уже вне брака детьми, предпочтя карьеру дипломата. Поведение всех участников

драмы раскрывают документы, среди которых письма на высочайшее имя, свидетельства взаимных имущественных претензий супругов, материалы разбиравшегося в Сенате дела, покаянные письма любовника и мужа и прочее. Но в центре всей драмы находится гордая, независимая женщина, осмелившаяся бросить вызов семье и обществу. Оказавшись без поддержки близких людей, включая любимого человека, она сумела не просто выстоять, но и победить, поразив красотой и дерзким умом императора Павла I, став последней любовью и музой поэта Г. Р. Державина, и добилась права на развод.

Вышеописанный сюжет заставляет усомниться, что, по утверждению одного из уральских историков, «нельзя преувеличивать уровень развития внутренней независимости личности в провинции, где традиция продолжала играть существенную роль» [Александрова, с. 149]. Является ли эта история «вольности» исключением из общей нормы женского поведения – важная проблема исследования личности той эпохи.

Родители. Образование

Наталья Алексеевна родилась в семье крупного уральского промышленника, владельца Сысертского горного округа Алексея Федоровича Турчанинова. Это был один из тех неродовитых заводчиков, которые разбогатели и попали в привилегированное сословие благодаря своему уму и предприимчивости. Желая приблизиться к образованному дворянству, соответствовать его культурному и интеллектуальному уровню, Турчанинов собрал в сысертской усадьбе вблизи Екатеринбурга многочисленные коллекции и библиотеку, много усилий прилагал к всестороннему образованию и воспитанию восьмерых детей. Все они, в том числе Наталья, обучались рисованию, пению, игре на музыкальных инструментах, иностранным языкам, были знакомы с отечественной и европейской живописью и графикой, лучшими образцами художественной литературы. Под влиянием рыцарских и любовных романов, модных просветительских идей, надо полагать, и складывался внутренний мир дочерей. Вспомним ту особую роль, которую с конца XVIII в. начинает играть художественная литература в жизни общества, особенно влияя на «формирование духовного мира девочек в дворянских (причем не только в столичных... но и в провинциальных) семьях» [Пушкарева, с. 97].

Однако сысертскую усадьбу, где прошли детство и отрочество Натальи Турчаниновой, отличал не только европеизированный по тогдашней дворянской моде культурный уровень. Несмотря на богатую модную обстановку, в ней было немало и традиционного, оставшегося от старого патриархального уклада жизни, что проявлялось в ее интерьере, внешнем виде и в типе занятий домочадцев [подробнее см.: Пирогова, 2017]. Все это тоже должно было отражаться на семейных отношениях и воспитании детей. Немаловажно было и то, что Турчанинов после первого бездетного брака, уже будучи в преклон-

ном возрасте (более 60 лет), женился второй раз, несомненно по любви, на собственной крепостной Филанцете Сушиной, от которой и родились все его дети.

Подобные браки – нечастое явление в Российской империи, как правило, женщины низкого происхождения становились любовницами, но никак не женами. Из общеизвестных примеров исключение составляет уникальный, по сути, брак графа Шереметева с собственной крепостной актрисой П. Жемчуговой. Нам известно еще как минимум два подобных примера того же периода, связанных с родом промышленников Демидовых. Возможно, в поздней нобилитации, в том, что и Демидовы, и А. Ф. Турчанинов изначально не имели благородного происхождения, и кроется причина их неравных браков, а также их колебаний между традиционными и новыми европеизированными семейными ценностями.

Богатая невеста и раннее замужество

После смерти (21 марта 1787 г.) А. Ф. Турчанинов оставил богатейшее наследство в виде заводов, фабрик, домов в обеих столицах и других городах, многочисленных имений и деревень в разных губерниях России, которое было разделено между вдовой и детьми. К этому времени из пятерых дочерей только старшая Екатерина оказалась выданной замуж, остальные были еще детьми. Следующей по возрасту шла Наталья, которой на момент смерти отца исполнилось 14 лет. Сопоставление ряда документов позволяет предположить с большой долей вероятности, что она родилась в сентябре 1773 г. и была выдана замуж в 15 лет, в первой половине 1789 г., следовательно, до окончания раздела имущества. Собственное утверждение Натальи Алексеевны, что ее выдали замуж в 14 лет и что «произошло это уже после смерти отца, но в тот же год» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 1] (прил., док. № 3), следует считать намеренным преувеличением, использованным героиней при расторжении брака. Скорее всего, с этой датой было связано сватовство или венчание. Желание вдовы Филанцеты Степановны поскорее выдать замуж одну из дочерей очевидно, но вошла ли уже Наталья в указанное время в брачный возраст?

Церковная норма права, восходящая к византийской традиции, позволяла выдавать девушек замуж с 12 лет. Для дворян брачный возраст стал повышаться уже с начала XVIII в. под влиянием европейских стандартов и указа Петра I о единонаследии 1714 г., запретившего венчать девушек ранее 17 лет. Указ, по мнению исследователей, мало кем соблюдался, так как он нарушал традицию, обычай раннего замужества, а также церковную норму права. Поэтому уже в 1774 г. Синод особым указом вернулся к старой практике, понизив брачный возраст девушек до 13 лет [Пушкарева, с. 23].

Наталья Турчанинова была отдана замуж в 15 лет, что соответствовало норме своего времени и традиции. Чувства девушки при этом мало кого интересовали, что также являлось обычной практи-

кой в частной жизни XVIII в., тогда во многих дворянских семьях вопросы замужества и выбора брачного партнера решались по старинке – родителями и родственниками будущей невесты. При таком «добровольно-принудительном характере заключения браков, – развивает эту мысль Б. Н. Миронов, – отношения супругов лишались любви и сильной привязанности, были слабо эмоционально окрашены» [Миронов, с. 259].

Можно предположить, что первые годы совместной жизни супругов Колтовских были вполне благополучными. В «примечаниях» сенатора И. Захарова к делу говорилось: «в первых пяти годах супружества жили они мирно, конечно, потому, что сохраняли взаимную любовь и, следовательно, имели друг ко другу уверенность» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 96]. Так ли это было на самом деле, неизвестно, но в браке родилось четверо детей. Некая идиллия в семейных отношениях если и была, то недолго, и младшего сына Н. Т. Колтовской уже не считал своим.

Брак по расчету

Николай Тимофеевич Колтовской, коллежский асессор (чин VIII класса по Табели о рангах), приехал на Урал в 1786 г. обер-берг-мейстером и по 1890 г. находился в должности прокурора верхней расправы г. Екатеринбурга [Адрес-календарь... на 1786 год, с. 285; Адрес-календарь... на 1790 год, с. 12]. Из материалов сенатского дела следует, что происходил он из небогатых дворян Смоленской губернии, имея «своего собственного смоленского недвижимого имения только пятьдесят три души» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 72 об.]. За отсутствием дат его жизни можно ориентироваться на награждение его орденом Св. Владимира IV степени, который служил знаком выслуги лет в гражданских чинах. Орден IV степени давался по случаю 35-летия пребывания на государственной службе [Спасский, с. 117]. Таким образом, жених по возрасту вполне годился Наталье в отцы. Казенный дом прокурора верхней расправы находился рядом с домом Турчаниновых в Екатеринбурге. В силу должности Н. Т. Колтовской принимал непосредственное участие в разделе имущества уральского заводчика, видел внушительный размер состояния, мало того, именно в его доме 1 июня 1789 г. был оформлен раздел имений между наследниками А. Ф. Турчанинова. В этом документе Наталья уже значится его женой.

Очевидно, что женитьба была весьма выгодной и дальновидной сделкой со стороны прокурора Колтовского, он получил за Натальей Алексеевной «в приданое... движимого и недвижимого имения гораздо более, нежели на четыреста тысяч рублей» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 70, 72 об.], кроме того, за ней числилось по ее доле 843 крепостных м. п. [ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531. Л. 366]. Сразу после женитьбы Колтовской стал попечителем своей несовершеннолетней жены, что давало ему определенную власть над ней.

С XVIII в. в России проводилась государственная политика укрепления правового положения женщин и предоставления им более устойчивого имущественного обеспечения. Одним из проявлений этой политики стал именной сенатский указ 22 декабря 1785 г. «О дозволении малолетным, коим минуло 14 лет, просить попечителей... для совета и защищения во всех делах» [ПСЗ-1, т. 22, № 16300]. Этим и другими указами имущество супругов было законодательно разделено, и женщины получали материальную независимость. Однако с таким положением не готовы были мириться многие мужья среди дворян [см.: Цатурова, с. 92]. Колтовской не был исключением, поэтому стремился успеть как можно быстрее большую часть имущества жены переписать на себя. В материалах сенатского дела читаем: став попечителем, он «взял от нея (жены. – Е. П.) писменные доверенности на заклад, продажу ея и на покупку для нея имений, а равно и на управление оными полномочно», то есть единолично. Затем «под видом приобретения ей имений продавал, закладывал и покупал частию на ея, а частию на свое имя». В конечном итоге Колтовской записал на себя «около полуторы тысячи душ и в Москве большой каменной дом», наделал долгов по векселям, купчим и закладным, «большою частию за поручительством его жены... с процентами до 600 000 рублей» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 4 об.]. Правда, в итоговом документе фигурировали иные цифры: «доказано и по делу значит, что Колтовския в 794-м и 795-м годах оказались должными разным людям всего с процентами 446 122 ру[блей]» [Там же. Л. 80 об.]. В любом случае суммы были значительные.

Прожив год-два в Екатеринбурге, супруги переехали жить в Москву, однако Колтовской вынужден был часто отлучаться из дома, поскольку в 1791–1794 гг. он состоял в Управлении Колывано-Воскресенских заводов под начальством П. А. Соимонова [Адрес-календарь... на 1791 год, с. 12; Адрес-календарь... на 1794 год, с. 12].

Любовь против светских правил

Вероятно, сам Н. Т. Колтовской и познакомил жену с ее будущим любовником Дмитрием Павловичем Татищевым, приходясь племянником его матери, урожденной Аршеневской. Брату последней, полковнику Илье Яковлевичу Аршеневскому, потомственному дворянину Смоленской губернии и своему дяде, Николай Колтовской тайно от жены продавал и посылал в Москву медь с Сысертских заводов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 7734. Л. 45]. Филанцета Степановна тоже писала о любовнике дочери как о человеке, «которой в самом близком родстве с ее мужем, а моим зятем» находился [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181, л. 1].

Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845), будущий известный дипломат, действительный тайный советник и обер-камергер, в 1792 г. начал свою карьеру в должности поверенного в делах в Константинополе. С апреля 1794 г. ротмистром он участвовал в военных действиях

в Польше и за штурм Варшавы (24 октября) получил орден Св. Георгия III степени [Русские портреты, с. 195; Феофанов, с. 701].

С Натальей Колтовской Татищев мог познакомиться или в самом начале 1794 г., до развертывания Польской кампании, или уже после нее, в конце года. Блестящий молодой аристократ, боевой офицер, надо полагать, без труда завоевал сердце двадцатидвухлетней женщины и сам увлекся уральской красавицей. Колтовский мог длительно отсутствовать по служебным делам, чем и воспользовались любовники. Вспыхнувшая бурная страсть, продолжавшаяся несколько лет, закончилась рождением 6 октября 1798 г. сына Павла.

До определенного момента описываемые события вполне укладывались в тогдашнюю норму общественного поведения. Татищев-любовник в мае 1796 г. пытается в письме представить ситуацию максимально выгодной для своей репутации, оправдываясь и в то же время явно гордясь своим успехом и тем, что не имел «иных намерений, кроме тех удовольствий, каковые подобная связь может пообещать» [цит. по: Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314]. Действительно, связь на стороне с замужней женщиной не осуждалась светским обществом, главное – она не должна была становиться публичной. При этом, как пишет историк А. Шокарева, «конечно, в первую очередь женщина старалась сохранить свое доброе имя. Если женщины изменяли мужьям, то молчали об этом – в отличие от мужчин, которые часто бравировали своими победами» [Шокарева, с. 77]. Но нестандартность отношений Колтовской и Татищева заключалась в том, что Наталья оказалась, к досаде любовника, женщиной, «ум и сердце которой устроены иначе, нежели у других женщин, не устояв однажды перед своей слабостью, [она] не желала более... делить себя между двумя мужчинами» [цит. по: Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314]. Твердо решив оставить мужа, Наталья была убеждена в своем праве открыто соединиться с любимым человеком, что, по ее представлению, как видно из письма Татищева, возвращало ее «к добродетели». Но это было уже против всяких правил семейной жизни, бросало вызов светскому обществу, в глазах которого «позорили семью» не сами по себе факты пьянства, наличие связей на стороне, растраты и т. д., а их обнародование» [Веремченко, с. 49]. Как можно понять из письма Татищева, оно было написано им вовсе не для того, чтобы опровергнуть свою связь с Н. А. Колтовской. В этом смысле «замечательны» написанные в нем слова:

...Никогда не предлагал я ей покинуть ни мужа, ни детей, стать опозоренной ради меня; напротив, я отвращал ее от сего, насколько мог, но не в моей власти оказалось удержать ее [цит. по: Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314].

Цель письма была, очевидно, иной: Татищева волновали распространившиеся слухи о корыстных мотивах его связи с богатой лю-

бовницей, чего он потерпеть, конечно, не мог и приводил в письме доводы против этого. Не случайно письмо адресовано всесильному фавориту Екатерины II Платону Зубову явно с намерением через него быть оправданным перед светским обществом. Двуличие будущего дипломата проявилось и в том, что в 1802 г. у него родился второй внебрачный сын Владимир. Вместе с Павлом оба сына получили фамилию легендарных предков дворян Татищевых – Соломирских.

Покинутая Наталья еще долго не могла смириться с потерей любимого человека и надеялась вернуть его расположение. Сохранилось свидетельство современника А. Я. Булгакова, который в начале 1809 г. жаловался в одном из писем, что Колтовская его «чрезмерно ласкает», и ему казалось, что «она ищет его посредничества с Татищевым, который рад, что от нея отвязался» [цит. по: Русские портреты, т. 1, с. 160]. Д. П. Татищев сделал блестящую дипломатическую карьеру, женился уже немолодым на разведенной Юлии Белобразовой (урожденной Конопка) [Там же].

Вера в монарха как защитника семьи. Поведение родственников

Все участники описываемой драмы обращались к высшей власти, ища справедливости и оправдания своих поступков.

Бегство Натальи Колтовской было совершено где-то в начале 1796 г., а уже 27 июня Филанцета Турчанинова написала письмо Екатерине II с жалобой на свою дочь, которая, «забыв страх Божий, любовь к детям, к мужу и не уважая преклонность лет» матери, «уехала с камер-юнкером Татищевым... оставя четверых детей и дом, покрыв... целое семейство вечным пятном». Заметим, что вдова была уверена в своем праве обращаться напрямую к «великой государыне» и заявляла: «щедроты, изливаемые тобою на верноподданных твоих, открывают путь всем повергнуть себя к престолу твоему». При этом, пересыпая письмо уверениями в преданности, она почти требует: «поведи неповинующую дочь... матери возратить, чтоб жила при мне» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 1–1 об.]. Здесь подтверждается и как бы иллюстрируется сделанный Е. Н. Марасиновой вывод о том, что в то время «стоическая вера в справедливость высшей инстанции в лице монарха усиливала мощное стремление “достучаться” до престола». И далее исследователь добавляет: «порыв обратиться напрямую к государыне был свойственен не только жителям древней столицы, но и населению всей империи» [цит. по: Дворянство, власть и общество, с. 528].

В данном случае вдова Ф. С. Турчанинова ответа не дождалась, вряд ли Екатерина II вообще видела ее письмо, полученное 21 октября, то есть за две недели до своей смерти.

Отметим другое – сам факт того, что мать и старшие члены семьи, не раздумывая, встали на сторону зятя, резко осудили поведение Натальи, сделавшись ее непримиримыми врагами. Событие взбудо-

ражило всю семью: мать бросилась писать письмо на высочайшее имя, старший брат – ловить непокорную сестру, последняя, кажется, ни от кого не получила сочувствия. Впрочем, подобная активность была вполне характерна для большой патриархальной семьи, представлявшей собой, по наблюдениям ее исследователей, «целый мир, переполненный самыми разнообразными человеческими чувствами», когда любые, «даже небольшие события становились достоянием всего круга, всех интересовали и многократно перетолковывались». В такой семье переплетались характеры, интересы, мнения, решалось, «кого любить, кого ненавидеть». Словом, такая семья «представляла собой как бы единый организм: успехи и неудачи, происходившие с одним из ее членов, затрагивают всех... мотовство и распутство юноши, бегство из родительского дома влюбленной девушки бросают тень на всю многочисленную родню» [Пономарева, Хорошилова, с. 105, 107]. Вот и мать Колтовской пишет про «вечное пятно позора», поруганную «целаго семейства честь», оставленные ее дочерью, следовавшей «слепо своему заблуждению и страсти» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 1].

После первого семейного потрясения, вызванного смертью главы семьи А. Ф. Турчанинова, хозяина производства, мужа и отца, бегство из дома замужней женщины стало, безусловно, новым, не менее сильным внутрисемейным потрясением. Однако в подобных ситуациях, согласно наблюдениям автора исследования бракоразводных процессов, при распаде семьи жены обычно обращались за помощью к родственникам, будучи уверены, что те «не солидаризируются с мужьями, а встают на защиту интересов обиженной» [Цатурова, с. 91]. Конечно, речь шла в основном о покинутых супругами женах, а не наоборот, как в нашем варианте, и «обиженной» Наталью Колтовскую можно назвать только в отношении как раз-таки близких родственников. Но наша героиня 22 августа 1796 г. подает жалобу в Сенат на мужа с просьбой назначить ей «других опекунов для приведения в порядок разстроенного ея имения, и чтоб от мужа ея повелено было за все время управления его... взять отчет» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 4 об.]. Для возможного ускорения дела, длившегося в Сенате несколько лет, Н. А. Колтовская в августе 1798 г. пишет «всепоподданнейшее» письмо Павлу I, обвиняя мужа в том, что, «наделав... долгов и разпродав... приданое недвижимое» имущество, «иное же просрочив в закладах... а движимое себе присвоив», тот ее «лишил... пропитания» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 1 об.].

Из материалов сенатского дела следует, что еще примерно в апреле 1797 г. покинутый муж Н. Т. Колтовской обращался к императору с письмом, в котором, в частности, не признавал за своего последнего рожденного женой ребенка, получив в ответ высочайшее разрешение «мальчику не называться сыном его» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 72]. Реакция Павла I на письмо неверной жены Колтовского была быстрой и однозначной. На документе зафиксирована дата получе-

ния: «В Гатчине, сентября 2-го дня 1798-го года», а уже через 10 дней – 12 сентября того же года – вышел «именной указ Сенату», в котором говорилось:

Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: жену обер-бергмейстера Колтовскаго Наталью Алексеевну выслать для житья к матери ея; управлявших имением ея опекунов счесть (то есть рассчитать. – Е. П.) и на место их определить опекунами, кого мать и ближайшие ей родственники изберут [Указы, с. 513].

Как монарх Павел I обязан был заботиться о нравственности в среде высшего сословия государства – так следует рассматривать его реакцию. Монархия стояла на защите закона и семьи. Для рассмотрения имущественных разногласий Колтовских Павел I 17 января 1800 г. издал указ Сенату о заведении дела. В ответ уже 22 января вышел сенатский указ об избрании Н. Т. Колтовского опекуном и назначении двух попечителей. Но неожиданно ситуация изменилась.

Увлечение императора. Последняя любовь Г. Р. Державина

Н. А. Колтовской удалось добиться аудиенции Павла I. Их встреча произошла, по-видимому, в феврале или марте 1800 г. и произвела на императора сильное впечатление. Попав под обаяние той самой женщины, которую он совсем недавно указом велел вернуть в семью, после встречи с ней Павел I стал думать, как исправить положение и при этом соблюсти законность. Дело было, по воспоминаниям сенатора Г. Р. Державина, «весьма щекотливое», поскольку «император в нее влюбился и хотел, по его праву, круто благосостояние ея исправить» [Державин, т. 6, с. 722]. Именно Державину император и доверил дело, назначив его опекуном Колтовской (с 27 марта) с поручением добиться возвращения наследственных имений. По понятным причинам поручение это было устным, само опекунство, по утверждению биографа поэта Я. К. Грота, объявлялось лишь «по словесному его указу». Он также писал: «Павел, лично заинтересованный ходом дела Колтовской, пленившей его своею красотою, приказал передать опеку Державину» [Там же, с. 758].

Сенатор серьезно взялся за порученное дело, стал собирать и изучать материалы имущественных разногласий супругов. Сохранилось несколько писем к нему самой Н. А. Колтовской с перечислением нанесенного ей мужем материального ущерба, они встречались и лично. В результате немолодой уже тогда сенатор-поэт тоже не устоял перед обаянием Натальи, последняя стала часто бывать в его доме-дворце на Фонтанке, где царила на проводившихся там балах. Летом она приезжала в его имение Званка Новгородской губернии. Со слов Я. К. Грота, свидетель увлечения Державина В. И. Па-

наев, вспоминая проведенные у поэта рождественские дни в январе 1815 г., писал, что «скучал на них», но «занимало» его «нежное обращение хозяина с тогдашней красавицей Колтовскою, женщиной лет 35-ти, бойкою, умною; Гаврила Романович почти не отходил от нея и казался бодрее обыкновенного» [цит. по: Державин, т. 8, с. 963]. Наталья Колтовская так и осталась последней любовью и музой великого поэта, ей он посвящал замечательные стихи и переводы последних лет (например, Петрарки). Влюбленный Державин лучше ближайших родственников смог понять сущность этой женщины, написав в одном из посвященных ей стихотворений «Альбаум» фразу: «гордо ты жила».

«Дозволить... просить развода»

В сохранившихся материалах сенатского дела отложились многочисленные доказательства того, что Н. Т. Колтовской систематически разорял наследственные имения и фабрики жены, закладывал и перезаклаживал их на свое имя, совершал другие неблагоприятные поступки. В нем фигурирует «записка, поданная от г-на опекуна», то есть Державина, убедившегося в том, что «поступки мужа» заслуживают «по законам тяжкое наказание». При этом он предлагал найти «средства», чтобы, «с одной стороны, исполнить волю государя императора и скорее кончить их тяжбу, а, с другой, чтоб не отяготить ничей судьбы строгостью суда» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 93 об.]. Как можно понять из документа, «господин опекун» показал Н. Т. Колтовскому «экстракты, из дел извлеченные», в результате чего последний «убежден был неправотою своих поступков». Под давлением обстоятельств муж «охотно... принял» предложенное ему «миролюбие и выдал все долговые документы в двух реестрах за рукою его». На их основании была составлена «запись с его согласия» [Там же. Л. 93 об. –94]. «Мнение» Сената было сформулировано следующим образом:

Мужу и жене Колтовским несогласиями, тяжбами и оскорблениями друг друга разстроенными до того, что нет уже им надежды когда-либо достигнуть примирения и возвратить в сердца свои взаимную супружескую любовь, дозволить желающему из них просить развода в духовных правительствах [Там же. Л. 118 об.].

В ноябре того же 1800 г. Н. Т. Колтовской собственноручно написал покаянное письмо на имя жены, в котором признавался в невозможности сохранения их брака по причине его болезней и «изнеможения физических сил», не позволявших ему «быть мужем». В конечном итоге он отказывался от «прежнего брачного сожития», соглашался на «мировую запись», предоставляя свободу жене и давая ей «право, естли только духовная власть то позволит, вступить в новый брак» [Там же. Л. 160 об.].

Процедура развода в императорской России была очень сложной. Бракоразводный процесс осуществлялся судами духовных консисторий. Сам развод предусматривался церковным законодательством в нескольких случаях, из которых сразу два – неспособность «одного из супругов к брачной жизни» и прелюбодеяние [Исаченкова, с. 79–80] – могли стать основанием для расторжения брака Колтовских. По наблюдению исследователя истории русского развода М. К. Цатуровой, «в практике использовался еще один способ прекращения супружества – разводное письмо, которое писали или оба супруга друг другу, или один из супругов, чаще муж, о том, что освобождает жену от дальнейших брачных обязательств и отпускает ее на волю». Публикуемое здесь письмо Н. Т. Колтовского жене, как нам представляется, вполне можно назвать и разводным. Как уточняет исследователь, «законных причин для развода в этих случаях у супругов не было». И дальше делает важное дополнение: «Написание разводных писем являлось попыткой обойти закон, а потому осуждалось церковью. Отступникам грозили наказанием. Развод по разводному письму был демонстрацией пренебрежения к официально признанной процедуре расторжения брака» [Цатурова, с. 188].

Наталья Колтовская получила желаемую свободу, но была бы ее победа возможна без поддержки монарха и его влияния на Сенат, однозначно сказать трудно. Скорее всего, шансы на положительный исход дела заметно сократились бы, учитывая отношение общества к подобным ситуациям. Как пишет историк дворянской семьи А. Шокарева, «в начале XIX века в общественном мнении развод все еще считался недопустимым и осуждался, даже разъезды супругов вызывали толки». В итоге исследователь делает однозначный вывод: «Эмансипация еще только начала затрагивать консервативный мир дворянок, свое право любить человека по своему выбору они высказывали очень робко. Проблемы, возникающие между супругами, принято было решать за закрытыми дверями, не обсуждая в обществе» [Шокарева, с. 82].

Другой специалист, Н. Л. Пушкарева, не так категорична и считает, что уже к концу правления Екатерины II «традиционное отношение к браку как к нерасторжимому союзу претерпело эрозию», о чем, по ее мнению, свидетельствуют «рост числа прошений о разводе (в том числе написанных женщинами) и увеличение положительных решений по ним», а также, что важно, «появившаяся терпимость по отношению к разводам в общественном мнении». История сенатского «дела Колтовских» подтверждает эту мысль историка, но при этом опровергает другую – что «инициаторами развода в России XVIII–XIX вв. выступали преимущественно мужчины» [Пушкарева, с. 134–135].

Через всю жизнь пронесла Наталья Алексеевна Колтовская любовь к своим внебрачным сыновьям Соломирским, с которыми жила последние годы в Царском Селе. Глубокие душевные травмы, нане-

сенные ей родными и близкими в молодости, не изгладились в течение всей ее жизни, сформировали стойкое чувство отверженности и, как следствие, ненависти по отношению к родственникам и не любви к несчастным детям от брака с Н. Т. Колтовским, которых она лишила наследства.

В приложении публикуются документы, иллюстрирующие разные аспекты этой семейной драмы – типичной для императорской России и одновременно уникальной, если говорить о российской провинции¹.

* * *

Публикуемые документы № 1 и 3 выявлены в РГАДА в составе фонда Московского дворцового архива (в прошлом – архивов Министерства императорского двора и Кабинета его императорского величества), они представляют собой рукописные подлинники. Документ № 4 выявлен в составе объемного дела Сената по «тяжбе Колтовских» из фонда «Архив Г. Р. Державина» в ИРЛИ РАН. Единственный документ, представленный не рукописным подлинником, – № 2, он обнаружен в одном из 40 томов изданного П. И. Бартеневым архива князя Воронцова (кн. 18 за 1880 г.) в разделе писем Д. П. Татищева к графам А. Р. и С. Р. Воронцовым, написанных на французском языке. Публикуемое письмо адресовано фавориту Екатерины II П. А. Зубову и приложено к другому письму братьям Воронцовым с просьбой о передаче адресату. Перевод с французского языка сделан научным сотрудником отдела редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской Зоей Александровной Маломётовой.

Тексты документов публикуются с сохранением стилистических и языковых особенностей старого правописания, в некоторых случаях, когда этого требует улучшение смыслового восприятия источников, в них выделены абзацы. Прописные буквы и личные имена употреблены по современным правилам, императорские титулы, названия должностей и обращения, согласно чинам, написаны со строчной буквы. Заголовки к документам как часть их археографического оформления составлены автором статьи. Текстуральные примечания оформлены под звездочками, комментарии к текстам даны в конце публикации сквозной нумерацией.

¹ Частично эти документы уже цитировались нами ранее в статьях [см.: Неклюдов, Пирогова; Пирогова, 2006].

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

1

[Письмо владелицы заводов вдовы Ф. С. Турчаниновой
императрице Екатерине II]

1796 г., июня 27

Всеавгустейшая монархиня, всемилостивейшая государыня!

Щедроты, изливаемая тобою на верноподданных твоих, открывают путь всем повергнуть себя к престолу твоему. Прости дерзновение отчаенной и огорченной вдове и матери, поступком дочери моей Натальи, [пребывающей] в замужестве за обер-бергмейстером Колтовским; она, забыв страх Божий, любовь к детям, к мужу и не уважа преклонность лет моих, уехала с камер-юнкером Татищевым, которой в самом близком родстве с ее мужем, а моим зятем, оставя четверых детей и дом, покрыв меня и целое семейство вечным пятном.

Ты, // великая государыня и милосердная мать, твоим верноподданным всемилостивейше повелеть изволила, чтобы оная дочь моя Колтовская настоящую жизнь как неприличную оставила и переехала жить ко мне или к сестре родной Титовой¹; но она, дочь моя Колтовская, приехав и не более пробыв у сестры своей Титовой как один день, уехала назад в Санкт-Петербург. Но сын мой, а ее родной брат коллежской ассесор Алексей Турчанинов², ее остановил, которой для того был от меня и послан, // чтоб, ее уговоря от неприличной ее жизни, привести ко мне как к матери, пораженной ее поступком, где б нашла себе убежище, сохраняючи ее и целого семейства честь. Но она, дочь моя, не внемлет сострадающей об ней матери, следует слепо своему заблуждению и страсти.

Пав к освященным твоим стопам, пролив отчаянные слезы, возри, всемилостивейшая государыня, на пораженную мать милосердным твоим оком и повели неповинующую дочь со страждущей об ее слабости матери возвратить, чтоб жила при мне, а для доставления ее ко мне отдать сыну моему, а ее брату, означенному Алексею Турчанинову.

Определенную ж опеку над имением // ее повели всемилостивейше подтвердить до двадцатипятилетнего возраста болшаго ее сына Александра, а моего внука, дабы имение, ей оставшееся, сохранено было ее детям, а моим внукам.

Милосердная мать верноподданных твоих, внемли гласу молящей престарелой вдовы и отчаянной матери, павшей пред престолом твоим, повели оное утвердить монаршим твоим благоволением, всеавгустейшая монархиня, всемилостивейшая государыня.

Июня 27-го дня 1796-го года. Сысерской завод.

Верноподданнейшая вдова, титулярная советница Филанцета Степанова, дочь Турчанинова, по прозбе ее за неумением грамоте подписал духовник ее Никифор Куликов в церкви Симеона Богоприимца и оныя Пророцита Иерея³.

Помета: № 878. Октября 21. 1796-го.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 1–2 об.
Подлинник. Рукопись

¹...² Написано другим почерком.

[Письмо ротмистра Д. П. Татищева князю П. А. Зубову]⁴

1796 г., мая 8

Милостивый государь!

Недостойное истолкование, кое стараются преподнести Вашему сиятельству касательно причин, повлекших меня к опрометчивому поступку, недавно мною совершенному, принуждает меня к необходимости докучать Вам этими строками. Я надеюсь, что ежели Вы и не найдете в них моего оправдания, то не откажете, по крайней мере, в сочувствии человеку, полагававшему, что он предпринял тот образ действий, который ему предписывала честь и который оказывается вынуждаем оправдывать себя противу низких обвинений.

Смею надеяться, милостивый государь, что разговаривать я буду с лицом, кое некогда выказывало мне свое благорасположение, посему и не рискую ничем, принося ему свою исповедь. Вот она, сколь возможно, краткая.

Ища сблизиться с особой, коей невольно причинил я несчастье, я не имел иных намерений, кроме тех удовольствий, каковые подобная связь может пообещать; я преуспел, и с того времени участь моя решилась. Женщина сия, ум и сердце которой устроены иначе, нежели у других женщин, не устояв однажды перед своей слабостью, не желала более подняться из своего падения: имея за правило не делить себя между двумя мужчинами, она заставила себя смотреть на мужа как на существо совершенно чужое ей и потребовала от меня, поскольку это я принудил ее не быть более добродетельной, дабы я возвратил ее к добродетели, соединившись с ней. Все, что я мог сказать вслед за тем, оказалось напрасным; наконец, видя, что она решилась расстаться со своим мужем, я связал ее обещанием, дабы сие свершилось благопристойным, по крайней мере, образом. Она, казалось, согласилась на это, я покинул ее при сих обстоятельствах и прибыл сюда, надеясь, что разлука и время могли бы заставить ее одуматься и отказаться от своего намерения. Во все два месяца, которые я здесь провел без нее, она не прекращала настаивать на том, чтоб я приехал за ней; наконец, она мне написала, что больна, что умрет, ежели не приеду свидеться с ней. Я поддался слабости согласиться на то, что она требовала от меня. По прибытии моем в Москву она сообщила мне, что супруг ее поставлен в известность о ее связи со мной, что он вскорости должен прибыть, что тотчас по прибытии переломает он ей руки и ноги, что она не ручается и за жизнь свою, что я окажусь посему убийцею ее, ежели не позволю ей последовать за мною в Петербург. Что оставалось мне делать, Ваше сиятельство? Стать палачом этой женщины либо сделать ее несчастной оттого лишь, что она любила меня? Я решился принести в жертву самого себя.

Такова, Ваше сиятельство, моя история с ней. Я не проронил ни единого слова, кое не было бы правдивым. Никогда не предлагал я ей покинуть ни мужа, ни детей, стать опозоренной ради меня; напротив, я отвращал ее от сего, насколько мог, но не в моей власти оказалось удержать ее. Касательно же гнусного обвинения, будто огромное ее состояние побудило меня принять ее у себя, таковое отпадает само собою благодаря письму, кое она имеет честь адресовать Вам и кое доверила Вам вручить своему супругу: сим письмом назначает она мужа попечителем своего имущества, оставляя за собой всего пятьдесят крестьянских душ, дабы иметь прибежище. Меня печалит обязанность оправдываться в подобной клевете: сердцу моему слишком претит сие недостойное чувство, чтоб даже в помыслах остановиться на нем.

После искренних моих признаний Вашему сиятельству, кои изложил я Вам сейчас, я умоляю Вас поверить, что вовсе не боязнь гонений принудила меня писать к Вам. Нет, Ваше сиятельство, ни разу подобное опасение не утратило мою душу: уважение Ваше драгоценно для меня, и одно лишь желание сохранить его заставило меня предпринять сей необходимый шаг.

Мне остается умолять Вас, Ваше сиятельство, не отягчать судьбу особы, вся вина которой проистекает из-за щепетильности, вовсе ее полу не свойственной, и ежели обязательно нужна жертва, пусть я буду избран ею.

[Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314–316].

Перевод с фр. яз. З. А. Маломётовой

3

[Письмо Н. А. Колтовской императору Павлу I]

1798 г., августа 26

Всемиловнейший государь!

В четырнадцатилетнем возрасте выдана я в замужество за коллежского асессора, учинившагося потом обер-бергмейстером, Колтовскаго, которому принесла в приданое знатное имение, в наследство мне доставшееся после покойнаго родителя моего титулярнаго советника Турчанинова, имевшаго счастье носить на себе благоволение Вашего императорскаго величества и в бозе почивающаго государя, родителя Вашего императора Петра Феодоровича. И с сего самого времени учинился он, Колтовской, опекуном моим и имения моего в звании // попечителя. Потом, когда исполнилось мое совершеннолетие, он взял от меня две доверенности о управлении моим имением, но все сие с моей стороны оказанное ему доверие и особливая преданность произвела лишь то, что он, наделав более четырехсот тысяч рублей долгов и разпродав мое приданое недвижимое, иное же просрочив в закладах, нарочно в малых денгах, людям, с коими он имел близкое сношение. А движимое себе присвоив, лишил меня пропитания, подвергая еще искам заимодавцов, которым он платить не хочет, объявляя, что якобы не состоит за ним имения и что платить должна я.

В столь крайних обстоятельствах, стесненных еще паче величайшею его ко мне ненавистию, которая причиняла мне премногия несчастья для того единственно, чтоб сбыть меня с рук и воспользоваться моим имением, я видела необходимость прибегнуть к правосудию и, наконец, имела то щастие, что по высочайшему повелению Вашего императорскаго величества к имению моему определена опека, и оной предоставлено равномерно возиметь попечение о моих детях.

Но ни сила законов, ни предписания Правительствующаго Сената в течении почти двух лет не сильны были принудить мужа моего к отдаче отчетов за время его опекунства и управления моим имением, к возвращению моих вещей и людей, из которых некоторым // дал он билеты, называя ложно чужими, и к удовлетворению кредиторов возвращением просроченных им в закладах моих имений, из которых одно и то же самое сперва заложено французу Валиуру, которой учил свойственников моего мужа, а потом, невыкупленное, продано было майору Ахматову, которой из крепостных заводских работников учинился майором и, по всей вероятности, с мужем моим для разорения моего

одну цель имеет, ибо свидетельствует о сем упорное предположение мужа моего от всего уклоняться вместе с другими его корыстлюбивыми участниками, которые пособляют ему под предлогом, якобы купленное ими или в закладе взятое имение мое у них отбирается. Произносит жалобы, не объявляя при том, что и они следующий им платеж получить обще с другими заимодавцами, как повелевают те Высочайше Вашего императорского величества законы.

Итак, всемилостивейший государь, несчастной жене, отягченной толико же понашениями, колико и крайним разорением [от] мужа, позволте, милосердный, упавая к освященным стопам Вашего императорского величества, всеподданнейше просить о всемилостивейшем воззрении на мое горестное положение, в котором без дневнаго пропитания повержена я корыстлюбивыми видами моего мужа, и о высочайшем повелении отдать мне моих детей, которые под презрением отца, исполненного столь очевидно моральных пороков, едва ли полезными членами государству воспитаны быть могут, // и о возвращении мне наследной моей собственности со оставлением при оной той самой опеки, которая уже правительствующим Сенатом определена.

Оживотвори, премилосердный монарх, несчастную, но верную рабу, которая до последняго издыхания не престанет возсылать теплые молитвы о драгоценном здравии Вашем.

Вашего императорского величества верная подданная раба Наталья Колтовская, урожденная Турчанинова.

Ч[исла] 26-го августа 1798-го года, в Москве*.

Пометы: 1) В Гатчине, сентября 2-го дня 1798-го года. № 3.

2) Св. 413. Турчаниновы (*карандашом*).

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 1–1 об., 7–7 об.
(Л. 2–6 об. – вставной документ с подробным перечнем
50 векселей, заемных писем, закладных и прочего
с указанием имен и сумм).

Подлинник. Рукопись

4

[Письмо Н. Т. Колтовского жене с разрешением вступить в новый брак]

Ноябрь 1800 г.

Государыня моя Наталия Алексеевна!

По несчастной разстройке более семи лет супружеского союза⁵ моего с вами и многих между нами произшедших ссор даже и тяжб приказных, доходивших до высочайшаго престола, причину которых знает один сердцеведец бог, не могу я даже помыслить о возвращении прежняго нашего с вами согласия и любви, а по болезням моим и изнеможению физических** сил прежнего брачнаго сожития, в разсуждение сею учинив с вами относительно имения и тяжб наших мировую запись, приступаю сим к разрешению совестей на-

* Написано рукой Н. А. Колтовской.

** Слово подчеркнуто.

ших и к утверждению душевного спокойствия нашего, т. о., что нашедши[ся] не в состоянии быть мужем, учиняю вас от обязательства онаго свободною и даю вам право, естли только духовная власть то позволит, вступить в новый брак, прося в протчем отпустить мне причиненные вам досады и несправедливости^{***}, а также и те погрешности, которые нас охолодили.

Я же с моей стороны все подобное вам прощаю, а прошу только о детях наших, чтоб они были пристойно воспитанны и не лишены материнской любви вашей и призрения^{****}, пребывая к вам навсегда истинным усердием и таковым же почтением весь государыни моей покорный слуга.

Ч[исла] ноября 1800 года.

Б. п.

ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 160–160 об.
Текст повторен на л. 162–162 об. с пометой «копия»,
но без даты. Подписи отсутствуют в обоих документах.
Подлинник. Рукопись

Комментарии

¹ Елизавета Алексеевна Титова, урожд. Турчанинова (1775–1827), родная сестра Натальи Колтовской.

² Алексей Алексеевич Турчанинов (1766–1834), старший брат Натальи Колтовской.

³ Каменный храм во имя святых Симеона Богоприимца и Иоанны Пророчицы был заложен по велению А. Ф. Турчанинова в Сысерти в 1773 г., стал родовой усыпальницей семьи Турчаниновых, здесь похоронена Филанцета Степановна.

⁴ Письмо приложено к другому письму, написанному Д. П. Татищевым графам А. Р. и С. Р. Воронцовым, его родственникам. Светлейший князь Платон Александрович Зубов – фаворит и ближайший советник Екатерины II.

⁵ В действительности на момент написания письма брак Колтовских длился уже более десяти лет, по-видимому, Н. Т. Колтовской имеет в виду семь лет с момента ухода жены.

Библиографические ссылки

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1786 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1787. 372 с.

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1790 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1791. 386 с.

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1791 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1792. 380 с.

^{***} Слово подчеркнуто.

^{****} В копии этого текста (л. 162–162 об.) далее следует отсутствующая здесь фраза: «коих мы поручили с общего согласия нашего опеке». Слова «пристойно воспитанны» подчеркнуты.

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1794 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1795. 402 с.

Александрова Н. В. Становление и развитие частной сферы жизни российского дворянства в конце XVIII – начале XIX века // Вестн. Челябинск. ун-та. Сер. 1: История. 2003. № 2. С. 149–150.

Архив князя Воронцова : в 40 кн. СПб. ; М. : Тип. А. И. Мамонтова : Университет. тип. (Н. Катков), 1870–1895.

Веретенко В. А. Супружеские отношения в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.: этапы эволюции // Социальная история : ежегодник. 2008. СПб. : Алетей, 2009. С. 47–66.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 7734; Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531.

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 656 с.

Державин Г. Р. Сочинения Державина : в 9 т. / с объяснит. прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб. : Имп. акад. наук, 1864–1883.

Егерев Т. А. «Вдохновенная чистой любовью, ты мой ангел-покровитель, главный по Боге»: русские консерваторы начала XIX века в личной жизни // Социальная история : ежегодник. 2011 / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. СПб. : Алетей, 2012. С. 25–48. ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21.

Исаченкова А. И. Документирование бракоразводного процесса в дореволюционной России // Делопроизводства. 2006. № 1. С. 78–86.

Мионов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.

Неклюдов Е. Г., Пирогова Е. П. Наталья Алексеевна Колтовская: коллизии личного и общественного в судьбе дочери А. Ф. Турчанинова // Урал. ист. вестн. 2010. № 4 (29). С. 46–54.

Пирогова Е. П. Новые сведения о детях Натальи Колтовской, урожденной Турчаниновой // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. : в 2 т. / под ред. С. П. Постникова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Т. 2. С. 165–169.

Пирогова Е. П. Описание имущества А. Ф. Турчанинова 1789 г. как источник изучения культурно-бытовых традиций уральского дворянства // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 146–159.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 22.

Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. 3-е изд. М. : Русское слово, 2009. 320 с.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М. : Ломоносов, 2014. 208 с.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011, 56181.

Русские портреты XVIII и XIX столетий : в 5 т. М. : Три века истории, 1999.

Спаский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. 195 с.

Указы, распоряжения и резолюции имп. Павла. 1796–1801 // Рус. старина. 1873. Апр. С. 513.

Цатурова М. К. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М. : Логос, 2011. 288 с.

Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 304 с.

Феофанов А. М. Татищев Дмитрий Павлович // Большая российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая рос. энцикл., 2016. Т. 31. С. 701.

References

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristova na 1786 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer

of 1786 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1787). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 372 p.

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristovana 1790 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer of 1790 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1791). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 386 p.

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristovana 1791 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer of 1791 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1792). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 1792. 380 p.

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristovana 1794 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer of 1794 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1795). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 402 p.

Aleksandrova, N. V. (2003). Stanovlenie i razvitie chastnoi sfery zhizni rossiiskogo dvoryanstva v kontse XVIII – nachale XIX veka [Formation and Development of the Private Sphere of the Russian Nobility in the Late 18th – Early 19th Centuries]. In *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 1: Istoriya*. No. 2, pp. 149–150.

Arkhiv knyazy Vorontsova v 40 kn. [Archive of Prince Vorontsov. 40 Books]. (1870–1895). St Petersburg, Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova, Universitetskaya tipografiya (N. Katkov).

Derzhavin, G. R. (1864–1883). *Sochineniya Derzhavina v 9 t.* / notes and introd. by Ya. Grot. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk.

Egereva, T. A. (2012). “Vdokhnovennaya chistoi lyubov'yu, ty moi angel-pokrovitel', glavnyi po Boge”: russkie konservatory nachala XIX veka v lichnoi zhizni [“Inspired by pure love, you are my guardian angel, the one most important one after God”: Russian Conservatories of the Early 19th Century in Private Life]. In Pushkareva, N. L. (Ed.). *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2011*. St Petersburg, Aleteiya, pp. 25–48.

Feofanov, A. M. (2016). Tatishchev Dmitrii Pavlovich [Tatishchev Dmitry Pavlovich]. In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya v 35 t.* Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 31, p. 701.

GASO [Sverdlovsk Oblast State Archive]. Stock 24. List 24. Dos. 7734; Stock 59. List 7. Dos. 2531.

Glagoleva, O., Schierle, I. (Eds.). (2012). *Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka* [Nobility, Power, and Society in Provincial Russia of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 656 p.

IRLI RAN [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences]. Stock 96. List 12. Dos. 21.

Isachenkova, A. I. (2006). Dokumentirovanie brakorazvodnogo protsessa v dorevolutsionnoi Rossii [Documentation of Divorce Proceedings in Pre-Revolutionary Russia]. In *Deloproizvodstva*. No. 1, pp. 78–86.

Mironov, B. N. (2000). *Sotsial'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo XX v.) v 2 t.* [Social History of Russia (18th – Early 20th Centuries). 2 Vols.]. 2nd Ed. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 548 p.

Neklyudov, E. G., Pirogova, E. P. (2010). Natal'ya Alekseevna Koltovskaya: kollizii lichnogo i obshchestvennogo v sud'be docheri A. F. Turchaninova [Natalia Alekseevna Koltovskaya: Collisions of the Personal and the Public in the Fate of A. F. Turchaninov's Daughter]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 4 (29), pp. 46–54.

Pirogova, E. P. (2006). Novye svedeniya o detyakh Natal'i Koltovskoi, urozhdennoi Turchaninovoi [New Information about the Children of Natalia Koltovskaya, née Turchaninova]. In Postnikova, S. P. (Ed.). *Shesty Tatishchevskie chteniya. Tezisy dokladov i soobshchenii v 2 t.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 2, pp. 165–169.

Pirogova, E. P. (2017). Opis' imushchestva A. F. Turchaninova 1789 g. kak istochnik izucheniya kul'turno-bytovykh traditsii ural'skogo dvoryanstva [Inventory of Property of A. F. Turchaninov 1789 as a Source of Study of Cultural and Everyday Traditions of the Ural Nobility]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* Vol. 19. No. 1, pp. 146–159.

Ponomareva, V. V., Khoroshilova, L. B. (2009). *Mir russkoi zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XX veka* [The World of the Russian Woman: Education, Destiny. 18th – Early 20th Centuries]. 3rd Ed. Moscow, Russkoe slovo. 320 p.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 22.

Pushkareva, N. L. (2014). *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny XVIII veka* [Private Life of 18th-Century Russian Woman]. Moscow, Lomonosov". 208 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1239. List 3. Dos. 55011, 56181.

Russkie portrety XVIII i XIX stoletii v 5 t. [Russian Portraits of the 18th and 19th Centuries]. (1999). Moscow, Tri veka istorii.

Shokareva, A. (2017). *Dvoryanskaya sem'ya: kul'tura obshcheniya. Russkoe stolichnoe dvoryanstvo pervoi poloviny XIX veka* [Noble Family: Culture of Communication. Russian Capital Nobility of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 304 p.

Spasskii, I. G. (1963). *Inostrannye i russkie ordena do 1917 goda* [Foreign and Russian Orders until 1917]. Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 195 p.

Tsaturova, M. K. (2011). *Tri veka russkogo razvoda (XVI–XVIII veka)* [Three Centuries of Russian Divorce (16th–18th Centuries)]. Moscow, Logos. 288 p.

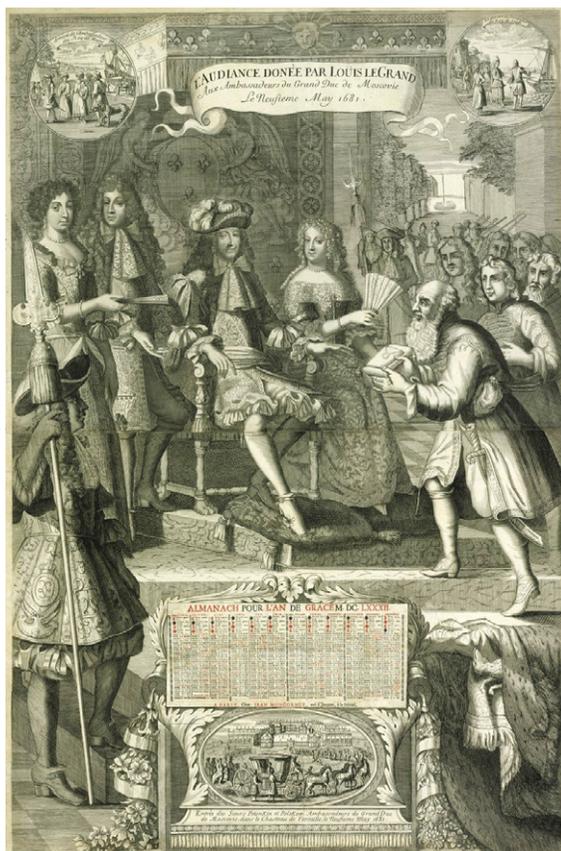
Ukazy, rasporyazheniya i rezolyutsii imp. Pavla. 1796–1801 [Decrees, Orders, and Resolutions of Emperor Paul. 1796–1801]. (1873). In *Russkaya starina.* April, p. 513.

Veremenko, V. A. (2009). Supruzheskie otnosheniya v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: etapy evolyutsii [Marital Relations in Noble Families of Russia in the Second Half of the 19th–Early 20th Centuries: Stages of Evolution]. In *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2008.* St Petersburg, Aleteiya, pp. 47–66.

The article was submitted on 25.07.2023

Disputatio

Ж. Монкорне. Аудиенция, данная Людовиком Великим послам великого князя Московского 9 мая 1681 г. 1682. Изображение с сайта «Wikimedia Commons». URL: <https://commons.wikimedia.org/>

J. Moncornet. Audience given by Louis the Great to the ambassadors of the Grand Duke of Moscow on May 9, 1681. 1682

**Формирование социальных связей
в посольстве П. И. Потемкина
во Францию (1680–1682)***

Даниил Манин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy
to France (1680–1682)****

Daniil Manin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Based on the extant complex of Russian and French sources, this article analyses the mechanisms of the formation of social ties of the Russian embassy in France in 1681. The embassy had both foreign policy and diplomatic significance for the representation of tsarist power and Russian culture in France: the envoys had not only to inform Louis XIV about the events in Eastern Europe, but also to get an overview of the French position on the preparation of the Perpetual Peace of Russia with the Polish-Lithuanian Commonwealth, the conclusion of the Russian-French trade treaty, and to ensure the recruitment of foreign specialists. The author examines the formation of relations in the context of the new diplomatic history, paying special attention to the problems of power representation, the personalities of diplomats and the cultural side of their mission. For the first time in historiography, the article characterises the whole complex of archival documents about the embassy, the peculiarities of the formation of social ties of the embassy participants necessary for the successful implementation of the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059 «Механизмы функционирования социальных связей в контексте государственного реформирования в России во второй половине XVII – начале XVIII в.».

** *Citation:* Manin, D. (2024). Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy to France (1680–1682). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 643–659. DOI 10.15826/qr.2024.2.900.

Цитирование: Manin D. Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy to France (1680–1682) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 643–659. DOI 10.15826/qr.2024.2.900 / Манин Д. Формирование социальных связей в посольстве П. И. Потемкина во Францию (1680–1682) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 643–659. DOI 10.15826/qr.2024.2.900.

tasks of the diplomatic mission. The study is based on French court reports on ceremonies, notes of courtiers, internal correspondence of Russian and French diplomatic departments, materials of the Parisian periodical press, and reports of Russian envoys. Conclusions are drawn on the peculiarities of the strategies of the envoy P. I. Potemkin in establishing social relations, their significance for the development of Russian diplomacy, foreign policy, and cultural contacts with Western Europe, as well as on the peculiarities of the reflection of these relations in the surviving sources.

Keywords: Russian-French relations, representation of power, political elite, Moscow state, Peter Ivanovich Potemkin, Stepan Polkov

На основе сохранившихся комплексов русских и французских источников проанализированы механизмы формирования социальных связей русского посольства во Франции 1681 г. Посольство имело как внешнеполитическое, так и дипломатическое значение для репрезентации царской власти и русской культуры во Франции: посланники должны были не только уведомить Людовика XIV о событиях в Восточной Европе, но и получить представления о позиции Франции по вопросам подготовки Вечного мира России с Речью Посполитой, заключения русско-французского торгового договора и обеспечить найм иностранных специалистов. Формирование связей рассмотрено в контексте новой дипломатической истории с особым вниманием к проблемам репрезентации власти, личности дипломатов и культурной стороне их миссии. Впервые на основе всего комплекса архивных документов о посольстве характеризуются особенности формирования социальных связей участников посольства, необходимых для успешной реализации задач дипломатической миссии. В основу исследования легли французские придворные отчеты о церемониях, записки придворных, внутренняя переписка дипломатических ведомств России и Франции, материалы парижской периодической печати и отчетные документы русских посланников. Сделаны выводы о специфике стратегий посланника П. И. Потемкина по формированию социальных связей, об их значении для развития русской дипломатии, внешней политики и культурных контактов с Западной Европой, а также об особенностях отражения рассмотренных связей в сохранившихся источниках.

Ключевые слова: русско-французские связи, репрезентация власти, политическая элита, Московское государство, Петр Иванович Потемкин, Степан Полков

Дипломатические миссии в раннее Новое время имели особое значение для системы международных отношений. Обмен дипломатами и церемониал их приема фактически создавали поле международных отношений XV–XVIII вв. благодаря репрезентации каждого из правителей Европы через участие их представителей в дипломатическом церемониале, а также через неофициальную деятельность послов

и посланников, которая служила объектом пристального внимания принимающей стороны [Hennings, p. 7, 20; Bély, 1999, p. 7; Мазарчук, с. 287; Юзефович, с. 5–9]. Вследствие этого связи дипломата, механизмы их создания и репрезентации имели основополагающее значение для системы межгосударственных отношений, особенно между монархическими государствами, считавшимися большинством авторов XVII в. единственными долговременными политическими образованиями [Bély, 1999, p. 7]. Наиболее существенно это оказалось для России по причине того, что в XVII в. статус ее правителя в системе европейских государств не был окончательно определен, и способности его дипломатов к межкультурной коммуникации и репрезентации царя становились одним из важнейших факторов поддержания русско-французских контактов и обоюдного накопления информации. Значение этой культурной стороны дипломатии во многом раскрыто работами К. Дженсен на примере рецепции практик европейских театров [Jensen et al., 1999; Jensen et al., 2021, p. 88–92]. В представленной работе проведен анализ контактов посланников во Франции, как сугубо официальных и церемониальных, так и менее официальных и даже неформальных, бывших в центре внимания не только королевских дипломатических служащих, но и парижского высшего света. Это позволяет создать наиболее полное представление о социокультурных практиках и способах осуществления задач посольства. Интерес также представляют известия о контактах посланников с представителями светских, религиозных и научных кругов Парижа, что имело особое значение для эпохи накануне преобразований Петра I.

Изучение русского посольства 1680–1682 гг. во Францию, Испанию и Англию успешно реализуется благодаря разнообразию сохранившихся источников, среди которых статейный список посольства, допросные речи посланника Петра Ивановича Потемкина, расходные книги посольства, французские церемониальные документы, записки придворных и отчет о посольстве, опубликованный в журнале «*Mercure galant*». Информационный потенциал привлеченных источников позволяет не только получить представление о событиях посольства, но и выявить среди них наиболее герменевтически значимые, востребованные в разных ситуациях для упоминания и истолкования.

Ранее это посольство уже рассматривалось исследователями в контексте истории внешней политики России [Безобразов, с. 24–27; Флоря; Grönebaum, S. 86–92], истории дипломатии [Hennings, p. 105–106; Schaube, p. 376; Шикуло, с. 25, 103, 206] и культурной истории [Jensen et al., 2021, p. 236–238], но в задачи работ не входила реконструкция комплекса социальных связей и способов их формирования, присутствующих в документах.

До настоящего времени русские источники о посольстве сохранились в виде нескольких дел, среди которых выделяются статейный список, расходная книга, допросные речи и перевод с грамоты французского короля. Разнородность источникового комплекса свя-

зана с тем, что вернувшийся в Россию во время стрелецких волнений 1682 г. посланник П. И. Потемкин сдал статейный список лишь 8 апреля 1683 г. [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71], а расходные книги – 20 ноября 1687 г. [Там же. Кн. 9. Л. 1 об.]. Это способствовало отражению в них разных реалий работы Посольского приказа. В связи с тем, что при русском дворе XVII в. существовали сомнения в достоверности статейных списков, они сохраняются и в современной историографии [см.: Юзефович, с. 292].

Сомнения, появившиеся в ходе допросных речей П. И. Потемкина, вызывал в том числе его статейный список, так как отставленный им от дел переводчик Ю. Гивнер в допросе заявил, что посланник, «приехав к Москве царскому величеству, ничто же ино, токмо самую ложь сказал, понеже путешествия свое повседневнога ничего не писал и писати не приказал», а также «клеветы и неправды царскому величеству приехал сюды к Москве известил де и сказал, и те на Москве составил все суть» [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109]. Компаративный анализ отражения социальных связей в русских и французских источниках может стать основным доказательством достоверности соответствующих фрагментов статейного списка.

На протяжении XVII в. происходил процесс формализации приема русских дипломатов во Франции и закрепления в нем единых церемониальных норм. Поэтому посольство 1681 г. прибыло на уже подготовленную почву, и больших усилий посланников для формирования церемониала не потребовалось [Hennings, p. 59, 65; Schaub, p. 328]. Несмотря на то, что система рангов дипломатических представителей в России была формально идентична западноевропейской, во Франции ранг русских дипломатов зависел скорее от репрезентативности их посольства, чем от их русских титулов, в отличие, например, от Англии, где имело место полное соответствие [Юзефович, с. 51; Hennings, p. 102–105]. В частности, Андрей Андреевич Виниус, отправленный во Францию в 1673 г., был гонцом (*courrier*), а П. И. Потемкин и дьяк С. Полков имели ранг посланников, аналогичный французскому «*envoyé*» [Schaube, p. 376]. При этом Виниус был принят как посланник (*envoyé*) [Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 167], а П. И. Потемкин и дьяк С. Полков считались послами (*ambassadeurs*).

На момент прибытия в Кале посольская свита, согласно французским источникам, насчитывала 62 чел., за исключением официального издания «*La Gazette*», преувеличившего размер свиты до 80 чел. [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 105; Mercure, p. 236; Recueil des nouvelles, p. 116]. Наибольшее внимание французов привлекали посланники, репрезентировавшие монарха, и люди, владевшие иностранными языками. Согласно практикам русских дипломатических миссий, в посольство было направлено два посланника. Первым был стольник П. И. Потемкин, который уже в 1668 г. был первым посланником в миссии во Францию. Несмотря на то, что, по всей вероятности, он был обязан своей дипломатической карьерой А. Л. Ордину-Нащокину [Crummey,

р. 105; Jensen et al., 1999, p. 132], после смещения главы Посольского приказа дипломатическая карьера П. И. Потемкина не прервалась, а активно развивалась. Именно он стал одним из немногих дипломатов, повысивших в XVII в. свой наместнический статус: если в миссии 1668 г. ему был присвоен ранг наместника Боровского, то в 1681 г. он был отправлен в качестве наместника Угличского [Талина, с. 205]. Вторым посланником был дьяк С. Полков, также с посольством были отправлены пять дворян, в числе которых были сын первого посланника С. П. Потемкин, переводчик Посольского приказа Ю. Гивнер, толмач И. Тур, трое подьячих (Вонифатий Парфеньев из Малороссийского приказа, Степан Волков из Посольского и Епифан Протопопов из Поместного), торговый человек из Приказа большой казны и священник И. Михайлов [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 2, 61, 71; Там же. Кн. 9. Л. 17 об.].

Традиционной проблемой оставалось соотношение статуса первого и второго посланника, уже проявлявшееся в конфликте П. И. Потемкина с дьяком С. Румянцевым в 1668 г. [Эскин, с. 329]. Согласно письму Ж. Торфа, сопровождавшего посланников от границы, первый посланник сказал, что второй ему совсем «неровня», всего лишь дьяк (*chanselier*), а он – военный генерал, наместник и один из наиболее выдающихся людей государства [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 116], что дополнительно подчеркивало статус П. И. Потемкина для принимающей стороны. Иной оказалась его позиция, когда возник более официальный церемониальный конфликт по вопросу размещения посланников в каретах. Ориентируясь на прецедент 1668 г., принимающая сторона планировала разместить посланников в разных каретах: в первой – стольника П. И. Потемкина на наиболее почетном месте, слева от него – маршала Франции Ж. д'Эстре, напротив них – посольского интродуктора Ш. де Боннея и королевского дворянина Ж. Торфа, а во второй карете – дьяка С. Полкова и секретаря-проводителя Р. Жиро [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 55 об.; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 124r–125r; Mercure, p. 265]. В свою очередь, посланники настаивали, что должны ехать вдвоем в одной карете, потому что оба имеют статус посланника, но французская сторона подчеркивала слишком высокий статус маршала д'Эстре, чтобы он мог ехать на менее почетном месте, чем посольский дьяк [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 52–55; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 105; Mercure, p. 264]. Несмотря на в целом ограниченное значение местничества на дипломатической службе и его скорую отмену в 1682 г. [Эскин, с. 268–269], проблема репрезентации социального статуса в посольстве имела серьезное значение и в формализованных церемониях, где статус всех участников фиксировался как в русских, так во французских дипломатических документах, и Потемкин все же старался соблюдать равенство с Полковым.

Что касается посольской свиты – оба посланника следили за внешним видом ее членов, не только сами постоянно меняли одежду для оказания чести принимающей стороне [Mercure, p. 248–250], но и вы-

давали деньги на покупку новой одежды другим участникам посольства: священнику, толмачу и музыкантам [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 17 об.]. Также, согласно французским источникам, посланники следили за дисциплиной: сделали вместе со священником выговор С. Потемкину за бритье бороды [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 124] и приговорили одного из участников свиты к восьми ударам батогами за случайный выстрел из ружья [Mercure, p. 244]. Тем не менее, вокруг посольства был создан образ сплоченной посольской свиты, что для французов символизировало их застольный этикет, по которому посланники и их свита пили очень мало алкоголя, но зато из одного стакана, вероятно, демонстрируя царящее между ними единение [Mercure, p. 309–310].

Скорее всего, в реальности внутри посольской свиты существовали многочисленные конфликты. Так, переводчик посольства Ю. Гивнер, которого отставили от посольских дел в Амстердаме по дороге во Францию¹, утверждал, что скончавшийся в ходе миссии дьяк С. Полков мог засвидетельствовать халатный подход стольника П. И. Потемкина к ведению подневных записей, будущей основы для составления статейного списка [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109], а сам П. И. Потемкин сообщал, что толмач И. Тур «беспреданно был пьян и в толмачестве негоден» [Там же. Л. 108], в связи с чем, например, «не доехав гишпанские границы, тот толмач напився пьян, королевскую лошадь с седлом потерял и сам было пропал» [Там же. Кн. 9. Л. 19 об.].

Тем не менее, отсутствие переводчика и толмача в глазах французов лишь сплотило миссию – в переводе участвовал не только нанятый в Голландии М. Комыцкий, но и знавшие латынь сын посланника С. Потемкин и «полковников сын» Е. Кро [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 107–108], а на королевской аудиенции – сопровождавший их Ж. Торф и оказавшийся при дворе Людовика XIV бывший царский врач Л. Рингубер [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 95а об.; Там же. Кн. 9. Л. 19; Mercure, p. 286]. Несмотря на более высокий статус П. И. Потемкина и его опыт, посланники со свитой могли совещаться по вопросам церемониала, например, в течение двух часов они обсуждали между собой возможность отправляться на конференцию к королевскому министру без личной встречи с королем, который отправил бы их на эту аудиенцию [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 130]. Представляется, что, несмотря на наличие отдельных конфликтов, деятельность посланников и самой свиты создавала благоприятный образ миссии, стимулировавший установление контактов с французской стороной.

В свою очередь, принятие посольства из России имело большое значение для королевской власти, и его прием должен был быть помпезным. [Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 445]. В связи с этим в обществе целенаправленно подогревался интерес к русской дипло-

¹ Он был оставлен из-за финансовых махинаций с наймом подвод, тайных переговоров с курфюрстом Бранденбургским, высказываний о нежелании возвращаться в Россию и угрозы застрелить посланника [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 70].

матической миссии. Практики приема русских посланников, сложившиеся в 1668 г., отличались как от практик приема прочих европейских послов, так и от церемониала для восточных посольств. Русские были освобождены от расходов на время пребывания во Франции, и их с почетом принимали во всех крупных городах, как и посольства «экзотических» восточных стран [Шикуло, с. 75; *Mercure*, p. 238].

Французы в этом вопросе ориентировались на русский дипломатический церемониал, отмечая, что великий князь традиционно сопровождает прибывших послов, а в издании «*Mercure galant*» даже связали это непосредственно с практикой назначения пристава (*Prfistaf*) [AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 122; *Mercure*, p. 239–240]. На эту роль был назначен дворянин королевского дома Ж. Торф, командовавший в королевской гвардии и отличавшийся храбростью, в связи с чем считался самым достойным кандидатом, так как здесь нужно было демонстрировать твердость (*fermeté*) послам, не нарушая права народов (*droit des gens*) [AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 142; *Mercure*, p. 241–242], которое традиционно распространялось на русские посольства в Европе [Henning, p. 51]².

На пути из Кале в Сен-Дени, откуда должен был происходить торжественный въезд посланников в Париж, Ж. Торф разрешал несущественные церемониальные вопросы, не требовавшие внимания церемониймейстеров, и организовывал торжественные церемонии в городах по маршруту следования посольства [AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 105, 116, 131r]. Ж. Торф стал главным спутником русского посольства, сопровождая его как на формальных церемониях, так и при прочих их перемещениях, и посланники считали его первым приставом среди прочих [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18–18 об.; AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 126r]. Именно Ж. Торф был главным посредником в отношениях посланников и двора, потому что держал с ними постоянный контакт и вел переписку с государственным секретарем иностранных дел маркизом де Круасси [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 49, 96–97; AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 117].

Согласно сообщению из «*Mercure galant*», посланники привязались к Ж. Торфу, и он был назначен далее для их сопровождения до границ Испании [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 125–126; AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 131r; *Mercure*, p. 210]. Должность Ж. Торфа была достаточно престижной и щедро оплачивалась: сразу после назначения он получил расписку на 2 тыс. ливров для сопровождения послов [AAE. *CP. Russie*. Vol. 1. Fol. 140], после отъезда посланников ему выплатили еще 4 тыс. ливров [Ibid. Fol. 143], кроме того, он получал подарки от посланников [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 33–34]. В будущем он закрепился в церемониале приема посольств из России, участвовал в церемониях 1685 и 1687 гг. в качестве пристава [Grönebaum,

² Концепция «права народов» («*jus gentium*») была распространена в Европе раннего Нового времени, являясь ранним вариантом современного международного права.

S. 168, 178–180], таким образом, контакты с русскими посольствами в 1680-х гг. стали важной частью его карьеры.

Своим вторым приставом посланники считали посольского интродуктора³ Ш. де Боннея [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–46]. Именно интродукторы отвечали за все контакты короля с иностранными посланниками, находившимися при французском дворе [Шикуло, с. 62]. Однако в случае русских посланников основную часть контактов обеспечивал Ж. Торф, а Ш. де Боннею оставалась их более официальная церемониальная сторона, связанная с основными дипломатическими церемониями Франции: торжественным въездом послов в Париж и официальными королевскими аудиенциями, а также с оформлением королевской грамоты к царю. Первая его встреча с посланниками произошла в Сен-Дени во время подготовки торжественного въезда посланников в Париж, где он попытался получить у них список с царской грамоты и запретил им использовать всех привезенных музыкантов при въезде [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–51 об., 75–77; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 123r; Mercure, p. 262–263].

Далее он сопровождал посланников на официальных церемониях (при въезде в Париж, на королевских аудиенциях), участвовал во всех официальных обедах, и именно он принес им королевские подарки [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 127; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 124–125, 132–132r; Mercure, p. 329–332]. В связи с его официальным положением при дворе посланники выдали ему собственные подарки, чтобы он в делах великого государя «всякое вспомогательство чинил» для укрепления дальнейших дипломатических контактов [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18 об.]. Таким образом, в приеме русских посольств посольский интродуктор занимал менее значимое место, чем в приеме посольств из других европейских стран, из-за наличия постоянно сопровождавшего их Ж. Торфа, но именно интродуктор контролировал порядок официальных церемоний и получал за это подарки от посланников.

Согласно регламенту 1633 г., сопровождать посла в день его торжественного въезда должен был маршал Франции (*maréchal de France*) [Шикуло, с. 76]. В 1680-х гг. эта роль в отношении русских посольств закрепилась за маршалом Ж. д'Эстре (1624–1707), знаменитым французским адмиралом. Первая его встреча с участниками посольства произошла также в Сен-Дени как часть церемонии их официального въезда в Париж. П. И. Потемкин, основываясь на своем опыте посещения Вены, подготовился к приему д'Эстре: он выставил трубачей встречать маршала у кареты, дворян – у нижнего крыльца, а сами посланники встали на нижнем крыльце, подчеркнув его статус и сделав

³ *Introduteur des ambassadeur* – должность при французском дворе, в отличие от более ранней должности проводителя послов (*conducteur des ambassadeur*); главной целью интродуктора было вводить (*introduire*) дипломатов на аудиенцию к королю, а не сопровождать их (*conduire*). Из-за прямой связи этой должности с посещением короля она считалась во Франции более почетной, чем предшествующая [см. Шикуло, с. 197].

таким образом комплимент маршалу [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 54]. Они учли нюансы французского церемониала и дали возможность маршалу выбрать кресло, а после поблагодарили д'Эстре за сопровождение на посольский двор и проводили его до нижнего крыльца [Там же. Л. 56 об.]. Он также сопровождал их на всех официальных аудиенциях, несмотря на то, что по правилам французского церемониала они могли затребовать для сопровождения принца крови [Mercure, p. 275; Шикучо, с. 76]. Именно маршал оставался самым знатным человеком среди тех, кто сопровождал русских послов, и статусные отношения с ним имели особое значение. Соблюдение ими в отношении него не только церемониала, но и этикета было важным фактором в формировании их образа и дипломатического успеха миссии.

С маршалом они обсуждали увлечения и характеры своих монархов, которых репрезентовали, и проводили между ними аналогии. В разговорах был затронут вопрос размеров царской армии. Посланники заявили, что у царя многие тысячи служилых людей могут быть собраны в краткие сроки, среди них около 50 тыс. надворной пехоты⁴ в Москве, а всего в Чигиринских походах, по их словам, участвовало около 300 тыс. чел. [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 100 об. – 102 об.]. Это впечатлило д'Эстре, который выдвинул предположение, что в союзе с королем такая армия могла бы представлять опасность для султана, и подчеркнул вероятность ответного французского посольства [Там же. Л. 103–104]. В целом антиосманский образ России, вероятно, был наиболее востребован в Европе [см.: Шамин, с. 254], и антиосманская направленность миссии благоволила его использованию [Флоря]. Поэтому для статейного списка мог быть наиболее востребован именно этот диалог, соответствовавший, по-видимому, не столько заблуждению служителей Посольского приказа в отношении антиосманского единства внешней политики Европы, сколько демонстрации культурно-религиозной общности европейских христианских стран и России, противопоставленных государствам иноверцев [Мазарчук, с. 285].

Менее регулярные одноразовые контакты связывали посланников с фигурами королевского двора, задействованными в официальном придворном церемониале. Центральной фигурой церемониала был сам король, и посланники стремились подчеркивать направленность своей миссии именно к нему: они, как было традиционно для русских дипломатов, не посещали прочих придворных и до отпускной аудиенции практически не покидали посольского отеля [Mercure, p. 273–274, 294; Юзефович, с. 176–178], добивались отдельной встречи с королем даже перед аудиенцией у государственного секретаря иностранных дел, а также на церемонии посольского въезда, где были задействованы исключительно королевские кареты, без карет принцев

⁴ Статейный список составлялся в 1682 г., когда стрельцы получили этот официальный статус.

[AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 132r; Mercure, p. 265]. Королю предназначались не только официальные дипломатические дары, но и личные подарки от участников дипломатической миссии [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 132r]. Людовик XIV сам старался идти на компромиссы в отношениях с московскими посланниками: он снимал шляпу при произнесении царского имени, предложил встать с трона, когда передадут письмо, чтобы подчеркнуть уважение к царю, похвалил ткань, поднесенную от имени сына посланника. Он также позволил целовать свою руку не только посланникам, но и нескольким дворянам и секретарю⁵, а в день их аудиенции у государственного секретаря иностранных дел маркиза де Круасси согласился лично встретиться с посланниками [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 75–79 об.; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 128–132r; Mercure, p. 286–291, 298–299, 302].

Честь посланникам оказывал не только король, но и его двор. В целом во время официальных аудиенций русские дипломаты могли наблюдать большинство значимых французских придворных: в Версале они были приняты обер-церемониймейстером Бленвиллем и церемониймейстером де Сенкто у входа, а также капитаном французской гвардии герцогом де Дюрасом, которым пожали руки [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 54; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 126r, 132; Mercure, p. 283–284]⁶. В зале аудиенции с королем присутствовали дофин, герцог и принц де ля Рош, герцог Орлеанский, принц де Конти и герцог де Вермандуа, а также первые камер-юнкеры [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 127, 132].

После первой и отпусковой аудиенций состоялись торжественные ужины для всей их свиты: в первый раз в Версале, во второй – на польском дворе, где контакты с частью придворных продолжались [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 127; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 131; Mercure, p. 300–304]. Организация столов имела большое значение в русском церемониале [Юзефович, с. 183, 185, 189], и особое внимание французов к этой стороне миссии способствовало формированию представлений об успешности посольства. На протяжении всей миссии их сопровождал А. де ла Гард для оплаты их трат и организации приемов пищи, а в резиденции чрезвычайных послов в Париже на протяжении трех дней их столами специально занимался королевский метрдотель Ж. де Франсин [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 57–57 об.; Mercure, p. 243, 272–273].

По итогам миссии на королевскую службу был временно привлечен в качестве переводчика бывший царский врач Л. Рингубер, ранее предлагавший Людовику XIV оставшийся невостребованным проект обращения России в католичество [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 106–111;

⁵ Аналогичная традиция существовала и в Австрии, Англии и Дании [см.: Гуськов, с. 116] и была хорошо известна в России: см.: [Юзефович, с. 183, 185, 189].

⁶ Рукопожатие также было распространено в русских дипломатических практиках, см.: [Юзефович, с. 188].

Pierling, p. 59–79]. Присутствие русских посланников смогло подтвердить знание им русского языка и правдивость истории о лечении царя. В дальнейшем он не остался при королевском дворе, хотя получил вознаграждение и подарки посланников за свою деятельность [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 19; Pierling, p. 79].

Значимой фигурой для дипломатической миссии посланников был государственный секретарь иностранных дел Ш. Кольбер де Круасси, младший брат генерального контролера финансов Ж.-Б. Кольбера, с которым П. И. Потемкин вел переговоры в 1668 г. Маркиз не только занимался организацией приема посланников, выделяя деньги на их содержание и подготавливая подарки, но и был главной фигурой в торговых переговорах, которые посланники должны были провести с министрами короля [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 125–126; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 130r, 139]⁷. Именно он был ответственен за подготовку официальной ответной грамоты и в связи с этим много контактировал с русскими дипломатами по вопросам написания царского титула [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 95а–97 об.]. Посланники были недовольны снижением статуса переговоров с министрами, так как в 1668 г. такие переговоры проходили в присутствии трех министров, к тому же они отказались идти к маркизу после первой аудиенции из-за того, что его апартаменты находились в другом здании дворца, а впоследствии отказывались посещать аудиенцию без встречи с королем [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 75–79 об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 129–130; Mercure, p. 298–299].

Встреча полностью соответствовала правилам церемониала и этикета. Маркиз, оказывая почести посланникам, встретил их на нижнем крыльце, шел на менее значимом месте за ними и в палате слева от обоих посланников, а после аудиенции проводил их до места встречи [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 81. Mercure, p. 298–301]. Однако вопреки посольскому наказу и дополнению к нему, уделявшим большое внимание торговому проекту, реальное его обсуждение продлилось не более двух часов, и результаты представлялись французам сомнительными [ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 132r; Mercure, p. 298–301]. Несмотря на то, что посланники, согласно статейному списку, хорошо представляли себе значение маркиза де Круасси для французской внешней политики и выдали ему и его секретарям дорогие подарки [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 134; Там же. Кн. 9. Л. 18 об. –19], встреча с ним имела ограниченное значение для решения внешнеполитических задач: не прояснились ни перспективы развития торгового проекта, ни позиция Франции по вопросам заключения Вечного мира между Россией и Речью Посполитой, что вызвало недовольство Посольского приказа [Там же. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 64].

⁷ Переговоры должны были быть проведены именно с министрами, обсуждение вопросов торговли с монархом, которое посланники провели в Испании, было осуждено в Посольском приказе [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 96].

В процессе официального взаимодействия обе стороны демонстрировали знание церемониальных и этикетных правил и использовали их для различных целей. Встречи способствовали получению информации о французской политике, репрезентации русского монарха и подкреплению статуса французского короля, принимавшего посольства из отдаленных стран. Однако взаимодействие для решения других значимых дипломатических задач оставалось затрудненным: не была подготовлена грамота с признаваемым верным написанием царского титула, а переговоры с государственным секретарем иностранных дел не дали информации ни о перспективах развития торгового проекта, ни о французской политике в отношении Восточной Европы.

Очевидно, борьба за статус в дипломатии раннего Нового времени часто могла быть более значимой, чем реальные результаты переговоров [Hennings, p. 62], посланники для сохранения возможности коммуникации все же шли на излишние уступки, которые не были по достоинству оценены в Посольском приказе. П. И. Потемкин принял неправильную ответную королевскую грамоту, в которой отсутствовал титул «великий государь», чтобы царя с королем «не ссорить вечно, да и для де того, что король французской в тех во всех государствах отменно ныне славен, воинских людей у него в зборе много, и богатство у него великое, и всех тамошних стран короли, и курфюрсты, и владетели зело опасны от него и дружбы в нем ищут» [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 85]. Впоследствии это потребовало работы Посольского приказа над возвращением царского статуса в официальные документы [Там же. Кн. 11. Л. 44 об.].

Большее значение для развития дипломатии имели менее официальные социальные связи, сведения о которых содержатся в отчете о приеме посланников в журнале «*Mercure galant*»⁸. Сам факт прибытия посланников вызывал ажиотаж в Париже, и к ним было привлечено внимание парижского высшего света [Mercure, p. 228]. Пользуясь этим вниманием, посланники активно создавали свой образ.

Прежде всего они стремились показать свою связь с христианским миром в соответствии с, вероятно, существовавшим в Посольском приказе проектом русско-французского сближения против османской угрозы [Флоря]. Накануне торжественного въезда в Париж они посетили аббатство Сен-Дени и осмотрели там гробницы и реликвии, подчеркнув поведением общность христианской веры [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 123r; Mercure, p. 251–256]. В Париже они наблюдали торжество на Вознесение и посетили покои каноника парижской церкви, где ознакомились с присланной аббатом Шателеном священной книгой

⁸ «*Mercure galant*» был периодическим изданием, в которое читатели могли присылать свои материалы, в связи с чем оно имело популярность в светском мире как дайджест происходивших событий [см.: Schuwey, p. 466–467]. Фрагмент заметки был также опубликован в «*La Gazette*», но там он включал в себя только официальную часть: сообщения о прибытии посланников и описание их аудиенций у короля [Recueil des nouvelles, p. 116, 288, 299–300, 311].

на церковнославянском языке, осмотрели картины на религиозные сюжеты и заслушали литургию на почетных местах около алтарной преграды [Mercure, p. 323–328]. Посланники не ограничивались наблюдением христианского окружения, но и создавали собственное сакральное пространство: П. И. Потемкин демонстрировал привезенный им отщеп животворящего креста, а в резиденции чрезвычайных послов он подготовил аналог алтаря [Mercure, p. 259, 269–270].

Помимо апелляции к традиционному христианскому единству, посланники пытались актуализировать его в контексте современной дипломатической ситуации в Европе. В Сен-Дени у гробницы маршала де Тюренна они обратили внимание, что даже в Москве известны его достижения и именно он мог бы командовать войсками всех князей мира на войне с турками. На следующий день их посетил племянник скончавшегося маршала, которого посланники встретили со слезами на глазах, выразив сомнение в том, что земля может породить еще одного столь выдающегося человека [Ibid., p. 251–253]. Это была не единственная встреча посланников с представителями парижского света, несмотря на то, что они не посещали никого из французских придворных. В Париже многие дворяне приходили смотреть на их ужины [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 58]⁹. Среди их посетителей инкогнито были мадам д'Эстре и мадам де Тьянж¹⁰, о визите которых П. И. Потемкин был проинформирован заранее. После ужина он поднялся, снял шляпу и поднял тост за их здоровье, а также пригласил посмотреть из окон концерт, который привезенные посольством музыканты дали в саду [Mercure, p. 307–309]. Таким образом, посланники выполняли функции, схожие с аналогичными у современных им западноевропейских дипломатов, активно участвовавших в светской и культурной жизни принимающей страны [Bélu, 1990, p. 391].

Это участие проявилось в посещении спектакля по пьесе Т. Корнеля «Незнакомец» («L'Inconnu»), что соответствовало широким представлениям П. И. Потемкина о современном европейском театре [Mercure, p. 306–307; Jensen et al., 2021, p. 236]. Вероятно, известия о посещении театра не вошли в статейный список в связи со снижением внимания к театральным представлениям в России после смерти царя Алексея Михайловича. Также на складе мебельных мануфактур в Гобеленах посланники встретились с французскими художниками, в частности с Ш. Лебреном, высоко оценив его полотна и пожелав ему долгой жизни на службе такого выдающегося монарха, отметив, что история не знает такого же гениального художника, как он [Mercure, p. 333–339].

Еще более знаковым стало посещение П. И. Потемкиным вместе с сыном и частью свиты парижской обсерватории, где их принимал

⁹ Именно ужин был временем светских визитов в парижском обществе, см.: [Lilti, p. 65].

¹⁰ Мадам д'Эстре была супругой сопровождавшего посольство маршала, а мадам де Тьянж – сестрой мадам де Монтеспан, одной из наиболее знаменитых фавориток Людовика XIV.

знаменитый астроном Дж. Кассини, показавший им модель Луны с рельефом, эффект увеличивающих линз, глобусы с расположением Парижа, Москвы и Иерусалима, а также предоставивший им возможность рассмотреть в телескоп известные планеты солнечной системы и часть звезд. Сначала П. И. Потемкин, осмысляя увиденное, много ссылался на священные тексты с их непостижимым смыслом, а также на греческую книгу небесных иерархий, спросив о наличии ее перевода в Париже. Однако позже он больше задавал вопросы по астрономии и географии, ответы на которые слушал вместе с сыном крайне заинтересованно, а в конце заявил о крайней несправедливости того, что он так поздно узнал о таких красивых вещах [Mercure, p. 317–322]. Эта любознательность (*curiosité*) посланника была крайне близка французскому светскому миру XVII в. и делала посольство еще более интересным для читающей и салонной публики [Mercure, p. 334; Lilti, p. 265].

С помощью установления контактов П. И. Потемкин осознанно создавал образ общительного человека, благодаря чему некоторые социальные связи казались окружавшей его публике основанными на личной привязанности. В 1681 г. публике личными представлялись контакты посланников с приставом Ж. Торфом, которого они приглашали на празднование Пасхи и которому даже подарили красные пасхальные яйца [Mercure, p. 210, 245–246]. Другим личным контактом выглядел для парижан сопровождавший дипломатов придворный художник А. Бенуа, который подготовил их портреты и прославился именно за счет королевской привилегии на создание восковых фигур дипломатов [Mercure, p. 210–211; Hennings, p. 36]. Благодаря установленным связям посланники получили информацию об опасениях относительно внешней политики Франции, существовавших среди соседних с ней государств. При этом создание контактов не помогло дипломатам нанять во Франции докторов для царской семьи, что было одной из основных целей миссии [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 133 об.; Там же. 1681 г. Д. 1. Л. 103].

Посланники не добились успеха в осуществлении всех задач посольства, несмотря на это, их стратегии по созданию связей стали важной частью формирования образа «просвещенного москвитя», подготовившего французскую публику к известиям о европеизации России при Петре I [Мезин, с. 109]. Светская жизнь Парижа была слабо отражена в отчетной документации посланников, но это не исключает неформального хождения сведений о ней. Установление связей с русским посольством не только увеличивало престиж французской монархии, но и способствовало карьере отдельных придворных, таких как Ж. Торф и художник А. Бенуа, и в меньшей степени – Л. Рингубера, получившего вознаграждение за переводческую деятельность, и маршала Ж. д'Эстре, получавшего от посланников щедрые подарки.

Сопоставление сведений о контактах русских посланников с французскими придворными из русских и французских источников может служить доказательством высокой степени достоверности ста-

тейного списка и расходных книг П. И. Потемкина. Практически все контакты посланников, имевшие значение для Посольского приказа, были отражены в русских источниках, вопреки обвинениям Ю. Гивнера в их вымышленном характере.

Знание церемониала и этикета, способности к репрезентации своего монарха по европейским правилам, а также возможности для завязывания знакомств с иностранными придворными, деятелями культуры и учеными создавали почву для будущих контактов в разных сферах и раскрывали потенциал русского придворного общества и культуры XVII в. к более активному взаимодействию с иностранными традициями, что станет важным фактором успешного реформирования в эпоху Петра I.

Библиографические ссылки

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. : Университет. тип., 1892. 468 с.

Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I : Источниковедческое исследование. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2005. 398 с.

Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2021. Т. 66, № 3. С. 283–292. DOI 10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292.

Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 212 с.

РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Кн. 7, 9, 11.

Талина Г. В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М. : Прометей, 2012. 230 с.

Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. Вып. 79 (2). С. 139–146. DOI 10.7868/S0131878018020071.

Шамин С. М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М. : Весь мир, 2020. 392 с.

Шиколо М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2016. 277 с.

Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2018. 518 с.

Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

AAE. Correspondence Politique (CP). Russie. Vol. 01.

Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris : Fayard, 1990. 908 p.

Bély L. La société des princes. Paris : Fayard, 1999. 651 p.

Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859–3865. «Mémoires du baron de Breteuil».

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1983. 315 p.

Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1968. 234 S.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2016. 297 p.

Jensen C. R., Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2021. 295 p.

Jensen C., Powell J. 'A Mess of Russians Left Us but of Late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres // Theatre Research International. 1999. Vol. 24, № 2. P. 131–144.

- Lilti A. *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*. Paris : Fayard, 2005. 568 p.
- Mercure galant. 1681. Mai.
- Pierling P. *Saxe et Moscou : un médecin diplomate*, Laurent Rinhuber. Paris : Émile Bouillon, 1893. 230 p.
- Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires / ed. par E. Renaudot. Paris : Bureau d'adresse, 1682. 760 p.
- Schaub M.-K. *Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIIe siècle // L'incident diplomatique XVIe–XVIIIe siècle*. Paris : Éd. A. Pédone, 2010. P. 323–343.
- Schaube M.-K. *Se comprendre avec difficulté: les pratiques russes de négociations à l'époque moscovite // Negociar en la Edad Media = Négociar au Moyen-Âge*. Barcelone ; Madrid : Institucion Milà y Fontanals, 2005. P. 369–387.
- Schuwey C. *Écrire et diffuser la généalogie : les (r)évolutions médiatiques du Mercure galant // Dix-septième siècle*. 2020. № 3 (288). P. 459–472. DOI 10.3917/dss.203.0459.

References

- AAE. *Correspondence Politique (CP)*. Russie. Vol. 01.
- Bély, L. (1990). *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*. Paris, Fayard. 908 p.
- Bély, L. (1999). *La société des princes*. Paris, Fayard. 651 p.
- Bezobrazov, P. V. (1892). *O snosheniyakh Rossii s Frantsiei* [On Russia's Relations with France]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 468 p.
- Bibliothèque de l'Arsenal*. Ms 3859–3865. «Mémoires du baron de Breteuil».
- Crummey, R. O. (1983). *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689*. Princeton, N. Jersey, Princeton Univ. Press. 315 p.
- Eskin, Yu. M. (2018). *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of Mestnichestvo in Russia in the 16th–17th Centuries]. Moscow, Kvadriga. 518 p.
- Florya, B. N. (2018). *Proekt russko-frantsuzskogo soyuza 1680 goda protiv osmanov* [Project of the 1680 Russo-French Alliance against the Ottomans]. In *Srednie veka*. Iss. 79 (2), pp. 139–146. DOI 10.7868/S0131878018020071.
- Grönebaum, F. (1968). *Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 234 S.
- Gus'kov, A. G. (2005). *Velikoe posol'stvo Petra I. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Great Embassy of Peter the Great. A Source Study]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 398 p.
- Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. N. Y., Cambridge Univ. Press. 297 p.
- Jensen, C. R., Maier, I., Shamin, S., Waugh, D. C. (2021). *Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 295 p.
- Jensen, C., Powell, J. (1999). 'A Mess of Russians Left Us but of Late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres. In *Theatre Research International*. Vol. 24. No. 2, pp. 131–144.
- Lilti, A. (2005). *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*. Paris, Fayard. 568 p.
- Mazarchuk, D. V. (2021). "Novaya diplomaticheskaya istoriya": stanovlenie, napravleniya issledovaniya i perspektivy razvitiya ["New Diplomatic History": Formation, Directions of Research, and Prospects of Development]. In *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk*. Vol. 66. No. 3, pp. 283–292. DOI 10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292.
- Mercure galant*. (1681). May.
- Mezin, S. A. (1999). *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 212 p.

Pierling, P. (1893). *Saxe et Moscou : un médecin diplomate*, Laurent Rinhuber. Paris, Émile Bouillon. 230 p.

Renaudot, E. (Ed.). (1682). *Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires*. Paris, Bureau d'adresse. 760 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 93. List 1. 1681 year. Dos. 1. Books 7, 9, 11.

Schaub, M.-K. (2010). Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle. In *L'incident diplomatique XVIe–XVIIIe siècle*. Paris, Éd. A. Pédone, pp. 323–343.

Schaube, M.-K. (2005). Se comprendre avec difficulté: les pratiques russes de négociations à l'époque moscovite. In *Negociar en la Edad Media = Négociar au Moyen-Âge*. Barcelone, Madrid, Institucion Milà y Fontanals, pp. 369–387.

Schuwey, C. (2020). Écrire et diffuser la généalogie : les (r)évolutions médiatiques du Mercure galant. In *Dix-septième siècle*. No. 3 (288), pp. 459–472. DOI 10.3917/dss.203.0459.

Shamin, S. M. (2020). *Inostrannye pamflety i kur'ezy v Rossii XVI – nachala XVIII stoletiya* [Foreign Pamphlets and Curiosities in Russia in the 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Ves' Mir. 392 p.

Shikulo, M. I. (2016). *Diplomaticheskii tseremonial kak sposob reprezentatsii korolevskoi vlasti vo Frantsii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v.* [Diplomatic Ceremonial as a Way of Representation of Royal Power in France in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 277 p.

Talina, G. V. (2012). *Namestniki i namestnichestva v kontse XVI – nachale XVIII veka* [Viceroys and Viceroyalty in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Prometei. 230 p.

Yuzefovich, L. (2007). *Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial* [The Way of the Ambassador. Russian Ambassadorial Customs. Everyday Life. Etiquette. Ceremonial]. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 344 p.

The article was submitted on 29.11.2023

Творческое наследие Максима Грека и процесс формирования духовно значимых для старообрядчества текстов*

Наталья Гурьянова

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

The Creative Heritage of Maksim Grek and the Formation of Spiritually Significant Texts for the Old Believers**

Natalya Gurianova

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

This article deals with the formation of the canon of sacred texts among the Old Believers, which determined their system of book authorities. The relevance of the topic is connected with the need to get a more comprehensive idea of the formation of the religious and social movement that received the name "Old Believers". The author pays attention to an important aspect of the study of the Old Believer ideology, which was determined by the system of book authorities. The defenders of Old Belief followed the traditions of the scribes of Old Rus and maintained a special attitude to the text, bordering on its sacralisation. From the first steps of the reform, they turned to manuscripts and early printed books to find evidence of the illegality of introducing innovations into the liturgical practice of the Russian Church. The *Story of How to Make the Sign of the Cross* by Maksim Grek was cited by opponents of the church reform as an argument in defence of the negative view of the introduction of the three-fingered sign of the cross by Patriarch Nikon. It is shown that the Solovetsky monks largely

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM–2024–0006).

** Citation: Gurianova, N. (2024). The Creative Heritage of Maksim Grek and the Formation of Spiritually Significant Texts for the Old Believers. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 660–673. DOI 10.15826/qr.2024.2.901.

Цитирование: Gurianova N. The Creative Heritage of Maksim Grek and the Formation of Spiritually Significant Texts for the Old Believers // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 660–673. DOI 10.15826/qr.2024.2.901 / Гурьянова Н. Творческое наследие Максима Грека и процесс формирования духовно значимых для старообрядчества текстов // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 660–673. DOI 10.15826/qr.2024.2.901.

determined the attitude to this work. They not only copied it, but also began to defend the authority of Maksim Grek when the representatives of the official Church expressed doubts about the sincerity of the author's opinion on the two-fingered sign of the cross. The next generations of the Old Believers continued to search for evidence of the veneration of this Athos monk by the Patriarchs and the Russian Church, in order to convince readers of his holiness. The analysis of the collections of the Old Believers helps get an idea of a completely scholarly approach to the search, which allowed the Old Believers already at the beginning of the eighteenth century to gain access to a fairly complete circle of sources on the life and work of Maksim Grek in Russia, even according to the ideas of researchers of the nineteenth and twentieth centuries, to copy them and make them known to other Old Believers. The works of Maksim Grek were of particular importance, and their study made it possible to include them in the canon of sacred texts. It is concluded that the authors of the essays and the compilers of the collections did a lot of work to strengthen the authority of Maksim Grek among the Old Believers, and the writings of the Athos monk were included in their system of book authorities.

Keywords: Maksim Grek, Solovetsky monks, Old Believer manuscript, Timofey Lysenin, 18th century

Рассматривается проблема начального этапа оформления у старообрядцев канона священных текстов, который определял их систему книжных авторитетов, что актуализируется необходимостью получить более полное представление о формировании религиозно-общественного движения, получившего наименование «старообрядчество». Особое внимание обращено на важный аспект исследования идеологии движения, которая определялась системой книжных авторитетов. Защитники старого обряда продолжили традиции книжников Древней Руси, сохранили особое отношение к тексту, граничившее с его сакрализацией. С первых шагов реформаторов они обратились к рукописям и старопечатным книгам с целью найти свидетельства о незаконности введения новшеств в обряд и богослужебную практику Русской церкви. «Сказание како знаменоваться крестным знамением» Максима Грека приводилось противниками церковной реформы в качестве аргумента при защите отрицательной точки зрения на введение патриархом Никоном троеперстия. Показано, что соловецкие иноки, авторы сочинений и рукописных сборников второй половины XVII – начала XVIII в., во многом определили отношение к «Сказанию». Они не только копировали его, но и начали защиту авторитета Максима Грека после того, как представителями официальной церкви было высказано сомнение в искренности сформулированного автором мнения по поводу двуперстия. Следующие поколения старообрядцев продолжили поиск свидетельств о почитании афонца вселенскими патриархами и Русской церковью, убеждая читателей в его святости. Рассмотрение старообрядческих сборников дало возможность получить представление о вполне научном подходе к поискам аргументов, что позволило старооб-

рядцам в начале XVIII столетия получить доступ к достаточно полному кругу источников о жизни и деятельности афонца в России, скопировать их и сделать известными единоверцам. Это придало особую значимость его произведениям и предоставило возможность включить их в канон священных текстов. Авторами сочинений и составителями сборников была проделана большая работа по усилению авторитета афонца в среде старообрядцев, а его сочинения вошли в их систему книжных авторитетов.

Ключевые слова: Максим Грек, соловецкие иноки, рукописные сборники, XVIII в., старообрядчество, Тимофей Лысенин

Общим местом в представлениях о старообрядцах стало убеждение в их консерватизме и приверженности традиции. Отчасти соглашаясь со справедливостью подобных утверждений, современные исследователи сумели показать сложность этих понятий в применении к защитникам старого обряда. В работах последних лет, посвященных изучению истории и культуры старообрядчества, отмечена способность его приверженцев использовать инновации в области культуры для развития национальных традиций в условиях Нового времени, объяснено активное использование цитат из Священного Писания и святоотеческого предания религиозностью средневекового типа, которая была присуща населению России раннего Нового времени.

Обращение к рукописному наследию старообрядцев позволяет приблизиться к пониманию сути этого сложного религиозно-общественного движения, пережившего разнообразные изменения за несколько веков существования. Старообрядцы адаптировались к новым условиям, сохранив при этом национальные традиции культуры и религиозных воззрений. Особенно ярко это проявляется в отношении к тем письменным текстам, которые оказались включены в канон священных в системе книжных авторитетов старообрядчества². Исследование процесса формирования канона позволяет уточнить господствовавшее в среде традиционалистов отношение к творчеству писателей прошедших веков, то, каким образом их произведения воспринимались следующими поколениями.

Противники церковной реформы сохранили характерное для книжников Древней Руси отношение к текстам, близкое к сакрализации, канон которых начал формироваться после внесения патриархом Никоном изменений в обряд и богослужебную практику. В него включались фрагменты текстов, способные свидетельствовать о справедливости старообрядческой позиции в дискуссионных вопросах. Основу составили цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, которые были дополнены фрагментами текстов из дониконовских изданий, определяемых как адаптированное для русского читателя

² О важности изучения процесса формирования системы книжных авторитетов старообрядчества см.: [Покровский, с. 19–40].

творческое наследие Литовской митрополии. Процесс оформления канона священных текстов у защитников старого обряда сопровождался формированием системы книжных авторитетов, что во многом определило привлекательность для населения России их идеологии и жизнеспособность зарождавшегося религиозно-общественного движения.

Этот сложный процесс был осуществлен несколькими поколениями старообрядцев. Наиболее важно охарактеризовать начальный этап, который связан с Соловецким монастырем¹, с творческой деятельностью одного из соловецких иноков Сергия (Шелонина) († ок. 1663 г.). В исследовании О. С. Сапожниковой опубликованы новые материалы, которые позволяют углубить наши представления о начальном этапе идейного противостояния монастыря, предшествовавшем Соловецкому восстанию (1667–1676) [Сапожникова, с. 182–230].

Характеризуя московский период деятельности Сергия Шелонина (1643–1652), автор высказала вполне обоснованное предположение, хотя и со знаком вопроса: «Не означает ли это, что он (Сергий Шелонин. – Н. Г.) был близок в эти годы к патриарху Иосифу и следовал в своей редакторской деятельности его прямым и непосредственным указаниям?» [Там же, с. 48]. Из приведенных исследователем аргументов следует, что Сергей явно был включен в «книжное дело» патриарха Иосифа, реализацией которого занимался Московский печатный двор.

После возвращения в монастырь, которое произошло сразу после смерти в 1652 г. патриарха [Там же, с. 62, 467], Сергей Шелонин продолжил заниматься книжным делом. Он во многом определил принципы отбора противниками церковной реформы фрагментов текстов, способных свидетельствовать в пользу справедливости отстаивавшейся ими точки зрения на новшества, а также заложил основы формирования канона священных текстов у старообрядцев. Характерным примером влияния Сергия на этот процесс является использование им произведений афонского монаха Максима Грека (ок. 1470–1555), написанных во время его пребывания в России (1618–1655), посвященных решению вопросов обряда и неоднозначно воспринимаемых Русской церковью. Справедливо обозначил причину противоречивости отношения к творческому наследию Максима Грека А. Т. Шашков: «будучи ортодоксом византийского православия, которое уже в XVI в. существенно отличалось от обрядово-догматических систем православия в русском варианте, Максим Грек своей литературной деятельностью в России вступает в конфликт с русской церковной традицией. Сломленный, оказавшийся в неволе, он идет на всевозможнейшие компромиссы, в ряду которых стоят, в частности, и два его сочинения: о двуперстии и о сугубой аллилуйе» [Шашков, с. 40].

Несмотря на решения двух судов над ним, состоявшихся в 1525 и 1531 гг., авторитет Максима Грека в Русской церкви был постепен-

¹ О соловецком центре литературно-публицистической деятельности противников церковной реформы см.: [Бубнов, 1995, с. 182–230].

но восстановлен. Об этом свидетельствует распространение его литературного наследия – составление кодексов сочинений при его жизни и после смерти². Для Сергия Шелонина авторитет афонца был бесспорным. Он включил имя преподобного Максима в «Похвальное слово русским преподобным»³ и в «Канон всем святым, иже в Велицей Росии просиявшим»⁴. Сергий не только назвал Максима Грека в ряду русских святых, но и дал ему самую высокую оценку в качестве «делателя и учителя». После восшествия на патриарший престол Никона творческое наследие афонца опять оказалось в центре внимания.

О. С. Сапожникова представила в монографии результаты анализа сборника, составленного Сергием в конце 1650-х гг. [ОР РНБ. Ф. 550. Q.XVII.187], который совершенно справедливо назвала антиреформенным. В его состав были включены несколько сочинений, связанных с именем Максима Грека⁵. Решение вопроса о форме крестного знамения было предложено составителем в статьях, посвященных двуперстию, которые О. С. Сапожникова обозначила как компиляцию неизвестного автора⁶. Исследователь обратила внимание, что ее сопровождает перечень имен церковных писателей, произведения которых свидетельствуют о справедливости изложенной в них точки зрения на форму крестного знамения: «Максим Грек, Петр Дамаскин, Петр Могила, Лаврентий Зизаний, а также названо печатное издание – Книга о вере (М., 1648)...» [Сапожникова, с. 370].

В этот перечень включены имена православных писателей Литовской митрополии, но открывает его имя Максима Грека. Творческое наследие родственной митрополии будет использоваться противниками церковной реформы при доказательстве справедливости оппозиционных настроений по отношению к реформе обряда и богослужебной практики, начатой патриархом Никоном. Фрагменты из сочинений этих писателей войдут в канон священных. Повидимому, антиреформенный сборник Сергия и другие рукописи соловецких иноков обусловили этот факт⁷. Подобный вывод можно сделать и по поводу включения текстов, составляющих творческое наследие Максима Грека, в систему книжных авторитетов противников церковной реформы.

В антиреформенном сборнике Сергий предложил решение проблемы о форме крестного знамения, только сославшись при этом на авторитет Максима Грека, без цитат из его сочинения. Возможно, объяснение этому обстоятельству следует искать в содержании соз-

² О собраниях сочинений Максима Грека см.: [Синицына, с. 161–186; Шашков, с. 17–39].

³ Публикацию текста сочинения см.: [Панченко, 2003, с. 568–592].

⁴ Публикацию текста сочинения см.: [Панченко, 2004, с. 471–480].

⁵ Описание рукописи см.: [Сапожникова, с. 526–531].

⁶ Публикацию статей см.: [Сапожникова, с. 375–378].

⁷ О влиянии Сергия на соловецких иноков см.: [Сапожникова, с. 366–370].

дававшегося после 1653 г. третьего «Азбуковника» [ОР РНБ. Ф. 717. № 18/18], вернее, в его конвое, в котором этой теме Сергей уделит значительное внимание⁸. Прочитывая вывод о главном предназначении азбуковников, сформулированный Л. С. Ковтун, О. С. Сапожникова подвела итог этим рассуждениям следующим образом: «Другими словами, азбуковники выполняли охранную функцию, они содержали “ключ” к письменному наследию, прежде всего святоотеческому» [Сапожникова, с. 391]. В этом заключении подчеркнута ценность лексикографического труда для сохранения традиции Русской православной церкви в области книжной культуры. Еще в большей степени это должно быть отнесено к тексту, который исследователи назвали конвоем третьего «Азбуковника».

Сергей при решении вопроса о форме крестного знамения неоднократно ссылался на авторитет афонца. В «Полемиической тетради», которая была вклеена в конвой третьего «Азбуковника»⁹, приведены тексты о двуперстии из 31-й главы Стоглава, из статьи «О крестном знамении» из предисловной части Псалтири, а в конце помещено замечание: «Тем же последует о сложении персть Максим Грек» [Сапожникова, с. 428]. Возможно, Сергей не стал копировать сочинение в «Полемиическую тетрадь», поскольку он вклеил ее после переписанного текста «О том же крестном знамении, еже кладем на лица своя, Максим Грек пишет во своей книзе сице. Слово 40-е»¹⁰. Судя по названию и по обозначению номера слова, Сергей ориентировался на рукописный кодекс. В конвое «Азбуковника» помещены дополнительные тексты. Одним из последних Сергей включил «Сказание о Максиме Философе, еже бысть инок Святыя горы Афонския, преславныя обители Ватопедския, иже zde и пострада доволна лета за истинну»¹¹.

Как было отмечено ранее, исследователи давно обратили внимание на то, что Сергей явно оказал влияние на отношение в монастыре к деятельности патриарха Никона, к внесению им изменений в обряд и богослужебную практику. Соловецкий старец и один из идеологов раннего периода старообрядческого движения Герасим Фирсов (†1667) написал после 1656 г. сочинение «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста». В этот трактат он включил в качестве аргумента текст сочинения Максима Грека под заглавием «Книга Максима Грека. Сказание, како знаменоватися крестным знамением. Глава 40» [см. об этом: Никольский, с. 162–163]. Явно с целью придать большую значимость этому сочинению в качестве аргумента автор попытался отстоять авторитет афонца, отметив противоречие в утверждении, сформулированном в сборнике

⁸ Описание рукописи см.: [Сапожникова, с. 510–513].

⁹ Об этом см.: [Сапожникова, с. 397–398].

¹⁰ Описание состава конвоя см.: [Сапожникова, с. 399; Панченко, 2010, с. 366].

¹¹ Публикацию текста см.: [Панченко, 2010, с. 509–512].

«Скрижаль», что Максим Грек – «муж благ, и разума, и премудрости исполнен», а в сочинении о двуперстии высказал только свое мнение, не опираясь на Священное Писание и святоотеческое предание. Естественно, Герасим убеждал читателей в необходимости считать авторитетным все творческое наследие афонца [Никольский, с. 163–166].

Другой соловецкий инок, Геронтий (2-я половина XVII в.), еще более явно продолжил дело Сергия по отысканию аргументов с целью защитить право оставаться в оппозиции к новшествам, составив в 1660-х гг. сборник, введенный в научный оборот О. В. Чумичевой [ОР РГБ. Ф. 98. № 706]¹². В результате он представил книгу, в первой части которой были собраны фрагменты текстов, свидетельствующие, по его мнению, о справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества, а во второй представлено осмысление дискуссионных вопросов в авторских сочинениях с опорой на цитаты из первой части.

Геронтий скопировал текст сочинения о двуперстии, обозначив его, как и Герасим Фирсов, «Книга Максима Грека. Сказание, како знаменатися крестным знамением. Глава 40» [Там же. Л. 54–55 об.]. Во второй части книги Геронтий поместил «Ответ вкратце Соловецкого монастыря к востязующим нас...»¹³. В нем он ссылается на текст сочинения Максима Грека о двуперстии, называя его источником рукописные кодексы: «и в полной книге преподобнаго Максима Грека, глава 68, в малых же переводах – 40-я» [Бубнов, 2006, с. 145]. По-видимому, для Геронтия важно было подчеркнуть авторитетность сочинения, текст которого находится в рукописных кодексах¹⁴.

Явно под влиянием Сергия Геронтий поместил часть «Сказания о Максиме Философе, иже бысть инок Святыя горы Афонския, преславныя обители Ватопедския, пострада иже zde доволна лета за истинну» [ОР РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 72 об. –75 об.; ср.: Панченко, 2010, с. 509–511]. На поле помещена своеобразная аннотация содержания фрагмента: «В сем слове обрящеши о потреблении и оскудении греческих книг» [ОР РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 72 об.]. Действительно, Геронтий включил только фрагмент из «Сказания», в котором повествуется о том, что Максим Грек увидел на Руси большое количество греческих книг, какое он не встречал в Греции, поскольку, как далее объясняется, они были уничтожены после взятия Константинополя турками.

В «Книге» Геронтий опустил часть «Сказания» с изложением сведений биографического характера. По-видимому, он посчитал, что их он достаточно сообщил в названии, поэтому в пояснении следует сделать акцент на известии об «оскудении» на западе греческих книг. На этот текст он обратит внимание читателя при копировании, явно ориентируясь на составленный Сергием антиреформенный сборник фрагмен-

¹² Описание сборника, характеристику содержания см.: [Чумичева].

¹³ Сочинение опубликовано. См.: [Бубнов, 2006, с. 100–294].

¹⁴ О существовании этих рукописей в составе библиотеки Соловецкого монастыря и их характеристику см.: [Бубнов, 2006, с. 89–90].

тов из «Хождения старца Арсения Суханова в Палестину и ответы его противу патриарха и протчих греков» [ОР РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 169–194]. Комментируя на полях заявление патриарха о том, что русские книги не могут быть аргументом в споре об обрядах, а нужно ориентироваться на греческие, Геронтий пересказал «Сказание», указав лист сборника, на котором помещено начало копии этого текста.

Геронтий постоянно ссылался на авторитет Максима Грека, обсуждая дискуссионные вопросы. При этом он апеллировал к его или приписываемым ему сочинениям, приводя цитаты из них и обязательно указывая на первоисточник. Это особенно заметно в разделе «Списание известного ради ведания из книг Никона бывшего¹⁵ патриарха, которыя речи в коей книге у них переменены и с старыми книгами не согласуют» [Там же. Л. 75 об. –96]. Из названия-аннотации ясно, что речь идет о сопоставлении цитат из книг, изданных при Николе и до него. Вопрос о форме крестного знамения Геронтий осветил по-другому. Он кратко изложил точку зрения реформаторов, сославшись на издания: «В новых книгах, в Чиновнике и в Службниках, велено по преданию Малаксову и Дамаскину креститься нам щепотью, трема персты» [Там же. Л. 84]. Незаконность нововведения Геронтий обосновал, отослав читателей ко всем дониконовским печатным и рукописным книгам, в которых находятся соответствующие тексты:

А в старых во всех печатных и писменных книгах святии отцы Петр Дамаскин и Феодорит, епископ Кирский, и Мелетий, архиепископ Антиохийский, и блаженный и премудрый Максим Грек повелевают креститься двема персты, а не щепотью [Там же. Л. 84–84 об.]¹⁶.

Геронтий включил Максима Грека в ряд святых отцов. Далее помещена ссылка на авторитет Стоглава:

Да и в соборном Уложении царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и пресвященного митрополита Макария Московскаго и всея Руси и всего священного собора в книге, глаголемой Стоглав, во главе 31-й повелевает также креститься и пишет сице: Аще ли двема кто персты не благословляет, якоже и Христос или не воображает двема персты крестного знамения, да будет проклят. А был той собор в лето 7059 [Там же. Л. 84 об.].

Геронтий, сославшись на авторитет соборного постановления, воспроизвел только важную, по его мнению, цитату с проклятием тех, кто не признает двуперстия. Максим Грек в системе доказательства Геронтием справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества занял почетное место. Автор «Книги», возможно, ориенти-

¹⁵ Слово написано над строкой.

¹⁶ О статьях, в которых обосновывается двуперстное крестное знамение, см.: [Успенский, с. 313–315, 334].

руясь на обозначенную Герасимом Фирсовым дискуссию по поводу искренности и обоснованности изложенной афонцем точки зрения в сочинении о двуперстии, включил текст, который он назвал «Молитва разрешалная от Иерея патриарха Царя града иноку Максиму Греку по смерти его» [ОР РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 110–111]. Название-аннотация сообщало необходимые для читателя сведения, поскольку в скопированном тексте упоминалось только имя вселенского патриарха. На поле рукописи дано пояснение: «Выписано из полной книги Максима Грека. Глава 110. Феодосья Ноксинского дачи» [Там же. Л. 110]¹⁷. Речь идет о ставшей в России традиционной к этому времени разрешительной молитве¹⁸, которая приведена явно с целью повысить авторитет афонца.

Соловецкие иноки ввели в канон священных сочинение Максима Грека о двуперстии и начали защиту авторитета писателя, поскольку официальная церковь, естественно, высказала сомнение относительно отобранных защитниками старого обряда текстов афонца с целью отстоять свое право оставаться в оппозиции к новшествам. Следующие поколения старообрядцев, опираясь на проделанную ими работу, продолжили поиск материалов, которые призваны были повысить авторитет Максима Грека. Особенно показателен в этом плане сборник, составленный в 1711 г. [ОР РГБ. Ф. 98. № 383]. Он введен в научный оборот А. Т. Шашковым [Шашков, с. 40–47]. Рукопись имела поморское происхождение, была результатом обращения за помощью на Выг представителей дьяконова согласия в ожидании дискуссии с миссионерами официальной церкви.

О. К. Беляева, занимаясь анализом содержания этого сборника, обозначила его как «компиляцию о крестном знамении и аллилуде» и нашла еще семь его списков¹⁹. Этот сборник определен ею как подготовительные материалы к составлению «Дьяконовых ответов», основой которых стала одна из книг идеолога дьяконова согласия Тимофея Лысенина (вторая половина XVII – начало XVIII в.) [ОР РНБ. Ф. 588. № 1256. Стб. 573–874]. Выговцы переписали ее, дополнив новыми материалами. Этот сборник следует считать результатом коллективного творчества защитников старого обряда, в котором объединили усилия представители двух направлений старообрядчества – беспоповцев и признающих священство. В центре внимания составителей, естественно, был и вопрос о форме крестного знамения. Они решали его, опираясь на творческое наследие соловецких иноков.

Сборник открывает вводный раздел «Свидетельства от святых и чудотворных икон и от святых книг о сложении перстов, еже коими персты крестится православным христианином, тако и благослов-

¹⁷ Об этой рукописи из библиотеки Соловецкого монастыря см.: [Бубнов, 2006, с. 89–90].

¹⁸ Об этом см.: [Уханова].

¹⁹ Перечень списков см.: [Беляева, с. 10, прим. 3].

ляти архиереом и иереом» [ОР РГБ. Ф. 98. № 383. Л. 5–31 об.]²⁰. Его составители кратко изложили основные доводы в пользу двуперстия. Сначала перечислены изображения двуперстия на иконах с точным указанием мест их нахождения. При этом подчеркнута, что упомянута только часть свидетельств, а далее предполагается увеличить их количество и дать более подробное описание. Следовательно, составители рассматривали этот текст в рамках предварительного знакомства читателей с сутью дискуссионного вопроса. Завершает этот фрагмент вводной части сборника фраза «Подобне же и в книгах святых о том писано. Блаженный Феодорит, и святой Петр Дамаскин, и преподобный Максим Грек согласно пишут о сложении перстов со святыми чудотворными древними иконами, и исповедание их в тех словесех православно» [Там же. Л. 6].

После этого помещены тексты о двуперстии этих авторов в той последовательности, в какой они перечислены. Сочинение Максима Грека введено следующим образом:

Тем же святым согласно пишет о сложении перстов и преподобный Максим Грек, иже прислан в царствующий град Москву по желанию и прошению благовернаго и великаго князя Василия Иоанновича всеа России от отец всеа святых горы Афонския избранный философ и в премудрости, и в православии свидетелствованный учитель [Там же. Л. 7 об. –8].

Далее приведены сведения из биографии, интерпретированные в нужном ключе. «Заточение» объяснено клеветой, а акцент сделан на обращении вселенских патриархов к великому князю с просьбой «отпустить от заточения» Максима Грека. При этом читатель отсылался к текстам грамот этих патриархов в «полной книге» Максима Грека [Там же. Л. 8–8 об.]²¹. Только после указания на некоторые биографические сведения о Максиме Греке, которые явно должны подкрепить авторитет писателя, приведен текст сочинения Максима Грека о двуперстии из трактата Герасима Фирсова [Там же. Л. 8 об. –9 об.].

После этого следует комментарий составителей, в котором три автора представленных текстов названы святыми и утверждается, что они «апостольское и святых отец предание сказаща» [Там же. Л. 9 об.]. В качестве дополнительного аргумента составители ссылаются на текст 31-й главы «Стоглава», но в качестве основных свидетельств представлены сочинения о двуперстии «трех святых», из которых особого внимания и прославления удостоен Максим Грек. Затем приведен список святых, просиявших в России после собора 1551 г., пока двуперстие было общепринятой формой крестного знамения. Приведем его начало, поскольку вторым назван Максим Грек:

²⁰ В оглавлении название этого раздела начинается со слов «Достоверное свидетельство» [ОР РГБ. Ф. 98. № 383. Л. 1].

²¹ Тексты всех документов, на которые ссылается автор, включены во вторую часть сборника.

...И последи того свягата собора, бывшаго в лето 7059-е, мнози святїи в Росїи Богу угодиша и велицїи светилницїи в чудесех просїаша, юже суть сїи: Святїи Василий блаженнїи, преставїся в лето 7060; преподобнїи Максим Грек – в лето 7064... [ОР РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 10 об.].

С листа 33 начинается вторая часть сборника. В названии раздела дана краткая аннотация его содержания:

Собрание от Божественнаго Писания, древняго предания святых апостол и святых отец. Како подобает всякому православному христианину и священному чину слагати персты десныя руки и крестити лице свое крестообразно и истово, тако и благословляти. И коль велико Божественное таинство в сложении перстов... [Там же. Л. 33]²².

Как и было обещано во вводной части, в этом разделе составители собрали свидетельства в пользу двуперстия, которые они кратко охарактеризовали ранее.

Для изложения сути проблемы автор использовал «Трактат о двуперстии» Герасима Фирсова, значительный фрагмент которого включен в сборник практически дословно. При этом старообрядцы в XVIII в. постарались усилить аргументацию, предложенную соловецким иноком. Текст сочинения Максима Грека о двуперстии и сведения биографического характера приведены полностью с небольшими изменениями и дополнениями²³. Следом помещен раздел, обозначенный так: «Зде же и свидетелства многая предлагаем о том преподобном Максиме Греке, яко он избранный философ и православныя веры учитель, еще же и новый исповедник, имать же сице» [Там же. Л. 54–64].

Старообрядцам в начале XVIII в. удалось найти и скопировать, указав на источники, тексты, содержащие биографические сведения. В результате читателям были предоставлены сведения о личности и жизни Максима Грека в России. Подборка этих текстов вполне сопоставима с осуществленными в XIX–XX вв. научными публикациями сказаний и известий о Максиме Греке, благодаря которым до нас дошли сведения о фактах его биографии, не нашедших отражения в документальных источниках²⁴. Выговцы сумели обнаружить их и скопировать в начале XVIII в. с целью защитить и укрепить авторитет афонца.

Составители сборника 1711 г. [ОР РГБ. Ф. 98. № 383] собрали убедительные с их точки зрения свидетельства не только о статусе Максима Грека как православного «делателя и учителя», но и об уважительном отношении к афонцу вселенских патриархов, о почита-

²² Ср.: [ОР РНБ. Ф. 588. № 1256. Стб. 572].

²³ Об этом подробно см.: [Гурьянова, с. 120–129].

²⁴ Об этом подробно см.: [Гурьянова, с. 129–134].

нии его Русской церковью после смерти. Все это было осуществлено с целью включить в круг священных написанные им произведения. Итогом работы по освоению творческого наследия Максима Грека и укреплению его авторитета стало создание в 1721 г. старообрядческого Поморского кодекса его сочинений²⁵.

Противоречивое отношение в Русской церкви к творческому наследию философа, богослова Максима Грека не только не помешало, но и способствовало тому, что старообрядцы объявили писателя святым до его канонизации, а его произведения включили в канон священных текстов. Этот процесс нашел отражение в старообрядческих сборниках и авторских произведениях, обращение к которым позволило показать, каким образом в XVII – начале XVIII в. защитники старого обряда использовали сочинение афонца в качестве аргумента при отстаивании своего права оставаться в оппозиции к новшествам, укрепляя при этом авторитет писателя. Разумеется, в данном случае они решали обрядовый вопрос, но процесс включения произведения Максима Грека в канон священных текстов позволяет проследить, каким образом творческое наследие писателя актуализировалось и сохранялось для будущих поколений.

Библиографические ссылки

Беляева О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма / отв. ред. Д. С. Лихачев. Новосибирск : Наука, 1990. С. 9–16.

Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция / отв. ред. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина. СПб. : БАН, 1995. 435 с.

Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности : Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб. : Рус. симфония, 2006. 320 с.

Гурьянова Н. С. Максим Грек и старообрядцы // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7, ч. 2. Проблемы книжной культуры / отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 120–134.

Никольский Н. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам : (К истории северно-русской литературы XVII века). Пг. : Тип. М. А. Александрова, 1916. 233 с.

Панченко О. В. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» – сочинение Сергия Шелонина // Тр. Отд. древнерус. лит. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 547–592.

Панченко О. В. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. II. «Канон всем святым, иже в Велицей России в poste просиявшим» – сочинение Сергия Шелонина // Тр. Отд. древнерус. лит. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 453–480.

Панченко О. В. Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси : Книжное наследие Соловецкого монастыря / отв. ред. О. В. Панченко СПб. : Наука, 2010. С. 361–512.

²⁵ Об этом см.: [Шашков, с. 17–39].

Покровский Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1973. Вып. 14. С. 19–40.

ОР РГБ. Ф. 98 (Собр. Е. Е. Егорова). № 383. Сборник старообрядческий. 1711 г. 4°. 298 л. № 706. Сборник старообрядческий. 1660-е гг. 8°. 412 л.

ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собр. рукописной книги). Q.XVII.187. Сборник смешанного содержания. 4°. Вторая половина XVII в. 272 л.; Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). № 1256. Сборник старообрядческий. 1°. Последняя четверть XVIII в. 435 л.; Ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря). Сергей Шелонин. Сборник. 1° 1650-е гг. 670 л.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 560 с.

Синицына Н. В. Максим Грек в России. М. : Наука, 1977. 332 с.

Успенский Б. А. Крест и круг : Из истории христианской символики. М. : Языки славян. культур, 2006. 488 с.

Уханова Е. В. К вопросу о разрешительных грамотах восточных патриархов в России : новые экземпляры в фондах ГИМ // Каптеревские чтения. Вып. 8. М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2010. С. 91–114.

Чумичева О. В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Наука, 1992. С. 59–69.

Шашков А. Т. Избранные труды / отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Баско, 2013. 736 с.

References

Belyaeva, O. K. (1990). K voprosu ob ispol'zovanii pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti v staroobryadcheskikh polemicheskikh sochineniyakh pervoi chetverti XVIII v. [To the Question of Use of Ancient Russian Texts in the Old Believers' Polemical Writings of the First Quarter of the 18th Century]. In Likhachev, D. S. (Ed.). *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, Nauka, pp. 9–16.

Bubnov, N. Y. (2006). *Pamyatniki staroobryadcheskoi pis'mennosti. Sochineniya Gerontiya Solovetskogo. Istoriya o patriarkhe Nikone* [Old Believer Literature. Works of Geronty Solovetsky. Story of Patriarch Nikon]. St Petersburg, Russkaya simfoniya. 320 p.

Bubnov, N. Yu. (1995). *Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII v. Istochniki, tipy i evolyutsiya* [Old Believer Book in Russia in the Second Half of the 17th Century. Sources, Types, and Evolution]. St Petersburg, Biblioteka Akademii nauk. 435 p.

Chumicheva, O. V. (1992). "Otvét vkrattse Solovetskogo monastyrya" i Pyataya solovetskaya chelobitnaya (vzaimootnoshenie tekstov) [Short Answer of Solovetsky Monastery and the Fifth Solovetsky Petition (Correlation of the Texts)]. In Romodanovskaya, E. K. (Ed.). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noi Rossii*. Novosibirsk, Nauka, pp. 59–69.

Guryanova, N. S. (2009). Maksim Grek i staroobryadtsy [Maksim Grek and the Old Believers]. In Pochinskaya, I. V. (Ed.). *Ural'skii sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya*. Iss. 7. Part 2. Problemy knizhnoi kul'tury. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 120–134.

Nikol'skii, N. (1916). Sochineniya solovetskogo inoka Gerasima Firsova po neizdannym tekstam. (K istorii severno-russkoi literatury XVII veka) [Writings of the Solovetsky Monk Gerasim Firsov (Unpublished Texts). (To the History of North Russian Literature of the 17th Century)]. Petrograd, Tipografiya M. A. Aleksandrova. 233 p.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 98 (Sobranie E. E. Egorova). No. 383. *Sbornik staroobryadcheskii*. 1711. 4°. 298 p. No. 706. *Sbornik staroobryadcheskii*. 1660s. 8°. 412 p.

OR RNB [Manuscripts Department of the National Library of Russia]. Stock 550 (Osnovnoe sobranie rukopisnoi knigi). Q.XVII.187. *Sbornik smeshannogo sodержaniya*. 4°. 2nd Half 17th Century. 272 p.; Stock 588 (Sobranie M. P. Pogodina). No. 1256. *Sbornik staroobryadcheskii*. 1°. Last Quarter of the 18th Century. 435 p.; Stock 717 (Biblioteka Solovetskogo monastyrya). Sergii Shelonin. *Sbornik*. 1° 1650s. 670 p.

Panchenko, O. V. (2003). Iz arkhеograficheskikh razyskaniy v oblasti solovetskoй knizhnosti. I. “Pokhval’noe slovo russkim prepodobnym” – sochinenie Sergiya Shelonina [From the Archaeological Research in the Field of Solovetsky Booklore. I. “Word of Praise to the Russian Reverend” – Work of Sergiy Shelonin]. In *Trudy Otdela drevnerusskoй literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 53, pp. 547–592.

Panchenko, O. V. (2004). Iz arkhеograficheskikh razyskaniy v oblasti solovetskoй knizhnosti. II. “Kanon vsem svyatym, izhe v Velitse Rossii v poste prosiyavshim” – sochinenie Sergiya Shelonina [From the Archaeographic Research in the Field of Solovetsky Literature. II. “The Canon to All Saints Who Shone in Fasting in Great Russia” – Work of Sergiy Shelonin]. In *Trudy Otdela drevnerusskoй literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 56, pp. 453–480.

Panchenko, O. V. (2010). Khronograf Sergiya Shelonina [Chronograph by Sergiy Shelonin]. In Panchenko, O. V. (Ed.). *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyrya*. St Petersburg, Nauka, pp. 361–512.

Pokrovskii, N. N. (1973). O roli drevnikh rukopisnykh i staropechatnykh knig v skladyvanii sistemy avtoritetov staroobryadchestva [Role of Ancient Handwritten and Old Printed Books in the Formation of the System of Old Believer Authorities]. In *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal’nego Vostoka*. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN. Iss. 14, pp. 19–40.

Sapozhnikova, O. S. (2010). *Russkii knizhnik XVII v. Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatel’nost’* [Russian Writer of the 17th Century. Sergiy Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St Petersburg, Al’yans-Arkheo. 560 p.

Shashkov, A. T. (2013). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Yekaterinburg, Basko. 736 p.

Sinitysna, N. V. (1977). *Maksim Grek v Rossii* [Maksim Grek in Russia]. Moscow, Nauka. 332 p.

Ukhanova, E. V. (2010). K voprosu o razreshitel’nykh gramotakh vostochnykh patriarkhov v Rossii: novye ehkzemplyary v fondakh GIM [On the Issue of the Permits of the Eastern Patriarchs in Russia: New Copies in the Archives of State Historical Museum]. In *Kapterevskie chteniya*. Iss. 8, pp. 91–114.

Uspenskii, B. A. (2006). *Krest i krug. Iz istorii khristianskoй simvoliki* [Cross and Circle. From the History of Christian Symbolism]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. 488 p.

The article was submitted on 11.02.2023

DOI 10.15826/qr.2024.2.902
УДК 070.2:355.02 + 323(470)"1930/1932" + 94(470):303.425.6 + 002.1–628.25 +
+ 882.09

Мобилизация литературы: конструирование идеологии в советских «оборонных» журналах*

Вера Соловьева

Музей политической истории России,
Санкт-Петербург, Россия

Mobilisation of Literature: The Construction of Ideology in Soviet 'Defence' Magazines**

Vera Solovyeva

Museum of the Political History of Russia,
St Petersburg, Russia

At the turn of the 1930s, a cultural project of defence literature emerged in the USSR, implemented by the Literary Association of the Red Army and Navy (LOKAF) under the supervision of the Political Directorate of the Red Army. The circumstances in which the idea of defence literature emerged were closely related to the historical and political context of the era of the “Great Break”. The authors of defence literature were both professional and amateur writers from the literary circles of the Red Army and the Navy. In their texts, they interpreted and adapted the ideological attitudes of the authorities and offered what they considered to be “politically correct” models of behaviour. Critics of the LOKAF evaluated the ideological correctness of these texts and formulated programme guidelines for writers. The article deals with the works published in the pages of the *Zalp* and *LOKAF* magazines in 1930–1932 in order to reveal the connection of the chosen themes with the current domestic and foreign policy agenda, the writers’ reception of ideological clichés about the aggravation of internal and external contradictions, class struggle, wrecking, mastery of technology, etc.,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01902 «Милитаризация литературы как культурный проект межвоенной эпохи» в Институте русской литературы РАН (<https://rscf.ru/project/22-28-01902/>).

** Citation: Solovyeva, V. (2024). Mobilisation of Literature: The Construction of Ideology in Soviet 'Defence' Magazines. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 674–688. DOI 10.15826/qr.2024.2.902.

Цитирование: Solovyeva V. Mobilisation of Literature: The Construction of Ideology in Soviet 'Defence' Magazines // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 674–688. DOI 10.15826/qr.2024.2.902 / Соловьева В. Мобилизация литературы: конструирование идеологии в советских «оборонных» журналах // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 674–688. DOI 10.15826/qr.2024.2.902.

as well as the images of Red Army soldiers, party leaders, internal and external enemies created in the works.

Keywords: militarisation of literature, defence literature, Soviet ideology, “Great Break”, ЛОКАФ

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР сформировался культурный проект оборонной литературы, реализовывавшийся Литературным объединением Красной армии и флота (ЛОКАФ), которое курировалось Политическим управлением РККА. Обстоятельства возникновения идеи оборонной литературы тесно связаны с историко-политическим контекстом эпохи «великого перелома». Создателями произведений оборонной литературы были как профессиональные писатели, так и начинающие авторы из литературных кружков Красной армии и флота. В текстах они интерпретировали и адаптировали идеологические установки власти, предлагая «политически верные», на их взгляд, модели поведения. Критики ЛОКАФ давали свою оценку идеологической правильности этих текстов и формулировали программные установки для писателей. В статье рассматриваются произведения, опубликованные на страницах журналов «Залп» и «ЛОКАФ» в 1930–1932 гг., показываются связь тематики с актуальной внутри- и внешнеполитической повесткой, рецепция писателями идеологических установок об обострении внутренних и внешних противоречий, классовой борьбе, выявлении вредителей, овладении техникой и др., а также создававшиеся в произведениях образы красноармейцев, партийных руководителей, внутренних и внешних врагов.

Ключевые слова: милитаризация литературы, оборонная литература, советская идеология, «великий перелом», ЛОКАФ

Термин «оборонная литература» являлся самоназванием, использовавшимся писателями и критиками Литературного объединения Красной армии и флота (далее – ЛОКАФ) [Бурцева, Сысоева, с. 124]. Цель этого объединения, созданного 29 июля 1930 г., была обозначена в его уставе как «пропаганда в художественной форме задач обороны страны» [Сысоева, 2022а, с. 279]. Организация курировалась как по партийной линии (отделами печати), так и по военной (Политическим управлением РККА). До апреля 1932 г. ЛОКАФ находилось в поле влияния Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), занимавшей в рассматриваемый период доминирующие позиции в литературе. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О литературно-художественных организациях» 23 апреля 1932 г. РАПП была ликвидирована и был создан оргкомитет Союза советских писателей. ЛОКАФ было реорганизовано в оборонную комиссию оргкомитета и фактически сохранило свои функции, что свидетельствовало о востребованности данного проекта государством.

Институциональная деятельность ЛОКАФ рассматривается в работах Е. А. Добренко [Добренко, 1993; Добренко, 2000], З. С. Закружной, Д. С. Московской [Закружная, Московская]. Оборонная литература как культурный проект, являвшийся частью историко-литературного процесса и инструментом воздействия на читателя, исследуется, в частности, в работах А. В. Сысоевой и А. О. Бурцевой последних лет [см.: Сысоева 2022а; Бурцева, Сысоева].

Начальный период функционирования ЛОКАФ представляет интерес для изучения процесса становления государственной идеологии в литературе и восприятия советской действительности времени «великого перелома» современниками. Авторами оборонной литературы были не только профессиональные, но и начинающие писатели, которых выдвигали литературные кружки, действовавшие в красноармейских частях и на флоте. Их представления о событиях и героях можно считать наиболее близкими к целевой аудитории журнала – красноармейцам и краснофлотцам, а шире – советским гражданам и сочувствующим советской идеологии в мире. Реализация проекта осуществлялась в первую очередь на страницах журнала «Залп», издававшегося Ленинградско-Балтийским отделением ЛОКАФ (ЛБО ЛОКАФ), и «ЛОКАФ» московского отделения. «Залп» был в большей степени ориентирован на начинающих писателей, уделяя внимание современному состоянию армии и флота, в «ЛОКАФ» же преобладали опытные авторы, проявлявшие больше интереса к теме прошедшей Гражданской войны [см.: Сысоева, 2022а, с. 262].

Решающее влияние на тематику первых лет издания журналов (1930–1932) оказал историко-политический контекст, приведший к появлению оборонной литературы. Масштабность и одновременность изменений в различных сферах жизни общества на рубеже 1920–1930-х гг. (форсированная индустриализация и коллективизация с их глубокими социально-экономическими последствиями, утверждение единоличной власти И. В. Сталина, культурная революция, обострение международной обстановки) приводили к оценке этого периода современниками как «острого» и в то же время «великого». Один из организаторов ЛОКАФ Н. Г. Свирин¹ утверждал, что это был этап «чрезвычайного обострения внешних и внутренних противоречий, непосредственной угрозы нападения на СССР» [Свирин, 1931а, с. 16].

Тематика оборонной литературы не сводилась исключительно к военной. Красная армия рассматривалась идеологами ЛОКАФ, среди которых были уже упоминавшийся Н. Г. Свирин, а также Л. М. Субоцкий, В. В. Вишневецкий и другие, как социальный институт, через который проходило население СССР. Н. Г. Свирин предложил широкое понимание оборонного текста, заострив его воспитательную функцию:

¹ Н. Г. Свирин (1900–1938), критик, литературовед, ответственный секретарь Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ, член правления Ленинградского отделения Союза советских писателей, ученый секретарь ИРЛИ АН СССР. Репрессирован в 1937 г.

Всякое произведение, воспитывающее психику нового человека, бичующее старое рабское отношение к труду, медлительность, расхлябанность, несообразительность, отсутствие инициативы, «авось да небось», тем самым способствует воспитанию в трудящихся необходимых свойств современного бойца [Свирин, 1931а, с. 15].

Руководители ЛОКАФ также ставили перед авторами задачу изображения жизни Красной армии «на фоне социально-экономических процессов, происходящих в стране», а также показа «связи армии с населением» [Свирин, 1930а, с. 29].

Инициатива создания литературной организации, ориентированной на военную тематику, по-видимому, шла по линии военных изданий. В ходе конфликта 1929 г. с Китаем на Китайско-Восточной железной дороге к советским писателям, поэтам и журналистам обратилась редакция газеты «Тревога» (декабрь, 1929), издававшейся в Особой дальневосточной армии, с призывом дать «творчество лучших пролетарских писателей, которое должно вдохновить бойцов Особой к новым подвигам в отпоре китайской военщине и белогвардейским бандам» [Дадим боевой материал Красной армии, с. 1]. Идеологические ошибки художественных произведений о конфликте 1929 г. на КВЖД, отмечавшиеся критиками, можно считать одним из факторов создания специального литературного объединения. Н. Г. Свирин выделил такие проблемы текстов: военная неграмотность, ура-патриотизм, шапкозакидательство, претенциозность и неосознанное разглашение военной тайны [Свирин, 1931b, с. 48].

Организационное оформление в итоге получила инициатива создания писательского объединения, ориентированного на военную тематику, выдвинутая литературной группой «Красная звезда» при одноименной газете Ленинградского военного округа. В начале 1930 г. в качестве приложения к газете начали выходить литературно-художественные сборники красноармейского творчества под названием «Первый залп». После создания ЛОКАФ в июле 1930 г. сборник печатался как совместное издание газеты «Красная звезда» и ЛБО ЛОКАФ [Сысоева, 2022а, с. 261]. Преемником сборников в 1931 г. стал журнал «Залп».

Начало выхода издания практически совпало с началом кризисного периода во внутренней политике, известного как «великий перелом». 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов И. В. Сталин провозгласил переход к политике ликвидации кулачества как класса, далее закрепленный в постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) «Об ускорении темпов проведения коллективизации» (5 января 1930 г.) и «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств» (30 января 1930 г.). Начало реализации постановлений привело к массовым восстаниям и волнениям в деревне зимой-весной 1930 г. [Хлевнюк, с. 7]. Эти события имели непосредственное отношение к Красной армии, которая оставалась преимущественно крестьянской, и любые волнения в ней представляли опасность для власти.

Внешнеполитическая ситуация также способствовала росту «оборонных настроений» и ожидания войны, практически не ослабевавших со времен «военной тревоги» 1927 г. Информация о закрытии церквей, которое сопутствовало коллективизации, и о преследованиях священников вызвала резкую реакцию в Европе и США. В феврале 1930 г. папа римский Пий XI огласил призыв к «крестовому походу молитв» в защиту верующих в СССР. В США развернулась кампания против «советского демпинга», были временно введены ограничительные барьеры против советского экспорта. Помимо этого, советское правительство обвиняли в применении принудительного труда и продаже товаров на международных рынках по ценам ниже себестоимости, бойкот советских товаров применялся со стороны ряда стран [см. об этом, например: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, с. 195].

В этой обстановке в советской печати в январе-феврале 1930 г. вышел ряд статей, посвященных идеологической работе в Красной армии и среди населения, которая предполагала «систематическую популяризацию решений Коминтерна и ВКП(б) по военным вопросам», «быстрейшую ликвидацию военной неграмотности» и «ознакомление рабочих и крестьянских масс с бытом и жизнью Красной армии» [Задачи обороны страны – в центр внимания, с. 1]. Недооценка военной опасности расценивалась как проявление «правого уклона», политически разгромленного ранее на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б).

Ключевую роль в этой миссии должны были сыграть писатели. 24 февраля 1930 г. «Литературная газета» писала о том, что советская литература хорошо отражает Гражданскую войну, но недостаточно описывает «ту кропотливую работу, которую ведет Красная армия в мирном строительстве». Давалась установка на «тесную спайку» писателей с «красной казармой», в которой они должны получить ценный материал для отображения в своих произведениях жизни и быта РККА [Писатели крепят оборону СССР, с. 3]. Поэт Илья Сельвинский употребил термин «бойкор» (корреспондент военно-боевой обстановки) и определил его компетенции:

...«Бойкор» должен знать красноармейский быт, организацию боевой единицы армии, атмосферу ее повседневных интересов. Поэтому он должен быть уже сейчас прикреплен к той или иной воинской части [Ближе к Красной армии, с. 1].

В дальнейшем эта идея нашла воплощение в организованных ЛОКАФ военизаторских курсах для писателей и отправке их на маневры [см.: Сысоева, 2019, с. 159–165; Сысоева, 2020]. Масштабное видение проекта, предполагавшего соединить в себе профессиональных писателей через их обучение «военной грамотности» и «поэтов и прозаиков в серых шинелях» через обучение писательскому мастерству было сформулировано главным идеологом будущего ЛОКАФ Н. Г. Свириным в «первой очереди» «Первого залпа» [Свирин, 1930b].

Ситуация, в которой объединение начало официально функционировать 29 июля 1930 г., также была политически насыщенной. В конце июня 1930 г. Красной армией был нанесен удар по басмачам на территории пограничного Северного Афганистана. В июне в Балтийском море прошли маневры английского и латвийско-эстонского флотов. Оба события происходили во время XVI съезда ВКП(б), в решениях которого была закреплена мысль об «обострении противоречий между СССР и окружающим капиталистическим миром», указывалось на необходимость «еще большей мобилизации всех сил рабочего класса и бедняцко-среднеяцких масс крестьянства на укрепление обороноспособности СССР» [Шестнадцатый съезд ВКП(б), с. 123–124]. Там же И. В. Сталин произнес ставшую крылатой фразу «ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» [Сталин, т. 12, с. 261].

Раскрытие темы коллективизации и раскулачивания шло по двум направлениям: основным проводником политики коллективизации становится красноармеец, процессу коллективизации мешает классовый враг, который уничтожается в процессе бескомпромиссного столкновения. Реввоенсовет СССР принял постановление «Об участии Красной армии в колхозном строительстве» (30 января, 1930), согласно которому демобилизованные красноармейцы должны были

...руководить колхозами, отдельными отраслями работы в них, обслуживать тракторы, комбайны, сложные сельскохозяйственные машины и быть передовыми борцами за превращение простейших колхозов в высшие формы [цит. по: Тархова, с. 228].

Весной 1930 г. вышел ряд постановлений по экономическому и политическому укреплению пограничной полосы, в том числе по организации колхозов с привлечением в них демобилизованных красноармейцев [Тархова, с. 237]. В рассказе В. Петрова «По людям коммуны» («Залп», 1930, № 1) описывается поездка красноармейцев на экскурсию в приграничный колхоз в 12 км от Эстонии, и «если не сегодня, то завтра» там должны услышать отголоски колхозной гармошки и пения [Петров]. Подобная же ситуация описывается в рассказе «Коммуна карельских красноармейцев», по сюжету которого в 70 км от Финляндии «дейательно работают химический кружок и стрелковый» [Вьюгин].

Особое внимание политуправление РККА уделяло работе с «письмами из деревни» по поводу коллективизации. В рассказе «Первый договор» В. Ганибесова [Ганибесов, 1931b] один взвод красноармейцев вызывает на социалистическое соревнование два других, давая обязательство «организовать красноармейскую коммуну», «прорабатывать разъяснения родным через письма», «вовлекать свои хозяйства в деревенские колхозы». Как отмечает Н. С. Тархова, практика написания коллективных писем из армии в деревни действительно применялась в этот период [Тархова, с. 235].

В рассказе П. Головача «Кара» («ЛОКАФ», 1931, № 7) красноармеец получает письмо из дома о том, что его семью заставляют вступать в колхоз, отобрали последнюю корову и задавили налогами. Лекция на данную тему в части не развеивает его сомнений, и он отправляется домой «проверить факты». Письмо оказывается подложным, герой возвращается в часть, но товарищи, охладев к нему из-за его дезертирского поступка, решают не пускать его обратно. Несмотря на осознание героем своей вины, отношение к нему не смягчается. После разговора с политруком судьба красноармейца должна решиться на общем собрании [Головач]. Вероятно, посылом рассказа можно считать установку не верить всему, что сообщают из деревень, и предостережение от нарушения воинских обязанностей.

Как правило, оценка поступка дается через слова партийного работника или командира, но окончательная оценка остается за собранием/судом/трибуналом. В рассказе Б. Михалевича «Когда позовет Реввоенсовет» красноармеец Кучерявый разоблачает красноармейца Лугина в том, что тот сын кулака, «купивший карьеру за полтора рубля», потраченные на изменение фамилии в ЗАГСе. Несмотря на уверения Лугина, что он не такой, как отец, Кучерявый все же обнаруживает его «подлинную сущность» и получает благодарность в приказе. Финальная его фраза – «я должен был начать эту работу. Кончит ее революционный трибунал» [Михалевич].

Критики предостерегали авторов от занятия «незаинтересованной» позиции по отношению к изображаемому в произведениях «классовому врагу» [Мессер, с. 152], примером чему служит рассказ С. Михайлова «Выход из боя» (автор оставлял финал открытым и предлагал читателям самим решить, что сделать с обнаруженным врагом) [см.: Сысоева, 2022а, с. 270–274]. В то же время требовалось показывать сложность процесса перевоспитания, избегать противопоставления «абсолютно плохого абсолютно хорошему», чтобы сделать произведение более достоверным и убедительным [Мессер, с. 146–155].

Напряженность внешнеполитической ситуации в «Залпе» 1930 г. отражена в гораздо меньшей степени, чем внутренняя политика. Заметно внимание к центральноазиатской тематике, обращаясь к которой, писатели стремились показать как внешнеполитический аспект², так и культурно-политическую роль красноармейских подразделений в республиках. Главной идеологической направленностью этих рассказов было создание положительного образа красноармейца, который уважительно относится к местной культуре и помогает простым людям. Кульминационным моментом в рассказах становится провокация со стороны «классовых врагов», сообщающих об осквернении красноармейцами культурных или религиозных традиций

² В начале 1930-х гг. СССР провел ряд операций по борьбе с басмачеством в Центральной Азии. В 1931 г. специальный отряд ОГПУ арестовал лидера басмачей Ибрагим-бека, пользовавшегося финансовой поддержкой бывшего эмира Бухарского, во время очередного его вторжения на советскую территорию.

(например, приготовление пищи из свинины), которая разоблачается [Белов-Карельский, 1930а; Белов-Карельский, 1930b]. Обязательно показывается связь «контрреволюционных» слоев с англичанами («на ружьях – английские марки... баи встречают их, дарят подарки») [Щербаков]. Несмотря на восстановление дипломатических отношений с Великобританией в конце 1929 г., «англичане» по-прежнему оставались главным соперником в данном регионе. Ярким примером отклика на внешнеполитическую повестку является пьеса В. Иванова «Компромисс Наиб-хана», действие которой происходит в приграничном с Афганистаном колхозе, готовящемся к нападению басмачей. Одним из главных антагонистов пьесы является полковник Лоуренс (отсылка на полковника Лоуренса Аравийского) [Иванов].

Крупным политическим событием, связавшим внутри- и внешнеполитическую повестку, стал проходивший в СССР в ноябре-декабре 1930 г. судебный процесс над научно-технической интеллигенцией по «делу Промпартии», широко освещавшийся в прессе и ставший наиболее известным из череды подобных процессов того времени, направленных на поиск «вредителей». Центральным пунктом обвинений было положение о подготовке интервенции против СССР силами остатков белых армий и внутренних антисоветских организаций при поддержке Франции, Англии, Польши, Румынии и прибалтийских государств [Хлевнюк, с. 56]. В качестве сроков указывались 1930 г. (лето), в крайнем случае – 1931 г. [Обвинительное заключение]. Ко времени процесса относится статья М. Горького «Если враг не сдается – его истребляют», служившая ориентиром для писателей. В ней говорилось о том, что СССР живет «в условиях непрерывной войны с буржуазией всего мира», а внутри страны «против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями» [Горький].

В 1931 г. социально-экономический кризис в СССР углубился. Отмечается, что для его ослабления Политбюро пошло на «миниреформы» в промышленности, и в том числе допустило частичную амнистию научно-технических специалистов, осужденных в ходе политических кампаний 1928–1930 гг. [Хлевнюк, с. 89–90, 117]. В речи 23 июня 1931 г. И. В. Сталин декларировал необходимость проявления «внимания и заботы» к старым техническим кадрам [Сталин, т. 13, с. 51–80]. Таким образом, за короткий период было продемонстрировано различное отношение власти к научно-технической интеллигенции, что вызвало определенные сложности у писателей и критиков.

Примером подобного затруднения является одно из наиболее обсуждавшихся произведений оборонной литературы – частично опубликованная в журнале «Залп» повесть А. М. Дмитриева «Есть – вести корабль». Работа над повестью, вышедшей в 1931 г., велась в 1929–1930 гг. и явно находилась под влиянием проходившего осенью-зимой 1930 г. процесса над Промпартией и сообщений про готовившуюся интервенцию [см.: Сысоева, 2022b]. В повести описывается судьба

командира дивизиона и корабля Льва-Карачевского, который скрыл свою причастность к белому движению, а потом был завербован знакомым с целью совершить провокацию во время учений. Тем самым показывалась уязвимость старых специалистов, через которых мог действовать враг, что отсылало читателей к процессу над Промпартией. Однако к моменту выхода повести контекст борьбы с вредительством сменился, поэтому ряд оценок, данных Дмитриевым персонажам своей повести, был оспорен критиками ЛОКАФ, после чего автор внес правки в текст. Получилось, что злободневность и актуальность повести имели и обратный эффект – многие читатели и критики посчитали, что книга Дмитриева устарела на момент ее выхода в 1931 г., и требовали большего соответствия реальным фактам [Сысоева, 2022b, с. 200–201].

В 1931 г. становится заметным более активное цитирование И. В. Сталина в литературной периодике. Так, 4 февраля 1931 г. в речи на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин произнес лозунг об овладении техникой, необходимом для преодоления отставания от передовых стран [Сталин, т. 13, с. 29–42]. 9 марта 1931 г. «Литературная газета» применила это высказывание к писательскому труду, заявив о необходимости «ликвидировать техническую отсталость советской литературы» [Литература и техника, с. 1]. Наиболее ярко новая тенденция прослеживается в публикации «Литературной газеты» от 20 августа 1931 г., где говорится о том, что «каждый раздел, каждый абзац речи Сталина – благодатная тема для литературного произведения» [Речь тов. Сталина и задачи РАПП].

Одним из примеров воплощения лозунга руководителя страны в литературном сюжете является «Рассказ об “ударнике”» М. Гребенщикова, где главным действующим лицом является «дореволюционный» паровоз, который поступает на службу в Красную армию [Гребенщиков]. Подчеркивается бережное отношение красноармейцев к технике прошлого, что опять же является отсылкой к уже упомянутой речи Сталина 4 февраля 1931 г. Машинист поезда – бывший меньшевик, который встал на сторону большевиков, когда понял, кто «на самом деле» защищает его интересы (рассказ был написан до процесса над «Союзным бюро меньшевиков», который начался в марте 1931 г.).

В 1931 г. на страницах оборонных журналов увеличилось количество статей о внешнем окружении СССР, в особенности о приграничных Финляндии, Польше и Латвии. Произведения о Польше в основном относятся к событиям 1920-х гг. [см., например: Лапинский; Азаров; Лизюков], однако их появление именно во внешнеполитическом контексте 1931 г. не случайно в связи с ожиданием «польской угрозы» [см., например: Долой польский фашизм!]. В рассказе «Коммуна карельских красноармейцев» в любой момент ожидается «провокация» со стороны Финляндии [Вьюгин]. Характерно, что отношение к будущему конфликту описывается в них именно как противостояние «иностранному капиталу», а не финскому народу, что было вполне в русле иде-

ологии «пролетарского интернационализма» («Над Свинхувудовым походом, под Маннергеймовым мечом, с озерным трудовым народом союз наш будет заключен») [Оксеннов, с. 5]. Латвии посвящена «Юбилейная поэма» А. Гитовича, ставшая откликом на учения латвийского флота на Балтике. Автор намеренно проводит историческую параллель с событиями 1921 г., когда поднятый Латвией со дна немецкий тральщик стал «единственным кораблем латвийского флота», подчеркивая его «незначительность», «ржавчину» [Гитович].

В рассказе «Мильён» В. Ганибесов показывает читателям, что иностранцы могут оказаться и друзьями. В воинскую часть приходит письмо на французском языке (даже определение языка вызывает трудности, пока не находят знатока среди «краткосрочников»: «там ведь есть такие, которые до женихов учились всю жизнь»). В результате выясняется, что письмо – не от «буржуев и не от фашистов», а от «коммунистов и комсомольцев Франции», которые говорят о готовности выступить в защиту СССР [Ганибесов, 1931а] (рассказ, по-видимому, отсылает к кампании в защиту СССР, начатой в советской прессе, «Литературная газета» регулярно обращалась к писателям мира с вопросом о поддержке СССР и выступлениях против империализма). «Воспитание пролетарского интернационализма» как идеологическая задача описано в повести «Англичанин», главный герой которой преодолевает предубеждение относительно англичан в целом, сложившееся у него еще в годы Гражданской войны в результате личного травмирующего опыта [Соболев].

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О литературно-художественных организациях» показало осуществление перелома в отношении власти к управлению культурой. Ликвидация РАПП, которая была воспринята многими современниками с облегчением, поскольку устраняла наиболее одиозного «контролера» в сфере культуры, на деле означала создание системы более жесткого контроля со стороны государства. В октябре 1932 г. III итоговый пленум ЛОКАФ постановил «распустить все локафовские организации и просить оргкомитет Союза советских писателей СССР организовать в структуре оргкомитета военную комиссию с передачей ей функций ЛОКАФ и с учреждением в местных отделениях оргкомитета аналогичных военных комиссий» [цит. по: Закружная, Московская, с. 16].

Локафовцы незамедлительно выступили с критикой руководства РАПП за недостаточное внимание к оборонной литературе, фактически обвиняя его в «недооценке военной опасности» [По-новому работать, с. 120]. Подводя итог двух лет существования ЛОКАФ, писатели и критики, с одной стороны, говорили о том, что они смогли «мобилизовать внимание советской литературы вокруг вопросов обороны» [Два года работы, с. 1]. Одновременно они признавали отсутствие художественных произведений, которые «были бы достойны Красной армии, вступившей в реконструктивный период» [Рейзин, с. 9] (лозунг создания «Магнитостроев литературы» оказался малоосуществимым).

«Оборонные» писатели пытались создавать сюжеты, опираясь на актуальные события и политические лозунги. Разумеется, реакция эта не всегда была мгновенной, порой произведение устаревало уже на момент выхода. «Правильную», опережающую скорость идеологической реакции на политические события показывает К. Вихров в рассказе «В поисках следов»:

...Меньшевико-интервенты еще сидят в кротких позах на скамье подсудимых... прокурор республики еще изучает четкую и систематическую, как каталог, интервенционистскую практику меньшевиков, а товарищ Кораблев уже утверждает на стенке в виде соответствующих лозунгов приговор бойцов [Вихров].

В реальности, однако, стремление к политической актуальности часто приводило к противоречиям, отмечавшимся критиками и читателями.

В то же время критики могли признать устаревшими и неактуальными рассматривавшиеся проблемы. Критикуя роман С. Михайлова «Бригадная роща», Н. Г. Свириин указывает на то, что автор поднимает неактуальные темы (денщикество, карьеризм, «затирание» героя Гражданской войны) вместо того, чтобы писать о соцсоревновании, ударничестве, походе за технику, коллективизации сельского хозяйства, ликвидации кулачества и т. п. [Свириин, 1933, с. 107]. Подобная же оценка относилась к произведению «Приговор» А. Исбаха, поскольку проблема рукоприкладства не считалась критиками реально существующей в Красной армии.

Задача, которую ставили идеологи ЛОКАФ перед писателями, действительно была сложной: создать идеологически верное произведение, которое было бы интересным и увлекательным для читателя. Еще в 1930 г., говоря о задачах оборонной литературы, Н. Г. Свириин называл одним из недостатков литературы о современности то, что «мораль в большинстве случаев выпирает из рассказа, как стальная пружина из дивана» [Свириин, 1930b, с. 2]. Критик отмечал слишком прямолинейное применение политических лозунгов в художественных произведениях, которые давались в форме речи командира или комиссара:

Вот пример: рота прошла 38 километров при одном отставшем. Один из героев замечает по этому поводу: «Хороший итог и для роты, и для всего полка. Так мы по этим пыльным дорогам выполняем волю шестнадцатого партийного съезда». Мысль увязать повседневную учебу армии с выполнением решений партии – верная и глубокая, но сделано это топорно, неумело [Свириин, 1933, с. 88].

Прямолинейность и отсутствие глубины оставались проблемой многих начинающих авторов, однако в данном случае можно говорить о вероятной близости описываемых писателями поступков героев с их

представлениями о должном (или о том, каким должен быть идеальный герой). Наряду с показом сложности процессов воспитания нового человека от авторов требовалось и определение четкой позиции по рассматриваемым проблемам. «Верная» идеологическая позиция, как правило, транслировалась в произведениях через образы партийных работников.

В начале 1930-х гг. на страницах оборонных журналов явно шло формирование представления о том, каким должен быть идеологически правильный текст, но все-таки присутствовало некоторое разнообразие интерпретаций. Авторы и критики вели совместную работу по «совершенствованию» сюжетов и проработке художественных образов, опираясь на свое понимание идеологических установок.

Публикации оборонных писателей являются отражением не только культурного проекта милитаризации литературы, но и проекта воспитания нового человека. Он имел практическое значение для писателей, которые в преддверии возможной будущей войны должны были обрести опыт создания «идеологически верных» и «военно-грамотных» произведений, обращаясь прежде всего к событиям и образам Красной армии и флота.

Библиографические ссылки

- Азаров В.* Из поэмы о границах // Залп. 1931. № 6. С. 30.
Белов-Карельский К. Аскеры // Залп. 1930а. № 4. С. 27–30.
Белов-Карельский К. На горной тропе // Залп. 1930б. № 3. С. 41–44.
 Ближе к Красной армии // Лит. газ. 1930. № 12 (49). 24 марта. С. 1.
Бурцева А. О., Сысоева А. В. Милитаризация чтения: портрет читателя журналов «Знамя» и «Залп» по анкетам 1933 и 1934 гг. // Новый филол. вестн. 2023. № 1 (64). С. 122–132. DOI 10.54770/20729316-2023-1-122.
Вихров К. В поисках следов // Залп. 1931. № 5. С. 40–42.
Вьюгин В. Коммуна карельских красноармейцев // ЛОКАФ³. 1931. № 9. С. 68–75.
Ганибесов В. Мильён // Залп. 1931а. № 10. С. 25–29.
Ганибесов В. Первый договор // Залп. 1931б. № 1. С. 2–8.
Гитович А. Юбилейная поэма // Залп. 1931. № 8. С. 9.
Головач П. Кара // ЛОКАФ. 1931. № 7. С. 82–88.
Горький М. Если враг не сдается – его истребляют // Правда. 1930. № 314. 15 нояб.
Гребенщиков М. Рассказ об «ударнике» // ЛОКАФ. 1932. № 2. С. 126–130.
 Дадим боевой материал Красной армии! // Лит. газ. 1929. № 34. 9 дек. С. 1.
 Два года работы // Залп. 1932. № 11–12. С. 1–7.
Добренко Е. А. Метафора власти : Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Sagner, 1993. 405 с.
Добренко Е. А. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон: сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 225–241.
 Долой польский фашизм! // Лит. газ. 1939. № 5 (104). 24 янв. С. 1.
 Задачи обороны страны – в центр внимания // Правда. 1930. 12 янв. С. 1.
Закружная З. С., Московская Д. С. Институциональное изменение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 12–18. DOI 10.26710/fk18-02-02.
Иванов В. Компромисс Наиб-хана // ЛОКАФ. 1931. № 2. С. 3–46.
Латинский В. Гибель разезда // Залп. 1931. № 6. С. 25–29.
Лизюков А. На Варшаву // Залп. 1931. № 11. С. 33–42.

³ Здесь и далее – официальное название журнала, издававшегося Московским отделением Литературного объединения Красной армии и флота.

- Литература и техника // Лит. газ. 1931. № 13 (112). 9 марта С. 1.
Мессер Р. Творческие кадры ЛОКАФ // ЛОКАФ. 1931. № 3. С. 146–155.
Михалевич Б. Когда позовет Реввоенсовет // Залп. 1930. № 3. С. 5–11.
 Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия»). 11 ноября 1930 г. // Istmat : [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/61151> (дата обращения: 25.05.2023).
Оксеннов И. Финляндия // Залп. 1931. № 7. С. 5.
Петров В. По людям коммуны // Залп. 1930. № 4. С. 66–73.
 Писатели крепят оборону СССР // Лит. газ. 1930. № 8 (45). 24 февр. С. 3.
 Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг. : сб. док. / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М. : Россия молодая, 1996. 303 с.
 По-новому работать // ЛОКАФ. 1932. № 5. С. 119–121.
Рейзин С. За качество, за темпы // ЛОКАФ. 1932. № 1. С. 6–12.
 Речь тов. Сталина и задачи РАПП // Лит. газ. 1931. № 36 (73). 20 авг. С. 1.
Свирин Н. Бригадная роща С. Михайлова // Залп. 1930а. № 2. С. 29–31.
Свирин Н. Нетронутая целина // Залп. 1930б. № 1. С. 3–4.
Свирин Н. Г. Литература и война : сб. критич. ст. Л. : ГИХЛ, 1931а. 150 с.
Свирин Н. Г. Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931б. № 2. С. 46–52.
Свирин Н. Г. Мобилизация литературы. Л. : ЛЕНГИХЛ, 1933. 174 с.
Соболев Л. Англичанин // Залп. 1932. № 1. С. 3–13.
Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1946–1951. Т. 12. С. 235–373.
Сталин И. В. О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1946–1951. Т. 13. С. 29–42.
Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства : речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1946–1951. Т. 13. С. 51–80.
Сысоева А. В. Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями // Рус. лит. 2019. № 4. С. 159–165. DOI 10.31860/0131-6095-2019-4-159-165.
Сысоева А. В. Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы // Новое лит. обозрение. 2020. № 4. С. 123–134.
Сысоева А. В. Журнал «Залп» как инструмент поддержания и формирования оборонной литературы // Studia Litterarum. 2022a. Т. 7, № 3. С. 258–279. DOI 10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279.
Сысоева А. В. Через политические обвинения к социалистическому реализму: обсуждение повести А. М. Дмитриева «Есть – вести корабль» // Slověne. 2022b. Т. 11, № 2. С. 187–208. DOI 10.31168/2305-6754.2022.11.2.9.
Тархова Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М. : РОССПЭН : Фонд Б. Н. Ельцина, 2010. 375 с.
Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010. 480 с.
 Шестнадцатый съезд ВКП(б). 26 июня – 13 июля 1930 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. М. : Изд-во полит. лит., 1983–1990. Т. 5. 1929–1932. С. 120–183.
Щербаков Н. Капитан Бесташиви // Залп. 1930. № 4. С. 60–61.

References

- Azarov, V. (1931). Iz poemu o granitsakh [From the Poem about the Borders]. In *Zalp*. No. 6, p. 30.
 Belov-Karel'skii, K. (1930a). Askery [Turkish Soldiers]. In *Zalp*. No. 4, pp. 27–30.
 Belov-Karel'skii, K. (1930b). Na gornoi trope [On the Mountain Path]. In *Zalp*. No. 3, pp. 41–44.
 Blizhe k Krasnoi armii [Closer to the Red Army]. (1930). In *Literaturnaya gazeta*. No. 12 (49). March 24, p. 1.

Burtseva, A. O., Sysoeva, A. V. (2023). Militarizatsiya chteniya: portret chitatelya zhurnalov “Znamya” i “Zalp” po anketam 1933 i 1934 gg. [Militarisation of Reading: The Portrait of the Reader of *Znamya* and *Zalp* Magazines in Questionnaires of 1933 and 1934]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 1 (64), pp. 122–132. DOI 10.54770/20729316-2023-1-122.

Dadim boevoi material Krasnoi armii! [Let’s Give War Material to the Red Army!]. (1929). In *Literaturnaya gazeta*. No. 34. Dec. 9, p. 1.

Dobrenko, E. A. (1993). *Metafora vlasti: Literatura stalinskoi epokhi v istoricheskom osveshchenii* [Metaphor of Power: Literature of the Stalin Era through the Prism of History]. Munich, Sagner. 405 p.

Dobrenko, E. A. (2000). Oboronnaya literatura i sotsrealizm: LOKAF [Defence Literature and Socialist Realism: LOKAF]. In Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei*. St Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 225–241.

Doloi pol’skii fashizm! [Down with Polish Fascism]. (1939). In *Literaturnaya gazeta*. No. 5 (104). Jan. 24, p. 1.

Dva goda raboty [Two Years of Work]. (1932). In *Zalp*. No. 11–12, pp. 1–7.

Ganibesov, V. (1931a). Mil’en [Million]. In *Zalp*. No. 10, pp. 25–29.

Ganibesov, V. (1931b). Pervyi dogovor [The First Contract]. In *Zalp*. No. 1, pp. 2–8.

Gitovich, A. (1931). Yubileinaya poema [Anniversary Poem]. In *Zalp*. No. 8, p. 9.

Golovach, P. (1931). Kara [Punishment]. In *LOKAF*. No. 7, pp. 82–88.

Gor’kii, M. (1930). Esli vrag ne sdaetsya – ego istreblyayut [If the Enemy Does Not Surrender, He Must Be Exterminated]. In *Pravda*. No. 314. Nov. 15.

Grebenshchikov, M. (1932). Rasskaz ob “udarnike” [A Story about the “Udarnik”]. In *LOKAF*. No. 2, pp. 126–130.

Ivanov, V. (1931). Kompromiss Naib-khana [Naib-Khan’s Compromise]. In *LOKAF*. No. 2, pp. 3–46.

Khlevnyuk, O. V. (2010). *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [The Master. Stalin and the Establishment of Stalinist Dictatorship]. Moscow, ROSSPEN. 480 p.

Kosheleva, L., Lelchuk, V., Naumov, V., Naumov, O., Rogovaya, L., Khlevnyuk, O. (Eds.). (1996). *Pis’ma I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925–1936. Sbornik dokumentov* [J. Stalin’s Letters to V. Molotov. Collection of Documents]. Moscow, Rossiya molodaya. 303 p.

Lapinskii, V. (1931). Gibel’ raz’ezda [Death of the Patrol]. In *Zalp*. No. 6, pp. 25–29.

Literatura i tekhnika [Literature and Technology]. (1931). In *Literaturnaya gazeta*. No. 13 (112). March 9, p. 1.

Lizyukov, A. (1931). Na Varshavu [To Warsaw]. In *Zalp*. No. 11, pp. 33–42.

Messer, R. (1931). Tvorcheskii kadry LOKAF [LOKAF’s Creative Staff]. In *LOKAF*. No. 3, pp. 146–155.

Mikhalevich, B. (1930). Kogda pozovet Revvoensovet [When the Revolutionary Military Council Calls]. In *Zalp*. No. 3, pp. 5–11.

Obvinitel’noe zaklyuchenie po delu kontrevolyutsionnoi organizatsii “Soyuza inzhenernykh organizatsii” (“Promyshlennaya partiya”) [The Indictment in the Case of the Counter-Revolutionary Organisation “Union of Engineering Organisations” (“Industrial Party”)]. (1930). In *Istmat* [website]. URL: <https://istmat.org/node/61151> (accessed: 25.05.2023).

Oksennov, I. (1931). Finlyandiya [Finland]. In *Zalp*. No. 7, p. 5.

Petrov, V. (1930). Po lyudyam kommuny [Around the People of the Commune]. In *Zalp*. No. 4, pp. 66–73.

Pisateli krepyat oboronu SSSR [Writers Strengthen the Defence of the USSR]. (1930). In *Literaturnaya gazeta*. No. 8 (45). Febr. 24, p. 3.

Po-novomu rabotat’ [Work in a New Way]. (1932). In *LOKAF*. No. 5, pp. 119–121.

Rech’ tov. Stalina i zadachi RAPP [Comrade Stalin’s Speech and the Tasks of the Russian Association of Proletarian Writers]. (1931). In *Literaturnaya gazeta*. No. 36 (73). Aug. 20, p. 1.

Reizin, S. (1932). Za kachestvo, za tempy [For Quality, for Speed]. In *LOKAF*. No. 1, pp. 6–12.

Shcherbakov, N. (1930). Kapitan Bestashvili [Captain Bestashvili]. In *Zalp*. No. 4, pp. 60–61.

Shestnadsatyi s’ezd VKP(b). 26 iyunya – 13 iyulya 1930 g. [Sixteenth Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). June 26 – July 13, 1930]. (1984). In *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s’ezdov, konferentsii i plenumov TsK v 16 t.* Moscow, Izdatel’stvo politicheskoi literatury. Vol. 5. 1929–1932, pp. 120–183.

- Sobolev, L. (1932). Anglichanin [Englishman]. In *Zalp*. No. 1, pp. 3–13.
- Stalin, J. V. (1946–1951). Novaya obstanovka – novye zadachi khozyaistvennogo stroitel'stva. Rech' na soveshchanii khozyaistvennikov 23 iyunya 1931 goda [New Situation – New Tasks of Economic Development. Speech at a Conference of Economic Executives, June 23, 1931]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 13, pp. 51–80.
- Stalin, J. V. (1946–1951). O zadachakh khozyaistvennikov. Rech' na Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoi promyshlennosti 4 fevralya 1931 g. [On the Tasks of Economic Executives. Speech at the First All-Union Conference of Socialist Industry Workers, February 4, 1931]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 13, pp. 29–42.
- Stalin, J. V. (1946–1951). Politicheskii otchet Tsentral'nogo Komiteta XVI s"ezdu VKP(b) 27 iyunya 1930 g. [Political Report of the Central Committee to the XVI Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), June 27, 1930]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 12, pp. 235–373.
- Svirin, N. (1930a). Brigadnaya roshcha S. Mikhailova [S. Mikhailov's Brigade Grove]. In *Zalp*. No. 2, pp. 29–31.
- Svirin, N. (1930b). Netronutaya tselina [Untouched Virgin Lands]. In *Zalp*. No. 1, pp. 3–4.
- Svirin, N. G. (1931a). *Literatura i voina. Sbornik kriticheskikh statei* [Literature and War. Collection of Critical Articles]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 150 p.
- Svirin, N. G. (1931b). *Osnovnye teoreticheskie problemy LOKAF* [The Key Theoretical Issues of LOKAF]. In *Zalp*. No. 2, pp. 46–52.
- Svirin, N. G. (1933). *Mobilizatsiya literatury* [Mobilisation of Literature]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 174 p.
- Sysoeva, A. V. (2019). Sozdanie sovetskoi voennoi propagandy v Leningrade nachala 1930-kh godov. Novyi metod raboty s pisatelyami [Making Soviet Military Propaganda in Leningrad in the Early 1930s: A New Method of Working with Writers]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 159–165. DOI 10.31860/0131-6095-2019-4-159-165.
- Sysoeva, A. V. (2020). Voenizatorskie kursy 1931 goda v Leningrade kak sposob formirovaniya sovetskoi oboronnoi literatury [The Militarisation of Writers in Leningrad in 1931 as a Means of Creating Soviet Defence Fiction]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4, pp. 123–134.
- Sysoeva, A. V. (2022a). Zhurnal "Zalp" kak instrument podderzhaniya i formirovaniya oboronnoi literatury [*Zalp* Magazine as a Tool to Support and Form Defence Literature]. In *Studia Litterarum*. Vol. 7. No. 3, pp. 258–279. DOI 10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279.
- Sysoeva, A. V. (2022b). Cherez politicheskie obvineniya k sotsialisticheskomu realizmu. Obsuzhdenie povesti A. M. Dmitrieva "Est' – vesti korabl'" [Through Political Accusations to Socialist Realism: Discussion of A. M. Dmitriev's Novel *Aye to Steer the Boat*]. In *Slovène*. Vol. 11. No. 2, pp. 87–208. DOI 10.31168/2305-6754.2022.11.2.9.
- Tarkhova, N. S. (2010). Krasnaya armiya i stalinskaya kolektivizatsiya. 1928–1933 gg. [Red Army and Stalinist Collectivisation, 1928–1933]. Moscow, ROSSPEN, Fond B. N. El'tsina. 375 p.
- Vikhrov, K. (1931). V poiskakh sledov [Looking for Traces]. In *Zalp*. No. 5, pp. 40–42.
- V'yugin, V. (1931). Kommuna karel'skikh krasnoarmeitsev [Commune of the Karelian Red Army Soldiers]. In *LOKAF*⁴. No. 9, pp. 68–75.
- Zadachi oborony strany – v tsentr vnimaniya [The Tasks of National Defence Are in the Spotlight]. (1930). In *Pravda*. Jan. 12, p. 1.
- Zakruzhnaya, Z. S., Moskovskaya, D. S. (2018). Institutstional'noe izmerenie sovetskoi literatury. K istorii zabytogo literaturnogo ob"edineniya LOKAF [Institutional Aspect of Soviet Literature. History of the Forgotten Literary Union of the Red Army and Navy]. In *Filologicheskii klass*. No. 2 (52), pp. 12–18. DOI 10.26710/fk18-02-02.

The article was submitted on 29.06.2023

⁴ Here and below: the official name of the magazine published by the Moscow branch of the Literary Association of the Red Army and Navy.

DOI 10.15826/qr.2024.2.903

УДК 338.26(470.55–25) + 332.1:49 + 316.334.56(470.55–25)

«Жемчужина Урала»: символический капитал, социальная инфраструктура и перспективы развития Миасса*

Константин Бугров

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

“The Pearl of the Urals”: The Symbolic Capital, Social Infrastructure, and Development Prospects of Miass**

Konstantin Bugrov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Taking the city of Miass (Chelyabinsk region) as an example, this article examines the historical aspect of the formation of the symbolic capital of Russian second-tier industrial cities. The author demonstrates that the vision of the city in the twentieth century developed along with the growth of municipal infrastructure, which in turn followed the industrial growth of the city, resulting from a certain “historical luck” of Miass. This industrial growth was programmed by the arrival of the Trans-Siberian Railway, the “overflow” of heavy industry from the mountainous region of neighbouring Zlatoust and the evacuation during the Great Patriotic War. In the 1960s, Miass acquired the status of a ‘naukograd’ (scientific city), thanks to the emergence of a design bureau and a missile industrial complex. Since the end of the nineteenth century, one of the most important elements of the symbolic capital of Miass has been a stable representation of the specific beauty of the nearby mountainous region of the Urals and Lake Turgoyak. The growth of Miass during the Soviet era consolidated the discourse of the natural beauty of this “city in the Golden Valley”, and Lake Turgoyak acquired the reputation of the “Pearl of the Urals”, the importance of

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00679 «Креативная реиндустриализация городов “второго эшелона” в условиях цифровой трансформации».

** Citation: Bugrov, K. (2024). “The Pearl of the Urals”: The Symbolic Capital, Social Infrastructure, and Development Prospects of Miass. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 689–706. DOI 10.15826/qr.2024.2.903.

Цитирование: Bugrov K. “The Pearl of the Urals”: The Symbolic Capital, Social Infrastructure, and Development Prospects of Miass // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 689–706. DOI 10.15826/qr.2024.2.903 / Бугров К. «Жемчужина Урала»: символический капитал, социальная инфраструктура и перспективы развития Миасса // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 689–706. DOI 10.15826/qr.2024.2.903.

which was fully recognised after the environmental protection campaign of the 1970s and 1980s. The collapse of the Soviet planned economy and the transition to a post-industrial society led Miass along the path of inertial development, which contradicts the significant symbolic capital accumulated during the years of urban and industrial growth. The author concludes that the creative development of Miass is possible with the use of the accumulated symbolic capital along two lines, i. e. the rise of tourism or innovative development; however, both lines will require a shift from inertial development to novel and risky investments in social and communal infrastructure.

Keywords: infrastructure of wellness, creative reindustrialization, Urals, Turgoyak, Miass

Рассматривается исторический аспект формирования символического капитала российских промышленных городов «второго эшелона» на примере Миасса (Челябинская область). Показано, что представление о городе на протяжении XX в. было связано с процессом развития коммунальной инфраструктуры, следовавшим за индустриальным ростом города, своего рода «исторической удачей» Миасса. Индустриальный рост определялся проведением через Миасс Транссибирской магистрали, «перетоком» тяжелой промышленности из горных районов соседнего Златоуста, эвакуацией предприятий времен Великой Отечественной войны; в 1960-х гг. Миасс приобретает характер наукограда благодаря развертыванию в городе конструкторского бюро и завода ракетостроительного профиля. Одним из важнейших элементов символического капитала Миасса с конца XIX в. становится устойчивое представление о специфической красоте близлежащего горного района Урала и озера Тургойак. Рост Миасса в советское время вел к укреплению дискурса о природной красоте «города в Золотой долине»; озеро Тургойак приобрело репутацию жемчужины Урала, его высокий статус окончательно оформился после кампании экологической защиты водоема в 1970–1980-х гг. Распад планового хозяйства СССР и переход к постиндустриальному обществу означали для Миасса инерционное развитие, вступающее в противоречие с накопленным за годы роста символическим капиталом. Автором сделан вывод, что креативное развитие города с опорой на накопленный символический капитал – представления о природной красоте Миасса – возможно как в сфере развития туризма, так и в сфере новаторского деvelopeмента; оба варианта потребуют перехода от инерционного развития к новым рискованным вложениям в социальную и коммунальную инфраструктуру.

Ключевые слова: инфраструктура благополучия, креативная реиндустриализация, Урал, Тургойак, Миасс

В условиях постиндустриального развития экономики и общества России актуальной является проблема устойчивого развития городов, не относящихся к числу основных мегаполисов страны (так называемых «городов второго эшелона»). Считается, что такое развитие

опирается на «креативную среду» – способность привлекать творческих индивидов, производителей и потребителей креативных товаров [Florida, p. 10; Landry, p. 132–162]. Если классическая индустриализация определялась доступностью природных, трудовых и транспортных ресурсов, то развитие креативных индустрий и туристического сектора отводит особое значение символическому капиталу, «объективированным и структурированным представлениям о значениях элементов, организующих городское пространство, являющихся основой его узнавания, признания и устойчивой идентификации» [Вандышев, Веселкова, Прямикова, с. 103]. Символический капитал становится маркетинговым инструментом брендинга территории. Особое значение имеют процессы коммуникации, в рамках которых осуществляется актуализация символического капитала места [Федотова, с. 147].

Особенно интересен процесс накопления символического капитала в городах «второго эшелона», часто описываемых в категориях *столицы и провинции, центра и периферии*. Так, Е. С. Кочухова и В. С. Мартьянов подвергают критике стратегию креативного развития, которая, по мнению исследователей, лишь затушевывает жестокое неравенство между центром и периферией, сложившееся в постиндустриальном и, в частности, в постсоветском мире [Кочухова, Мартьянов, с. 53]. Впрочем, советское социальное пространство было далеко от эгалитаризма; целый ряд промышленных центров «второго эшелона» на Урале оказался в числе бенефициаров форсированного индустриального развития, притягивая население из поселений, оказавшихся исторически менее «удачливыми»¹, – городов, которые индустриализация обошла стороной (Троицк, Ирбит), либо столкнувшихся с исчерпанием ресурса и экологическими вызовами (Кизел, Коркино). Концентрация ресурсов позволяла «исторически удачливым» городам обзаводиться социальной и коммунальной *инфраструктурой благополучия* [Бутров, 2023, с. 23], основная часть

¹ Понятие «историческая удача» выглядит достаточно расплывчатым. Однако мы считаем возможным использовать его для того, чтобы характеризовать совокупность внешних по отношению к городу технологических факторов (наличие полезных ископаемых и иных ресурсов, транспортная доступность), оказывавших влияние на рост промышленных предприятий. В современной социальной философии проводят различие между понятиями *успеха* и *удачи*: «Успех не приходит к кому угодно, просто так. Удача – дело случая, его игры, она онтологически случай... Удача – это экзистенциальная ценность другого мира. Мира, в котором Просвещение потерпело фиаско, который переживается как иррациональный и заполненный неопределенностью» [Голубев]. В нашем случае историческая удача – это, разумеется, квазислучайность. Разработка полезных ископаемых или возведение железнодорожных магистралей предпринимаются на условиях рационального целеполагания. Однако понятие удачи позволяет акцентировать значимость подобных индустриальных проектов в централизованной системе решений для локальных сообществ, которые, оказываясь втянуты в подобные проекты, приобретали своего рода бонус при разработке новых проектов индустриального развития; удачей можно назвать процесс концентрированного развития, в котором предшествующие решения благотворно сказываются на последующих. В парадигме индустриального общества, и особенно советского, сфокусированного на постоянном наращивании мощностей, подобная удача имеет значение.

которой была создана в 1960–1980-х гг. (водопровод, канализация, общественный транспорт, сеть детских садов, школ и больниц, пространства общественного назначения). Но после распада планового хозяйства привычные механизмы роста в значительной мере перестали действовать, а переход к новому типу креативного развития оказался чрезвычайно сложным. Н. Ю. Замятина, рассуждая о «креативных городах» в постиндустриальном обществе, замечает: «Ключевой вопрос – какова ценность “креативного” социального порядка в данном обществе... Речь должна идти о доле символической власти, принадлежащей креативному классу» [Замятина, с. 138].

На примере Миасса – крупного промышленного центра Челябинской области – проанализирован исторический аспект накопления символического капитала.

* * *

Миасс возник как поселение при медеплавильном заводе в верховьях одноименной реки в 1777 г. В первой половине XIX в. в долине реки Миасс – природном понижении между двумя горными хребтами, Таганаем с запада и Ильменским с востока – развивалась добыча золота [Пономаренко, с. 70]; впоследствии этот район будут называть «Золотой долиной» или «уральским Клондайком». В 1891 г. через эту долину прошла Транссибирская магистраль, следовавшая дальше на запад. К началу XX в. центр золотодобычи сместился на юг (Кочкарь), а Миасс благодаря близости железнодорожной станции превратился в узел мукомольной промышленности. В 1915 г. в Миасс из Риги был переведен завод инструментов «Томас Фирт и сыновья», на его базе был создан Миасский инструментальный завод, разместившийся в корпусах старого медеплавильного предприятия. С 1920-х гг. началась добыча флюсовых известняков и талька. Градостроительное развитие рубежа XIX–XX вв. охватывало лишь южную часть «Золотой долины». В северной части долины располагалось село Тургояк², возникшее на берегу одноименного озера в середине XVIII в.

Социально-хозяйственная трансформация «Золотой долины» сопровождалась рекреационно-экологической. С конца XIX в. Ильменские горы приобрели репутацию «геологической кладовой». Еще в 1897 г. их посетили участники VII Международного геологического конгресса. В начале XX в. в Ильменах интенсивно работала радиевая экспедиция Академии наук [Буторина, с. 16–17]. В 1920 г. Ильменские горы были объявлены заповедником, который в 1933 г. вошел в состав Уральского филиала Академии наук СССР; в 1937 г. сюда приехала экскурсия XVII Международного геологического конгресса.

² Происхождение топонимов Миасс и Тургояк неясно; широко известную краеведческую версию происхождения названия озера Тургояк от башкирского выражения «Стой, нога!» А. К. Матвеев называет «топонимической легендой, порожденной народной этимологией» [Матвеев, с. 280].

1. Южный Урал – виды озера Тургойак. Почтовая открытка. Начало XX в.
Фотография В. Л. Метенкова с сайта «Pastvu.com». [https://pastvu.com/Southern Urals – views of Lake Turgoyak](https://pastvu.com/Southern%20Urals%20-%20views%20of%20Lake%20Turgoyak). Postcard. Early 20th century.
Photograph by V. L. Metenkov

С конца XIX в. окрестности Миасса начали приобретать репутацию мест, подходящих для отдыха, причем основой для этого служил ландшафт уральских предгорий в комбинации с близостью железной дороги. Составитель известного путеводителя по Уралу 1904 г. В. А. Весновский отмечал:

Путь от Златоуста до Миасса очень живописный... Как только поезд отойдет от вокзала, публика выходит на площадки вагонов и любуется чрезвычайно оригинальными и прекрасными горными ландшафтами [Весновский, с. 348].

Советский путеводитель по Уралу 1928 г. также отмечает «живописную местность Ильменских гор» и «удивительное по красоте местоположения, прозрачности и голубовато-зеленому цвету воды озера Тургойак» [По советскому Уралу, с. 122–125] (ил. 1, 2). На берегах Тургойака в начале XX в. расположились дачи богатейших миассцев [Лагунов, с. 126], а в 1920-х гг. им на смену пришли базы отдыха треста «Миассзолото». Рост антропогенной нагрузки вредил озеру, на что указывал в 1910-х гг. уроженец Миасса профессор Казанского университета географ В. Н. Сементовский [Сементовский, с. 65].

Индустриализация в СССР привела к появлению проектов выноса в «Золотую долину» металлообрабатывающих производств, способных потребить металл, производимый в соседнем Златоусте, так

как сам этот город в начале 1930-х гг. столкнулся с дефицитом свободного пространства [Бугров, 2021, с. 6]. В 1939 г. к северу от старого Миасса началось возведение завода, имевшего оборонный профиль. С началом Великой Отечественной войны в Миасс были переброшены несколько предприятий, крупнейшим среди которых оказался Московский автомобильный завод, размещенный в недостроенных цехах оборонного завода. 8 июля 1944 г. с его конвейера сошел первый уральский автомобиль [Манин, с. 118].

Форсированное развитие Миасса 1940–1950-х гг. нашло отражение в очерковой литературе. Центральную роль в описаниях преобразованного города играл автозавод. В 1945 г. глава челябинской парт-организации Н. С. Патоличев провозгласил:

Как Магнитогорск слился с металлургическим комбинатом и стал городом металла, как Копейск стал городом угля, так и Миасс должен слиться с автозаводом и стать городом автозаводцев [Из выступления].

Корреспондент «Правды» В. А. Величко в 1947 г. отмечал с пафосом:

Крепко стоит на ногах «УралЗИС» – мощный завод, дитя Великой Отечественной войны, творение рук советских людей... Он принес Уралу культуру автостроения – культуру сложную и благородную, принес и общую культуру... Завод расправит плечи и развернется во весь свой богатый рост... Здесь будет огромный центр высокой классической индустрии автомобилестроения [Величко].

В свою очередь, писатель В. Р. Гравишкис мечтал в этом же году:

Лицо Миасской долины станет иным, обновленным и прекрасным. Миасс превратится в один из красивейших городов Южного Урала. Он будет достойным окружающей его живописной южноуральской природы [Гравишкис, с. 71].

Образ уральского автограда, окруженного природными красотами «Золотой долины», суммировало на страницах местной газеты стихотворение, подписанное инициалами «С. П.»:

Здесь солнце хохочет, здесь даль голубая,
Здесь поезд промчится в дыму и в парах.
И Сталин, должно быть, глядит, улыбаясь,
На автоноваторский город в горах
[С. П.].

Застройка северной части «Золотой долины» была связана с появлением в Миассе ракетной индустрии. В годы Великой Отечественной войны эвакуированные заводы заняли площадку к югу от ста-

рого Златоуста, где с 1939 г. велось, как и в Миассе, строительство снарядного завода; возник Златоустовский машиностроительный завод. В 1947 г. на базе этого предприятия было сформировано специальное конструкторское бюро (СКБ) № 385, с 1955 г. начавшее вести разработку баллистических ракет подводного базирования. Когда в 1957 г. конструкторское бюро из Златоуста предложили переместить в Челябинск, руководитель коллектива В. П. Макеев предпочел переезд в Миасс; важную роль в обосновании решения сыграли красоты «Золотой долины». Так сложился миасско-златоустовский ракетостроительный кластер [Буданов, с. 279–280]. Миасс вошел в число наукоградов [Агирречу, с. 87].

Для работников новых предприятий был возведен новый район, с 1959 г. именованный Северным, но больше известный как Машгородок. Своего расцвета район достиг в 1970–1980-х гг., когда особенности ландшафта «Золотой долины» были использованы для создания комфортного и эстетически привлекательного городского пространства. Центр района был позиционирован учреждениями культуры (кинотеатр «Восток» (1962), дворец спорта «Заря» (1968), гостиница «Нептун» (1973), торговый центр (1980), дворец культуры «Прометей» (1967)) и первыми в городе 9-этажными домами (1966–1968). Район имел собственную коммунальную инфраструктуру, был озеленен с использованием лип и голубых елей [СКБ-385, с. 91]. В 1975 г. коллектив проектировщиков во главе с главным архитектором Миасса О. В. Карповым был удостоен Государственной премии РСФСР [Под покровом Ильмен, с. 108].

В послевоенный период общим местом описаний Миасса стала констатация красоты «города в Золотой долине» – в 1964 г. краевед Ю. М. Курочкин закрепил за Миассом это название, издав одноименную книгу о миасских золотоискателях. Литераторы 1940–1950-х гг. Ф. И. Панферов, В. Р. Гравишкис описывали панораму Миасса как величественные цеха в обрамлении гор [Бутров, Киселев, Маштакова, с. 235–236]. Впрочем, в тех же словах описывал его и промышленный руководитель П. А. Кузин [см. об этом: Морозов, с. 143]. В 1977 г. секретарь городской парторганизации С. Г. Кондратьев подчеркивал:

Широко, привольно раскинулся наш город у подножия самых красивых на Урале гор – Ильменских. Да еще и леса вокруг чудесные. И озера голубые, одно другого лучше – Ильменское, Тургояк, Инышко, Еланчик. И еще бежит-петляет через весь город река Миасс. Природа, словом, постаралась. Стараемся и мы [Кондратьев].

Особо важным подобный дискурс был для Машгородка, который в этом смысле напоминал Академгородок, также выстроенный как город науки в лесном массиве в окрестностях Новосибирска [Орлов, Шелегина; Морозов, с. 116]. Позднее писатель Б. П. Миронов в похвальных интонациях писал о создателях Машгородка:

Надо отдать должное творцам Машгородка – они создали чудесный городок из ничего – из примитивных прямоугольных параллелепипедов, которыми являются наши архитектурно убогие, зато дешевые жилища. Сколько вкуса понадобилось, чтобы построить из них улицы, умело и с выдумкой озеленить их, рационально и ловко вписать в особенности природного ландшафта... Разве жить в таком месте – не счастье? [Мой приветливый город Миасс, с. 173].

Но привлекательность города определялась не только ландшафтами «Золотой долины». В 1960–1980-х гг. в Миассе складывается своего рода *инфраструктура благополучия* [Череди́на, Рыбакова]. Придуманная литераторами 1940-х гг. риторическая стратегия позволяла городу превратить природные объекты в свои неотъемлемые атрибуты. «Историческая удача» Миасса выразилась и в том, что отсутствие рядом с городом крупных залежей полезных ископаемых сохранило баланс экологической обстановки, закрепив торжество ландшафтной эстетики. В частности, строительство Машгородка привело к тому, что центральным элементом миасской природной эстетики стало озеро Тургойак, оказавшееся на западной окраине нового района. Хотя красота Тургойака к середине XX в. была общим местом краеведческой и туристской литературы, курортом он в первой половине XX в. все же не считался: озеро не имело целебных свойств. Жемчужиной Урала считалось другое озеро – Увильды; в этом качестве оно было упомянуто в «Наказе» бойцам Уральского добровольческого танкового корпуса (1943) [Горнозаводской и индустриальный Урал, с. 588]. Гидрологическое изучение озера, начатое в 1930-х гг., было связано с интересами рыбного хозяйства [Экология озера Тургойак, с. 6], а в послевоенные годы воды Тургойака начал для хозяйственных нужд использовать Уральский автомобильный завод. Хотя в 1969 г. вошло в строй Ирмельское водохранилище, воды Миассу не хватало. Рост города одновременно укреплял рекреационную значимость Тургойака и угрожал ему ростом антропогенной нагрузки.

Ландшафты Миасса становились важной частью растущей природоохранной культуры СССР. На протяжении 1950–1960-х гг. Ильменский заповедник укреплял свое положение: на его базе осуществляли изыскания научные коллективы таких крупных ученых, как биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский и лесовед Б. П. Колесников; в 1956 г. заработала Лесная станция [Мишина, с. 142]. В 1984 г. было выстроено новое здание естественнонаучного музея, а в 1988 г. создан Институт минералогии УрО РАН [Буторина, с. 116]. Подобного рода проекты вносили в атмосферу города важный элемент интеллектуального поиска.

Коллектив заповедника боролся за свою территорию, отстаивая ее не только от вмешательства миасских хозяйственников, но и от растущей туристической нагрузки. С конца 1960-х гг. туризм на Южном

Урале вступил в новую фазу развития [Голубева]³. Озабоченность экологическим состоянием водоемов Урала фиксируется уже в середине 1950-х гг., однако район Миасса не был в числе наиболее пораженных, поскольку речь тогда шла о сбросах промышленных отходов [Балабанова]. Подобной практики на Тургояке не было, и вплоть до конца 1960-х гг. публикации об озере сводились к описанию его красоты [Серегин; Фамелис]. Однако в 1971 г. под эгидой Международного союза по сохранению природы и природных ресурсов и Международного лимнологического общества была опубликована работа «Проект “Аква”: справочник внутренних водоемов, предлагаемых к сохранению», составителями которой выступили финский ботаник Х. Лютер и британский гидробиолог Ю. Ржоска. Среди озер, включенных в справочник, было и озеро Тургояк [Luther, Rzoska, p. 105]. Это событие не прошло незамеченным: к уже сложившемуся образу Тургояка как эстетической ценности добавилась теперь его ценность как резервуара чистой воды мирового значения.

Подъему экологической озабоченности вокруг Тургояка в 1970-х гг. способствовали публикации журналиста В. П. Колчина, который в 1973 г. поднимал этот вопрос на страницах «Известий»:

Вот, например, озеро Тургояк, которое числится в списке самых ценных водоемов. Казалось бы, уж его-то должны беречь. А что получается в действительности? Уровень воды в нем за последние десять лет понизился почти на полтора метра, берега обнажились на три-пять метров. А перекачка воды в город Миасс продолжается, хотя еще в прошлом году по решению облисполкома город должен был перейти на водоснабжение из специально построенного водопровода [Колчин].

О Тургояке с тревогой рассуждали свердловский писатель Б. С. Рябинин, златоустовский краевед А. П. Моисеев [Рябинин; Моисеев]. Под давлением общественности исполнительный комитет Миасского горсовета народных депутатов в 1977 г. принял решение о создании вокруг Тургояка ландшафтного парка, включающего санаторно-курортную, туристическую и заповедную зоны. С 1981 г. началось практическое осуществление этого решения, но к 1987 г. программа была выполнена «всего лишь на 10–20 процентов» [Щербина]. Забор воды из Тургояка при этом не прекращался. В 1980-х гг. в ситуацию вокруг Тургояка вмешалась новая сила – фотоклуб «Импульс», образованный в 1962 г. при СКБ-385 и работавший во дворце культуры «Прометей». В 1986 г. коллектив клуба во главе с М. М. Терентьевым

³ Всесоюзный туристический маршрут № 55 объединил ключевые достопримечательности Миасса и Златоуста – Ильменский заповедник, озеро Тургояк и горный Таганай. Корреспондент газеты «Советский спорт» Г. Романов в 1970 г. характеризовал район Миасса как «самую привлекательную, самую целебную зону здоровья» Урала [Романов]. С 1973 г. на Ильменском озере проходил областной фестиваль туристической песни.

(фотографом, ранее трудившимся в СКБ) провел выставку «Озеро наших тревог, наших надежд», заострившую внимание на понижении уровня воды в Тургояке [Леонтьев, с. 25].

В 1980-х гг. Тургояк именуют в центральной прессе «одной из самых красивых и ценных голубых жемчужин» Урала и «младшим братом Байкала», ценным резервуаром пресной воды [Чурсин; Година]. Озеро Тургояк признавалось ценным в экологическом смысле:

В чем же ценность, своеобразие Тургояка? Ложе и берега озера сплошь состоят из кристаллических пород, не поддающихся размыву. Поэтому вода чрезвычайно прозрачная и чистая, почти без минеральных солей. Живописна вокруг него природа, целителен климат. А в недрах каменного пояса обнаружены радоновые источники [Щербина].

Проект единого Южно-Уральского национального парка, включающего окрестности Миасса и Златоуста, был подготовлен в 1990 г., однако консервативная позиция Миасского горсовета не позволила воплотить его в жизнь [Лагунов, с. 128]. И если в соседнем Златоустовском округе в 1991 г. был создан национальный парк «Таганай», то Тургояк так и остался ландшафтным парком, и хотя в 1990-е гг. откачку воды из озера свели к минимуму, ему начала грозить эвтрофикация [Экология озера Тургояк, с. 139].

«Байкальская» аналогия и ссылка на международных экспертов стали основными риторическими приемами обоснования ценности Тургояка. За озером окончательно закрепилось имя жемчужины Урала [Там же, с. 4].

Пик экологической озабоченности совпал с распадом плановой экономики. Однако крупнейшие промышленные предприятия Миасса избежали исчезновения, а автозавод остался основой городского хозяйства. Современный Миасс относят к числу стабильных моногородов, способных к «диверсифицированному росту» [Фомин, Смирнов, Мирязов, с. 181]. Можно говорить о постиндустриальной инерции: баланс в социальной жизни города обеспечивается главным образом сформированной за десятилетия промышленного роста 2-й половины XX в. инфраструктурой благополучия и накопленным символическим капиталом. В частности, сложившаяся за предыдущие десятилетия конвенция о природной красоте города теперь поддерживала формирование экономики туризма вокруг озера Тургояк [Солодовникова].

Инерционное существование города ограничено запасом прочности коммунальной инфраструктуры, сложившейся примерно между 1950 и 1980 гг., в период интенсивного роста [Трубина, с. 243]. И если на протяжении первой половины XX в. ландшафт «Золотой долины» постепенно присваивался Миассом для создания дополнительной ценности городского пространства, то в XXI в. ситуация стала обратной: промышленный город с изношенной инфраструктурой стал обременительным приложением к впечатляющим горам и озерам.

2. Вид с горы на станцию Миасс. 1909. Фотография С. М. Прокудина-Горского с сайта «Pinterest». <https://ru.pinterest.com/>

View from the mountain to Miass station. 1909. Photograph by S. M. Prokudin-Gorsky

Потребность в комплексном развитии района, насыщенного городами и заводами, обладающего обширным рекреационным потенциалом, в 2010-х гг. привела к появлению интеграционных механизмов – созданию агломерации «Горный Урал», включившей города от Чебаркуля до Сатки, и территории опережающего социально-экономического развития в Миассе. Актуальными остаются идеи развития туризма [Миллион человек в год] и создания единого «горнозаводского биосферного резервата» [Гордеев, Зырянов и др., с. 95].

* * *

Можно прогнозировать два варианта креативного развития Миасса с опорой на накопленный десятилетиями символический капитал. Первый сценарий – рост городской экономики за счет притока туристов из более крупных городов, требующий инфраструктуры досуга, которая позволяла бы максимально продлить пребывание визитеров в городе и предложить им максимум услуг [Ускова, с. 46]. Этот сценарий означает превращение Миасса в «мини-Сочи», рост культурно-познавательной и рекреационной сфер, развитие сфер гостиничного дела и общественного питания, расширение транспортной доступности, сезонные колебания населения [В будущем...]. Закономерно, что принятая в 2021 г. концепция развития Миасского

городского округа делает акцент на «максимально благоприятных условиях» для развития туристической индустрии и предполагает к 2035 г. увеличить туристический поток вдвое – с 300 до 600 тыс. чел. [Стратегия, с. 41–42].

Второй сценарий – рост городской экономики за счет деvelopeмента, строительства нового жилья и формирования спроса со стороны высококвалифицированных работников, прежде всего в сфере информационных технологий. Ведущий миасский предприниматель в сфере туризма О. Ю. Сиротин в 2019 г. с горечью замечал:

Мои родители в 1968 году переехали из Ярославля в Миасс – в развивающийся технополис СССР с самой передовой автомобильной и ракетно-космической промышленностью. Они увидели тогда город талантливых ученых и инженеров в окружении прекрасной природы Уральских гор и россыпи из тысячи озер, и им захотелось прожить здесь всю свою жизнь, вырастить здесь своих детей. И все мое детство прошло в атмосфере того времени – времени увлеченных романтиков и созидателей. Но 90-е годы все изменили – Миасс стал заурядной криминальной провинцией и сохраняет эти черты по сей день [Олег Сиротин].

В 2021 г. Сиротин при поддержке руководителей Уральского автомобильного завода выдвинул идею «открытого города» – строительства городского района на 15 тыс. жителей к западу от исторического старого Миасса в долине реки Аглян.

Каждая из рассмотренных стратегий предполагает отказ от постиндустриальной инерции. В индустриальную эру за ростом следовала инфраструктура, однако теперь последовательность поменялась: сначала инфраструктура, потом рост. По этой причине стратегия креативного развития Миасса – как и многих других постсоветских индустриальных городов «второго эшелона» – с неизбежностью будет ставить проблему выбора между инерцией и риском, который все в большей степени замещает «историческую удачу» города. Ч. Лэндри даже говорит о «достоинствах неудачи», подчеркивая: «Отношение к риску и неудаче (risk and failure) должно меняться в городе, который учится креативности. Интеллектуальные инновационные изощренные ответы на разнообразные вызовы подразумевают риск и угрозу неудачи... Неудача может содержать зерна будущего успеха, если ее анализировать и не наказывать за нее автоматически» [Landry, p. 115].

Накопленный символический капитал Миасса – возможно, самый ценный ресурс, доступный сегодня местной власти. Маркированные в качестве природных красот благодаря десятилетиям труда журналистов, публицистов, фотографов горные склоны, озерные берега и панорамные виды – такие же продукты города, как, например, автомобили марки «Урал»; можно говорить в данной связи о креативной

реиндустриализации города. Однако превращение этих продуктов в движущий фактор городского развития потребует инфраструктурных шагов, чтобы не просто поддерживать работоспособность системы водоснабжения и дорожной сети, но и отразить, по цитированному в начале статьи выражению Н. Ю. Замятиной, «ценность “креативного” социального порядка» через брендинговые и маркетинговые технологические приемы.

Библиографические ссылки

Агирречу А. А. Наукограды России: история формирования и развития. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 188 с.

Балабанова З. М. За чистоту водоемов Урала // *Природа*. 1957. № 9. С. 55–60.

Бугров К. Д. Между горой и рекой: формирование городского пространства Златоуста 1930–1940-х гг. // *Вестн. Томск. гос. ун-та. История*. 2021. № 74. С. 5–13. DOI 10.17223/19988613/74/1.

Бугров К. Д. Столичная идентичность и градостроительное развитие Екатеринбурга (конец XIX – начало XXI в.) // *Урал. ист. вестн.* 2023. № 3. С. 17–27. DOI 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-17–27.

Бугров К. Д., Киселев М. А., Маиштакова Л. В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 304 с.

Буданов А. В. Ракетостроение как фактор территориального и институционального развития городов Миасс и Златоуст Челябинской области накануне Карибского кризиса // *Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования*. 2018. № 1. С. 276–280.

Буторина Л. А. История деятельности Ильменского заповедника. Екатеринбург ; Миасс : УрО РАН, 2001. 164 с.

В будущем Миасс превратится не только в «умный город», но и станет известным курортом // *Миасский рабочий* : [сайт]. 2016. 22 марта. URL: <https://miasskiy.ru/20160322-v-budushhem-miass-prevratitsya-ne-tolko-v-umnyj-gorod-no-i-stanet-izvestnym-kurortom?ysclid=lnfybigkqw302946063> (дата обращения: 10.06.2023).

Ванюшиев М. Н., Веселкова Н. В., Пряжикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16, № 3. С. 101–121.

Величко В. Жизнь, идущая вперед... // *Правда*. 1947. 10 янв.

Весновский В. А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург : Урал. жизнь, 1904. 442 с.

Година Н. Младший брат Байкала // *Воспитать любовью*. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1988. С. 54–59.

Голубев С. В. Проблема «успеха» и «удачи» в социальной философии // *Философия и общество*. 2004. № 1. С. 86–99.

Голубева О. А. Из истории развития туризма на Южном Урале в 60–80-х годах XX в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. № 22. С. 272–277.

Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Яковлев А. М. Социально-экономические основы развития биосферного резервата в горнозаводской территории Южного Урала // *Социум и власть*. 2017. № 5 (67). С. 91–100. DOI 10.22394/1996-0522-2017-5-83-90.

Горнозаводской и индустриальный Урал в зеркале столетий : антология. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. 688 с.

Гравишкис В. Р. УралЗИС: заметки к истории Уральской автомобильной фабрики имени Сталина. Челябинск : Челябингиз, 1947. 72 с.

Замятина Н. Ю. Креативный класс, символический капитал и территория // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 130–139.

Из выступления секретаря областного комитета ВКП(б) тов. Н. С. Патолочева на собрании миасского городского партийного актива 1/ХП 1945 г. // Миасский рабочий. 1945. № 144. 4 дек.

Колчин В. П. Места заповедные // Известия. 1973. 23 окт.

Кондратьев С. Миасс – город спорта, город здоровья // Советский спорт. 1974. 6 марта.

Кочухова Е. С., Мартьянов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. № 19. С. 45–66. DOI 10.17506/airpl.2019.19.2.1466.

Лагунов А. В. Озеро Тургойак – хроника выживания // Актуальные вопросы современного естествознания Южного Урала : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (к 130-летию со дня рожд. И. М. Крашенинникова). Челябинск : Челябинск. гос. ун-т, 2014. С. 125–134.

Леонтьев М. Эхо фотовыставки // Советское фото. 1987. № 11. С. 25.

Манин А. В. УралАЗ: завод у подножия Ильмен. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1991. 623 с.

Матвеев А. А. Географические названия Урала : топонимич. словарь. Екатеринбург : Сократ, 2008. 352 с.

Миллион человек в год: как за пять лет хотят изменить туризм в Миассе // Деловой квартал : [сайт]. 2020. 5 нояб. URL: <https://chel.dk.ru/news/237143355> (дата обращения: 01.09.2023).

Мишина О. К. Охрана леса на Урале во второй половине XX века // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2004. № 1. С. 141–144.

Моисеев А. Тургойакский национальный парк // Природа и мы. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1980. С. 92–98.

Мой приветливый город Миасс / сост. Г. М. Наумова, З. А. Соколова и др. Миасс : Геотур, 1998. 400 с.

Морозов В. В. Миасс – город в золотой долине. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1983. 189 с.

Олег Сиротин: Мы можем вернуть Миассу статус передового наукограда // Челябинск сегодня : [сайт]. 2019. 13 нояб. URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/oleg-sirotin-my-mozhem-vernut-miassu-status-peredovogo-naukograda/> (дата обращения: 01.09.2023).

Орлов С. Б., Шелегина О. Н. Наукограды в Сибири: историко-социологический анализ // Инноватика и экспертиза. 2019. № 1. С. 155–165. DOI 10.35264/1996-2274-2019-1-155-165.

По советскому Уралу : путеводитель. Свердловск : Газет. изд-во Уралоблисполкома, 1928. 276 с.

Под покровом Ильмен. Страницы истории Машгородка. Миасс : Геотур, 2000. 272 с.

Пономаренко Е. В. Формирование ансамбля города-завода Миасс на Южном Урале в XVIII – начале XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2008. № 4. С. 70–75.

Романов Г. Красные тюльпаны // Советский спорт. 1970. 22 апр.

Рябинин Б. С. Помоги родной земле! Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1976. 227 с.

С. П. К четырехлетию со дня пуска УралЗИС // Миасский рабочий. 1948. 9 июля.

Сементовский В. Н. Тургойак. Казань : Типолит. И. Н. Харитонова, 1916. 60 с.

Серегин И. Озеро Тургойак // Край родной. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1969. С. 41–44.

СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В. П. Макеева». М. : Воен. парад, 2007. 408 с.

Солодовникова Ю. Р. Анализ туристско-рекреационных ресурсов г. Миасса // Современное состояние и потенциал развития туризма в России : материалы XIX Международ. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. В. Кулагиной. Омск : Изд-во Омск. гос. тех. ун-та, 2022. С. 37–41.

Стратегия социально-экономического развития Миасского городского округа до 2035 года // Официальный сайт администрации Миасского городского округа. URL: https://g-miass.ru/files/norm_act/6%20%D0%BE%D1%82%2003.03.2023%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B0%D1%8F.pdf?ysclid=lnhow4embr232817997 (дата обращения: 01.09.2023).

Трубина Е. Г. «По-большому»: городская инфраструктура и власть над пространством // Полиг. концептология. 2015. № 2. С. 234–247.

Ускова А. Ю. Влияние креативной экономики на интенсификацию развития горнолыжных курортов России // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 1. С. 41–48. DOI 10.22394/2304-3385-2023-1-41-48.

Фамелис С. А. Тургояк – голубая чаша // Урал. следопыт. 1965. № 7. С. 62–64.

Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155. DOI 10.17223/22220836/29/13.

Фомин М. В., Смирнов О. О., Мирязов Т. П. Моногорода Уральского федерального округа: матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 171–192.

Череди́на И. С., Рыбакова Е. Ю. К истории формирования города Миасса // Новые идеи нового века : материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ : в 3 т. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. Т. 1. С. 494–499.

Чурсин Ф. Есть у Байкала брат // Правда. 1981. 3 сент.

Щербина Г. Сохраним жемчужину Урала // Известия. 1987. 23 марта.

Экология озера Тургояк. Миасс : ИГЗ УрО РАН, 1998. 153 с.

Florida R. Cities and the Creative Class // City & Community. 2003. № 2. P. 3–19.

Landry Ch. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. L. : Comedia, 2000. 352 p.

Luther H., Rzoska J. Project Aqua: A Source Book of Inland Waters Proposed for Conservation. Oxford ; Edinburgh : Blackwell Scientific Publ., 1971. XIV, 239 p.

References

Agirrechu, A. A. (2009). *Naukograzy Rossii: istoriya formirovaniya i razvitiya* [Russia's Cities of Science: History of Formation and Development]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 188 p.

Balabanova, Z. M. (1957). Za chistotu vodoemov Urala [For the Cleanliness of Ural Nature]. In *Priroda*. No. 9, pp. 55–60.

Budanov, A. V. (2018). Raketostroenie kak faktor territorial'nogo i institutsional'nogo razvitiya gorodov Miass i Zlatoust Chelyabinskoi oblasti nakanune Karibskogo krizisa [Missile Construction as a Factor of Territorial and Industrial Growth in Miass and Zlatoust of Chelyabinsk Region prior to the Caribbean Crisis]. In *Nauchnyi ezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya*. No. 1, pp. 276–280.

Bugrov, K. D. (2021). Mezhdugoroi i rekoi: formirovanie gorodskogo prostranstva Zlatoustu 1930–1940-kh gg. [Between the Mountain and the River: Formation of Urban Space in Zlatoust, 1930s–1940s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 74, pp. 5–13. DOI 10.17223/19988613/74/1.

Bugrov, K. D. (2023). Stolichnaya identichnost' i gradostroitel'noe razvitie Ekaterinburga (konets XIX – nachalo XXI v.) [Capital Identity and Urban Development of Yekaterinburg (from the Late 19th to Early 21st Centuries)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3, pp. 17–27. DOI 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-17-27.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A., Mashtakova, L. V. (2022). *Stanovlenie opornogo kraja. Industrial'nyi Ural v mobilizatsionnoi kul'ture 1930–1940-kh gg.* [Emergence of the Stronghold. Industrial Urals in the Mobilisation Culture of the 1930s–1940s]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 304 p.

Butorina, L. A. (2001). *Istoriya deyatel'nosti Il'menskogo zapovednika* [History of the Ilmen Reserve]. Yekaterinburg, Miass, Ural'skoe otdelenie RAN. 164 p.

Cheredina, I. S., Rybakova, E. Yu. (2020). K istorii formirovaniya goroda Miassa [The History of Formation of the City of Miass]. In *Novye idei novogo veka. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Fakul'teta arkhitektury i dizaina Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta v 3 t.* Khabarovsk, Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1, pp. 494–499.

Chursin, F. (1981). Est' u Baikala brat [Baikal's Brother]. In *Pravda*. Sept. 3.

Ekologiya ozera Turgoyak [Ecology of Turgoyak Lake]. (1998). Miass, Il'menskii gosudarstvennyi zapovednik Ural'skogo otdeleniya RAN. 153 p.

Famelis, S. A. (1965). Turgoyak – golubaya chasha [Turgoyak, the Blue Cup]. In *Ural'skii sledopyt*. No. 7, pp. 62–64.

Fedotova, N. G. (2018). Simvolicheskii kapital mesta: ponyatie, osobennosti nakopleniya, metodiki issledovaniya [Symbolic Capital of Place: Concept, Specifics of Accumulation, and the Methods of Studying]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 29, pp. 141–155. DOI 10.17223/22220836/29/13.

Florida, R. (2003). Cities and the Creative Class. In *City & Community*. No. 2, pp. 3–19.

Fomin, M. V., Smirnov, O. O., Miryazov, T. R. (2022). Monogoroda Ural'skogo federal'nogo okruga: matritsa riskov razvitiya [Monotowns of Ural Federal District: The Matrix of Development Risks]. In *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 3, pp. 171–192.

Godina, N. (1988). Mladshii brat Baikala [Baikal's Younger Brother]. In *Vospitat' lyubov'yu*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 54–59.

Golubev, S. V. (2004). Problema “uspekha” i “udachi” v sotsial'noi filosofii [The Problem of “Success” and “Luck” in Social Philosophy]. In *Filosofiya i obshchestvo*. No. 1, pp. 86–99.

Golubeva, O. A. (2008). Iz istorii razvitiya turizma na Yuzhnom Urale v 60–80-kh godakh XX v [From the History of Tourism in the Southern Urals, 1960s–1980s]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 22, pp. 272–277.

Gordeev, S. S., Zyryanov, S. G., Ivanov, O. P., Yakovlev, A. M. (2017). Sotsio-ekologo-ekonomicheskie osnovy razvitiya biosfernogo rezervata v gornozavodskoi territorii Yuzhnogo Urala [Social, Environmental, and Economic Foundations of the Development of Reserve in Industrial Territory of the Southern Urals]. In *Sotsium i vlast'*. No. 5 (67), pp. 91–100. DOI 10.22394/1996-0522-2017-5-83-90.

Gornozavodskoi i industrial'nyi Ural v zerkale stoletii. Antologiya [Mining and Industrial Urals through the Mirror of Centuries. An Anthology]. (2023). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 688 p.

Gravishkis, V. R. (1947). *UralZIS: zametki k istorii Ural'skogo avtomobil'nogo zavoda imeni Stalina* [UralZIS: Notes on the History of the Ural Automobile Plant Named after Stalin]. Chelyabinsk, Chelyabgiz. 72 p.

Iz vystupleniya sekretarya oblastnogo komiteta VKP(b) tov. N. S. Patolicheva na sobranii miasskogo gorodskogo partiinogo aktiva 1/XII 1945 g. [From the Speech of the Secretary of the Regional Committee of the Communist Party Comrade N. S. Patolichev at the Meeting of Miass City Party Leadership, 1.12.1945]. (1945). In *Miasskii rabochii*. No. 144. December 4.

Kochukhova, E. S., Mart'yanov, V. S. (2019). Kreativnyi gorod ili pravo na gorod: al'ternativy urbanisticheskogo razvitiya v rossiiskom kontekste [Creative City or the Right to the City: Alternatives of Urban Development in Russian Context]. In *Antinomii*. No. 19, pp. 45–66. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.1466.

Kolchin, V. P. (1973). Mesta zapovednye [Pristine Places]. In *Izvestiya*. Oct. 23.

Kondrat'ev, S. (1974). Miass – gorod sporta, gorod zdorov'ya [Miass, the City of Sport and Health]. In *Sovetskii sport*. March 6.

Lagunov, A. V. (2014). Ozero Turgoyak – khronika vyzhivaniya [Turgoyak Lake – Chronicles of Survival]. In *Aktual'nye voprosy sovremennogo estestvoznaniya Yuzhnogo Urala. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya I. M. Krashennnikova)*. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 125–134.

- Landry, Ch. (2000). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. L., Comedia. 352 p.
- Leont'ev M. (1987). Ekho fotovystavki [An Echo of Photo Exhibition]. In *Sovetskoe foto*. No. 11, p. 25.
- Luther, H., Rzoska, J. (1971). *Project Aqua: A Source Book of Inland Waters Proposed for Conservation*. Oxford, Edinburgh, Blackwell Scientific Publ. XIV, 239 p.
- Manin, A. V. (1991). *UralAZ: zavod u podnozhiya Il'men* [UralAZ: A Plant at the Foot of Ilmen]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 623 p.
- Matveev, A. A. (2008). *Geograficheskie nazvaniya Urala. Toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals. Toponymic Dictionary]. Yekaterinburg, Sokrat. 352 p.
- Million chelovek v god: kak za pyat' let khotyat izmenit' turizm v Miasse [A Million People per Year: How to Change Tourism in Miass in Five Years]. (2020). In *Delovoi kvartal* [website]. November 5. URL: <https://chel.dk.ru/news/237143355> (accessed: 01.09.2023).
- Mishina, O. K. (2004). Okhrana lesa na Urale vo vtoroi polovine XX veka [Forest Protection in the Urals in the Second Half of the 20th Century]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 141–144.
- Moiseev, A. (1980). Turgoyakskii natsional'nyi park [Turgoyak National Park]. In *Priroda i my*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 92–98.
- Morozov, V. V. (1983). *Miass – gorod v zolotoi doline* [Miass, the City in a Golden Valley]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 189 p.
- Naumova, G. M., Sokolova, Z. A. et al. (Eds.). (1998). *Moi privetlivyi gorod Miass* [My Friendly City of Miass]. Miass, Geotur. 400 p.
- Oleg Sirotin: My mozhem vernut' Miassu status peredovogo naukograda [We Can Give the Status of a Groundbreaking *Naukograd* Back to Miass]. (2019). In *Chelyabinsk segodnya* [website]. November 13. URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/oleg-sirotin-my-mozhem-vernut-miassu-status-peredovogo-naukograda/> (accessed: 01.09.2023).
- Orlov, S. B., Shelegina, O. N. (2019). Naukogrady v Sibiri: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Naukograds in Siberia: Historical and Sociological Analysis]. In *Innovatika i ekspertiza*. No. 1, pp. 155–165. DOI 10.35264/1996-2274-2019-1-155-165.
- Po sovetskomu Uralu. Putevoditel'* [Across the Soviet Urals. Guide]. (1928). Sverdlovsk, Gazetnoe izdatel'stvo Uraloblispolkoma. 276 p.
- Pod pokrovom Il'men. Stranitsy istorii Mashgorodka* [Under the Aegis of Ilmen. History of Mashgorodok]. (2000). Miass, Geotur. 272 p.
- Ponomarenko, E. V. (2008). Formirovanie ansamblya goroda-zavoda Miass na Yuzhnom Urale v XVIII – nachale XX veka [Formation of the Ensemble of Factory City of Miass in the Southern Urals in the 18th – Early 20th Centuries]. In *Acathe demia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. No. 4, pp. 70–75.
- Romanov, G. (1970). Krasnye tyul'pany [Red Tulips]. In *Sovetskii sport*. April 22.
- Ryabinin, B. S. (1976). *Pomogi rodnoi zemle* [Help Your Motherland]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 227 p.
- S. P. (1948). K chetyrekhletiyu so dnya puska UralZIS [Four Years of UralZIS]. In *Miasskii rabochii*. July 9.
- Sementovskii, V. N. (1916). *Turgoyak* [Turgoyak]. Kazan', Tipolitografiya I. N. Kharitonova. 60 p.
- Seregin, I. (1969). Ozero Turgoyak [Lake Turgoyak]. In *Krai rodnoi*, Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 41–44.
- Shcherbina, G. (1987). Sokhranim zhemchuzhinu Urala [Let us Preserve the Pearl of the Urals]. In *Izvestiya*. March 23.
- SKB-385, KB mashinostroeniya, GRTs "KB imeni akademika V. P. Makeeva"* [SKB-385, Constructor Bureau of Machine-Building, GRT "KB Named after Academic V. P. Makeev"]. (2007). Moscow, Voennyi parad. 408 p.
- Solodovnikova, Yu. R. (2022). Analiz turistsko-rekreatsionnykh resursov g. Miassa [Analysis of the Tourist and Recreational Resources of Miass]. In Kulagina, E. V. (Ed.). *Sovremennoe sostoyanie i potentsial razvitiya turizma v Rossii. Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, pp. 37–41.

Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Miasskogo gorodskogo okruga do 2035 goda. Ofitsial'nyi sait administratsii Miasskogo gorodskogo okruga [Strategy of Social and Economic Development of Miass City District until 2035]. (N. d.). In *Ofitsial'nyi sait administratsii Miasskogo gorodskogo okruga*. URL: https://g-miass.ru/files/norm_act/6%20%D0%BE%D1%82%2003.03.2023%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B0%D1%8F.pdf?ysclid=lnhoq8ktxu862288720 (accessed: 01.09.2023).

Trubina, E. G. (2015). "Po-bol'shomu": gorodskaya infrastruktura i vlast' nad prostranstvom ["Going Large": City Infrastructure and Power over Space]. In *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 2, pp. 234–247.

Uskova, A. Yu. (2023). Vliyaniye kreativnoi ekonomiki na intensivatsiyu razvitiya gornolyzhnykh kurortov Rossii [Influence of Creative Economy upon Intensification of Development of Ski Resorts of Russia]. In *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*. No. 1, pp. 41–48. DOI 10.22394/2304-3385-2023-1-41-48.

V budushchem Miass prevratitsya ne tol'ko v "umnyi gorod", no i stanet izvestnym kurortom [In Future, Miass Shall Transform not only into a "Smart City" but Will also Be a Famous Resort]. (2016). In *Miasskii rabochii* [website]. March 22. URL: <https://miasskiy.ru/20160322-v-budushhem-miass-prevratitsya-ne-tolko-v-umnyj-gorod-no-i-stanet-izvestnym-kurortom?ysclid=lnfybigkqw302946063> (accessed: 10.06.2023).

Vandyshchev, M. N., Veselkova, N. V., Pryamikova, E. V. (2013). Mesta pamyati i simvolicheskii kapital territorii v mental'nykh kartakh gorozhan [Places of Memory and the Symbolic Capital of a Territory in the Mental Maps of City Dwellers]. In *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. Vol. 13. No. 3, pp. 101–121.

Velichko, V. (1947). Zhizn', idushchaya vpered... [Life Goes on...]. In *Pravda*. Jan. 10.

Vesnovskii, V. A. (1904). *Illyustrirovanniy putevoditel' po Uralu* [Illustrated Guide of the Urals]. Yekaterinburg, Ural'skaya zhizn'. 442 p.

Zamyatina, N. Yu. (2013). Kreativnyi klass, simvolicheskii kapital i territoriya [Creative Class, Symbolic Capital, and Territory]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 4, pp. 130–139.

The article was submitted on 22.10.2023

Hereditas:
nomina
et scholae

В. Э. Мейерхольд и З. Н. Райх. 1920-е.
Фотография с сайта «Wikimedia Commons».
<https://commons.wikimedia.org/>
V. E. Meyerhold and Z. N. Reich. 1920s

Hereditas: nomina et scholae

Всеволод Мейерхольд: жизнь в ритме эпох*

Владимир Бабенко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Vsevolod Meyerhold: Life in the Rhythm of Epochs

Vladimir Babenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

К 150-летию со дня рождения В. Э. Мейерхольда

This article deals with the personality of V. E. Meyerhold as a multifaceted national genius, whose legacy remains an inexhaustible source of knowledge about theatre art. The stages of his more than forty-year creative path still require attention and study. The author's aim is to draw a human and creative-professional portrait of him against the background of the social changes of the period, the development of his directorial ideas, which were his real life (the idea of the studio, stage constructivism, the combination of horizontal and vertical movements, the actor's progression from gesture and movement to image). The author's task is to determine the peculiarities of his public position after October 1917, to highlight the most significant events in Meyerhold's life and creative work in the 1920s and 1930s, and to explain the reasons for the harsh criticism to which he was subjected. The author of the article uses the method of historical reconstruction of the theatrical process in connection with his personal fate.

Keywords: V. E. Meyerhold, Russian theatre of the early 20th century, avant-garde in art, actor's stage movement, direction

* *Citation:* Babenko, V. (2024). Vsevolod Meyerhold: Life in the Rhythm of Epochs. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 709–726. DOI 10.15826/qr.2024.2.904.

Цитирование: Babenko V. Vsevolod Meyerhold: Life in the Rhythm of Epochs // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 709–726. DOI 10.15826/qr.2024.2.904 / Бабенко В. Всеволод Мейерхольд: жизнь в ритме эпох // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 709–726. DOI 10.15826/qr.2024.2.904.

Рассмотрена личность В. Э. Мейерхольда как многоликого национального гения, наследие которого остается неисчерпаемым источником познаний о театральном искусстве. Этапы его более чем сорокалетнего творческого пути (1896–1939) сегодня по-прежнему требуют внимания и изучения. Цель статьи – с учетом новейших работ о режиссере, об эволюции российского театрального искусства дать его человеческий и творческо-профессиональный портрет на фоне эпохальных социальных перемен, показать движение его постановочных идей, которые и были его главной, истинной жизнью (идея студии, сценического конструктивизма, сочетание горизонтальных передвижений с вертикальными, устремление актера от жеста и движения к образу). В задачу автора входят определение особенностей его общественной позиции после октября 1917 г., выделение наиболее значимых событий жизни и творчества Мейерхольда 1920–1930-х гг., причин жесткой критики, которой он подвергался, реакции режиссера. Используется метод исторической реконструкции театрального процесса в его тесной связи с личной судьбой.

Ключевые слова: В. Э. Мейерхольд, русский театр начала XX в., авангард в искусстве, сценическое движение актера, режиссура

Я часто страдаю, зная, что я не то, чем должен быть.
Я часто в разладе со средой, в разладе с самим собой. <...>
Мое творчество – отпечаток смуты современности.

В. Мейерхольд. Из дневника

Мейерхольд – это как горизонт: чем ближе вы к нему приближаетесь, тем дальше он оказывается.

Д. Д. Шостакович

Всеволод Мейерхольд (09.02.1874–02.02.1940) – гений, навсегда вставший рядом с талантливым тандемом К. С. Станиславский – В. И. Немирович-Данченко. Любое определение его умаляет. Не «темный» гений, по метафорическому высказыванию Ю. Елагина [Елагин], не просто создатель «искусства сознательного театра», как характеризует его М. Гувер [Hoover]. Не «сложный и немилосердный», по отзыву посетительницы его музея-квартиры в Брюсовом переулке Москвы [см.: Музей-квартира Вс. Мейерхольда]. Он вырастает во времени как творческий колосс России, возносящийся к вершинам мирового олимпа. Мейерхольд – это всегда вдруг, всегда взрыв, Мастер, «сын солнца» [Кучкина, с. 212].

В юности, как гласит семейная легенда, он испытал огромное эмоциональное потрясение от прозы Всеволода Гаршина, которое осталось с ним навсегда [Степанова]. В год совершеннолетия он вычеркнул имя немца Карла Казимира Теодора Мейерхольда и решил

выступать под именем Всеволода Мейерхольда, оставив себе имя писателя. В этом решении он, возможно, подражал Гофману. Его любимый немецкий писатель-романтик Эрнст Теодор Гофман, обожествлявший Моцарта, назвал себя именем Амадей.

Особое значение для его формирования как человека театра имела встреча с Александром Павловичем Ленским, актером и режиссером Малого и Александринского театров (1847–1908). Будучи учеником В. И. Немировича-Данченко, Мейерхольд встретился с Ленским на I съезде актеров и запомнил его навсегда: «Ленский говорил большие вещи о культуре. <...> Нас этот съезд перерождал» [Мейерхольд, т. 2, с. 442]¹. Ленский давал молодым установку на эксперименты – ключевое понятие мышления Мейерхольда. Он не устанет ссылаться на авторитет Ленского в своих речах и лекциях вплоть до предсмертного 1939 г.: «Полезно прочесть записки Ленского, как он готовил роли...» (ч. 2, с. 443).

17 декабря 1898 г. в Художественном театре он впервые исполнил роль чеховского Треплева в сверкающей созвездии артистов – О. Л. Книппер, В. В. Лужского, М. П. Лилиной, К. С. Станиславского – и произнес пророческие слова героя «Чайки», предопределившие всю его дальнейшую творческую жизнь: «Современный театр – это рутина, предрассудок. <...> Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» [цит. по: Чехов А., т. 13, с. 8].

Он сыграл Василия Шуйского в спектакле «Царь Федор Иоаннович» и Тузенбаха в «Трех сестрах», познал вкус актерской славы и... покинул театр! Он отправился на поиски новых форм. Уволиться из Художественного театра после успеха в роли Тузенбаха в «Трех сестрах» Чехова? Уйти от лучших режиссеров планеты? Возможно ли такое? Он сделал это в свои 28 лет, покинул Москву и подался на Юг России с мечтой создавать свое, новое, не похожее ни на что. В конце жизненного пути он говорил: «Когда я ушел от Константина Сергеевича, я был актерик и сказал: “Я хочу ставить пьесы”. Ставил восемьдесят пьес в год. Воображаете, что я понаставил? Черт те что!» (ч. 2, с. 475). Творческий голод гнал его подальше от столиц по городам бескрайней империи: Херсон, Николаев, Севастополь, Пенза, Тифлис, Кутаис, Елизаветполь [Там же, с. 311]. Он ставил много (в 1902 г. – 55 работ), сам был и художником, и продюсером, и главным бухгалтером...

Он ставил М. Метерлинка, Г. Гауптмана, Г. Ибсена (1902–1908), пережил увлечение символизмом. Одним из маяков его поколения в ту пору стал Максим Горький. Мейерхольд читал со сцены его «Песню о Соколе», но в дальнейшем он не будет ставить драматургию «буревестника революции». Размышления о реализации новых идей пространственно-живописного решения спектаклей привели режиссера к идее «театральной студии». В 1905-м он вернулся в Мо-

¹ Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте статьи в круглых скобках с указанием части и страницы. – В. Б.

скую и в сотрудничестве со Станиславским организовал Театр-студию на Поварской. Станиславский принял этот термин как синоним «лаборатории» для подготовки, шлифовки начинающих артистов [Стрелева, с. 172–173]. Студия или творческая лаборатория для Мейерхольда – нечто отдельное от репертуарного театра, скованного рамками финплана, графиком премьер, гастрольями. Мейерхольд не представлял себе репертуарный театр без студийности.

Введение нового типа деятельности в театральную практику – дело очень редкое, тем более, если он в корне меняет подход к репетициям. Мейерхольд дал ключ к запуску профессиональной работы нового типа: экспериментов с актерской техникой, светом, звуком, освоением пространства сцены. Значение этого ключа быстро восприняли прогрессивные деятели театра в Европе, где с годами появились понятия *drama workshop*, *laboratory theatre*, *das Studio*, *das Studiotheater*, то есть экспериментальный театр поиска, авангард в противовес коммерческому, буржуазному или театру классических форм.

Концепция складывалась постепенно, многими годами в статьях, собранных в книгу «О театре» (1912), многочисленных речах и беседах с актерами. Он утверждал режиссуру как отдельную важнейшую профессию. Искания, эксперименты в работе над разными спектаклями приведут Мейерхольда к оригинальной разработке следующих принципов работы творческого коллектива с целью точного выполнения установки руководителя:

- режиссер знает идею спектакля, пойдет на любой конфликт с актером или иным работником, ибо абсолютно уверен в себе;
- только он, режиссер, может добиться гармоничного ансамбля;
- все происходящее на сцене должно мгновенно входить в сознание зрителя как знакомый знак, иероглиф, иное излишне;
- важен принцип предыгры, то есть подготовки зрителя к пониманию;
- режиссер строит действие таким образом, чтобы ритм речи актеров полностью не совпадал с ритмом реальной жизни (протест против установки МХТ); законы природы через условность должны быть нарушены до гротеска;
- замысел спектакля подразумевает использование парадокса в композиции и оформлении спектакля.

Он был по натуре прирожденным лидером, поставившим целью ломать классические формы. Острую полемику вызвал его приход в Театр Веры Комиссаржевской, любимицы публики на рубеже XIX–XX вв. Ее жалели, как и ее героинь (Бетси в «Плодах просвещения» Л. Н. Толстого, Ларису в «Бесприданнице» А. Н. Островского, Луизу Миллер Ф. Шиллера): «Несчастливая душа современности – вот что больше всего привлекало в Комиссаржевской» [Кугель, с. 163]. Великая актриса увлеклась Мейерхольдом-режиссером, мечтала о своей студии, жаждала новизны как в репертуаре, так и в актерском искусстве. Летом 1906-го Мейерхольд пришел в ее театр в Петербурге.

За год невероятно интенсивного труда в сотрудничестве с выдающимися художниками сцены, сильно на него влиявшими, выдал полтора десятка работ, среди которых «Балаганчик» А. А. Блока с использованием эстетики итальянского *dell'arte* и «Чудо святого Антония» М. Метерлинка, «Гедда Габлер» и «Комедия любви» Г. Ибсена (худ. Н. Н. Сапунов), «Сестра Беатриса» М. Метерлинка (худ. С. Ю. Судейкин), «Жизнь человека» и «К звездам» Л. Андреева, «Пробуждение весны» Ф. Ведекинда (худ. В. И. Денисов).

В последнем спектакле актеры впервые передвигались не только по горизонтали, как обычно, но и по вертикали. Для режиссера этот прием станет принципиально важным. Общий тон критических статей тогда выразил авторитетный А. Р. Кугель: в Театре Комиссаржевской «свила себе гнездо дух непоседливости, жажда перемен, исканий, путешествий, открытий. “Мейерхольдовский период” был естественным этапом ее жизненной сказки. Этот “период” окончился для нее трагедией. Ее увлечение оказалось дурно помещенным; другие это видели, она – нет» [Кугель, с. 169]². Комиссаржевская терпела убытки, публика оказалась не готова к экспериментам Мейерхольда, который только начал бить стекла и крушить фасады... Требовалось время как ему, так и столичной публике.

В попытке защититься от оскорбительного ярлыка «мейерхольдовщины», подразумевавшего формализм, нечто антирусское и антисоветское, он в 1936-м вспомнит работу у Комиссаржевской и вроде бы покается:

Когда я работал в театре Комиссаржевской... совершенно справедливо мне был брошен упрек в том, что я за укреплением норм живописи на сцене совершенно забыл о человеке. Вот был типичный случай, когда я форму оторвал от содержания, когда для меня человек был только хорошим пятном, чтобы помочь художнику выразить в трехмерности то, перед чем двухмерность отступает (ч. 1, с. 350).

Характерный штрих: он кается не совсем в том, в чем его упрекали советские критики 1930-х. Его покаяние отдает лукавством, речь идет о времени неполной режиссерской зрелости.

В период 1908–1917 гг. случился частичный отход от дерзких экспериментов, они видоизменились, стали менее полемичны. Того требовали обстоятельства. Директор Императорских театров В. А. Теляковский по рекомендации выдающегося художника А. Я. Головина, восхищавшегося тем, как Мейерхольд стремится оформлять спектакли (см.: ч. 2, с. 315), «набрался храбрости» и пригласил Мастера, оценивая его новаторство и значение «режиссерства» [Теляковский, с. 167–168]. Спектакль «У царских врат» по К. Гамсуну директор назвал «самой

² Это было сказано после неожиданной кончины актрисы от оспы на гастролях в Средней Азии, на которые она поехала ради заработка, сказано в состоянии горя, поэтому содержит толику упрека в адрес Мейерхольда.

левой» постановкой, быть может, впервые применив это определение к режиссеру. Критика встретила постановку «в ножи», а Мейерхольда-актера, по свидетельству Теляковского, окрестили «чучелом» [Там же, с. 169]. Между тем, высокий профессионализм режиссера не вызывал сомнения. В сотрудничестве с Головиным он поставил в Мариинском театре оперу В. Глюка «Орфей», а затем и другие оперы. В Александрийском с успехом пошел «Дон Жуан» по пьесе Мольера. Финальным грандиозным аккордом сотрудничества с императорской сценой стала постановка «Маскарада» по М. Ю. Лермонтову (худ. А. Я. Головин), которую и в наши дни изучают как суперклассику.

В предреволюционные годы неотъемлемой составляющей его мышления становится конструктивизм, отчетливо проявившийся в спектакле «Незнакомка» (1914) в зале училища на ул. Моховой (худ. Ю. Бонди). Конструктивизм был ему нужен как «таран против натуралистических деталей на сцене» (ч. 2, с. 496). Мейерхольд шел путем, во многом параллельным пути ведущих российских авангардистов В. В. Кандинского, В. Е. Татлина. Кандинский считал, что открывается «эра целесообразного творчества, когда художник будет гордиться тем, что сможет объяснить свои произведения, анализируя их конструкцию» [Сидорина, с. 88]. Он рассматривал оппозиционные пары «сознательная конструкция – бессознательная конструкция», «открытая конструкция – скрытая конструкция» как «весь диапазон разнообразных степеней участия сознания художника в творчестве» [Там же].

В театральный мир приходят молодые конструктивисты Г. Б. Якулов, В. В. Степанова, Л. С. Попова и др. «Может быть, – писала Е. В. Сидорина, – Мейерхольд был первым, кто откликнулся на характерную конструктивистско-изобретательскую игру» [Там же, с. 95]. Он практически буквально следует пророчеству живописца Ю. П. Анненкова о театре: «Живопись, красочность вообще отходит на второй план, уступая место бегущим линиям, стремительным чертежам, трепетанию диаграмм движения» [Анненков, с. 44]. После 1917 г. такой взгляд станет заветом Мейерхольда самому себе и ученикам.

Ломка всего уклада жизни Российской империи всецело захватила его, новатора-авангардиста по самой сути. После 1917-го он пошел дальше всех и позиционировал себя на крайне левом фланге коммунистического движения. Его облик после освобождения из белогвардейского застенка в Ялте осенью 1919-го почти гротескный: комиссар по театральным делам в сером френче и брюках-галифе, в ботинках с подковами и солдатских обмотках, на голове – фуражка с красной звездой, на шее – красный шарф, в кобуре или в кармане – пистолет! Его не пугало, что в форме красноармейца он «выглядел, как шут гороховый» [Левитин, с. 190]. Таким он вошел в бывший Театр Игнатия Зона на Старой Триумфальной площади и объявил его своим, организовал «мобилизацию» актеров и театральных спецов, потребовал организации в театрах комендатуры, сделал своим рупором газетку «Вестник театра» [см. об этом: Хорт, с. 144–145]. Таким он мог по-

зволить себе закричать на собрании: «Арестую за саботаж!» Он задумал создать «Театр РСФСР – 1» для себя, «Театр РСФСР – 2» для Н. Н. Евреинова (см. его переписку с Евреиновым: [Бабенко, с. 135–136]), и далее – «Театр РСФСР – 3, 4, 5...». Похоже, в те бурные годы он не задумывался о том, что он, вчерашний режиссер Императорских театров, по сути, чужой для «победившего пролетариата», чужой для победивших большевиков-ленинцев... Он поддерживал отношения со Станиславским, с дорогим collega Е. Б. Вахтанговым и его актерами-«солдатами», но важнее оказались творчески-дружеские отношения с В. В. Маяковским, Д. Д. Шостаковичем, С. М. Эйзенштейном, множеством других людей новой формации.

Его первая постановка «Мистерии-буфф» В. В. Маяковского (в сотрудничестве с К. С. Малевичем) стала первым «датским» спектаклем – создавалась к 7 ноября 1918 г. К третьей годовщине революции Мейерхольд поставит «Зори» по Э. Верхарну. «Датские» спектакли станут устойчивой традицией советского театра. Они должны были содержать определенные клише: идею разрыва со старым миром капитализма (в «Мистерии-буфф» 1918-го на сцене рвали старые афиши, выбрасывали старые реликвии и т. п.), победу народных героев над врагами и светлое будущее СССР в самом романтическом свете. В «Зорях» народный герой Жак возглавляет поход крестьян на Великий Город, совершается революция, происходит братание простых людей, рушится Статуя, символизирующая прогнившую власть, и загорается Заря! Мейерхольд ввел в оборот эти клише, и когда в 1937-м покусился на них, это стало финалом его деятельности и жизни.

Мейерхольд создает «1-й самодеятельный театр Красной армии», а 20-летие режиссерской работы отмечает в Большом театре. Вскоре появятся афиши ТИМа, то есть Театра имени Мейерхольда (с 1926-го – ГостИМа).

Революционно-пропагандистское направление легко совмещается у него с интересом к бытовым сюжетам, непристойному фарсу, балагану и цирку. Восторженные зрители качают его актеров по окончании спектакля «Великодушный рогоносец» по пьесе Ф. Кроммелинка, комедии о половой любви и о ревности, лишенной даже намека на революционную пропаганду. Он не собирался ограничивать себя революционными агитками. Вскоре он посвятил памяти Вахтангова фарс «Смерть Тарелкина» по Сухово-Кобылину (24 ноября 1922 г.). Афиша сообщала: «Всеволод Мейерхольд показывает свою новую производственную работу – Смерть Тарелкина. Комедия-шутка в 3-х д. Конструктор В. Ф. Степанова» [см.: Художники русского театра, табл. 125]. Конструктивистка Варвара Степанова работала над оформлением сцены и костюмами. Зрители увидели на сцене то ли клетку, то ли мясорубку на фоне темного мрачного пространства.

Среди новоявленных кремлевских вождей Л. Д. Троцкий казался Мейерхольду ближе других. Троцкий активно вникал в процессы отмирания старого и формирования нового в литературе и искусстве,

формулировал вопросы для обсуждения, волновавшие Мейерхольда: «Социалистический застой или высшая динамика?», «"Реализм" революционного искусства», «Искусство, техника и природа», «Переплавка человека» и т. п. Он издевательски отзывался о новом сословии театральных рецензентов-«левтерецов», слишком радикальных среди самых радикальных (за их левизной «ужасающее скрывается мещанство и ни на грошик революционности», а еще «пошлейшая национальная ограниченность» [Троцкий, с. 98]). Мейерхольд посвятил ему ультралевый спектакль-агитку «Земля дыбом» о восстании солдат во время Первой мировой войны, в самом названии которого отразилась теория перманентной революции Троцкого, подразумевавшая захват всего земного шара (4 марта 1923 г.). Портрет Троцкого занимал левый верхний угол сцены. Конструкция молодой сотрудницы Любови Поповой включала трибуну на колесах и мостовой кран, с которого могла опускаться и подниматься платформа. С трибуны выступал военный. В конструкцию крана была вписана пятиконечная звезда. Троцкий предоставил в распоряжение Мейерхольда грузовик, пулеметы, артиллерийское орудие, три мотоцикла. Грузовик с солдатами и мотоциклами через зрительный зал въезжали на сцену. Афиша гласила: «Действие В. Мейерхольда. Речи С. М. Третьякова. Вещественное оформление Л. С. Поповой» [см.: Музей-квартира Вс. Мейерхольда]. Спектакль за три года прошел 95 раз [Ряпосов, с. 203]. Режиссер получил звание «почетного красноармейца» Москвы.

И. В. Сталин вскоре приступит к разгрому троцкизма, и спектакль станет опасным свидетельством приверженности ему, что после 1928 г. будет вести к расстрелу. В обвинительном заключении 1939 г. будет сказано, что Мейерхольд в 1923 г. был завербован в антисоветскую троцкистскую группу. В ходе мучительных пыток он будет проклинать Троцкого [см. об этом: Солнцева].

Режиссер не особо разбирался в идейно-политических платформах фракций. Его вдохновляли новые возможности развития театра в СССР, подстегивало стремление не отстать от «левого фронта», и он гордился своей позицией № 1. В эпоху повсеместного засилья коммунистических аббревиатур типа РСФСР или ШКРАБ («школьный работник») он создает ГВРМ – ГВТМ или ГВЫРМ (Государственные высшие режиссерские мастерские) плюс персональную Вольную мастерскую (продолжение концепции студии), преобразует ГВЫРМ в ГВЫТМ (театральные мастерские), далее – ГЭКТЭМАС (Государственные экспериментальные мастерские), преобразованный в ГИТИС (Государственный институт театрального искусства). Организует уроки ритмики, танца, акробатики, сценического фехтования, чтения стихов. Если партийное начальство «зажимает» и не дает сцены, он до седьмого пота занимается тренингом в гимнастическом зале. «Мастер», – говорят о нем ученики... Мастер... Гений... «Свой» старик... Среди них Э. П. Гарин, З. Н. Райх, Х. А. Локшина, С. М. Эйзенштейн, С. И. Юткевич. Обучение в Вольной мастерской прошли М. И. Бабанова,

М. И. Жаров, И. В. Ильинский, ставшие славой советского театра и кино. М. А. Чехов наблюдал, как Мастер на ходу импровизирует, показывает новые упражнения, ведущие к новым образам. Замышляя ставить «Гамлета», Чехов начал репетиции с упражнений с мячами:

Мы молча перебрасывались мячами... Нам медленно и громко читали текст пьесы... Мы постигали закон, который проявляется в том, что актер, многократно проделавший одно и то же волевое и выразительное движение, движение, имеющее определенное отношение к тому или иному месту роли, получает в результате соответствующую эмоцию и внутреннее право на произнесение относящихся сюда слов. От движения мы шли к чувству и слову [Чехов М., с. 85].

Мейерхольд ищет и находит, воспитывает, лепит актеров-виртуозов, идущих по «раздетой» сцене через физические состояния, через «точки возбудимости» – к психологизму, духовной наполненности (биомеханика), наставляет начинающих режиссеров Н. П. Охлопкова, В. Н. Плучека. Выступает с докладом «Актер будущего и биомеханика» (ч. 2, с. 486–489).

Рождается новый Мейерхольд. Период НЭПа, когда советское правительство, едва не уморившее население голодом и холодом, оказалось вынуждено пойти на «буржуазные» уступки и разрешило торговлю, кустарное производство, открытие ресторанов и варьете и пр., остро поставил вопрос о влиянии революции и войны на простого человека, на партийного «героя», на романтические и семейные отношения, власть денег и вещей. Героика революции и войны в реальной жизни отходила в прошлое. Мейерхольд выбрасывает лозунг «Назад к Островскому! Назад к Грибоедову! Назад к Гоголю!». Сознывая риски такого творческого поворота, он предусмотрительно опирается на призыв наркома Луначарского «Назад к Островскому!» и с примесью угодливости – на В. И. Ленина, уточняет: «Работая над пьесами классиков и, в частности, над “Лесом”, театр руководствовался указаниями Ленина...» (ч. 2, с. 56). Левый авангардист, он ратует за отображение быта и считает его обязательным, ибо «театр не может игнорировать запросов зрителя». Он – за возвращение академизма: «Нам нужно академическую линию держать, пока мы еще не перешли на рельсы нового репертуара...» (ч. 2, с. 117). Вместе с тем он яростно отстаивает академизм только в условных формах:

Мы – отъявленные сторонники условности, мы не хотим создания иллюзии действительности. Нас не пугает, что в «Ревизоре» была поставлена ширма с одиннадцатью дверьми, что в середине открытых ворот видно, как выехала площадка с горсточкой людей (ч. 2, с. 274).

Режиссер на пике творческой формы создает актуальнейшие спектакли-шедевры «Лес» по А. Н. Островскому (премьера – 19 января

1924 г., спектакль за 14 лет проката поставит своего рода рекорд – 1328 представлений!) [см.: Ряпосов, с. 231–253], «Горе уму» по А. С. Грибоедову (9 марта 1928 г.), «Мандат» по Н. Э. Эрджану (20 апреля 1925 г.), «Ревизор» по Н. В. Гоголю (9 декабря 1926 г.) В «идеологических кандалах» он оставался «великим режиссером, реформатором и творцом новых форм» [см.: Костина, с. 64–65, 140–150]. Спустя много лет Мейерхольд отмечал в «Лесе» «черты здорового народного творчества», которые помогли пьесе удержаться в репертуаре. И в «Мандате» применял «приемы народного театра» (ч. 2, с. 358). Эти четыре спектакля сегодня изучают как вечные образцы сочетания авангарда и классики, обновленных национальных традиций народного психологического реализма. К. И. Чуковский считал, что постановки Мейерхольда «глубоко психологичны. Идиоты видят в них только трюки» (цит. по: ч. 2, с. 536). Между тем, как впоследствии отмечал театровед П. А. Марков, «психология в годы 1920–1925 гг. была инкриминируемым словом в устах театральных критиков» [Марков, с. 187].

Зрители заполняют зал до отказа. В «Лесе» и особенно в «Ревизоре» сенсационно показана жена Мастера Зинаида Николаевна Райх. Знатки женской красоты ходят «на Анну Андреевну» в исполнении Райх в дуэте с «дочерью» Марьей Антоновной (М. И. Бабанова). Режиссер настоятельно рекомендовал актрисам показывать развращенность матери и дочери, не чураться ярких красок. Необыкновенная сексапильность Зинаиды Райх, ее «жадное желание» в сценах с Хлестаковым сменяются чертами подлинной трагической маски. Многие рецензенты в восторге от трактовки жены городничего и от появления новой героини, от трактовки образа Осипа и т. д. [см. об этом: Ряпосов, с. 263–272].

Между тем, председатель реперткома в Наркомате просвещения Осаф Семенович Литовский (изображен как О. Латунский в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова. Маргарита: «Он погубил Мастера»), мнение которого было во многом решающим для властей, промолчав о «Ревизоре», негативно высказался о «Смерти Тарелкина»: «вульгарная буффонада»; о «Горе уму»: «спектакль для немногих театральных спецов». В итоге вынес приговор: «театр явно отрывается от действительности и важнейших тем современности. Он становится “театром для себя”, а не для масс. <...> Театру нужно очень серьезно задуматься о своих дальнейших путях» [Литовский, с. 213, 252].

Михаил Чехов, вскоре покинувший страну Советов из-за плохих предчувствий, наблюдал, как Мейерхольд на обсуждениях его работ не склонял головы перед бездарностью, рядившейся в пролетарскую блузу:

Блестяще вел себя Мейерхольд на таких заседаниях. Он смело и со свойственным ему умом отстаивал наши права и художественную свободу. Многие в этом направлении сделал и Станиславский [Чехов М., с. 163].

Одним из способов борьбы с псевдопролетарской критикой стали встречи Мейерхольда с рабочей аудиторией. Так, в 1928 г. он запланировал гастролы в Свердловске и привез в столицу Урала восемь спектаклей. 2 мая лично вышел на сцену Свердловского театра оперы и балета поприветствовать зрителей и доложить о своей творческой платформе. 23 мая в том же театре прошел диспут о современном театре. Гастролы завершились 26 июня спектаклем «Лес» на открытом воздухе в саду Уралпрофсовета в атмосфере праздника [см. об этом: Матафонова]. В декабре 1928 г. с гордостью заявил: «Рабочие были удивлены, что в московских журналах часто называют пьесы недоступными рабочему зрителю, когда они им были не только доступны, но и понятны» (ч. 2, с. 173).

Уральские гастролы совпали с жестоким разгромом троцкизма после депортации Троцкого в феврале 1928 г. После Свердловска Мейерхольд и Райх уехали во Францию отдыхать и лечиться, готовить гастролы, прожили там пять месяцев, не колеблясь вернулись на родину. Там ждали любимая работа, любимый коллектив, родные дети. В Брюсовом переулке завершилось строительство кооперативного дома для деятелей искусства, где Мейерхольд купил две квартиры, соединил их в одну.

Режиссер не устает в это время подчеркивать полную преданность власти Советов как при формировании репертуара, так и декларативно. Порой по ходу дела жестко и несправедливо «пинает» своих великих современников. Его мишенью неоднократно становился А. Я. Таиров. Когда критика обрушилась на таировских «Богатырей», он также добавил: «Наконец-то стукнули Таирова, как он того заслуживал» [цит. по: Левитин, с. 295]. В беседе о новом своем спектакле «Последний решительный» по В. В. Вишневскому (конец 1930 – начало 1931 г.), этой, по его словам, «апологии Красной армии и Красного флота», он не преминул поддеть МХАТ:

В сцене «У Кармен» раскрывается порочность стиля МХАТ 1 в той мере, в которой этот стиль связан с Достоевщиной и «психоложеством». В краснофлотских сценах, в особенности в сценах «На корабле» и «Застава № 6», утверждается наш стиль, стиль боевого революционного театра, борющегося за торжество коммунизма (ч. 2, с. 45).

Его творческая близость с Вишневским, в прошлом воевавшим в Первой конной армии, фанатичным большевиком, начинавшим репетиции с демонстрации нагана рядом с рукописью пьесы, должна была охладить пыл критиков-доносчиков. Но творческая и личная дружба с Вишневским продолжалась не слишком долго. Вишневский, – говорил Мейерхольд, – потом отрекся от спектакля, «как отрекся и от меня» (ч. 2, с. 358).

Мастер обрел в новой квартире полное личное счастье. Он трогательно заботился о детях, боготворил жену. Максималист во всем,

он даже решил принять ее фамилию и именоваться Мейерхольд-Райх. Он не скрывал своего поклонения, чем на репетициях провоцировал насмешки и выпады актеров и персонала. Он требовал, чтобы ее называли только по имени-отчеству, чтобы на афишах имя писали полностью, в то время как имена других обозначались инициалами. По Москве ходили колкие шутки насчет физических данных актрисы. Он задумал постановку «Гамлета» и отдал роль датского принца Зинаиде Николаевне Райх. В труппе это вызвало выплеск эмоций. Актер, режиссер и ученик Николай Охлопков едко пошутил. Мастер не сдержал гнева и предложил Охлопкову уволиться [см.: Кучкина, с. 165]. Труппа встретила его идею постановки молчаливым саботажем³. Мечта увидеть жену в роли датского принца не казалась Мастеру такой уж абсурдной. Райх примеряла костюм Гамлета и в нем репетировала роль Елены Гончаровой в спектакле «Список благодетелей» по Ю. К. Олеше (1931) (см. ил.: [Кучкина, с. 169]). Но ее Гамлет не состоялся. Не состоится и «Отелло» с ее Дездемоной.

19 марта 1934 г. З. Райх сыграла главную роль в «Даме с камелиями» по мелодраме А. Дюма-сына. В роли Армана Дюваля выступил выдающийся Михаил Царев. Музыкальная партитура В. Я. Шебалина в сотрудничестве с Мейерхольдом. Всеволод Эмильевич придавал музыке едва ли не решающее значение, педантично рассматривал музыкальное сопровождение эпизодов, писал Шебалину подробнейшие инструкции. Ему пригодился богатый опыт постановщика оперных спектаклей. Цветовую гамму он ориентировал на французских импрессионистов: «Couleur locale дан нами так, как любили его показывать на своих полотнах и Э. Мане, и Ренуар» (ч. 2, с. 286). Построение и тональность многих эпизодов он отчасти заимствовал у О. Бальзака и Г. Флобера. «Сцена в “салоне” Олимпии перекликается с пиром в “Шагреновой коже” Бальзака» (там же). Он перечитывал «Лексикон прописных истин», оригинальный юмористический словарь Флобера с расхожими суждениями обывателей и написал реплики мсье Кокардо (такого персонажа нет у Дюма), стилизованные под Флобера.

Всесторонняя образованность, тонкий вкус, безошибочное чутье, кропотливая работа с актерами создали из мелодрамы Дюма-сына спектакль-праздник, вызвавший огромный интерес у самых разных слоев населения и восторг знатоков. Он сотворил вокруг героини «романтический ореол», для чего «пускал в ход традиционные для собственной режиссерской методологии приемы подключения зрительского воображения» [Ряпосов, с. 318]. Мастер обратил особое внимание костюмеров на туалеты Маргерит Готье. Они гармониро-

³ Исполнение роли Гамлета актрисой к тому времени стало некоей устойчивой традицией. Некоторые постановщики трактовали героя Шекспира как нежного и женоподобного. Сара Бернар исполнила эту роль во французском фильме 1910 г. В 1912 г. Алла Назимова играла Гамлета в США. В 1920 г. Аста Нильсен снималась в роли Гамлета в Германии, и не без успеха (об актрисах в роли Гамлета см.: [Юткевич, с. 242–245]).

вали с музыкально-цветовой партитурой и создавали образ хрупкой, болезненной и в то же время душевно сильной героини. В финале она в белоснежном облачении, словно невеста, летит, раскинув руки-крылья, к жениху. Никогда еще Зинаида Райх не выглядела столь беззащитной, привлекательной, ослепительной. Роль Маргерит породила неисчислимое количество ее поклонников, и не только женской прелести, но и артистизма, в котором ей часто отказывали критики. Актриса МХАТ Ангелина Иосифовна Степанова, женщина умная и талантливая, писала ссыльному Н. Э. Эрдману:

Смело можешь хвалить З. Райх и писать ей об успехе не только среди публики, но среди актеров. Три акта она играет очень плохо и необаятельно, несмотря на все ухищрения режиссера, но в конце четвертого акта на нее уже можно смотреть, а последний акт она играет просто хорошо, а значит, для себя гениально. Мне она впервые понравилась, потому что сквозь блестящий мейерхольдовский рисунок роли и мизансцен проглянуло человеческое живое лицо Райх, глаза которой мыслили, плакали и потому впервые трогали [цит. по: Кучкина, с. 180].

Такой отзыв актрисы театра Станиславского дорогого стоит. Осторожная Степанова дала его только в частном письме близкому человеку.

Жизнь страны подчинялась партийным директивам – указаниям И. В. Сталина. 23 апреля 1932 г. Центральный комитет партии принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», которым ликвидировались те творческие объединения, которые признавались тормозящими дело построения нового коммунистического мира. Признанные «вредными» деятели литературы и искусства подлежали наказанию. Постановление радостно приветствовала определенная часть литературно-театральных деятелей, среди которых был и близкий Мейерхольду Вс. Вишневский, назвавший эпоху «сверкающей весной» [цит. по: Анастасьев, с. 109].

Остановив свой выбор на «Даме с камелиями», режиссер давал понять, что он по-прежнему идет своим неповторимым путем без оглядки на директивы, и в присущей ему манере косвенно обосновал свой выбор ссылкой на Ленина. В речи о своем спектакле он подчеркнул его антибуржуазную направленность (героиня – жертва страшного мира собственников) и сослался на рассказ современника, близко знавшего Ленина в эмиграции, о том, что Ленин и Крупская в Женеве смотрели «Даму с камелиями», причем «Ильич стыдливо вытирал слезы» (ч. 2, с. 285). По-видимому, ему обманчиво казалось, что этого достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Мейерхольд с 1918 г. носил в кармане партийный билет. Он считал себя революционером еще с той далекой поры, когда в молодости читал со сцены «Песню о Соколе» М. Горького и писатель подарил ему свою книгу с дарственной надписью. Гостями его квартиры были не только творческие люди, такие как Б. Л. Пастернак, Ю. К. Олеша, Д. Д. Шоста-

кович, О. Л. Книппер-Чехова, с ним дружески общались люди из того, другого мира, о котором нельзя было говорить вслух, люди из «органов», скажем, известный в кругах творческой интеллигенции Яков Агранов (комиссар госбезопасности, один из организаторов Большого террора, входил в художественный совет ГосТИМа). У Мейерхольдов он был просто Янечка Аграныч. Зинаида Николаевна встречала гостей радушно, кокетничала, видела себя одной из законодательниц мод московского бомонда. За Янечкой они с мужем были как за каменной стеной, ведь он – правая рука всемогущего наркома Генриха Ягоды... Мейерхольд был лично представлен И. В. Сталину, вместе с супругой присутствовал в Кремле на праздничных увеселениях. Он пытался завязать личное общение со Сталиным, посылал в 1931 г. ему письмо, на которое, правда, не получил ответа. Почему? Наверное, из-за огромной занятости вождя... Когда в компании велись разговоры на идейно-политические темы, режиссер отмалчивался и давал жене понять, чтобы она следовала его примеру. Она слушалась не всегда, объявляла себя троцкисткой [см.: Кучкина, с. 195].

Режиссера не отпускала русская классика. Вместо того, чтобы задумать спектакль о Ленине или что-то подобное романтико-пропагандистское, он погружается в мир Чехова, отодвигает в сторону его лучшие пьесы – «Чехов “Вишневого сада” и “Трех сестер” совсем не близок нам сегодня» (ч. 2, с. 310) – и обращается к пьескам «Юбилей», «Медведь», «Предложение», трактуя их как «шутки» или «водевили». К 75-летию Чехова рождается спектакль с фарсово-балаганным названием «33 обморока» (25 марта 1935 г.). Теперь Чехов для Мейерхольда – «крепкий соратник наш в борьбе с пережитками омерзительного бытового мещанства во всем его многообразии» (там же). Он находит у Чехова «гиперболизм», гоголевскую веселость, заново изучает «законы сценической игры». Как всегда, много работает над музыкальным оформлением [Рябов, с. 326–327]. Некоторые критики того времени встретили спектакль с недоумением, говорили о полной или частичной неудаче (К. Рудницкий, А. Гладков). Современные театроведы, основываясь на многочисленных отзывах зрителей, пытаются понять смысл сделанного Мейерхольдом. Автор книги об актерах Мейерхольда говорит об усталости режиссера: «Новаторские поиски постепенно превратились в ежедневную рутину» [Хорт, с. 185]. И. В. Ильинский в роли Ломова в «Предложении» в течение 40 минут 12 раз падал в обморок, что далеко от чеховского замысла. Слишком неврастеническое поведение героев лишало пьесу водевильной легкости. И вновь утверждается мнение, что Мейерхольд потерпел неудачу в этой постановке. Театровед Вадим Гаевский увидел в спектакле выражение трагедии Мейерхольда, полного тяжелых мыслей о судьбе страны и остающегося неразумно упрямым в желании оставаться самим собой: «Мейерхольд, страстный визионер, продолжает жить в нереальном мире, изъясняется лозунгами, теряющими всякий смысл. <...> Олицетворение безудержной и безоглядной, а иногда и неразумной бескомпромиссности,

Немирович – олицетворение мудрого компромисса... <...> Диагноз в форме шутки. Анамнез в жанре водевиля. <...> Целая обморочная феерия, обморочный парад, наглядная демонстрация новой техники новых актеров. <...> Кажется, он перегнул через край. Может быть, потому веселый спектакль “33 обморока” и не веселил и не имел успеха. А может быть, насторожила скрытая, впрочем – не очень, независимая и вырвавшаяся из рук автора более широкая метафора: обморочная страна» [Гаевский, с. 234].

Театровед А. Ю. Ряпосов напомнил, что Мейерхольд предостерегал актеров от погони за веселостью и в итоге создал трагический спектакль с фарсовым названием. Ключевым персонажем стал Ломов в исполнении Ильинского: «Одинокий, исподлобья мигающий испуганными глазами на мир, откуда ждут его несчастья» [Ряпосов, с. 333].

Премьера «Обмороков» стала последней в ГосТИМе. Критик Б. В. Алперс произнес ему приговор в статьях «Конец эксцентрической школы» и «Школы и секты»: «Ничего от внутренней жизни человека! Все на поверхности» и т. п. [Алперс, с. 290–294, 295]. Он разнес в пух и прах игру актеров школы Мейерхольда, но метил прежде всего в Мастера.

Осенью 1937 г., когда в стране уже работали расстрельные полигоны, Мейерхольд, одержимый идеей дать новые редакции старым постановкам, занятый сразу множеством творческих проектов, приглашает на прогон готового спектакля «Одна жизнь» по Николаю Островскому, роман которого «Как закалялась сталь» лежит в основе драмы. Это его последний и не дошедший до премьеры «датский» спектакль... к 20-летию Октября. Он по-прежнему пытался приспособиться, желая при этом остаться самим собой. Инсценировка Е. Габриловича. Павел Корчагин – молодой Евгений Самойлов, в будущем гордость советского театра и кино.

Лирическая драма Мейерхольда – Габриловича после дискуссий в Реперткоме была запрещена 14 декабря 1937-го (подробнее см.: [Ряпосов, с. 364–368]). Платон Керженцев, автор книг «Ленинизм», «Чему учит Ленин», «Жизнь Ленина», «Шесть условий тов. Сталина», спровоцировал запрет и полную ликвидацию театра. Он, прежде позитивно оценивавший Мейерхольда, боялся за себя, как и все. Его сняли с постов, правда, дали умереть своей смертью.

В июле 1937-го был арестован «друг семьи» Мейерхольда чекист Яков Агранов, расстрелянный в 1938 г. Сохранялась надежда на поддержку какого-то чиновника из секретариата Сталина (возможно, «особиста» генерала А. Н. Поскребышева, который после войны окажется в лагере). З. Н. Райх в состоянии истерии и депрессии написала Сталину письмо, содержавшее поучительные нотации (апрель 1937-го), несомненно, ускорившее трагическую развязку (текст письма см.: [Кучкина, с. 206–207]).

Смерть К. С. Станиславского, наперекор всему поддержавшего Мейерхольда и приютившего «блудного сына» в своем оперном теа-

тре, выбила из-под ног последнюю опору. Мейерхольд сделал вид, что не боится: «Я привык к гонениям. Гоните меня во все двери. Я пойду. Но я колонн оберегать не намерен (*аплудисменты*)» (ч. 2, с. 475). Арест. Бутырка. Лубянка. Расстрел 2 февраля 1940-го. Прах – вероятно, в каком-то общем захоронении.

Е. Б. Вахтангов: «Мейерхольд гениален... Мейерхольд дал корни театрам будущего. Будущее и возраст ему» (цит. по: т. 2, с. 525).

Библиографические ссылки

Алперс Б. В. Театральные очерки : в 2 т. М. : Искусство, 1977. Т. 2. Театральные премьеры и дискуссии. 519 с.

Анастасьев А. Всеволод Вишневский. М. : Сов. писатель, 1962. 160 с.

Анненков Ю. «Увидев чистую форму, я стал одиноким». Театр до конца / републ., вступ. текст и прим. Е. И. Струтинской // Мнемозина : Документы и факты из истории отечественного театра XX века : ист. альм. Вып. 2 / ред.-сост. В. В. Иванов. М. : Эдиториал УРСС. 639 с.

Бабенко В. Г. Арлекин и Пьеро. Николай Евреинов и Александр Вертинский. Судьбы артистов : (Документы. Размышления, Литературные фантазии). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 368 с.

Гаевский В. Укор владеющей судьбе. Немирович, Мейерхольд и два чеховских спектакля // Наше наследие. 2006. № 79–80. С. 222–235.

Елагин Ю. Всеволод Мейерхольд. Темный гений. М. : Вагриус, 1998. 361 с.

Костина Е. М. Художники сцены русского театра XX века. М. : Рус. слово, 2002. 414 с.

Кугель А. Театральные портреты. Л. : Искусство, 1967. 382 с.

Кучкина О. Зинаида Райх. М. : Искусство – XXI век, 2011. 232 с.

Левитин М. Таиров. М. : Молодая гвардия, 2009. 360 с.

Литовский О. Глазами современника. М. : Сов. писатель, 1963. 348 с.

Марков П. Театральные портреты : сб. ст. М. ; Л. : Искусство, 1939. 232 с.

Матафонова Ю. Как Мейерхольд приезжал к рабочим // Урал : [сайт]. 2016. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/216/5kak-meyerhold-priezzal-k-rabochim.html> (дата обращения: 03.02.2024).

Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы : [в 2 ч.]. М. : Искусство, 1968. Ч. 1. 350 с. Ч. 2. 643 с.

Музей-квартира Вс. Мейерхольда // Бахрушинский музей : [сайт]. URL: <https://www.gctm.ru/branch/mkm/> (дата обращения: 18.04.2024).

Ряпосов А. Ю. Режиссерская методология Мейерхольда. СПб. : Лань : Планета музыки, 2022. 406 с.

Сидорина Е. В. «Амазонки авангарда» и «квадратура конструктивизма» // Амазонки авангарда. М. : Наука, 2001. С. 81–98.

Солнцева А. «Почему мне, тонувшему, никто не протянул руку?»: жизнь и смерть Мейерхольда в письмах и документах // Arzamas : [сайт]. 2024. 09 февр. URL: <https://arzamas.academy/mag/1238-meierhold?ysclid=lw9kzkj7g1630811851> (дата обращения: 12.04.2024).

Степанова Г. Меркурьев, внук Мейерхольда // Совершенно секретно : междунар. ежемесячник расследований : [сайт]. 2011. 24 нояб. URL: <http://sovsecretno.ru/magazines/article/1243> (дата обращения: 12.04.2024).

Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1898–1917. М. : Наука, 1973. 375 с.

Теляковский В. А. Воспоминания. Л. ; М. : Искусство, 1965. 484 с.

Троцкий Л. Д. Статьи об искусстве // Театр. 1989. № 8. С. 82–103.

Хорт А. Смехачи Мейерхольда. М. : Молодая гвардия, 2018. 382 с.

Художники русского театра. 1880–1930 / текст Дж. Боулта. М. : Искусство, 1990. 420 с.

Чехов А. П. Чайка // Чехов А. П. Собр. соч. : в 18 т. М. : Наука, 1978. Т. 13. С. 3–61.

Чехов М. А. Путь актера. М. : АСТ, 2017. 512 с.

Юткевич С. Шекспир и кино. М. : Наука, 1973. 272 с.

Hoover M. Meyerhold. The Art of Conscious Theatre. Amherst : Univ. of Massachusetts Press, 1974. 280 p.

References

Alpers, B. V. (1977). *Teatral'nye ocherki v 2 t.* [Theatre Essays. 2 Vols.]. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2. Teatral'nye prem'ery i diskussii. 519 p.

Anastas'ev, A. (1962). *Vsevolod Vishnevskii* [Vsevolod Vishnevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 160 p.

Annenkov, Yu. (2000). "Uvidev chistuyu formu, ya stal odinokim". *Teatr do kontsa* ["Seeing the pure form made me lonely." Theatre to the End] / ed. by E. M. Strutinskaya. In Ivanov, V. V. (Ed.). *Mnemozina. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka. Istoricheskii al'manakh*. Iss. 2. Moscow, Editorial URSS. 639 p.

Babenko, V. G. (2011). *Arlekin i P'ero. Nikolai Evreinov i Aleksandr Vertinskii. Sud'by artistov. (Dokumenty. Razmyshleniya. Literaturnye fantazii)* [Harlequin and Pierrot. Nikolai Evreinov and Alexander Vertinsky. Fates of Artists. (Documents. Reflections. Literary Fantasies)]. 2nd Ed. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 368 p.

Bowlit, J. (1990). *Khudozhniki russkogo teatra. 1880–1930* [Russian Theatre Artists. 1880–1930]. Moscow, Iskusstvo. 420 p.

Chekhov, A. P. (1978). Chaika [Seagull]. In Chekhov, A. P. *Sochineniya v 18 t.* Moscow, Nauka. Vol. 13, pp. 3–61.

Chekhov, M. A. (2017). *Put' aktera* [The Actor's Path]. Moscow, AST. 512 p.

Elagin, Yu. (1998). *Vsevolod Meierkhol'd. Temnyi genii* [Vsevolod Meyerhold. Dark Genius]. Moscow, Vagrius. 361 p.

Gaevskii, V. (2006). Ukor vladeyushchei sud'be. Nemirovich, Meierkhol'd i dva chekhovskikh spektaklya [Reproach for Destiny's Power. Nemirovich, Meyerhold and Two Chekhov's Plays]. In *Nashe nasledie*. No. 79–80, pp. 222–235.

Hoover, M. (1974). *Meyerhold. The Art of Conscious Theatre*. Amherst, Univ. of Massachusetts Press. 280 p.

Khort, A. (2018). *Smekhachi Meierkhol'da* [Meyerhold's Laughter]. Moscow, Molodaya gvardiya. 382 p.

Kostina, E. M. (2002). *Khudozhniki stseny russkogo teatra XX veka* [Stage Artists of the Russian Theatre of the 20th Century]. Moscow, Russkoe slovo, 414 p.

Kuchkina, O. (2011). *Zinaida Raikh* [Zinaida Reich]. Moscow, Iskusstvo – XXI vek. 232 p.

Kugel', A. (1967). *Teatral'nye portrety* [Theatrical Portraits]. Leningrad, Iskusstvo. 382 p.

Levitin, M. (2009). *Tairov* [Tairov]. Moscow, Molodaya gvardiya. 360 p.

Litovskii, O. (1963). *Glazami sovremennika* [Through the Eyes of a Contemporary]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 348 p.

Markov, P. (1939). *Teatral'nye portrety. Sbornik statei* [Theatrical Portraits. Collection of Articles]. Moscow, Iskusstvo. 232 p.

Matafonova, Yu. (2016). Kak Meierkhol'd priezhal k rabochim [How Meyerhold Visited the Workers]. In *Ural* [website]. No. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/216/5kak-meyerhold-priezzhal-k-rabochim.html> (accessed: 03.02.2024).

Meyerhold, V. E. (1968). *Stat'i, pis'ma, rechi, besedy v 2 ch.* [Articles, Letters, Speeches, Conversations. 2 Parts]. Moscow, Iskusstvo, Part 1. 350 p. Part 2. 643 p.

Muzei-kvartira Vs. Meierkhol'da [V. Meyerhold's Apartment Museum]. In *Bakhrushinskii muzei* [website]. URL: <https://www.gctm.ru/branch/mkm/> (accessed: 18.04.2024).

Ryaposov, A. Yu. (2022). *Rezhisserskaya metodologiya Meierkhol'da* [Meyerhold's Directing Methodology]. St Petersburg, Lan', Planeta muzyki. 406 p.

Sidorina, E. V. (2001). “Amazonki avangarda” i “kvadratura konstruktivizma” [“The Amazons of Avant-garde” and “the Quadrature of Constructivism”]. In *Amazonki avangarda*. Moscow, Nauka, pp. 81–98.

Solntseva, A. (2024). “Pochemu mne, tonuvshemu, nikto ne protyanul ruku?”: zhizn' i smert' Meierkhol'da v pis'makh i dokumentakh [“Why didn't anyone reach out to me, who was drowning?”: Meyerhold's Life and Death in Letters and Documents]. In *Arzamas* [website]. URL: <https://arzamas.academy/mag/1238-meierhold?ysclid=lw9kz kj7g1630811851> (accessed: 12.04.2024).

Stepanova, G. (2011). Merkur'ev, vnuk Meierkhol'da [Merkuryev, Grandson of Meyerhold]. In *Sovershenno sekretno. Mezhdunarodnyi ezhemesyachnik rassledovani* [website]. 24 November. URL: <http://sovsekretno.ru/magazines/article/1243> (accessed: 12.04.2024).

Stroeva, M. N. (1973). *Rezhisserskie iskaniya Stanislavskogo. 1898–1917* [Stanislavsky's Directorial Quest. 1898–1917]. Moscow, Nauka. 375 p.

Telyakovskii, V. A. (1965). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Iskusstvo. 484 p.

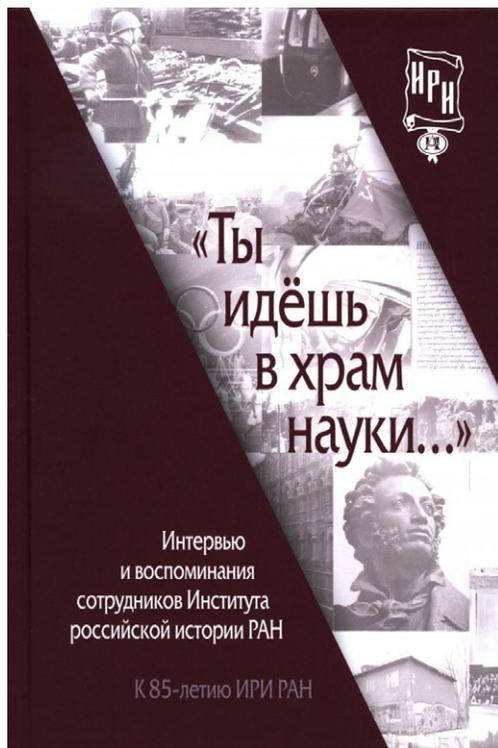
Trotskii, L. D. (1989). Stat'i ob iskusstve [Articles About Art]. In *Teatr*. No. 8, pp. 82–103.

Yutkevich, S. (1973). *Shekspir i kino* [Shakespeare and the Cinema]. Moscow, Nauka. 272 p.

The article was submitted on 07.02.2024

Controversiae
et recensiones

Интервью
и воспоминания
сотрудников Института
русской истории РАН

К 85-летию ИРИ РАН

Controversiae
et recensiones

**Устная история «храма науки»: сборник интервью
и воспоминаний сотрудников
Института российской истории РАН***

*Рец. на кн.: «Ты идешь в храм науки...»: интервью и воспоминания
сотрудников Института российской истории РАН : К 85-летию ИРИ РАН /
авт.-сост. В. Н. Круглов, В. В. Тихонов, Ю. С. Филина. – М. :
Ин-т рос. истории РАН, 2021. – 480 с.*

Ольга Метель

Омский институт водного транспорта – филиал Сибирского
государственного университета водного транспорта,
Омск, Россия

**Oral History of the "Temple of Science": A Collection
of Interviews and Reminiscences of the Staff of the Institute
of Russian History of the Russian Academy of Sciences**

Rev. of: Kruglov, V. N., Tikhonov, V. V., Filina, Yu. S. (Eds.). (2021). *“Ty idesh’
v khram nauki...”: interv’yū i vospominaniya sotrudnikov Instituta rossiiskoi
istorii RAN. K 85-letiyu IRI RAN* [“You are going to the temple of science...”:
Interviews and Memoirs of the Staff of the Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences. The 85th Anniversary of the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 480 p.

Olga Metel

Omsk Institute of the Water Transport – Branch
of the Siberian State University of the Water Transport,
Omsk, Russia

This article analyses *You are going to the temple of science...* (Moscow, 2021),
a collection of interviews and memoirs by employees of the Institute of Russian
History of the Russian Academy of Sciences. The collection was compiled by

* *Citation:* Metel, O. (2024). Oral History of the "Temple of Science": A Collection of Interviews and Reminiscences of the Staff of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 729–740. DOI 10.15826/qr.2024.2.905.

Цитирование: Metel O. Oral History of the "Temple of Science": A Collection of Interviews and Reminiscences of the Staff of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 729–740. DOI 10.15826/qr.2024.2.905 / Метель О. Устная история «храма науки»: сборник интервью и воспоминаний сотрудников Института российской истории РАН // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 729–740. DOI 10.15826/qr.2024.2.905.

V. N. Kruglov, V. V. Tikhonov, and Yu. S. Filina. The author considers the heuristic potential of these texts and the peculiarities of their use in historiographical studies. The interviews are important for the historian of science for two reasons: they provide them with important details of the everyday academic life of the institution (the so-called “historiographical life”), which are difficult or impossible to obtain from other types of documents, and they help to clarify the details found in the office records. The interviews and memoirs of historians in this collection allow the historiographer to get acquainted with the process of a young Soviet historian's entry into a scholarly corporation, to characterise the peculiarities of relations between members of the latter, to show the nature of production processes in Soviet humanities research institutes, to report on the peculiarities of the management of scientific institutes, etc. It is pointed out that the information in these texts should be treated with caution, that they are characterised by a certain subjectivity and reflect the mentality of researchers belonging to the late Soviet generation.

Keywords: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, oral history, interviews, history of science, Soviet historiography

Представлен анализ сборника интервью и воспоминаний сотрудников Института российской истории РАН «Ты идешь в храм науки...», подготовленного усилиями В. Н. Круглова, В. В. Тихонова и Ю. С. Филиной (М., 2021). Автор рецензии размышляет об эвристическом потенциале данных текстов и особенностях их использования в практике историографических и науковедческих исследований. Интервью имеют важное значение для историка науки в силу двух обстоятельств: они сообщают важные детали научной повседневности института (так называемого «историографического быта»), которые сложно или невозможно получить при работе с иными типами документов, и позволяют уточнить те детали, которые мы обнаруживаем в делопроизводственных документах. Интервью и воспоминания историков, собранные в рецензируемом сборнике, позволяют историографу познакомиться с процессом вхождения молодого советского ученого-историка в научную корпорацию, характеризуют особенности взаимоотношений между членами последней, демонстрируют характер производственных процессов в советских научно-исследовательских институтах гуманитарного профиля, сообщают о специфике управления научным институтом и т. п. Указано на необходимость с осторожностью относиться к информации в данных текстах и учитывать, что они отличаются известным субъективизмом и отражают умонастроения исследователей, принадлежащих к позднему советскому поколению.

Ключевые слова: Институт российской истории РАН, устная история, интервью, история науки, советская историография

В конце 2021 г. список «юбилейной» литературы, повествующей об истории отечественных академических институций [Наш философский дом; Институт археологии РАН; Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах], дополнили издания, опубликован-

ные к 85-летию Института российской истории Российской академии наук (далее – ИРИ РАН) [«Ты идешь в храм науки...»¹; Институт российской истории РАН]. Первым стал биобиблиографический словарь сотрудников, сообщающий читателям краткие сведения о более чем 800 историках, преимущественно специалистах по отечественной истории, работавших здесь в 1936–2021 гг. Издание открывается обширным очерком истории института, подготовленным Д. Б. Павловым, В. В. Тихоновым и А. А. Чернобаевым, в котором читателя информируют об этапах развития ИРИ РАН, основных направлениях исследований, неформальных практиках коммуникации внутри корпорации и др. [Институт российской истории РАН, с. 9–78].

Второй том является сборником интервью и воспоминаний ученых, работавших в ИРИ РАН во второй половине XX – начале XXI в. Как следует из предисловия к нему, его подготовка началась еще в 2016 г. в связи с грядущим 80-летием института. Именно тогда его молодые сотрудники В. В. Тихонов и В. Н. Круглов провели серию интервью с рядом ученых (А. И. Аксёновым, В. П. Булдаковым, В. Я. Гросулом, А. Е. Ивановым, Н. А. Ивановой, Т. Ю. Красовицкой, Г. А. Саниным, А. Н. Сахаровым и В. В. Шелохаевым), задав им вопросы о прошлом корпорации (с. 5). В 2021 г. к исследователям присоединилась Ю. С. Филина, и группа продолжила работу над проектом, побеседовав с Ю. А. Петровым, С. В. Журавлёвым и И. М. Пушкарёвой. Кроме того, письменные ответы на вопросы в форме воспоминаний дали Н. Ф. Бугай и М. Г. Вандалковская (с. 35–58, 94–105).

Для специалиста-историографа выход подобных трудов представляет существенный интерес. Биобиблиографический словарь на сегодняшний день является одним из наиболее репрезентативных изданий подобного характера [Ср.: Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.; Историки России конца XIX – начала XXI века; Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории], а значит, может не только стать справочником, но и выступить в качестве важного источника для решения исследовательских задач, связанных с количественным анализом «академического сектора» советской исторической науки. С помощью приведенных данных, например, могут быть сделаны выводы о гендерной структуре института в тот или иной период его истории, об интенсивности публикационной активности сотрудников, о временных промежутках, необходимых для прохождения отдельных этапов карьерной лестницы, и др.

Еще более значима для историка советской исторической науки публикация сборника интервью. На протяжении последних 30 лет отечественная наука получила немало личных свидетельств о советской эпохе, но в распоряжении исследователей оказались преимущественно многочисленные воспоминания [список см.: Тихонов, с. 387–389], ин-

¹ В статье ссылки на рецензируемое издание будут приводиться в круглых скобках с указанием страниц.

формационное насыщение которых нередко было обусловлено задачей «присвоения прошлого»².

Некоторые интервью, близкие к жанру воспоминаний, рисуют те образы, которые сложились у конкретного автора и отложились в его памяти в зависимости от отношения к персонажу. Однако все же при проведении интервью историограф имеет некоторое пространство для маневра и может направить беседу в нужное ему русло, спросив у респондента о том, что вызывает интерес с позиций сегодняшнего дня, но могло ускользнуть от внимания современников или быть сознательно вытеснено ими из пространства публичных высказываний. Так, по справедливому замечанию Т. Н. Ивановой, О. Г. Вязовой и И. А. Липатовой, в рамках интервью респондент может не только воспроизводить элементы коллективных мифов, но и сообщить об отдельных деталях и курьезных случаях, которые, в свою очередь, могут эти мифы разрушить [Иванова, Вязова, Липатова, с. 95].

Следует признать, что В. Н. Круглов, В. В. Тихонов и Ю. С. Филина прекрасно осознали именно исследовательские задачи, стоящие перед учеными, решившими встать на путь работы с устной историей корпорации. Интервьюеры старались отойти от традиций «юбилейного нарратива» и ставили перед респондентами преимущественно проблемные вопросы, не только касающиеся их собственной научной биографии, но и позволяющие осветить «различные стороны жизни института и его коллектива, в том числе и неформальные: ключевые и неизвестные события истории учреждения, будни и праздники, работу дирекции и отдельных подразделений» (с. 6).

Наиболее полный перечень вопросов, заданных респондентам, представлен в письменном интервью Н. Ф. Бугая (с. 35–58). Оно начинается с уточнения причин выбора профессии, далее следуют вопросы о принципах советского исторического исследования, годах обучения в университете, первых шагах в институте, общих условиях научной работы в 1960–1980-е гг., общественных настроениях эпохи, неформальной стороне жизни советских академических учреждений, отношениях с иностранными авторами, изменениях в науке в 1990-е гг. и современной ситуации в академической историографии.

Большинство респондентов охотно отвечали на вопросы своих молодых коллег. Об этом свидетельствует объем представленных материалов: каждое интервью в среднем занимает около 30–40 страниц текста сборника, а воспоминания И. М. Пушкарёвой, трижды беседовавшей с Ю. С. Филиной, и вовсе насчитывают 81 страницу (с. 285–365). Этот вывод подтверждается и характером сообщаемой респондентами информации. Они охотно вспоминают детали повседневной жизни института, забавные случаи из истории секторов, откровенно харак-

² Хрестоматийным стал пример недавней «войны мемуаров», расколовшей отечественных медиевистов на сторонников А. Я. Гуревича и приверженцев Е. В. Гутновой, предложивших два совершенно разных варианта истории корпорации отечественных медиевистов в советский период [Уваров, с. 80–112].

теризуют коллег и практически не уходят от ответа даже на не вполне удобные вопросы.

Публикация рецензируемого издания является важным историографическим фактом. Сборник интервью и воспоминаний позволяет существенно расширить источниковую базу исследований по истории советской историографии 1970–1980-х гг. Ведь в силу ряда причин многие материалы, способные пролить свет на развитие позднесоветской исторической науки, сейчас не могут быть введены в научный оборот: в архивах сохраняется ряд ограничений на использование документов личного характера, источники личного происхождения не всегда публикуются наследниками и т. п. Это объясняет то, что историки охотнее обращаются к советской историографии 1920–1930-х гг., нежели стремятся изучать события вчерашнего дня, которые еще свежи в памяти коллег и могут вызвать очевидный конфликт интерпретаций, способный выйти далеко за рамки сугубо научного спора. Однако совсем отказаться от рассмотрения истории поздней советской науки ученый также не может. Именно поэтому вошедшие в рецензируемый сборник интервью историков, чья научная деятельность пришлась на период второй половины 1960-х – 1980-е гг. (11 из 14 респондентов), так важны для историографа. Они дают возможность поставить и решить целый ряд исследовательских задач, связанных с изучением механизмов функционирования исторической науки в последние два десятилетия истории СССР.

Опубликованные материалы устной истории оказываются важным источником сведений и о самих советских историках, и о респондентах, согласившихся рассказать о своем прошлом, и об их коллегах и современниках, чьи имена вплетены в общую ткань повествования или вызвали специальный интерес у интервьюеров. Ряд авторов (В. Н. Круглов, В. В. Тихонов и Ю. С. Филина) проявляли интерес к фигурам директоров института, уточняли, кого из современников можно было бы считать наиболее талантливым специалистом. Цель подобных вопросов понятна: интервьюеры стремились зафиксировать те устойчивые (и даже в каком-то смысле конвенциональные) образы, которые сохранились в памяти корпорации. Наиболее близким для коллектива, по заключениям респондентов, был П. В. Волобуев (с. 68, 208 и др.), тогда как А. Л. Нарочницкий, или, как называли его подчиненные, «сэр Алекс», напротив, воспринимался с некоторым недоверием (с. 18, 68, 174 и др.).

Характерно, что скандальных материалов или попыток опорочить оппонентов в опубликованных интервью мы не найдем, хотя отказы высказывать некоторые мнения о коллегах присутствуют³. Несмотря на прямые вопросы о специфике взаимоотношений внутри корпорации и указания на известные случаи борьбы с инакомыслием, большинство

³ В. П. Булдаков, например, отказался говорить об А. Н. Сахарове, мотивировав это тем, что «откровенно не любил» его (с. 69).

историков сохранили деловой тон, подчеркивая, что в любой ситуации «все зависело и зависит от конкретных людей, которые во все времена разные» (с. 74). При этом, правда, не скрывалось, что и факты внешнего давления на научное сообщество, и внутренние конфликты между его членами были особенно заметны в 1970–1980-е гг., когда решалась судьба «нового направления»⁴, разгром которого, по единодушному мнению респондентов, не имел под собой научных оснований.

Отражение судьбы «нового направления» в интервью и воспоминаниях сотрудников ИРИ РАН представляет интерес в связи как с рассмотрением паттернов поведения научной корпорации историков 1970-х гг., так и с детальным изучением этого историографического феномена, вызывающего немало вопросов у современных специалистов [Поликарпов; Осадченко; Киселев]. Респонденты, транслируя известные общепринятые оценки, отмечают оригинальный характер идей его представителей и несправедливое отношение к ним со стороны академической администрации и контролирующих структур. Именно поэтому, несмотря на то, что интервью не позволяют восстановить хронологию событий, их материалы могут оказаться важным свидетельством того образа «нового направления», который закрепился в корпоративной памяти отечественных историков.

Опубликованные материалы выступают также важным источником сведений о механизмах работы советских академических институтов. Это приобрело особую актуальность в последнее время, когда интерес научного сообщества отчетливо сместился от антропологической проблематики к институциональной и сюжеты, связанные с анализом деятельности научных институций, заняли важное место в науковедческих и историографических изысканиях. Для их изучения исследователи привлекают преимущественно делопроизводственные документы, отложившиеся в центральных и ведомственных архивах, дополняя их, если это возможно, данными источников личного происхождения⁵.

Однако для изучения деятельности академических институтов 1970–1980-х гг. подобные источники бывают малоинформативными. В рамках сложившейся системы привычные и понятные ее членам процедуры отнюдь не всегда получали развернутую письменную фиксацию. Если принять в расчет сказанное, становится понятно, что прямые вопросы об институтских буднях преследовали вполне очевидную цель – отразить практики работы советских ученых в стенах одного из главных академических институтов СССР исторического профиля.

⁴ В историографии под «новым направлением» понимают «группу исследователей, которая занималась изучением социальных, экономических и политических проблем истории России конца XIX – начала XX в.», их объединяло желание отказаться от установок догматического марксизма и разобраться в том, как происходило становление капитализма в России [Заболотный, Камынин, с. 112–113].

⁵ Примером может служить работа А. В. Шаровой по реконструкции практики контроля над сотрудниками Института истории АН СССР в предвоенный период [Шарова].

И стоит отметить, что в своих ответах респонденты охарактеризовали особенности организации повседневных рабочих процессов в институте, практику принятия решений (публикация научных трудов, принятие к защите докторских и кандидатских диссертаций и др.), а также фиксировали материальные проблемы.

Наиболее значимым явлением, на которое историограф может обратить внимание в интервью, стоит назвать то, что в 1970–1980-е гг. сотрудники Института истории СССР были освобождены от постоянного контроля за их повседневной деятельностью. А. И. Аксёнов, например, припомнил слова Н. И. Павленко, с 1969 г. возглавлявшего сектор источниковедения, который говорил молодым сотрудникам при приеме на работу, что они будут работать в учреждении, где «сами себе вольны» и могут «легко... впасть в один грех – это грех ничегонеделания» (с. 24), а Н. А. Иванова пояснила, что причина этих «вольностей» (которые периодически пытались ликвидировать) весьма прозаична – институт не располагал площадями, где в течение рабочего дня могли бы разместиться все сотрудники (с. 204). В результате, как и в других институтах АН СССР, здесь были установлены присутственные дни, когда историки участвовали в заседаниях секторов и могли обсудить волновавшие их вопросы.

Такой режим работы, по словам И. М. Пушкарёвой, установился далеко не сразу и распространялся не на всех сотрудников. В 1950-е гг. только кандидаты и доктора наук могли бывать в институте в присутственные дни, тогда как младшие научные сотрудники должны были ежедневно находиться в своих секторах (с. 324), кроме того, по словам респондентки, нельзя было самовольно уйти даже в библиотеку или архив для работы с необходимыми материалами, а когда это становилось возможным, то следовали новые проверки, связанные с контролем за присутствием в этих учреждениях (с. 325).

В 1970–1980-е гг. историки также не могли полностью распоряжаться своим временем. В условиях плановой экономики они должны были в течение каждой пятилетки разрабатывать новую научную тему. Контроль за ее реализацией технически осуществлялся системой план-карт: сотрудники института заполняли специальные «тетрадки, где записывались каждый сотрудник, его плановая тема и что он должен сделать в этом году» (с. 204), и с определенной периодичностью формально отчитывались о выполнении внесенных в эти документы заданий. Срывы в разработке темы, безусловно, бывали, однако, как вспоминает Н. А. Иванова, в 1970–1980-е гг. это практически не имело серьезных последствий для сотрудника, который просто переносил тему на следующий год (с. 205).

В сборнике представлено немало сведений о производственных процессах и деятельности отдельных подразделений института. Респонденты приводят информацию о графике прохождения рукописей, роли редакционно-издательского отдела, о замечаниях в работе дирекции и др. Наиболее распространенной формой совместной

деятельности членов сектора выступали коллективные монографии, вызывавшие известное раздражение у сотрудников, но позволявшие эффективно осуществлять контроль за их деятельностью и демонстрировать единство взглядов советских специалистов (с. 75–76, 175, 242–243 и др.).

Наиболее подробно интервьюеры просили рассказать о деятельности парткома и профкома института, ответы их собеседников были похожи. Председатели профкома, парткома и месткома при всех нюансах их деятельности принимали участие в принятии важных производственных решений и «на общественных началах» определяли вектор развития института (с. 119). Их члены могли оказать давление на дирекцию и другие инстанции и даже опротестовать решение об увольнении сотрудника (с. 177). Иными словами, они не воспринимались как «чужие», напротив, выступали важной частью корпорации. И, как убедительно показал А. В. Свешников на примере позднесоветских университетов, в случае конфликта внутри сообщества могли взять на себя функцию проведения профессиональной экспертизы [Свешников, с. 281].

Из рассказов респондентов вырисовывалась материальная сторона институтской повседневности: уровень заработной платы или гонорара, который мог получить ученый за публикацию монографии или статьи в журнале, способы распределения дефицитных товаров и иных материальных благ, техническая оснащенность института и др. Именно жанр интервью, предполагающий, что респондент может пояснить сообщаемые сведения, позволяет понять специфику материальной составляющей советской эпохи, реалии которой постепенно исчезали из коллективной памяти ученых. Так, к примеру, факт приобретения копировальной техники рассматривался как значимое событие, ведь ее использование строго контролировалось, чтобы не допустить распространения запрещенных изданий.

Достаточно подробно освещены неформальные коммуникации между сотрудниками, уточнены особенности организации капустников, вечеров, танцев и подобных форм проведения досуга. А. И. Аксёнов с удовольствием вспоминает, что застолья позднесоветского периода запомнились ему очень хорошо и «все это было круто тогда» (с. 72), а В. Я. Гросул, занимавший пост председателя профкома и участвовавший в организации подобных мероприятий, вспоминает, что на них приглашали актеров московских театров, организовывали экскурсии в подмосковные города, для детей сотрудников проводили новогодние елки (с. 116–117).

Неформальная составляющая жизни института не сводилась к проведению праздников и капустников. Интервьюеры просили рассказать о неписаных профессиональных нормах, пронизывавших жизнь корпорации. Они спрашивали о факторах, влиявших на продвижение по карьерной лестнице, к примеру, о «приличном» возрасте для защиты диссертации. Ответы на подобные вопросы дают

дополнительный материал для изучения иерархической структуры сообщества [Долгова, с. 177–197]. Многие опрошенные авторы подчеркнули, что защита докторской диссертации в возрасте до 40 лет в это время считалась чем-то экстраординарным и даже «неприличным». В. Я. Гросул, защитивший ее в 36 лет, заявил, что стал самым молодым доктором исторических наук в СССР, хотя вынужден был пойти на этот шаг из-за болезни отца (с. 115), а выбор тематики научной работы аспирантов и молодых сотрудников зависел не только от ее «проходимости» и обеспеченности источниками, но и от заинтересованности в изучении данной проблемы со стороны старших коллег. И. М. Пушкарёва вспоминает, что вынуждена была отказаться от анализа наследия Т. Н. Грановского (с. 357), так как эта тема уже разрабатывалась историком-медиевистом С. А. Асиновской [см.: Асиновская].

Продолжая разговор о научных коммуникациях, интервьюеры обратились к вопросу о внешних связях ученых института, а именно – о специфике их взаимодействия с иностранными коллегами⁶. Интервью дают любопытный материал для изучения подобных сюжетов, которые могут занимать весьма скромное место в официальных отчетах. Так, сотрудники института вспоминают об опыте допуска в заграничные командировки (получение разрешений, прохождение инстанций и др.), их типах (включая феномен «научного туризма»), специфике взаимодействия с коллегами из зарубежья, механизмах контроля за связями с иностранцами и др.

Таким образом, в интервью представлена своеобразная панорама научной и повседневной жизни сотрудников Института истории АН СССР / Института истории СССР АН СССР в поздний советский период и сообщены важные детали историографического быта, которые не всегда можно выявить при работе с источниками иных типов.

Размышляя об эвристическом потенциале сборника, необходимо учитывать характер этого источника, дающего возможность уловить самоощущение представителей последнего поколения советских ученых, зафиксировать элементы их картины мира, продемонстрировать характерные для них модели объяснения прошлого и настоящего. Интервью дают ценную информацию не только о конкретных событиях в истории советской науки, но и о настроениях ученых, переживших эту эпоху, позволяют услышать голоса старших коллег, что облегчает диалог между поколениями историков и делает прошлое корпорации не ареной борьбы «правильных» и «неправильных» интерпретаций, а пространством жизни исследователей целой эпохи.

⁶ Интерес к связям с границей можно считать своеобразной данью современности – на протяжении последних десятилетий проблема научных контактов советских специалистов с зарубежьем неизменно привлекает внимание историографов, которые стремятся реконструировать как индивидуальный опыт отдельных ученых, так и общие тенденции в развитии «научной дипломатии» [Гришина; Ковалев, Груздинская; Ковалев].

Библиографические ссылки

Асиновская С. А. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 166 с.

Гришина Н. В. «...возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // *Вестн. Том. гос. ун-та. История.* 2018. № 51. С. 28–36. DOI 10.17223/19988613/51/4.

Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М. : РГГУ, 2020. 469 с.

Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. К вопросу о месте «нового направления» в отечественной историографии // *Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу.* Екатеринбург : Волот, 1996. С. 112–115.

Иванова Т. Н., Вязова О. Г., Липатова И. А. Память университетской корпорации: проблемы сохранения и анализа // *Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманитарные науки.* 2016. № 4. С. 89–97.

Институт археологии РАН: 100 лет истории / под ред. Н. А. Макарова. М. : Ин-т археологии РАН, 2019. 319 с.

Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2016. Вып. 1. 317 с.

Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. : Очерк истории : биобиблиогр. словарь / отв. ред. Ю. А. Петров, А. А. Чернобаев. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2021. 656 с.

Историки России конца XIX – начала XXI века : биобиблиогр. словарь : в 3 т. / сост. А. А. Чернобаев. М. : Собрание, 2016–2017.

Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории : биобиблиогр. словарь / авт.-сост. А. А. Аникеев, М. С. Бобкова. 2-е изд., испр. и доп. М. : [Б. и.], 2009. 339 с.

Киселев М. А. «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...»: конфликт вокруг «нового направления» в Свердловске в переписке В. Я. Кривоногова и Н. М. Дружинина // *История : электрон. науч.-образоват. журн. : [сайт].* 2022. Т. 13, № 4 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840020704-3-1/> (дата обращения: 30.05.2024). DOI 10.18254/S207987840020704-3.

Ковалев М. В. Российско-португальские научные связи на рубеже XIX–XX вв. и Франсишку Афонсу Шавиш (1857–1926) и отечественная наука // *Россия XXI.* 2020. № 6. С. 10–29.

Ковалев М. В., Груздинская В. С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: отчет представителя «British Council» в СССР Брендэ Трипп о поездке британской делегации в Москву и Ленинград на празднование 220-летнего юбилея Академии наук СССР, июль 1945 г. // *Ист. архив.* 2020. № 4. С. 87–107.

Наш философский дом: к 80-летию Института философии РАН / под ред. А. А. Гусейнова. М. : Прогресс-традиция, 2009. 524 с.

Осадченко Б. А. Поиски на гранях марксистской парадигмы. «Новое направление», его основные представители, теоретико-методологические позиции // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века* / под ред. В. П. Корзун. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 562–575.

Поликарпов В. В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // *Сов. историография* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : РГГУ, 1996. С. 349–400.

Свешиников А. В. Самоэкспертиза советского университета эпохи позднего социализма // *Неприкосновенный запас.* 2017. № 3 (113). С. 274–293.

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.

«Ты идешь в храм науки...»: интервью и воспоминания сотрудников Института российской истории РАН : К 85-летию ИРИ РАН / авт.-сост. В. Н. Круглов, В. В. Тихонов, Ю. С. Филина. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2021. 480 с.

Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 280 с.

Шарова А. В. Дисциплинированные ученые: Институт истории АН СССР в 1939–1940 гг. // Советская гуманитаристика. Мечты и прагматика в 1920–1950-е гг. : сб. ст. / под ред. Е. А. Долговой. М. : РГГУ, 2020. С. 234–243.

References

Anikeev, A. A., Bobkova, M. S. (Eds.). (2009). *Istoriki Rossii. Kto est' kto v izuchenii zarubezhnoi istorii. Biobibliograficheskii slovar'* [Russian Historians. Who is Who in the Study of Foreign History. Biobibliographical Dictionary]. 2nd Ed. Moscow, S. n. 339 p.

Asinovskaya, S. A. (1955). *Iz istorii peredovykh idei v russkoi medievistike (T. N. Granovskii)* [From the History of Advanced Ideas in Russian Medieval Studies (T. N. Granovsky)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 166 p.

Chernobaev, A. A. (Ed.). (2016–2017). *Istoriki Rossii kontsa XIX–nachala XXI veka. Biobibliograficheskii slovar' v 3 t.* [Russian Historians of the Late 19th–Early 21st Centuries. Bibliographic Dictionary. 3 Vols.]. Moscow, Sobranie.

Dolgova, E. A. (2020). *Rozhdenie sovetskoï nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 469 p.

Grishina, N. V. (2018). "...vozmozhnost' proekhat'sya i podyshat' zapadnoevropeiskim vozdukhom": vzaimootnosheniya nauki i vlasti v sfere zagranichnykh komandirovok v 1920-e gg. ["...the opportunity to ride and breathe the Western European air": The Relationship of Science and the Authorities in the Field of Foreign Business Trips in the 1920s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 51, pp. 28–36. DOI 10.17223/19988613/51/4.

Guseinov, A. A. (Ed.). (2009). *Nash filosofskii dom: k 80-letiyu Instituta filosofii RAN* [Our Philosophical House: The 80th Anniversary of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Progress-traditsiya. 524 p.

Ivanova, T. N., Vyazova, O. G., Lipatova, I. A. (2016). Pamyat' universitetskoï korporatsii: problemy sokhraneniya i analiza [Memory of the University Corporation: Issues of Preservation and Analysis]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 89–97.

Kiselev, M. A. (2022). "Nasha provintsial'naya zhizn' imeet svoi tenevye storony...": konflikt vokrug "novogo napravleniya" v Sverdlovsk v perepiske V. Ya. Krivonogova i N. M. Druzhinina ["Our provincial life has its shadow sides...": The Conflict Around the "New Trend" in Sverdlovsk in the Correspondence of V. Ya. Krivonogov and N. M. Druzhinin]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. Vol. 13. No 4 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840020704-3-1/> (accessed: 30.05.2024). DOI 10.18254/S207987840020704-3.

Kovalev, M. V. (2020). Rossiisko-portugal'skie nauchnye svyazi na rubezhe XIX–XX vv. i Fransishku Afonsu Shavish (1857–1926) i otechestvennaya nauka [Russian-Portuguese Scientific Relations at the Turn of the 20th Century and Francisco Afonso Chaves (1857–1926) and Russian Science]. In *Rossiya XXI*. No. 6, pp. 10–29.

Kovalev, M. V., Gruzinskaya, V. S. (2020). "Vse byli ochen' vpechatleny druzhelyubiem, gostepriimstvom i entuziazmom sovetskikh uchenykh": otchet predstavatelya "British Council" v SSSR Brendy Tripp o poezdke britanskoi delegatsii v Moskvu v Leningrad na prazdnovanie 220-letnego yubileya Akademii nauk SSSR, iyul' 1945 g. ["Everyone was very impressed by the friendliness, hospitality, and enthusiasm of the Soviet scientists": The Report of Brenda Tripp, the Representative of the British Council in the USSR, on the Trip of the British Delegation to Moscow and Leningrad to Celebrate the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences, July 1945]. In *Istoricheskii arkhiv*. No. 4, pp. 87–107.

Kruglov, V. N., Tikhonov, V. V., Filina, Yu. S. (Eds.). (2021). "Ty idesh' v khram nauki...": interv'y u i vospominaniya sotrudnikov Instituta rossiiskoi istorii RAN. K 85-letiyu IRI RAN ["You are going to the temple of science...": Interviews and Memoirs of the Staff

of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. The 85th Anniversary of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 480 p.

Makarov, N. A. (Ed.). (2019). *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii* [The Institute of the Archaeology of the Russian Academy of Sciences: 100 Years of History]. Moscow, Institut arkheologii RAN. 319 p.

Osadchenko, B. A. (2005). Poiski na granyakh marksistskoi paradigmy. „Novoe napravlenie”, ego osnovnye predstaviteli, teoretiko-metodologicheskie pozitsii [The Researches on the Edges of the Marxist Paradigm. “New Trend”, Its Main Researchers, Theoretical and Methodological Positions]. In Korzun, V. P. (Ed.). *Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 562–575.

Petrov, Yu. A., Chernobaev, A. A. (Eds.). (2021). *Institut rossiiskoi istorii RAN 1936–2021 gg. Ocherk istorii. Biobibliograficheskii slovar'* [The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences 1936–2021. An Outline of History. Biobibliographic Dictionary]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 656 p.

Polikarpov, V. V. (1996). “Novoe napravlenie” 50–70-kh gg.: poslednyaya diskussiya sovetskikh istorikov [“New Trend” of the 50s–70s: The Last Discussion of Soviet Historians]. In Afanas'ev, Yu. N. (Ed.). *Sovetskaya istoriografiya*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 349–400.

Sakharov, A. N. (Ed.). (2016). *Institut istorii Akademii nauk SSSR v dokumentakh i materialakh* [Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in Documents and Materials]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. Iss. 1. 317 p.

Sharova, A. V. (2020). Distsiplinirovannye uchenye: Institut istorii AN SSSR v 1939–1940 gg. [Disciplined Scientists: Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1939–1940]. In Dolgova, E. A. (Ed.). *Sovetskaya gumanitaristika. Mechty i pragmatika v 1920–1950-e gg. Sbornik statei*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 234–243.

Sveshnikov, A. V. (2017). Samoekspertiza sovetskogo universiteta epokhi pozdnego sotsializma [Self-Examination of a Soviet University of the Late Socialist Era]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3 (113), pp. 274–293.

Tikhonov, V. V. (2016). *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [The Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (Mid-1940s – 1953)]. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 424 p.

Uvarov, P. Yu. (2015). *Mezhdru “ezhami” i “lisami”*: zametki ob istorikakh [Between “Hedgehogs” and “Foxes”: Notes on Historians]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p.

Zabolotnyi, E. B., Kamynin, V. D. (1996). K voprosu o meste “novogo napravleniya” v otechestvennoi istoriografii [On the Question of the Place of the “New Trend” in Russian Historiography]. In *Problemy istorii Rossii: ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu*. Yekaterinburg, Volot, pp. 112–115.

The article was submitted on 01.02.2024

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Бабенко Владимир Гаврилович, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
vlad.gavrilovich.b@yandex.ru

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4596-8854
k.d.bugrov@gmail.com

Вачева Ангелина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы факультета славянских филологий, Софийский университет имени святого Климента Охридского.

1504, Болгария, София, бульвар Царя-освободителя, 15.
ORCID 0000-0002-3253-4192
avacheva@slav.uni-sofia.bg

Видничук Анастасия Олеговна, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-5413-5133
avidnichuk@hse.ru

Викторова Татьяна, доктор филологических наук, профессор, Страсбургский университет.

CS 90032, Франция, Страсбург, ул. Блеза Паскаля, 4.
ORCID 0000-0002-2607-7693
tatiana.victoroff@gmail.com

Гурьянова Наталья Сергеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
ORCID 0000-0002-8957-2018
gurian@academ.org

Ичин Корнелия, доктор филологических наук, профессор, Белградский университет.

11000, Сербия, Белград, Студенческая пл., 1.
ORCID 0000-0002-0943-4660
kornelijaicin@gmail.com

Клопфенштейн Мэттью, PhD, заместитель директора национальных стипендий, Университет Южной Каролины.
29208, США, Южная Каролина, Колумбия.
ORCID 0000-0003-0270-7520
matthew.klopfenstein87@gmail.com

Манин Даниил Олегович, ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0141-8009
daniil-manin@mail.ru

Медведев Александр Александрович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.
ORCID 0000-0002-7450-5373
amedv1@yandex.ru

Меньщикова Анна Манасовна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-2084-9912
menanman@inbox.ru

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Омский институт водного транспорта – филиал Сибирского государственного университета водного транспорта.
644002, Россия, Омск, ул. Ивана Алексея, 4.
ORCID 0000-0001-6981-6137
olgametel@yandex.ru

Новикова Арина Дмитриевна, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-9614-3836
arinaco17@gmail.com

Пирогова Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет.
620012, Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
eprirogova@yandex.ru

Русаковский Олег Владимирович, PhD, независимый исследователь, Ереван, Армения.
ORCID 0000-0001-7065-2993
ruso0504@gmail.com

Сак Ксения Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
ORCID 0000-0003-3029-9464
ksenia.sak@gmail.com

Симян Тигран Сержикович, доктор филологических наук, профессор, Ереванский государственный университет.
0025, Армения, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1.
ORCID 0000-0001-9534-3505
tsimyan@ysu.am

Снигирева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0003-3795-963X
tas0905@rambler.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Созина Елена Константиновна, доктор филологических наук, заведующий центром истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-7462-4153
elenasozina1@rambler.ru

Созинова Ксения Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6980-5881
makrushina86@list.ru

Соловьева Вера Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей политической истории России.
197046, Россия, Санкт-Петербург, ул. Куйбышева, 2-4.
ORCID 0009-0000-9240-7649
vervalsol@gmail.com

Суворова Анна Александровна, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.
191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.
ORCID 0000-0002-6421-8514
suvorova_anna@mail.ru

Babenko Vladimir, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
vlad.gavrilovich.b@yandex.ru

Bugrov Konstantin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-4596-8854
k.d.bugrov@gmail.com

Gurianova Natalya, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8, Nikolayev Str, 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0002-8957-2018
gurian@academ.org

Ićin Kornelija, Dr. Hab. (Philology), Professor, University of Belgrade.
1, Student Sq., 11000, Belgrade, Serbia.
ORCID 0000-0002-0943-4660
kornelijaicin@gmail.com

Klopfenstein Matthew, PhD, Assistant Director of National Fellowships, University of South Carolina.
29208, Columbia, South Carolina, USA.
ORCID 0000-0003-0270-7520
matthew.klopfenstein87@gmail.com

Manin Daniil, Teaching Assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0141-8009
daniil-manin@mail.ru

Medvedev Aleksandr, PhD (Philology), Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University.
23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
ORCID 0000-0002-7450-5373
amedv1@yandex.ru

Menshchikova Anna, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2084-9912
menanman@inbox.ru

Metel Olga, PhD (History), Head of the Department of the Humanities, Omsk Institute of Water Transport – Branch of the Siberian State University of Water Transport.

4, Ivan Alekseev Str., 644002, Omsk, Russia.
ORCID 0000-0001-6981-6137
olgametel@yandex.ru

Novikova Arina, Research Assistant, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-9614-3836
arinaco17@gmail.com

Pirogova Elena, PhD (History), Associate Professor, Russian State Vocational-Pedagogical University.

11, Mashinostroitelei Str., 620012, Yekaterinburg, Russia.
epirogova@yandex.ru

Rusakovskiy Oleg, PhD, Independent Researcher, Yerevan, Armenia.

ORCID 0000-0001-7065-2993
ruso0504@gmail.com

Sak Ksenia, PhD (History), Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-3029-9464
ksenia.sak@gmail.com

Simyan Tigran, Dr. Hab. (Philology), Professor, Yerevan State University.

1, Alex Manoogian Str., 0025, Yerevan, Armenia.
ORCID 0000-0001-9534-3505
tsimyan@ysu.am

Snigireva Tatyana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-3795-963X
tas0905@rambler.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Solovyeva Vera, PhD (History), Senior Researcher, Museum of the Political History of Russia.

2-4, Kuybyshev Str., 197046, St Petersburg, Russia.

ORCID 0009-0000-9240-7649

vervalsol@gmail.com

Sozina Elena, Dr. Hab. (Philology), Head of the Centre of the History of Literature, Institute of History, and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-7462-4153

elenasozina1@rambler.ru

Sozinova Kseniya, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6980-5881

makrushina86@list.ru

Suvorova Anna, Dr. Hab. (Art History), Herzen University.

48, Moika Embankment, 191186, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6421-8514

suvorova_anna@mail.ru

Vacheva Angelina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Literature of the Faculty of Slavonic Studies, Sofia University “St Kliment Ohridski”.

15, Tsar Osvoboditel Blvd., 1504, Sofia, Bulgaria.

ORCID 0000-0002-3253-4192

avacheva@slav.uni-sofia.bg

Victoroff Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Strasburg University.

4, rue Blaise Pascal, CS 90032, Strasbourg, France.

ORCID 0000-0002-2607-7693

tatiana.victoroff@gmail.com

Vidnichuk Anastasiya, Junior Researcher, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-5413-5133

avidnichuk@hse.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

ГАРО – Государственный архив Ростовской области
GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы Российской академии наук
IRLI RAN – Institut russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk

ЛОКАФ – Литературное объединение Красной армии и флота
LOKAF – Literaturnoe ob'edinenie Krasnoi armii i flota

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского
Института истории Российской академии наук
NIA SPbII RAN – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta
istorii Rossiiskoi akademii nauk

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической
истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы
RO IRLI – Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества
SIRIO – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva

AAE – Archive du ministere des affaires étrangères

TNA – The National Archives

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 12, 2024, № 2

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 12.07.2024. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 36,8. Усл. печ. л. 34,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 116.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru